ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 6 / 2013
НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсоцинбанк»

Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ

Редколлегия:
Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Виктор КОВРИЖНЫХ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Владимир СОКОЛОВ,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

Содержание

ЮБИЛЕЙ ТАШТАГОЛА

Интервью главы Таштагольского района Владимира Макуты члену редколлегии журнала «Огни Кузбасса» Олегу Максимову 3

ПОЭЗИЯ

Олег Максимов. Встреча 8

Александр Раевский. Не хотел бы, но никну в печали... 90

Ольга Хапилова. Молодое вино 108

Ольга Беккулиева. Хрустальный кубок 111

Анатолий Суздальцев. Человек человеку нужнее всего и дороже 125

ПРОЗА

Людмила Танкова. Назови имя и путь свой. Повесть 11

Любовь Скорик. Блуждающая звезда. Антиутопия 92

Виктор Байлагашев. Крылатый и светящийся. Рассказ 113

14 СЪЕЗД СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Слово **Климента**, Председателя издательского Совета Русской Православной Церкви, Митрополита Калужского и Боровского 128

Николай Иванов. Под сенью знамени Победы 129

Станислав Куняев. Эпоха Ганичева – это и моя эпоха 130

Борис Бурмистров. Размышление по поводу... 133

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир Костылев. Часовые Родины 135

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Василий Дворцов. Сибирь. Русская сила 139

Кирилл Сазанов. Космический пришелец. Метеорит, упавший в Горной Шории – 3-й в России по весу 145

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Ольга Щукина. Четыре очерка 147

Олег Максимов. Тайна марального корня 157

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА ИЗ ТАШТАГОЛА

Иван Замятин, Елена Мозжухина, Сергей Пряхин, Роман Жук, Кирилл Сазанов. Стихи 160

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Озеров. На одной площадке 164

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин** 170

Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2013 год. .....

ТЮТЧЕВ

1743–1816

Все эти годы – трудные для страны, для нашей русской литературы Господом Богом был явлен нам этот лик.

Лик светлый, созидающий, лик дающий надежду и веру в лучшее.

Главное состояние души этого прекрасного человека – выдающегося писателя, философа, историка, многолетнего лидера нашего Союза писателей России, это – соборность. Это понимание им, что только вместе, только сплотившись, мы можем уберечь от поругания – русское слово, русские национальные традиции.

Виват Вам, Валерий Николаевич, и многая лета!

Писатели Кузбасса с Вами.

Интервью главы Таштагольского района **Владимира МАКУТЫ** члену редколлегии журнала «Огни Кузбасса» Олегу Максимову

Содружество «Огней Кузбасса» с Таштаголом началось ещё в шестидесятые годы прошлого века. С творческими командировками сюда стали наезжать поэты Евгений Буравлёв, Виктор Баянов, Валентин Махалов, прозаики Геннадий Емельянов, Гарий Немченко, Олег Павловский. В их произведениях предстали имена и приметы горношорских селений, вовсю забурлили Мрассу, Кабырза, Кондома. Большой популярностью читателей пользовались повести «Мрассу – Жёлтая река» и «Под флагом Чазыбука», созданные Павловским и Буравлёвым.

Тропу в Таштагол продолжили писатели следующих поколений – Владимир Иванов, Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Александр Ибрагимов, Валерий Козлов.

Содружество ещё более окрепло, когда во главе здешней Администрации встал Владимир Макута. Периодическая поддержка местных творческих людей обратилась в устоявшееся явление культурной жизни района, а многие профессиональные писатели Кузбасса давно уже стали дорогими гостями и друзьями города.

Затем, как-то само собой, сотрудничество перешло в сотворчество, и четвёртый номер «Огней Кузбасса» за 2006 год вышел в свет на основе произведений таштагольских авторов. Опыт, как говорится, удался: спустя семь лет вы держите в руках подобный журнал, посвящённый 50-летию Таштагола.

– Так что же это был за юбилей?

На этот и другие вопросы отвечает глава района Владимир Макута.

– Всё просто. 15-17 августа мы широко отпраздновали пятидесятый День города. Статус этот присвоен Таштаголу 1 февраля 1963 года.

– Не совсем понятно, Владимир Николаевич: статус получен в феврале, а праздновали в августе...

– День города мы отмечаем одновременно с Днём шахтёра, чем выражаем особое уважение к основной профессии Кузбасса.

– Но ведь летоисчисление Таштагола не ограничивается минувшими пятьюдесятью годами?

– Конечно же, нет. Но не станем тревожить «преданья старины глубокой». Отметим лишь некоторые события и факты ближайшей истории.

Так уж сложилось, что, говоря «Таштагол», мы всегда подразумеваем «Таштагольский рудник». Строительство его началось в 1939 году, а уже 3 июля 1941 года отсюда был отгружен первый эшелон железной руды. Но нельзя вырывать это событие из общего контекста горнорудной базы края. Значит, необходимо сказать, что названный выше рудный эшелон был не совсем первым, поступившим на КМК из Горной Шории. Первая наша руда пришла к металлургам в 1932 году с рудников Тельбес и Темиртау. А в 1935 году первый агломерат выдала Мундыбашская аглофабрика. Плюсуем сюда продукцию Шалымского, Шерегешского, Казского рудников и констатируем: долгие годы КМК выплавлял на здешнем сырье самый дешёвый в стране чугун.

С переходом на рыночную экономику горнорудные предприятия района вошли в систему Евраз-Холдинга, стали его филиалами.

– Какова перспектива их развития?

– Как раз это и обсуждалось в Таштаголе с представителями руководства Холдинга весной текущего года. Было, в частности, подтверждено: Горная Шория – перспективная площадка для развития горнорудного производства.

Большие инвестиции идут на реконструкцию Шерегешского филиала. С внедрением этого проекта рудник будет прирастать дополнительными производственными мощностями.

Продолжит свою работу и Таштагольский филиал. Разведанные запасы составляют здесь более 700 миллионов тонн железной руды.

– Значит ли это, что Таштагол был и остаётся промышленной столицей края?

– Если взять за основу слово «остаётся», то это, безусловно, так. Что касается слова «был», то здесь есть нюансы.

Нынешние таштагольцы, особенно молодёжь, крупно удивились бы, полистав нашу городскую газету тридцатых годов и обнаружив там постоянные публикации с колхозных полей Горной Шории.

– Было и такое?

– Было.

– Но чем же занимались колхозники в здешних таёжных условиях?

– Обычным крестьянским трудом. Выращивали сельхозкультуры. Занимались животноводством и пчеловодством. В лучшую пору здесь насчитывалось несколько десятков колхозов, поголовье одного только крупного рогатого скота, в которых достигало 15 тысяч голов. Затем коллективное хозяйствование пошло на убыль как нерентабельное, а вскоре и вовсе прекратилось.

Своеобразным памятником сельхозпроизводству района долгие годы просуществовал лишь совхоз «Таштагольский». Держали приличный скотный двор. Выращивали, среди прочих культур, даже гречу! Но основной заботой совхоза было пчеловодство, насчитывающее в своём рассвете до восьми тысяч пчелосемей. Слава здешнего мёда выходила далеко за пределы района и области. За всем этим долгие годы стояла колоритная фигура директора «Таштагольского» Григория Степановича Ботвенко, большого знатока и энтузиаста.

– Выходит, Владимир Николаевич, что промышленная столица Горной Шории была в своё время ещё и сельскохозяйственной?

– Было даже так, что деревня Таштагол входила в состав Кузедеевского района.

1931 год отмечен созданием национального Горно-Шорского района.

Кстати, желающие поближе узнать нашу историю могут почитать краеведческую книгу супругов Старковых. Собранный в ней богатейший материал пользуется в Кузбассе большим спросом. Немало полезного можно найти в изданном нами словаре по географии и топонимике Горной Шории.

А завершить наш краткий экскурс в историю я хотел бы созданием в 1939 году Таштагольского района. Таштагол стал административным райцентром, каковым и оставался до 1 февраля 1963 года.

– Сильно преобразился город с получением своего статуса?

– Таштагол не просто преобразился, а кардинально изменился с завершением основного строительства микрорайона Усть-Шалым. Деревянное предместье сельско-поселкового типа превратилось в современный многофункциональный и самодостаточный город-спутник. Кстати, таштагольцы давно называют его Новым городом.

А почему бы и нет? Для жизни здесь есть всё: детсады, детская поликлиника, общеобразовательные школы, горный техникум.

Здесь сконцентрированы почти все госучреждения города и района, что обеспечивает трудоустройство специалистов самого разного толка. Солидный рынок труда дают предприятия частного бизнеса.

– А как насчёт культуры, спорта, отдыха?

– Всё в микрорайоне располагает к этому. Краеведческий музей, центральная городская библиотека, насчитывающая 28 филиалов. Постоянно действующие в музее выставки местных и областных художников. Всегда полон парк культуры и отдыха «Горняцкие горизонты». Популярен спортивно-оздоровительный комплекс «Кристалл».

Знаменитая школа бокса имени Юрия Семёновича Айларова воспитала в своё время будущего 10-кратного чемпиона мира среди профессионалов Юрия Арбачакова, несколько чемпионов России, десятки мастеров и кандидатов в мастера спорта.

На стадионе школы ежегодно проводятся чемпионаты района по зимнему футболу. А хоккейная коробка Нового города принимает участников областного чемпионата, где наша команда «Горняк» выглядит очень достойно, стала в прошлом году чемпионом Кузбасса среди команд промышленных предприятий.

В этой связи благодарю Заслуженного работника физической культуры и спорта России Игоря Гредина. Возглавляемое им районное ведомство, работает, как чётко отлаженный механизм.

– Владимир Николаевич, вы так тепло говорите о Новом городе, что невольно возникает вопрос: а не теряется ли в его тени Старый город?

– Вовсе нет. Как раз здесь находится Таштагольский рудник, градообразующее предприятие, и вся его обширная инфраструктура. Здесь изначально работают городская и районная администрации.

Здание Администрации увенчано этажным жилым массивом, куда компактно вписались детская библиотека, центральная городская больница, магазины, финансовые учреждения.

В Старом городе находятся Таштагольский филиал Кузбасской энергосетевой компании, предприятия ЖКХ, одно из лучших дорожностроитель-

ных управлений Кузбасса ОАО «Таштагольское ДРСУ», филиал КузГТУ.

– Обновляется Старый город или остаётся в исторически-первозданном виде?

– По мере сил и финансовых возможностей сносим ветхое и на его месте строим современное жильё. Кстати, Таштагол первым в Кузбассе стал выделять жителям целевые кредиты на индивидуальное строительство. За последние несколько лет город заметно прирос добротными частными домами, возведёнными за счёт ипотечного кредитования.

– Первое место в Кузбассе, по словам губернатора, Таштагол занимает и по дорожному строительству?

– Главным нашим достижением считаю автодорогу Таштагол – Новокузнецк, открытую в 2000 году. До этого времени сюда и отсюда можно было добраться только двумя пассажирскими поездами.

Тем же путём перевозили все производственные и частные грузы.

Сегодня комфортабельные автобусы доставляют горожан в Новокузнецк, Кемерово, Междуреченск, Белово. На местном автовокзале можно без лишних хлопот приобрести билеты от Новокузнецка по всем направлениям. Автомобильным транспортом осуществляются почти все грузоперевозки.

– Усложнился ли путь на Таштагол с развитием горнолыжного курорта «Гора Зелёная»?

– Движение упрощает новая дорога Чугунаш – Шерегеш. Строится дорога в обход посёлка Каз: четырнадцать с половиной километров дорожного полотна будут пущены в 2016 году.

– Большие перспективы открывает для города и Кузбасса дорога Таштагол – Турочак, поскольку связывает область с Алтаем, Монголией и Китаем. Как идёт её строительство?

– В щебёночном исполнении она уже открыта. До знаменитого Телецкого озера теперь можно добраться за полтора-два часа. Вот вам ещё одна возможность культурного отдыха наших горожан.

– Владимир Николаевич, руководители вашего ранга обычно говорят о трудовых достижениях и путях развития своих муниципальных образований. Вы же стараетесь как можно больше рассказать о том, что делает жизнь содержательней, комфортабельней, культурней...

– Так ведь 21-й век на дворе! Не хлебом единым жив человек.

Вы заметили, как заинтересованно, порой даже с болью, говорит наш губернатор о врачах, учителях, деятелях культуры? Знаковым событием считаю участие нашего молодёжного коллектива «Ракурс» в Международном фестивале «Будущее планеты», где он занял первое место в номинации «Драматические театры». Гран-при и два диплома «Лауреат 1 степени» получили наши ребята в конкурсах «У самого синего моря», «Я люблю Россию» и «Стиляги-шоу». А создатель и бессменный режиссёр «Ракурса» Елена Попыкина удостоена Гран-при фестиваля в конкурсе руководителей театров «Мери Поппинс». Другими словами, таштагольцы сняли все основные сливки престижного международного форума.

– Традиционно славятся здешние мастера национальных искусств. Чем в этом плане запомнится юбилейный год?

– Пять призовых мест привезли таштагольцы с Международной выставки-ярмарки «Сокровища Севера», проходившей 7 –11 мая в Москве. Делегацию Кузбасса возглавляла наша Мария Идигешева, паштык общественной организации шорского народа «Таглыг Шор» («Горная Шория»). Успешно выступил танцевальный ансамбль «Весна» ДК «Горняк», руководимый Валентиной Одинцовой на Международном фестивале «Морской прибой». Обойдя в мастерстве свыше 30 родственных коллективов, «Весна» признана лучшей в номинации «Народный танец», награждена Дипломом «Лауреат 1 степени». Пользуясь случаем, в связи с этим, выражаю благодарность начальнику районного управления, Заслуженному работнику культуры РСФСР Надежде Георгиевне Согриной.

– Яркой достопримечательностью Таштагола стала с недавнего времени скульптурная композиция «Золотая Шория», установленная в Новом городе. Девушка-шорка, оседлавшая могучего лося, поражает монументальностью и красотой исполнения. Такой шедевр, без преувеличения, достоин и столицы.

– Попадание, что называется, в «десятку»! Произведения Даши Намдакова, автора «Золотой Шории», выставляются во многих мировых столицах. В июле, например, очередная его выставка наделала шуму в США, транслировалась множеством телекомпаний. Ничего более самобытно-талантливого, по признанию самих американцев, они ещё не видели.

– Как же работа такого именитого мастера оказалась в Таштаголе?

– Этот вопрос следовало бы задать не мне, а губернатору области. «Золотая Шория» – подарок Амана Гумировича нашему городу.

Я лишь добавлю: похожая композиция Даши Нандакова «Чингисхан» украшает Лондон.

– Владимир Николаевич, в прошлом интервью «Огням Кузбасса» вы сказали, что одной из основных задач Таштагола стало развитие горнолыжного спорта и туризма.

– Не просто развитие, а переориентация здешней экономики на горнолыжный спорт и туризм. Условия для создания рекреационных комплексов у нас уникальны.

– Как идут дела на горе Зеленой?

– Профессионалы и любители горных лыж и сноуборда едут сюда со всей России. Частыми гостями курорта стали региональные губернаторы, видные политические деятели и звезды отечественного шоу-бизнеса. Побывал здесь нынче и председатель Правительства России Д.А. Медведев.

– А что со строительством нового комплекса на юго-западном склоне горы?

– Дело начато в 2005 году по соглашению администрации области с Фондом содействия зимним видам спорта России. Объемы стройки фундаментальны, требуют огромных физических и финансовых затрат. Фундаментальны и перспективы комплекса? Пуск его позволит принимать не только всероссийские, но и международные соревнования. Здесь же будет основная тренировочная база национальных сборных по горным лыжам и сноуборду.

– Но ведь в Таштаголе есть и гора Туманная?

– Точнее было бы сказать – горнолыжная база с таким названием, расположенная в черте города.

– И что она собой представляет?

– Туманная оснащена горнолыжной трассой и сноуборд-парком, которые стабильно принимают чемпионаты страны и этапы Кубка России. Отдельная трасса предоставлена спортсменам-любителям.

Здесь же, во временном помещении, базируется школа Олимпийского резерва по сноуборду. Сегодня в ней занимается 230 спортсменов разных возрастов, среди которых 2 мастера спорта международного класса, 12 мастеров спорта России, кандидаты в мастера спорта. Готовят их 7 тренеров, 3 из них – выпускники школы. Женская команда России по сноуборду, выступившая на Олимпийских Играх в Турине, вся была родом из этой школы. Таштагольцы, стартующие сегодня под различными спортивными знаменами, достойно представят Россию и на предстоящей Сочинской Олимпиаде: Екатерина Тудегешева, Светлана Болдыкова, Станислав Детков, Андрей Болдыков и Андрей Соболев.

Первым номером идет, конечно же, Катя Тудегешева – чемпионка мира 2006 года среди юниоров, чемпионка мира-2007, победитель общих зачетов Кубка мира 2010 и 2011 годов, чемпионка мира-2013!

– Но вернемся на Туманную. Чем она встретит профессионалов и любителей, когда база будет окончательно завершена?

– Комплекс базы, кроме четырёх трасс, составят три спортзала, гостиница, столовая. Сюда же перебазируется горнолыжная школа Олимпийского резерва. Здания эти уже построены. После окончательной отделки и оснащения необходимыми коммуникациями они будут сданы. Постараемся сделать это в следующем году.

– Владимир Николаевич, что дают городу Туманная и Зеленая, кроме собственно спорта и туризма?

– А разве мало того, что несколько сотен наших ребят занимаются увлекательнейшими видами спорта, становятся чемпионами мира и участниками Олимпийских Игр?

О Кате Тудегешевой и других членах национальной сборной я уже сказал. А разве не вызывает чувства гордости таштаголец Стас Детков, который первым из мужчин-россиян стал победителем этапов Кубка мира?

Другой таштаголец, сегодняшний воспитанник нашей школы Валерий Колегов стал в 2012 году чемпионом мира среди юниоров, а в 2013 завоевал серебряную медаль того же чемпионата.

На престиж Таштагола работают наши юниоры Антон Чепкасов, Ольга Чеботарева и Наталья Соболева, которые вместе с Колеговым тренируются сейчас в ранге кандидатов в сборную России Сочинской Олимпиады. Возведение спортивных объектов и соответствующей инфраструктуры той же горы Зеленой привлекает большое число строителей и прочих специалистов.

Уже сегодня здесь действует обширная сеть гостиниц, ресторанов, пунктов проката и прочих сервисных служб, что дает нашим людям новые рабочие места.

– Не могу в этой связи не спросить о развитии частного бизнеса в Таштаголе.

-Само собой разумеется, что первым в рыночную экономику вошел сектор торговли и бытовых услуг. Если еще сравнительно недавно город обслуживали несколько продуктовых и хозяйственных магазинов, то сегодня за необходимыми покупками можно, что называется, сходить в домашних тапочках. Практически на пустом месте возникла и широко разветвилась сеть магазинов и оптовых складов торгующих стройматериалами, что говорит о бурном росте частного жилого фонда города.

– А что скажете о промышленных предприятиях?

– Тяжеловесом здесь я бы назвал ОАО «Таштагольское ДРСУ». Еще во времена незабвенных «экономических реформ», когда госпредприятия массово шли ко дну, наше ДРСУ осталось на высоком плаву, участвовало в строительстве многих больших и малых дорог района и Кузбасса.

Самым значимым приобретением управления последних лет стал асфальтобетонный завод производства Германии и США мощностью 240 тонн асфальтобетона в час. В мире насчитываются всего с десяток таких красавцев, а в Кузбассе он единственный.

Руководит управлением Александр Чекрыжов.

– Куда не глянь, Таштагол украшают художественные металлоизделия: затейливые крылечки, скамейки, детские качели...

– Это и многое другое – дело рук умельцев ООО «Металлоконструкции» Сергея Новгородцева.

В свое время ЦМК входил в состав треста «Таштаголшахторудстрой». Трест, к сожалению, прекратил существование, а цех выжил.

Входя в рынок, ставку делали на обеспечение рудников нестандартным оборудованием: вагонными опрокидами, столами ВДПУ, деталями армировки стволов, шахтными вагонами. В основном промышленными металлоконструкциями коллектив занимается и сейчас. А художественные изделия – это на радость себе и горожанам.

– Владимир Николаевич, оба названные вами акционерные общества вышли из недр госпредприятий. Не могли бы вы назвать предпринимателя, начавшего бизнес с чистого листа?

– В этом смысле показателен пример Александра Мерзлякова, создателя кооператива «Партнер». Жесткий практик, он начал с того, чего в городе не было вовсе – с установки и эксплуатации компьютерной оргтехники.

В 1995 году «Партнер» оснастил район мобильной радиотелефонной транковой сетью, наладил устойчивую связь со всеми отдаленными поселками.

Со временем кооператив преобразовался в Общество с ограниченной ответственностью «МП «Партнер». Его специалисты освоили технологию оформления и ремонта офисных помещений, разработали и внедрили программный комплекс «Биржа труда» в Таштаголе, Осинниках, Мысках, Новокузнецке.

Гордостью предприятия стал в свое время цех производства изделий из цельной древесины. Запустили лесозаготовительный и лесопильный участки с полным циклом глубокой переработки, заняли на этом производстве 120 человек.

Крупно освоил «Партнер» торговый бизнес, открыл в Усть-Шалыме магазин «Новый дом», торгующий бытовой техникой, хозяйственными и стройматериалами, бытовой химией и еще 1000 мелочей без которых не может обойтись ни один новый дом. По соседству расположены популярное среди горожан кафе «Нон-стоп» и супермаркет «Домовой».

Супермаркет и кафе «Незабудка» обслуживает жителей Старого города.

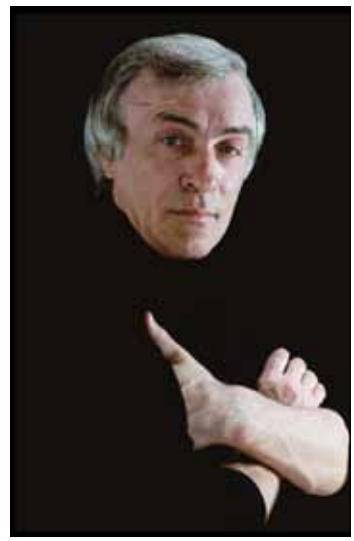
Сегодня «Партнер» дает городу 350 рабочих мест.

Очень важно, что руководители частных предприятий давно и щедро спонсируют школы, спорт, культуру.

Приличные средства вложили они и в празднование 50-летия Таштагола.

– Редколлегия журнала благодарит Вас за интервью, желает всем таштагольцам здоровья, удач, новых свершений.

С юбилеем города!



Олег МАКСИМОВ

ПО КРОМКЕ ДНЕЙ ИДЕМ

ВСТРЕЧА

1

Когда встают страданья на крыло,
Душа, как в скит, бежит в воспоминанья:
В самих себе мы ищем состраданья,
Но слабо греет прошлое тепло.

Как я страдал! Как жаждал пониманья!
Я был вселенской робостью томим:
Душа болела близостью свиданья –
Не с женщиной, а с городом моим.

2

Случилось так, что нам пришлось
расстаться.
Не обратить течения годов!
Я много лет закручивал пространство
Колёсами машин и поездов.

Я знаю, как с налёта с разворота
Судить могли. Не приведи нам бог!
И мой отец с клеймом врага народа
Загрохотал на Северо-Восток.

Какой-то друг народа очень просто
Донос в ночи строчил и не ослеп.
Что делать? И, стареющий подросток,
Делил с отцом я тот холодный хлеб.

3

Что помнится? Отцовская улыбка,
Когда в горячке я валился с ног.
Слова отцовы: «Это всё – ошибка!
Она ещё откроется, сынок».

Вы выжили тогда. Достало силы.
Уже потом, как сквозь ознобный сон,
Поклялся я у батиной могилы
Таким же быть, каким всегда был он.

И долго ещё жизнь меня кружила
По той земле, где батя погребён.

4

Как мне жилось? А что бы ни случилось,
Судьбы своей другому не отдам.
То жизнь мне белозубо улыбалась,
То очень хлёстко била по зубам.

Сдавали нервы. Снашивалось тело.
Дела порой врывались даже в сны.
Но счастлив был я тем, что делал дело
На благо человека и страны.

Дай бог другим такого жару-пару
Без права на особые права!
А если говорю высокопарно,
Я выстрадал высокие слова.

МАКСИМОВ Олег Ефимович *родился 25 декабря 1944 года в Бессарбии. Пятилетним ребёнком департирован в Кемеровскую область как «сын врага народа». В 1958 году амнистирован, в 1989 реабилитирован. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Автор 12 книг стихов. Член Союза писателей СССР. Живет в Таштаголе.*

5

Сейчас иная жизнь, иные нравы.
Зачем о прошлом завожу я речь?
…Есть у людей особенное право:
В минуту злую ближнего беречь.

Цените человека в человеке!
Друзей ищите в людях – не врагов!
Любите ближних. Ныне и вовеки
Не вешайте друг другу ярлыков.

Самим себе ответчики и судьи,
Как заклинанье, помнить мы должны:
Все личные события и судьбы
Влияют прямо на судьбу страны.

6

Убавил скорость запотевший поезд.
Перрон в цвету холодного огня.
Я из вагона свесился по пояс –
Ищу в толпе встречающих меня.

Не встретили. Живут своей судьбою.
А может, гложет леность или спесь?
Прощаю всех… Я встретился с тобою.
Так здравствуй, город мой! Я снова здесь.

7

Я снова здесь. Иду проспектом главным,
Что назван в честь великого вождя.
Пусть хлещет вал осеннего дождя,
Я пребываю в состояньи славном.

Привет тебе сыновний, город детства!
Ты не велик, но нет тебе цены:
Ты помогал мне пристальней вглядеться
В большой простор родной моей страны

И полюбить её такой любовью,
Что разлюбить потом уже не смог.
Ты стал моей неизлечимой болью
На перепутье судеб и дорог.

8

Вот старый дом с детсадом по соседству.
Вон три окна – подобье светлячков.
Смотрю на них, и защемило сердце:
Я проводил здесь время отпусков.

Как я стихи слагал у этих окон!
А по ночам огонь вскипал в крови:
Петлёй тогда затягивался локон
Моей несостоявшейся любви.

Душа полна взволнованного гула:
Себя винить? Её? Чему помочь?
Но в этом доме первый раз шагнула
Моя кровинка – крохотная дочь.

Не стану я виниться перед нею,
Как не могу помочь былой любви.
Но ты, мой город, стал ещё роднее –
По нашей дочке, по одной крови.

9

Когда встают страданья на крыло,
Душа, как в скит, бежит в воспоминанья.
Нет! Нас не греет прошлое тепло,
Но часто, когда очень тяжело,

Мы вспоминаем м и л ы е страданья,
И – отлегло… Но прочь воспоминанья:
В т а к и х воспоминаньях зреет зло –
От беспощадной сути отступленье.

Пускай меня приводит в исступленье
Не пепел слов, а пламя наяву –
Да здравствует горенье, а не тленье:
Коль я страдаю, значит, я живу.

Что ж, будем жить, покуда хватит силы,
Без права на особые права.
А если говорю сейчас красиво, –
Я выстрадал красивые слова.

1979, 1986

* * *

Непонятных теней пантомима.
Незнакомых людей толкотня.
– Жизнь чужая проносится мимо?
– Нет, ко мне, от меня, сквозь меня.
С головою меня погружая,
Вихрем тащит в простор бытия...
– Но чужая, чужая, чужая!
– Но моя, но моя, но моя!

* * *

Безмятежно любуясь собою,
Исторгая таинственный свет,
Будто идол, возник над толпою
Белокурый веселый поэт.
Он возник, как цветок за сараем,
С новым словом на юных устах,
И земля ему кажется раем,
Вся в забавах, любви и цветах.
Он пока что играет судьбою
На распутье грядущих дорог,
Но уже пронеслось над толпою
Это сладкое слово: пророк!
Он пока что не ведает срама,
Он пока что вовсю знаменит,
Он восходит ступенями Храма,
А, быть может, нисходит в Аид.

* * *

Он наступил на древний мох,
Крапленый сединою,
И услыхал печальный вздох,
С тоскою нутряною:
«Зачем явился ты сюда,
Жестокий царь природы?
Ты не оставишь и следа
Нетронутой свободы».
Действительно, зачем он лез
В нехоженые хмари?
...И вздрогнул неразумный лес,
Страшась разумной твари.

* * *

Сердце занялось. Качнулась хата.
И тогда он вышел на крыльцо.
В теплую окалину заката
Окунул холодное лицо.
Поклонился клеверному полю.
На пенечек сел под тополя.
Сняв ошейник, отпустил на волю
Верного цепного кобеля.
Сладил в головах горшок с цветами.
Покрестился. Лег под образа.
А потом спокойными перстами
Сам себе закрыл глаза.

* * *

Глаза глядят, как два ствола
Из под крутых бровей:
– Я за свободою пришла!
– За чьей? – Да за твоей.
А он берет ее в ножи:
– Да ты сошла с ума!
И кто такая ты, скажи?
– Я жизнь. Я жизнь сама.
А он в притворстве, как в мольбе:
– О чем нам говорить?
– Свободу я убью в тебе,
Свободу зло творить.
Слезой зашелся он всерьез,
Захохотал навзрыд.
А тот единственный вопрос
До сей поры открыт:
Сумела ль жизнь осилить зло
Да ближних оберечь –
Кому в той схватке повезло?
...Так вот о том и речь.

* * *

Она глядела на меня
Из дебрей бытия,
То привечая, то гоня –
Ее страшился я.
Я королеву видел в ней,
Она во мне – раба.
Но жить мне с ней
До крайних дней –
С тобой, моя судьба.
Не жалкий раб, не госпожа,
А просто мы вдвоем,
Как бы по лезвию ножа,
По кромке дней идем.

Людмила ТАНКОВА

НАЗОВИ ИМЯ И ПУТЬ СВОЙ

Повесть

СИЯЮЩИЕ СЧАСТЬЕМ

ПРОЛОГ

По тихим волнам бескрайнего синего океана плыл большой корабль. Над ним, правильно расправив лучи, горело оранжевое солнце. Добрый ветер надувал белые-пребелые, сияющие счастьем паруса и заставлял корабль легко скользить в светлые края.

На палубе, взявшись за руки, стояли пять человек. В центре – папа с мамой, рядом два сына и дочка. Они смотрели ввысь, на самую макушку мачты. Оттуда махал им рукой маленький мальчик…

…Машина с шашечками на боках, заскрипев тормозами, остановилась на привокзальной площади. Пассажирская дверка открылась так, будто ее хотели вышибить.

– Осторожнее, – рявкнул водитель такси, – дверку оторвете.

– Да пошел ты со своей дверкой, – взвизгнула женщина, выпрыгивая из машины.

– А платить кто будет? – выскочил следом за пассажиркой водитель.

– Бог заплатит…

Женщина, не оборачиваясь, уже неслась к вокзалу, рассекая мир высокой грудью…

– Красивая у тебя получилась картина, – погладила художника по вихрам старшая воспитательница детского сада Инга Борисовна. – Кто же плывет на твоем корабле?

Мальчик, рисуя сияние парусов, пробормотал: «Это мама с папой. С этой стороны мои братики: Коля и Сережа. А справа самая лучшая сестренка на свете, Машенька».

– Где же на корабле Семен Русанов? – воспитательница свела брови и сделала вид, что ищет на рисунке этого самого неуловимого Семена.

– Эх, Инга Борисовна, Семен Русанов капитан корабля, – укоризненно поднял на воспитательницу глаза светлоголовый художник. – Все капитаны стоят на мостике, а я – на самом высоком мостике, чтобы видеть весь мир, и чтобы мама с папой мной гордились.

– Разве Коля с Сережей и Машенька не должны тобой гордиться?

– Они на корабле матросы и подчиняются капитану, слушаются его.

– Какой строгий капитан. Он, наверное, наказывает матросов, если те озорничают?

– Матросы всегда умные, они же учатся разным наукам и помогают капитану. Когда капитан вырастет, он тоже станет умным.

Вокруг столика Семена Русанова столпились ребята средней группы детского сада «Солнышко», они разглядывали нарисованный солнечный день, в котором плыл корабль с белыми-пребелыми, сияющими парусами.

– Неправильно рисуешь, – сказал Дениска Солонцев и ткнул пальцем в край картины. – Дай

ТАНКОВА Людмила Александровна *родилась на Алтае в 1950 году. Окончила Новокузнецкий педагогический институт. Трудится в газете «Горняцкая солидарность». Выпустила книги: рассказов «Время светлых ветров», «Кипение крови», детские «Снежные лебеди» и «Солнечная девочка». Публиковалась в «Огнях Кузбасса». Живёт в Новокузнецке.*

я тебе вот тут нарисую большой черный корабль с черными парусами. Дед говорил, что такой корабль называется «Летучий голландец». У него на флаге череп…

…– Бог заплатит, – билась в мозгу женщины фраза, – бог заплатит…

…Мальчик взял черный карандаш. Но Семен вдруг привстал и накрыл собой рисунок. Грифель карандаша проехался по кораблю и зачеркнул улыбающихся маму с папой.

Светлоголовый художник резко оттолкнул Дениску и, словно кошка, прыгнул на него.

– Своих маму с папой зачеркивай! – кричал парнишка и тузил одногруппника.

– Мой дед подполковник, он тебе так поддаст, – сипел Дениска, отвешивая Семену сдачи.

Вокруг них прыгали и смеялись ребятишки, они поочередно болели то за Семена, то за Дениску. Хуже всего пришлось воспитательнице, которая никак не ожидала такого развития событий. Инга Борисовна пыталась ухватить и оттащить одного из дерущихся, но те не давались в руки и кубарем катались по полу.

Услышав шум, на помощь прибежала нянечка, баба Катя. Вдвоем они сгребли ребят подмышки и понесли их умываться. Через несколько минут умытые задиры сидели на стульчиках в разных концах комнаты.

Инга Борисовна поставила перед ними по столику, положила бумагу и карандаши, покачала головой и примирительно сказала:

– Рисуйте каждый свою картину, а в чужую – не заглядывать.

Семен Русанов склонился над столиком, но как только нянечка и воспитательница отвернулись, погрозил Дениске кулаком и прошептал: «Свою семью я, как капитан, буду защищать».

…Вот и закончился очередной день. И это была пятница. Впереди сияли суббота и воскресенье.

– Русанов, за тобой пришли, – окликнула Семена воспитательница.

Мальчик, перевернув стул, сорвался с места… Побежал к выходу… Вернулся к столику, схватил рисунок и снова кинулся к двери, на ходу бормоча всем: «До свидания». На пороге его ждал папа. Виновато кивая головой, он слушал Ингу Борисовну.

Семен пронесся меж ними, как метеор. У своей кабинки быстро переобулся, кое-как побросав сандалики.

– Сема, – строго сказала баба Катя и загородила ему дорогу.

Пронырнуть мимо большой бабы Кати не удалось. Семен тяжело вздохнул, открыл дверцу шкафчика, аккуратно поставил сменную обувь, повесил физкультурную майку. Посмотрел на нянечку, ожидая одобрения.

– Ладно уж, постреленок, беги, – улыбнулась ему баба Катя.

Семен тут же оказался около отца, схватил его за руку и потянул на улицу.

– Пап, ты задерживаешь человека, – тараторил он, – а человеку тоже домой надо. До свидания, Инга Борисовна…

…– Бог заплатит… А это ему нужно, платить за чужие грехи? – криво ухмыльнулась женщина.

Ухмылка на бегу получилась со всхрапыванием…

…На улице их ждали все Русановы: и мама, и Коля, и Сережа, и уж, конечно, Машенька.

– Семушка, ты что так долго? – подхватил мальчика под руки и покружил вокруг себя старший брат Коля. – Мы собрались в парк. Как ты на это смотришь?

– Хорошо смотрю, – обрадовался тот. – А я сегодня нас всех нарисовал. Вот!

И мальчик показал свою картину.

– Ой, – воскликнула Машенька, – это же я! Смотрите, мы плывем по морю-океану.

– Талант, – сказал пробивающимся баском Сережа, – надо его в художественную школу отдать. Смотрите, какое чувство цвета.

– Что-то я не вижу нашего самого главного на корабле? – задумчиво произнес папа.

– Как это не видишь, – покачала головой мама и показала на самый верх, – вот он наш Семушка, наблюдает за горизонтом.

– Капитан! – подвел итог папа.

Мальчишка зарделся от внимания и одобрения и запрыгал на одной ножке.

Он допрыгал до сестры, боднул ее головой, пошлепал по ладоням брата Сережи и, ткнувшись в колени мамы, тут же померялся с ней ростом.

– Мам, смотри, как я сегодня вырос, – мальчик подтянулся на цыпочках, чтобы казаться выше. – Всю кашу съел и добавки попросил.

– Какой ты у меня молодец. Значит, идем в парк.

Она, улыбаясь, пригладила непокорные льняные вихры младшенького, и семья направи-

лась в городской парк, где играла музыка и шумели аттракционы.

Коля с Сережей, разговаривая о макетах планера, шли немного впереди. От них слегка отстали родители. Мама держала папу под руку. Машенька делала вид, что ловит непослушного маленького мальчика. Голубые глаза Семушки искрились счастьем. Он то прятался за папу, то обегал маму со спины и появлялся прямо перед сестрой.

Вот он обогнал братьев, проскочил меж ними, споткнулся… Коля едва успел поймать шалуна. Перевернул его вокруг себя, поставил на землю и легонько щелкнул по носу: «Не падать…»

Семушка нашел себе новое занятие – стал догонять птиц. Стайки голубей и воробьев деловито склевывали крошки хлеба, зернышки, которыми кормили их люди, а мальчик подбегал и громко хлопал в ладоши. Голуби лениво взлетали и тут же садились на асфальт. Воробьишки, вспорхнув, отлетали на другой конец дорожки, а потом боком, боком – возвращались на исходную. Клюнет птаха зернышко, искоса посмотрит на парнишку да снова клюет.

Скоро и это занятие приелось Семушке, он стал практиковаться в «разговоре» с животными. Пробовал пообщаться с белой стриженой болонкой. «Гав, гав», – сказал Семушка. Ответа не последовало. Болонка медленно семенила рядом с хозяйкой, даже не взглянув на «собеседника».

«Зазнайка», – крикнул ей вслед мальчуган и тут увидел замечательного черного пуделя. Пуделя выгуливала девочка в сиреневом платье.

Семушка обогнал их, попрыгал прямо перед носом у собаки, скорчил хозяйке пуделя гримаску… Реакции никакой. Девочка и пудель будто и не видели, что мальчику хочется с ними подружиться. Они шли, как и болонка, – равнодушно.

Паренек, обиженный невниманием, чуть отстал, отвернулся и начал мяукать, ну просто как настоящий кот. Не зря, видимо, учился у бабушкиного Барсика. «Мяу, мяу…» – повторял Семушка, глядя в другую сторону. Потому-то он и не видел, как рванул пудель поводок, как потащил за собой хозяйку…

Собачий лай, шум – все смешалось. Хорошо еще, что папа быстро всех успокоил. Девочка, подхватив черного дружка, поспешила домой. А папа рассердился на Семушку. Он посадил его себе на шею и сказал: «Остынь-ка парень». Папа просто не знал, что сверху смотреть гораздо интереснее на людей, на карусели.

Сзади подкрался Коля и пощекотал Семушку. Мальчик закрутился вокруг своей оси. Хотя он и знал, что это все проделки брата, но так хотелось поймать его на месте. Семушка отворачивался, брат протягивал руку и начинал щекотать, а сам обязательно смотрел в другую сторону, вроде бы говорил: «Это вовсе не я, а вон тот прохожий озорует».

Сережа с Машенькой весело смеялись, а мама с папой делали вид, что сердятся. Только Семушка видел, как улыбаются мамины глаза.

Летний день не собирался заканчиваться, а потому солнышко сияло вовсю. Жаркие лучи запутались в волосах Семушки, и казалось, что те светятся.

Вот и касса. Мальчик заегозил на папиных плечах.

– Отпусти Семушку, папа, – попросила мама, – пусть бежит за билетами.

Весь вечер в парке играет музыка, бегут паровозики, крутится карусель, гудят машинки.

Машинки – это новый аттракцион. И сюда очень многие хотят попасть. Даже взрослые дяди и тети гоняют по полю на разноцветных авто. Машины сталкиваются меж собой, разъезжаются и снова сталкиваются.

В синей машинке за рулем Сережа, а Семушка сидит рядом. Мимо пролетает красное авто, а желтое едет прямо на них. У мальчика захватывает дух: вот-вот машинка врежется в них. Но Сережа очень ловко увернулся и погнал вдоль забора. Семушка увидел, что за ограждением сидят на лавочке мама с папой, и принялся махать им рукой.

И так круг за кругом…

…Где-то сзади чувствовалось тяжелое дыхание таксиста.

«Рында разбитая, – досадливо подумала женщина, – за трешку удавится».

Она нырнула в пеструю толпу отъезжающих. Так что таксисту осталось только махнуть рукой…

…Время прошло очень быстро. Солнышко стало прятаться за верхушки деревьев.

Пора домой. Малыш очень устал, и потому от предложения Коли проехаться на спине не отказался. Обхватив руками шею, паренек вначале еще пытался озоровать, но вскоре затих. Светлая головенка опустилась на плечо старшего брата…

КОГДА СУДЬБЕ УГОДНО…

По календарю на южную землю давно пришла осень. Но в тот год то ли лето не желало покидать насиженные места, то ли у осени было отличное настроение, и поэтому курортный городок, растянувшийся вдоль побережья теплого моря, купался в жарких лучах солнца. Ласковый ветер трепал кумач флагов, прополаскивая однотипные надписи на них.

«Слава КПСС!» – кричали надписи на крышах домов. «Слава советскому народу!» – вторили им натянутые на деревянные рамы лозунги в витринах магазинов. Ноябрьские праздники уже прошли, а флаги и транспаранты снять, как всегда, забыли. Вот и маются они под палящими лучами, безмолвно выкрикивая одни и те же, уже никому не нужные слова. Начнутся дожди, и выгоревший кумач сольется с белой краской букв, нивелируя и обесценивая, в общем-то, правильные слова.

Прохожие бегут мимо, им нет дела до каких-то слов, надоевших своим однообразием. Отпускники так же как и местные жители с большим удовольствием рассматривают розовый куст. Обманутый нарушениями в смене времен года куст выбросил несколько бутонов. Они растут и наливаются жизненной силой, прячась среди зрелой зелени листьев, подернутой осенним багрецом.

Поутру, когда небосклон осветился первыми лучами солнца, затрепетали крылышки самого крупного позднего бутона. Расщелкнулась его узорчатая макушечка, выпустив на свет божий тоненькую, белую полоску.

Выпростав из тесной кубышки свой краешек, лепесток так глубоко вдохнул свежего воздуха, что зеленые пелены лопнули. Они не в силах были сдерживать радость рождения. С тихим шелестом, словно маленькую галактику, раскручивал бутон многочисленные белые лепестки. Спираль цветочной вселенной выплескивала все новые и новые миры, которые, едва появившись, купались в солнечных лучах, зачерпывая их лодочками лепестков.

– Мама, мама! – воскликнул малыш. – Роза зацвела!

Он протянул руку, но молодая женщина его остановила.

– Не рви, сынок. Посмотри, какой красивый, будто из снега сделан, весь сияет. Помнишь, мы в горы ездили, играли в снежки.

– Его Дед Мороз вылепил?

– Что ты. Этот цветок живой.

– Живой, как мы?

– Да!

– И если сорвать, то ему будет больно?

– Если цветок сорвать, он умрет.

– Как люди?

– Как люди…

– Почему же он себя не защитит?

Мама присела перед кустом, аккуратно раздвинула листья и показала малышу острые шипы, усеявшие ветки.

– Потрогай, – предложила она, – только потихоньку.

Мальчик потянулся к шипу и почувствовал укол. Отдернул руку, хотел заплакать, но передумал.

– Он рыцарь?

Они возможно еще бы поразмышляли на цветочную тему, но послышался дробный стук каблуков. Мать едва успела выхватить ребенка из-под ног несущейся женщины. Спешащую занесло на повороте, и она зацепила рукой одну из веток, наткнулась на шипы, больно уколовшись о них. Со злобой ударила по белоснежному цветку.

Полураспустившаяся роза резко качнулась, осыпала несколько лепестков и вдруг распахнулась во всю ширь души. Словно маленькое белое облачко присело на ветку. А может, это был привет от близкой зимы?

Внешние, чуть изогнутые лепестки высверкивали среди зелени сияющим снегом, изгибались, словно трамплин горнолыжников, и позволяли запоздалой росинке скатиться по «склону» в центр цветка.

Центральные лепестки так и не раскрылись. Они любопытствовали: кто нарушил время их явления миру? Они не имели права родиться раньше срока, потому что в объятиях своих держали нектарники и сдерживали аромат розы, который не должен выплескивается на улицу, словно вода из ведра, и захлестывать мир волной сладковатого запаха. Аромат должен, просачиваясь тонюсенькой струйкой сквозь лабиринты точеных лепестков, наполнить благоуханием воздух.

Почувствовав нежный запах розы, женщина разозлилась еще сильней. Красота не стерла злобы с лица, а прибавила ярости. Хотелось растоптать нахальный куст, вдавить его в землю, но времени не было.

Услышала, как сзади смеется маленький мальчик: «Мама, сияющий рыцарь себя защитил…»

…Милентина бежала по перрону, с трудом переводя дыхание. Волосы растрепались и, выбившись из-под заколки, черным парусом бились на ветру. Масса тела навалилась на легкие, давила на ноги. Высокие каблуки босоножек с силой врезались в разморенный от осенней жары асфальт. Очень хотелось сбросить модельную обувь и, как в детстве, легко понестись босиком.

Однако думать и чувствовать было некогда. Гнал страх. А потому, превозмогая боль в ногах, выдергивая застрявшие в асфальте каблуки, женщина неслась подобно урагану. Розовый плащ трещал на добротных плечах и был готов лопнуть не только по швам. Декольтированная блузка со всей бесстыдностью жаждала распахнуть то, что обычно скрывается от посторонних глаз.

Стрелки вокзальных часов упрямо подвигались к цифре пять.

– Поезд номер, – хрипел динамик, – хр-тр-ш-ш-ш, следующий ч-ш-ч-хр, отправляется с третьего пути. Доброго х-р-р ш-ш.

Так что у Милентины не было возможности ни привести себя в надлежащий вид, ни узнать, в каком направлении собирается двигаться пассажирский состав, и тем более выяснять, в каком направлении бежит она сама.

Мысленно ругая весь мир, Милентина прибавила ходу. Она помнила слова кассира: «Если успеете, то у вас второй вагон…» Дальше слушать было недосуг, с зажатыми в руке паспортом и билетом рванула она вот на эту стайерскую дистанцию.

По привокзальной площади и на перроне толпились отпускники. Отбыв в тепле бархатного сезона, они спешили уехать домой, в морозы Сибири, равнодушную пустоту севера и дождливую слякоть Подмосковья. Еще находясь во власти шальной южной осени, но одной ногой стоя у порога своего далекого дома, люди прохаживались на небольшом расстоянии от гор поклажи.

Все это мешало Милентине, но не могло затормозить ее движения. Она «летела» сквозь кипящий котел вокзального муравейника. Крепкий мужчина попытался придержать ее, чтобы предъявить счет за упавшего ребенка, но спешащая буквально прошла сквозь него.

– Учись, – ухватило ухо чьи-то слова, – поперек толще, а как бежит…

В другое время туго пришлось бы обидчику, но заветный вагон был где-то рядом, а ноги жаждали покоя.

Сделав последний рывок, женщина вбросила тело в спасительную пасть двери. Проводница укоризненно посмотрела. Милентина хрипела, потому что дышать не могла. В глотке стоял сухой, горячий ком, в глазах время от времени темнело. Пот стекал ручьями. Достала платочек, чтобы хоть как-то утихомирить влагу тела. Ткань мгновенно стала мокрой, можно было отжимать. В ярости скомкала платочек, но выбрасывать передумала – это был единственный предмет из только что зачеркнутой жизни.

– Черти гнались, что-ли? – пробурчала хозяйка вагона, закрывая тяжелую вагонную дверь. – Не стойте в тамбуре, мне работать надо.

Перрон поплыл в обратном направлении.

Тина, встряхнувшись, словно кошка, величественно прошествовала вперед, соображая, какое же купе ее. Заглянула в билет и усмехнулась про себя: «Тринадцатое место… Самое впору!»

В щель приоткрытой двери одного из купе увидела солидного, хорошо одетого мужчину. Отметила для себя: «Домашний». «Славненько все складывается», – улыбнулась Тина.

Ее соседями по купе оказались совсем еще пацаны. Чемоданы, узлы и корзины с южными фруктами заполняли все пространство, так что Тине пришлось к своему месту пробираться с трудом. Зло пнув один из узлов, наступила на другой.

– Осторожнее, – воскликнул парень в очках, – там виноград.

– Подбирать надо.

Она глянула на возбужденных отъездом юнцов, и те мигом замолчали, пересев на одну лавку, полностью освободив другую. Все еще хрипя от натуги, обливаясь потом, женщина скинула с себя плащ, по-хозяйски поставила на стол ридикюль, сложила в него паспорт с билетом и шлепнулась на диван возле окна. Нервно поправила блузку.

Весь ее багаж состоял из того, что было надето на тело и вмещалось в крохотную сумочку. Главное же богатство – билет до конечной станции.

Тоскливо посмотрела на удаляющийся вокзал, зло вздохнула, что-то вспомнив, и вдруг отпрянула от окна: «Кирилл? Как он нашел меня?..» Хотела рвануться с места, но животный страх сковал тело безнадежностью. Бежать было некуда.

Она видела, как вдоль состава, заглядывая в вагонные окна, бежал разъяренный человек. Он приближался. Полы его плаща развевались, как флаги. Сжатые в кулаки руки беспрестанно цеплялись за «флаги», поддевая их и подбрасывая.

Хотелось стать маленьким зернышком, песчинкой… «Зачем мне это надо было?» – стучало по вискам.

Поезд еле полз, и потому Кирилл почти достиг милентининого окна. Тут локомотив, решив ускорить отбытие, начал набирать скорость. Промелькнул обрыв перрона.

Женщина долго еще видела фигуру на этом обрыве, которая в ярости колотила кулаками по ограждению. Фигура становилась все меньше и меньше и вскоре скрылась за поворотом.

«Он бы меня за Сонечку убил», – пронеслось в голове. Минуту помолчала, сглотнула сухой ком и нервно засмеялась, вытирая со лба крупные капли.

– Отсыпь, судьба, мне звонкою монетой... – выдохнула речитативом.

Распрямила плечи, оглядела молодняк глазом оценщика. «Щенки, – подумала она про себя, – ни одного стоящего». А вслух сказала:

– Рада, что будем ехать вместе. Вы до какой станции?

– До конечной, – наперебой заговорили ребята. – Так смешно: здесь лето, а у нас уже зима… Мамка звонила, говорит, что морозы под тридцать заворачивают, а здесь розы цветут… Вы вон в плащике, а там шубы нужны будут…

У Милентины озябли ноги, по коже пробежал холодок. Как-то морозов она не предусмотрела. Правда, и предусматривать было некогда. Главным было – уехать поскорее. Неважно куда. Вот теперь оказалось, что «куда» тоже бывает важным.

Передернув плечами, женщина выбралась в коридор. Надо было обдумать создавшееся положение: ни денег, ни места, где ее могли ждать, ни шубы, чтобы доехать до своей конечной. «Вот тебе и отсыпала судьба, – подумала Тина. – Надо осмотреться, критических ситуаций не бывает. Выход должен быть».

Из соседнего купе молодцевато вышел тот самый мужчина, которого приметила Тина. Тайно скользнув по разгоряченной женщине взглядом, он направился к проводникам.

Невысокий, коренастый, но уже оплывающий от возраста мужчина удалялся от нее, ставя ноги на пол прочно и четко, словно маршировал на плацу. Остатки волос на голове, не подчиняясь ритму движения, лежали не шевелясь.

«Мелковат, – подумала Милентина, – но выбора нет».

Ленивой походкой пассажирка последовала за мужчиной, еще не зная, что можно предпринять, как завязать разговор. Шла, словно ищейка по следу, вынюхивая и выслеживая добычу, искала момент, чтобы схватить за глотку мертвой хваткой.

Веки сузились, и из этих крохотных щелей горели два раскаленных угля. Охотница старалась определить мишень, дальность боя, чтобы было ловчее прицелиться и ударить наверняка.

Короткие пальцы рук пошевеливались, готовясь к действиям. Наманикюреные ногти отливали кроваво-красным…

Проходя мимо соседнего купе, краем глаза увидела, что в нем осталась только юная особа. Девушка устраивала свой багаж на верхнюю полку.

– Здравствуйте, – стряхнув с себя лик охотницы, радушно улыбаясь, сменила Тина траекторию движения, – что, верхняя полка досталась?

Пассажирка печально вздохнула и тоскливо посмотрела на второй «этаж».

– Такие очереди за билетами, что выбора не было, – снова вздохнула девушка, – теперь придется всю дорогу ехать как попало.

– Вот и мне не повезло, – запечалилась Тина, – мне наоборот досталось нижнее место, а я не могу внизу спать. Привыкла к простору, воле, чтобы воздуха было много…

– Так, может, мы с вами обменяемся? – робко спросила девушка.

– И вы согласитесь ехать на нижней полке?

– С радостью!

– Вы моя спасительница! – Тина схватила девушку за руки и стала их трясти, пожимать. На такой оборот дела она не рассчитывала, а тут удача сама ломилась к ней.

Не раздумывая, Милентина сгребла чемодан, сумку девушки и махом перенесла их в свое купе. Вернулась на выменянное место, повесила плащ, поставила сумочку на верхнюю полку... Послышался мужской голос, он приближался. Открылась дверь… На пороге стояли молодцеватый мужчина и проводница.

– Простите, – растерялся пассажир, – а где моя соседка?

– Она попросила меня поменяться с ней местами, потому что не переносит высоты.

– А вы?

– О, я всю жизнь на высоте.

– Вот и хорошо, что вы все тут разобрались, – буркнула проводница и поспешила по своим делам.

– Далеко едем? – равнодушно спросил мужчина, устраиваясь у окна.

– До конечной.

– Значит, попутчики. Я не люблю частые передислокации.

– Честно признаться, я тоже люблю постоянство и тишину.

– Давайте тогда знакомиться, нам вместе ехать трое суток. Иннокентий Солонцев.

– Красивое и необычное имя, – Тина задумчиво подняла к потолку глаза и протяжно повторила. – Инно-ке-нтий. Имя, как песня. Вы видно очень талантливый и добрый человек.

– Почему вы так думаете?

– Такое редкое имя… я слышала только у знаменитостей.

– Да? – удивленно проговорил мужчина, напрягая память, чтобы вспомнить какую-нибудь знаменитость-тезку.

– Иннокентий Смоктуновский, например, – вскользь подсказала Тина.

– Точно!

– А я что говорю! Только у знаменитостей… Вы генерал, судя по выправке?

– Что вы, я простой советский подполковник внутренних войск.

– Непростой, – игриво воскликнула Тина, – видно, многие завидуют вам и не дают возможности стать генералом. Ничего, – твердо заявила она, – мы добьемся, и вас оценят. Но не генералом назначат, а генерал-полковником!

– Ну, – заулыбался подполковник, – звание присваивают, а не назначают…

– Значит, присвоят. Ты этого достоин…

Милентина, может быть, совсем бы перешла на «ты», но открылась дверь, и в купе вновь вошла проводница, неся под мышкой упакованное постельное белье. Она безразлично взяла билеты, надорвала у них краешки, рассовала по кармашкам кожаной сумки.

– Белье брать будете?

– Два комплекта, – галантно отозвался подполковник.

– С вас два рубля.

Мужчина оглянулся на соседку, та была занята укладыванием билета и, похоже, не услышала проводницу. «Два рубля – не сумма», – вздохнул про себя Иннокентий и вытащил из кармана кошелек.

– Вы так галантны, – восхищенно выдохнула Тина, – сейчас я отдам деньги.

Она приподнялась на цыпочках, потянулась на полку за сумочкой и, покачнувшись, зацепила соседа бедром. Горячее тело обожгло…

– Какие мелочи, – выгнул грудь колесом подполковник, – не беспокойтесь, располагайтесь.

Молитвенно сложив руки перед собой, Милентина смотрела на благодетеля во все глаза. Она молчала. Потом, будто спохватившись, засуетилась, заторопилась. Спешно постелила свою постель и, вроде бы по привычке, принялась заправлять и нижний диван.

– Ох, – вскинулась она, – вы меня совсем засмущали. Я уже и не в свои дела полезла. Простите, это по привычке. Дома-то все на мне было, а теперь не у дел я осталась.

Женщина вдруг опустилась на противоположный, никем не занятый диван и горько заплакала, закрыв лицо руками.

– Да что вы, – присел перед ней подполковник, – что случилось?

– Простите меня, – всхлипывала женщина, – свое вспомнила. Муж у меня недавно умер… Скоропостижно. Мы с ним так любили друг друга. Он был такой же красивый, как и вы, статный. Вот только, наверное, был пониже и чуть лысоватее. А уж добрый... как вы. Я его с работы жду, ужин сготовлю, слушаю: не стукнет ли дверь. Бегу навстречу…

Тина судорожно вздохнула, поверив собственному рассказу.

– Теперь его нет, и некому меня защитить.

– А дети, родственники?

– Детей Бог не дал. А родственники? Нет... они очень хорошие… Это я, наверное, чего-нибудь не так сделала. Они меня просто выгнали из моего дома. Мы с мужем этот дом своими руками построили, от самого основания. Он за один кирпич, я за другой. Все вместе, всюду вместе. Надорвалась я тогда на строительстве, вот и не получились детки. Муж сильно переживал, что я тяжести таскаю. Оберегал меня. Но я как его брошу, кто ему еще поможет?

Братья его еще тогда от нас отвернулись, завидовали, щепки не подняли на строительстве. А как несчастье случилось, они тут как тут, пришли наследство делить. Меня вытолкали, даже вещи не отдали. Свекровь все себе заграбастала. Вот я и поехала к отцу с матерью. Куда же еще мне, сироте, ехать?

Слезы текли из глаз женщины ручьем.

– Простите, простите меня, – уливалась слезами Тина, – просто сердце не выдерживает такой несправедливости.

– Ну, успокойтесь, – пытался утешить ее Иннокентий, – все уже позади. Глядишь, и наладится жизнь. Встретите хорошего мужчину, выйдете за него замуж…

– Правда? – вскинулась Тина, потянулась к подполковнику всем телом. Ее глаза светились надеждой.

Будто засмущавшись, женщина вскочила и быстро вышла в коридор. Почти бегом она вылетела в тамбур. Там перевела дух. Поглядела, не идет ли сосед следом, и сдавленно захохотала. Рыхлое, большое тело вздрагивало от приступов смеха.

– Ну, Миля, ты даешь, – между приступами хохота говорила она себе, – тебе только кино придумывать… А этот дурак рассиропился… Генерал хренов. «Постричь» бы этого карася да налысо!

От укрощенного хохота заболели мышцы лица так, что свело челюсти.

– Все, пора возвращаться. А то попутчики подсядут.

Посмотрела в окно. Большие и маленькие поселки, окруженные по-осеннему разноцветными, пышными садами, провожали пассажирский поезд. Вот мимо проплыла роскошная дикая груша, выросшая почти на железнодорожном полотне и почему-то уцелевшая от вырубки. Осыпающиеся листья теплым желтым ковром ложились на насыпь, а ветки были унизаны небольшими плодами.

Заныло сердце. До боли стало жаль своей прежней жизни. Такая же груша росла в саду родительского дома. Каждую осень мать заставляла их, ребятишек, собирать грубые плоды и сушить на жестяном листе в духовке. Если же осень была жаркой, как в этом году, то дичков рассыпали на крыше, и дважды в день приходилось ворошить и переворачивать.

Как только плоды были собраны, мать требовала от отца спилить дерево, чтобы оно не застило свет. До самой весны родители перебранивались по этому поводу, вроде бы забавлялись.

– Петро, – обычно с утра начинала мать, – ты сегодня чем занят?

– Хотел к куму сходить. Он «помощь» просил,– говорил отец, сидя во дворе на лавочке. Мирно дымящаяся папироса распространяла сладковатый дым.

– Чадишь, как паровоз, – рукой отмахивала дым мать, – лучше спили дичку. Сколько дров будет.

– Да у нас дров – полный сарай.

– Где полный-то? – не повышая тона, говорила мать и продолжала свои дела. – Правая поленница почти кончилась. А по радио обещали снег и заморозок.

– Морозов уже лет пять не было, поди и этот год без них пройдет, вон какое тепло стоит. Люди даже лозу не прикапывают.

– Тебе что лень срубить дерево? От груши уже солнце в окно не заглядывает.

– Ладно, – соглашался отец, – как-нибудь доберусь и срублю.

Он уходил к куму на «помощь», а дерево оставалось невредимым.

Весной благодарная груша расцветала. Казалось, что белый парус одиноко бороздит по зеленому океану. Фруктовые деревья в саду тоже расцветали, однако не было в них той сумасшедшей роскоши.

– Ну, что, мать, – спрашивал отец, – срубить что-ли дичку?

– Цветет уж больно богато, – отвечала мать, – оставь до осени. Сушку насушим для компота, тогда и срубишь.

Все лето Тина устраивала под грушей свои шалашики. Под ее пышной кроной никакой дождь не был страшен. В знойные дни и душные ночи под деревом растекалась прохлада. Но, главное, родители не видели, как их дочь за малейшее непослушание наказывает своего малолетнего брата. Она ставила Егорку на ветки дерева и раскачивала их. Мальчик, стараясь удержаться, тихо плакал, а потом падал вниз. Тогда сестра ногами подкатывала его к краю глубокого яра. Если вдруг появлялись родители, Тина падала рядом с братом, хватала его в объятья, будто бы они борются. Жаловаться Егорка не смел, боялся сестры.

Брат мешал ей жить. Пока его не было, в доме все жило и существовало только для Тины. Ни в чем родители не отказывали дочери, любой каприз выполнялся немедленно. Избалованная девчонка умела только ломать и разбрасывать игрушки. Школа не прибавила Тине прилежания. Жизнь изменилась, когда в семье появился малыш. Появились обязанности. Требования ужесточались с каждым днем. Посыпались жалобы учителей. Тина считала, что к ней придираются из зависти.

Исходила криком, когда мать пыталась ее заставить делать уроки. Накричавшись, уходила

под грушу. Забиралась почти на самую макушку, когда появлялся рассерженный отец.

– Оставь ее, – уговаривала его мать, – не дай бог, свалится еще. Вырастет, образумится.

На много лет дерево стало для Тины главным прибежищем.

Уже в старших классах девушка строила здесь воздушные замки. Она «рисовала» красивые сцены любви, где ее, благородную и добрую, оскорбляли подлые люди, но появлялся красавец капитан. Он только что вернулся из дальнего плавания. Не раздумывая ни минуты, бросался к ней на помощь... Тогда вокруг замков растекались реки крови врагов. Реки впадали в бушующий океан, по волнам которого Тина с капитаном, смеясь, уплывали в далекие страны.

…В дупло груши сунула Тина дневник своей единственной школьной подруги Сонечки, которая неожиданно пропала перед самым выпускным. Поговаривали, что она сбежала с взрослым мужчиной. Однако Тина точно знала, что Сонечки больше нет. Совсем нет!

В тот год дичка неожиданно засохла. Листья свернулись, засохшие они так и висели, прикрывая в мертвых своих кучеряшках мелкие, не вызревшие плодики.

Дичка знала слишком много тайн…

С тех пор прошло много лет. Тина сохранила ту самую тетрадку, исписанную ровным, аккуратным почерком. В ней тихая, застенчивая Сонечка рассказывала о подвигах подруги, восхищалась ее бесстрашием.

Вот и сейчас этот дневник лежит в маленькой сумочке на полке. Милентина не могла объяснить себе, почему перед бегством она вместо денег, документов, вещей успела схватить только эти исписанные листочки.

…Дикая груша на железнодорожной насыпи давно осталась позади, разбудив рой разных воспоминаний. Мимо продолжали плыть сады, дома и дороги.

«Назад дороги нет», – подумала женщина. Она припомнила нового соседа, криво усмехнулась: «На безрыбье и рак – рыба, а мы будем ловить карася». Зашла в туалет, умылась, надела на лицо печаль и вернулась в купе.

Подполковник сидел за столом с торжественным видом. Тина огляделась и обнаружила, что ее постель перестелена. Простыни натянуты, как по струнке, ватная подушка взбита и стоит треугольником.

На столе – коньяк, конфеты, нарезка колбасы, открыта банка консервов…

– За знакомство, – гостеприимно провел по воздуху рукой Иннокентий.

– Неудобно мне, – скромно потупила глаза Тина.

– Вы скрасите мое одиночество.

– Разве что так.

Она приблизилась к столику и присела рядом на краешек. Мягкий бок прильнул к сильной руке…

Мужчина заерзал на месте, засуетился, то и дело задевая округлые формы новой знакомой.

– По маленькой? – предложил он.

– Мне только глоточек. Я почти совсем не пью.

– Коньяк – не водка, а лекарство. Его врачи прописывают от стрессов.

Плеснул напиток благородных людей соседке в походный стаканчик, наполнил свой. Рисуя на лице робость и страх, Милентина неловко приняла коньяк.

– Только из уважения к вам, – сказала она. – Только вы уж не обессудьте, если я разговорюсь потом.

– Да, пожалуйста... Я и сам люблю поговорить с хорошим человеком.

Они чокнулись, и Милентина, сложив губы трубочкой, неумело потянула напиток… Закашлялась, замахала рукой, будто остуживая губы. Глазами поискала, чем бы закусить.

Подполковник довольно заулыбался, протянул ей конфету.

– Ты совсем не умеешь пить. Ничего, я научу.

Одним глотком он выпил содержимое стаканчика, разломил другую конфету, понюхал кусочек, положил его в рот, наслаждаясь дуэтом жидкости и шоколада. Вторую половинку конфеты протянул ко рту соседки. Та, благодарно глянув, покорно приняла дар одними губами, блаженно закрыла глаза и как бы нечаянно опустила голову на надежное мужское плечо.

– Так хорошо, – прошептала она на тихом дыхании, – просто какая-то благодать опустилась на меня. Иннокентий, я…

– Называй меня просто, Кеша, – предложил счастливый подполковник, – и вообще надо уже переходить на «ты».

– Кеша – это как-то по-деревенски, – преданно, не меняя позы, заглянула ему в глаза попутчица, – Ноки – так лучше звучит. Можно я к тебе буду так обращаться?

– А что, красиво! Ладно, пусть буду Ноки. Так меня еще никто не называл.

Тут в глазах Ноки что-то вспомнилось… Он повернул голову к соседке:

– А ведь я не знаю твоего имени.

Разморенная женщина медленно подняла голову и вдруг заразительно засмеялась.

– И впрямь, я тебя знаю, а ты меня – нет. Прости меня, растеряшку, забыла…

Она выпрямила, насколько это было возможно, пышную спину, одну руку положила на голову, а другой взяла под козырек:

– Разрешите представиться? Пассажирка Милентина.

– Вольно, – шутливо, но зычно скомандовал подполковник, и оба снова засмеялись.

– У тебя тоже красивое имя, а, главное, очень редкое, – наливая еще по одной, проговорил Иннокентий, – я вообще впервые такое слышу.

– Когда я родилась, папа решил, что меня будут звать так же как и английскую королеву. Это он назвал меня так.

– В Англии не было королевы Милентины, – твердо сказал попутчик.

– Конечно, была, – уверенно кивнула головой женщина, – но это было в древние времена.

Ехать было еще далеко, и мужчина не стал доказывать истину, чтобы не портить отношений…

Крутобокая бутылочка быстро теряла содержимое. Ни к чему не обязывающий разговор лился о том, о сем. Они уже давно были на «ты». Подполковник легко поглаживал новую знакомую то по плечу, то по широким формам. Соседка, слегка опьянев, доверяла спутнику тайные тайны, позволяя себе некоторые вольности, которые приводили мужчину в состояние крайнего возбуждения.

– Представляешь, выставили они меня из квартиры почти голую, – обиженно говорила Милентина, случайно опираясь на сильное колено попутчика.

– Подожди, – притормозил ее Ноки, – ты же говорила, что вы с мужем дом построили?

– Какой дом? Ах! Ну да, конечно, дом, – на секунду задумалась Милентина, вспоминая, что она рассказывала «до того», потом тряхнула головой, – только муж сделал его как квартиру со всеми удобствами. Вот я его и называю квартирой.

– Извини, не понял. Продолжай…

Так за разговором пришел вечер. За вагонным окном вслед составу бежала теплая осенняя ночь. Мелькали одинокие фонари разъездов, проплывали придорожные поселки. Время от времени состав тормозил на очередной станции, принимал новую порцию пассажиров и, лязгая железом, снова трогался в даль далекую, где давно ходят в теплых шубах.

Пора было ложиться спать. Милентина, несмотря на излишки веса, легко вскочила на подножку и быстро оказалась на постели.

– Дорогая, – извиняющимся голосом начал подполковник, – ты прости, что не предлагаю тебе нижнюю полку, но я после ранения и не могу подниматься наверх.

– Не расстраивайся, я знаю, что ты настоящий мужчина. А мне впрямь нравится быть наверху: простора больше, и обзор лучше.

– Ты, действительно, не сердишься?

– Наоборот, счастлива, что судьба меня с тобой свела. Будто свет в конце тоннеля увидела.

И Милентина погладила его по щеке, потом неожиданно наклонилась и чмокнула в губы. Как будто застыдившись своего поступка, быстро отвернулась и затихла.

Женщина хотела дать мужчине время окончательно расслабиться, чтобы можно было сделать последний бросок и пленить его, уже лежачего.

Очередная станция возникла в тот момент, когда охотница была готова к решительному прыжку. Вот она приподнялась, прижала руку к груди, изобразила на лице недомогание…

Состав, резко толкнув воздух, затормозил. В вагон стали входить новые пассажиры. Открылась и дверь их купе. На пороге стояла сильно нагруженная пожилая дама. Два чемодана, связанные ремнем, были перекинуты через плечо. Руки оттягивали тяжеленные сумки.

Женщина свалила чемоданы, поставила сумки на свободный диван и вышла. Вернулась, ведя с собой старенькую бабушку.

– Молодой человек, – обратилась она к подполковнику, – можно, бабушка пока посидит на вашей стороне?

– Пожалуйста, пожалуйста, – подвинулся тот, освобождая край дивана.

– Ты, мам, пока посиди, а я разберу вещи.

Новая соседка стала расталкивать узлы.

– Молодой человек, – снова обратилась она к подполковнику, – вы не могли бы поменяться со мной, мне на верхнее место не забраться.

Это вовсе не входило в расчеты Милентины, и все ее старания сводило на нет. Охотница мигом спрыгнула на пол, ощетинившись, встав между мужчиной и пассажиркой, буквально прорычала.

– Не может.

Ее агрессия не смутила женщину.

– Мы всего ночь едем, а завтра ваш муж снова вернется на место. Раньше-то я легко забиралась, а теперь остарела.

Ночь! Еще чего… Тут, может быть, ночь всю жизнь решает.

– Ты, что не видишь, что человек из госпиталя едет? Раненый он. Между прочим, Родину защищал и вот таких – неблагодарных. Ты, что, думаешь, от великой радости благородный человек едет на нижней полке, а меня на верхнюю затолкал? Если ты знала, что везешь старуху, заранее не могла билеты купить?

Милентина так орала и так наступала, что просительница уже давно стояла в коридоре, а ее мать, сжавшись в комочек, со страхом смотрела на немужнюю жену.

– Чего шумим? – подошла к ним проводница.

– У меня верхняя полка, – горестно проговорила новая пассажирка, – едем на похороны, по телеграмме брали билеты. Не на полу же мне спать, вот я и попросила поменяться местами. Подняться-то я не смогу.

Она приподняла край длинной юбки и показала распухшие от варикоза ноги.

Подполковник, ошарашенный всем произошедшим, с сочувствием смотрел на пожилую женщину и ее мать. Он решительно вдохнул воздух, чтобы вставить свое слово в разговор…

– Есть у нас одно свободное купе, – мирно проговорила проводница, – пойдемте со мной.

Женщина подняла тяжеленный чемодан, но Милентина перехватила его.

– Идите, идите за проводницей, а я вам вещи перенесу. Наверное, за день-то натаскались.

Проворно подхватив еще и сумку, Тина легко понесла их по вагону.

– Иннокентий, – окликнула она оторопевшего военного, – ты вещи не носи, а веди потихоньку бабушку.

В новом купе Милентина положила под лавку сумку и чемодан, живо сбегала за другой поклажей, скинула матрацы.

– А ты, хозяюшка, – обратилась она к проводнице, – неси скорее постельное, видишь, люди устали, да и не на праздник едут.

– Мы не хотели постель брать, – начала было женщина.

Но Тина так глянула на подполковника, что у того рука сама нырнула в карман.

Через пять минут бабушка уже сидела на аккуратно застланной постели, пила чай. Из ее глаз лились слезы.

– Спасибо вам, – трясла руки Милентине пожилая пассажирка, – что бы мы без вас делали.

Повернулась к подполковнику и сказала:

– Хорошая у вас жена, заботливая…

Уже вернувшись на свои места, Иннокентий растроганно взял Тину за руку, прижал к груди.

– Ты, само благородство. Я горжусь тобой.

Два тела потянулись друг к другу…

Загремела дверь купе. На пороге стоял бородатый мужичок с котомкой на плече. Сзади маячила проводница.

– Вместо бабушек, – пояснила она.

Мужичок молча, без «здравствуйте», закинул котомку на верхнюю полку и вышел. Вернулся пропитанный запахом дешевых папирос и так же безмолвно забрался на второй этаж. Через секунду послышался его легкий сап.

Настроение было сильно подпорчено. Иннокентий, подсадив соседку, некоторое время стоял рядом. Чмокнув ей на прощание руку, стал устраиваться на ночлег.

Уставшая от пережитого, уснула и Милентина. В ее сне ослепительно сияло солнце. Оно не грело и не жгло, а, наоборот, вымораживало. Очень хотелось накинуть на себя пуховый платок, такой, какие вязала для продажи мать. Тина знала, где мать хранит платки, но найти это место не могла. Босые ноги увязали в размякшем от жары и почему-то очень холодном асфальте. Повернулась, чтобы идти обратно… Навстречу шел брат Егор с маленькой девочкой на руках. Бездыханное тело ребенка вдруг зашевелилось. Тина бросилась бежать к солнцу, чтобы спрятаться за него…

И тут женщина проснулась. В окно втекал новый день. Он принес собой сияние ослепительной белизны полей. Ни садов, ни поселков… Куда ни глянь, ровная, как стол, земля убегала к горизонту, до которого и не дойти, и глазом не достать. Легкий снежок порхал то тут, то там. Он блистал всеми цветами радуги в лучах восходящего светила.

Слой молодого снега был невелик. Из-под него выглядывали желтые былинки уснувших трав. На редких кустах красовались пушистые, белые шапки, которые уже растекались водой по жиденьким стволам.

В ее городе иногда шел снег, именно такой вот – легкий, сияющий. Обычно он держался один, два дня, а то и просто таял на глазах. Тина

успокоилась. Разве это снег? В такое-то время она у себя легко ходила в туфлях и плаще.

Сосед на верхней полке спал, слегка посапывая. Заглянув вниз, Тина обнаружила только аккуратно свернутый матрац и никаких следов присутствия человека. Стол прибран. Ни куртки, ни шапки на крючке.

– Козел облезлый, обманул! – глухо заругалась женщина. – Прикидывался порядочным, а сам, мешок с дерьмом, сбежал. Я тут для него прыгаю на одной ножке, а он… быдло пузатое…

В душе поднималась волна бешенства и злобы на неблагодарный мир. Очень хотелось кого-нибудь избить, а еще лучше убить. А тут еще проснулось вполне физиологическое чувство голода. Очень хотелось есть.

Тина повернулась на живот и снова посмотрела в окно. Состав подходил к станции. За окном потянулись привокзальные строения. Бородатый мужичок проснулся, резво соскочил вниз, вынул из котомки видавшую виды курточку и побежал к выходу, даже не прикрыв дверь.

Поезд судорожно дернулся, передавая лязг железа от одного вагона к другому, и остановился. У края перрона торговки выставили свой товар. Тут тебе и рассыпчатая картошка с огурчиком, и холодное молоко…

«Может, здесь остаться, – подумала Тина, – вон как сытно торгуют, и к дому недалеко». Она осмотрела мужчин, выгрузившихся на станции – ни одного подходящего. Поискала глазами вокзал, получалось, что небольшой сарайчик с прибитой вывеской «ст. Завалиха» – это и есть временное пристанище пассажиров. Рядом высилась водонапорная башня. Ни вправо, ни влево не проглядывались высотные дома. Несколько добротных частных домов не вселили в Милентину надежды, что в одном из них ее могут ждать. Или на худой конец принять. «Надо попытаться, – подумала она, – не ехать же в Тмутаракань, где уже в ноябре – мороз под тридцать».

Оказавшись внизу, она еще раз поглядела в окно, прерывисто вздохнула. Ни одного прилично одетого мужика не проглядывалось. Надела плащ, застегнула его на все пуговицы – все-таки теплее будет – полюбовалась на босоножки. А куда деваться? Другой обуви она не успела захватить, хорошо еще, эти-то на ногах были, а то бы пришлось голоногой бежать. Медленно пошла по коридору в тамбур, из которого в полость вагона клубами затекал холодный и сырой воздух.

Пассажиры прогуливались по перрону. Кому-то хотелось ноги размять от суточного сидения в замкнутом пространстве, кому-то купить на обед свежих продуктов.

Земля грубо приняла Милентину. С первого же шага легкомысленная для зимы обувь заскользила по обледеневшему асфальту. Спасли поручни. Повиснув на них, женщина установила ноги попрочнее. Сделала шаг, другой. Идти пришлось на цыпочках. Розовый плащик не только не грел, но и пристывал к коже. Пронизывающий ветер пробирал насквозь. Через минуту зубы застучали в такт проходящему мимо товарняку. Да! Это была не та зима, к которой привыкла Милентина.

Напротив их вагона краснощекий, ладно сбитый деревенский мужик торговал медом. Вязкая янтарная жидкость призывно смотрела на покупателей. На большом блюде лежала рамка с сотами, нарезанными кусочками. Кусочки истекали медом…

Рот наполнился слюной. Сглатывая ее, Милентина двинулась к мужику. А что, очень даже ничего мужик, простоватый. Только бы в тепло попасть, некоторое время переждать, освоиться… «Господи, – думала она, – мне только ноготок в дверь втиснуть, а там не пропаду».

Медленно, из опасения упасть, она двигалась к намеченной цели, потому что уезжать дальше было страшно.

– Ет у тебя че? – услышала Милентина где-то рядом скрипучий голос. Подняла голову. Рядом стоял высокий дедок в старенькой олимпийке. Под мышкой у него зажата буханка хлеба, в руках пустой полиэтиленовый, донельзя затертый, пакет.

– Мед. Ай, не видишь? – спокойно ответил продавец.

– Да, ет я вижу, че мед. Я тя спрашиваю: мед какой?

– Что значит какой?– вскинул брови торговец.

– Дык у тебя мед майскай аль нояберьскай?

– Ты что, ни разу меда не видел? Откуда в наших краях майский и уж тем более ноябрьский мед? – пчеловод сложил руки на животе. – Ты в мае да в ноябре в чем ходишь?

– В пальте, – гордо выпятил грудь покупатель.

– Ты в «пальте», а я должен пчел в фуфайки одевать, чтобы они в холод мед собирали?

– Дык ето, мед какой-то темнай, – затянул бестолковый покупатель.

– Ничего не темный, вот посмотри, – сказал продавец и открыл большое ведро, наполненное медом.

Дедок потянулся посмотреть, взмахнул зачем-то рукой… буханка хлеба, почувствовав свободу, вырвалась из-под мышки и смачно шлепнулась в мед.

– Ах ты, буржуй проклятущий, – завопил хозяин буханки на всю площадь перед вагонами, – ты ет че мине своим медом усю булку испоганил.

Продавец хотел потихоньку вытащить хлеб, но дедок уже ухватил буханку за один конец и с силой стал вдавливать ее в вязкую ароматную, начинающую засахариваться массу, при этом обиженно и зло орал на весь перрон:

– Стоять тут всякаи, нет возможностев просто купить че нада. Как я теперича хлебину исть стану?

Затем вынул булку из ведра, предварительно вывернув солидную порцию меда, ловко раскрыв пакет, сунул туда хлеб. Резко замолчал, нырнул в толпу пассажиров и был таков. Продавец было кинулся за ним, да где искать-то?

– Ах, подлец! – воскликнула Милентина, изобразив на лице абсолютное участие.

– Впервые меня так поддели, – покачав головой, добродушно поговорил продавец, – ты глянь-ко хитрец какой. А вам меду?

– Я вот приехала к сестре, а она не встретила. Может, подскажете, где ее искать?

– Фамилия у сестры какая? Я тут всех наперечет знаю.

– Замуж недавно она вышла, фамилию ее мужа я подзабыла… Вот, зовут ее Мария…

Милентина пыталась найти хотя бы какую-нибудь зацепку в глазах, на лице мужика… Бесполезно. Он был непроницаем и, сложив руки на животе, молча ждал окончания речи.

– Мария? Недавно замуж вышла? – вставилась в разговор верткая бабонька с кошелкой, наполненной бутылками с газированной водой. – А это не про Машку Кривую речь-то?

– Вот, вот, про нее. У нее глазик с детства кривил.

– При чем тут глазик? – заглянула ей в лицо бабонька. – Это у нее фамилия такая в девках была. Теперь она за моего брата вышла, стала Сергачевой. Но она не говорила, что у нее сестра есть. Я всю ее родню знаю.

– Женщина, – разозлилась Милентина, – шли бы вы торговать, да не мешали беседовать.

Повернулась к мужику, только рот открыла, чтобы продолжить свою содержательную беседу, и осеклась. Мужик смотрел на нее и ухмылялся.

– Ты, девка, уж сразу говори: чего надо? Не ходи вокруг да около. Мы тут все и про всех знаем. Дураков-то не водится, – глянул в ополовиненное ведро, засмеялся, головой крутанул и добавил, – только разявы.

Надежда на теплый дом рассеялась. Милентина зло махнула рукой и поскользила вдоль ряда торгующих. Пожилая продавщица открыла перед ней большую кастрюлю с пирогами. Румяные, пышные пироги, каждый величиной в ладонь, дурманили голову и желудок своим ароматом.

– С чем? – спросила Милентина, одновременно заглядывая в соседнюю кастрюлю.

– Печеные – с картошкой, а жареные – с капустой.

– Торопилась, поди, сырые поснимала.

– Ничего не сырые, – обиделась торговка, – вот, попробуйте.

Милентина не стала отнекиваться, куснула во весь рот. Пирог был отменным, картошечка с маслом и луком так и таяли на языке.

– Пересолено, – буркнула Тина и пошла дальше.

– А у тебя с чем? – доедая пирог с картошкой, спросила она у другой торговки.

– С печенью.

– Поди горькая?

– Хорошая печенка. Свою животину держим.

– Дай, попробую?

Да, таких бы пирогов на тарелочку и побольше. Но рассерженная Тина глотала куски, почти не жуя.

– Не умеешь готовить – не берись, – кинула она продавщице и пошла дальше, не слушая оскорбленную речь местной жительницы.

Ее внимание привлекла корзинка, доверху наполненная копченой рыбой. Золотистые тушки были аккуратно разделены пополам и источали головокружительный аромат.

– Почем караси? – грубо спросила Тина.

– Это не караси, а лещ, видите, каждая рыба круглая и плоская, – женщина сложила половинки.

– Мне нет разницы: лещ, карась… Я спрашиваю – не тухлая?

– Побойтесь Бога!

– А чего его бояться? Вы нам тухлятины натолкаете, денежки сорвете. И где вас потом искать? С поезда не спрыгнешь.

– Так вы попробуйте.

Женщина оторвала плавник.

– Что ты мне суешь плавник? По нему и не поймешь, какая рыба.

Тина потянулась к лещу, как вдруг получила весьма ощутимый удар по руке. Перед ней, подбоченившись, стояла прежняя собеседница с кошелкой, наполненной бутылками с газированной водой. Тугие щеки пылали здоровьем. Плотно сидящий полушубок расстегнут – хозяйке жарко.

– Если нацепила розовый плащ и копыта, то можешь всех оскорблять?

Милентина взорвалась: мало того, что едет неизвестно куда, без копейки денег, мужики срываются с «крючка», голод донимает, так еще и какая-то крестьянка жить мешает.

– А ну пошла вон, кошка облезлая, – обрушилась на бабоньку Тина и попыталась оттолкнуть нахалку.

Но та стояла, как вкопанная, и даже не шелохнулась.

– Ты руки-то не шибко распускай, – негромко сказала местная, – а то ведь я тоже могу толкнуть.

Она повернулась к торговому ряду и зычно крикнула:

– Бабы, этой розовой торбе не продавайте ничего. Она только пробует и ничего не покупает. Пироги бабы Сони забраковала. А про бабы Сонины пироги в газете районной писали.

Обернулась к Милентине и, не сбавляя голоса, сказала:

– Вот что, акула тухлая, я вижу, что ты пожрать любишь, а платить не хочешь. Так что проваливай, пока я Сохатого не позвала.

От злобы все внутри Милентины клокотало. Она уже была готова вцепиться в нахалку, но понимала, что заступники будут только у местной, а потому дала волю только языку:

– Ты кто такая? – орала она. – Раскомандовалась: продавайте, не продавайте… Готовить надо лучше, а не обманывать людей.

– По себе что-ли судишь? – парировала местная. – Тебе что врать, что спать – одинаково. Рыба ей не понравилась! А сама глазами-то слопала бы, да вместе с костями.

– Это ты от жадности подавишься, – раскрасневшись и согревшись от крика, орала Тина, – детей своих с голоду заморила, все на продажу тащишь. От такой дуры и мужик на сторону бегает.

– Сказать нечего, так ты на мужиков перепрыгнула? А тебя видно твой вот так и выкинул? – баба откровенно в лицо хохотала. – Ой, не могу! В копытцах – по зиме не больно-то сладко. И денег на дорогу поди не дал?

Это уже был пинок под дых. Тина приготовилась к прыжку…

Рядом с обидчицей возник громила.

– Нинк, – спросил он, – ты че не торгуешь? Че кричишь?

– Вот эта тумба копченая, сказала, что у твоей матери вся рыба тухлая.

Не дожидаясь ответа, Милентина поспешила уйти. Но чем дальше она шла вдоль ряда, тем меньше была надежда попробовать еще чего-нибудь вкусного. Женщины перешептывались, закрывали перед ней кастрюльки, корзинки.

– Я купить хочу, – возмущалась Тина.

Но ответ был один: «Все уже продано, приходите завтра».

Как только Тина проходила мимо, кошелки вновь открывались, и женщины накладывали пассажирам картошку в тарелки доверху, добавляли соленый огурчик.

– Пропадите вы все пропадом, – зарычала голодная и замерзшая Тина.

Скользя по перрону, Милентина пошла в обратный путь. Около торговки рыбой увидела своего бородатого соседа. Приложив руку к груди, он просил: «Золотко, красавица, угости рыбкой. Хоть завалящей какой. Поиздержался в дороге…»

Хозяйка выбрала круглого, увесистого леща.

– Ешь, добрый человек, на здоровье. Нешто мы не люди?

Немного повернувшись, обратилась к соседке:

– Теть Нюр, тут человек голодный, дай ему пирогов своих.

Мужичок, благодарно кланяясь, посеменил к вагону. В руках он держал не только рыбу.

Милентину просто разрывало от бешенства и голода. Войдя в тамбур, не ощутила тепла, потому что двери были распахнуты настежь. Двинув ногой в стену, она ринулась в купе.

А там висело благоухание хорошо прокопченной рыбы. Это бородатый сосед, постелив газету, аккуратно разделывал добычу. Вначале отломил голову, потом очистил от чешуи, косточек...

Янтарные куски леща возлеживали кучкой и ждали момента, когда человек, насладившись их ароматом, изволит начать кушать. Но человек хотел продлить удовольствие. Он тщательно собрал мусор в свернутый газетный кулек. Взял жестяную кружку и пошел за кипятком.

В другой ситуации Милентина просто «поделилась» бы с мужиком, но сейчас с ним рядом сидела новая пассажирка – хмурая дама. Она пропустила обладателя рыбы, строго скользнула взглядом по вошедшей и продолжила чтение книги. Оставалось только забраться на полку и попытаться заснуть. Отвернувшись к стене, Милентина криво ухмыльнулась и подумала про себя: «Ну, теперь все, ничего не выйдет. Мало мне одного рыбного любителя, так еще и «милиция» появилась».

Состав все торчал на этой холодной станции и, наверное, не собирался в путь-дорогу. Сон не шел. Голод после посещения рядов усиливался ароматом леща. От раздражения чесались мышцы ног и рук… На следующей станции надо будет повторить попытку остаться или хотя бы поесть всласть. Интересно, когда же она будет, эта станция?

– Дорогая, – неожиданно раздался голос Иннокентия.

Резко повернувшись, Милентина чуть не свалилась с полки. Подполковник едва успел ее подхватить.

– Хватит спать, лежебока, – сказал он, – я уже нам завтрак заказал.

– Ноки, милый, – обвила его шею руками Тина, – я мигом.

Может быть, впервые за много лет женщина была счастлива. Стремительно спустилась вниз, чуть не сшибла с ног возвращающегося соседа. Бесконечно кокетничая, причесалась, поправила изрядно помятую блузку.

Неприветливая станция «Завалиха», наконец-то, поплыла мимо окон.

Пока Тина прихорашивалась перед зеркалом, соображая, как же разгладить одежду, Ноки вынул из свертка свитер красно-коричневой тональности.

– Я понимаю, – начал он, – нам обещали, что в 1980 году мы будем жить при коммунизме, и кругом будет изобилие, только восьмидесятый год уже минул, а изобилие так и не наступило… Короче, на этой станции всего один магазин, и в нем никакого выбора. Вот прикупил для тебя…

– Для меня? Ноки, ты мой спаситель!

И Тина, обхватив дарителя за шею, впилась в него губами. Что подумает «милиция», было не важно. У подполковника от прихлынувших чувств вспотела лысина.

Свитер был откровенно мал. Пришлось втянуть живот, выпрямиться в струнку, чтобы Ноки не чувствовал себя оскорбленным.

– Как ты угадал мой размер? – почти искренне восхищалась Тина, натягивая на себя подарок, – И цвет мой. Посмотри, как он меня освежает.

Она крутилась перед зеркалом и, из-за тесноты купе, задевала подполковника то одной, то другой частью тела. Приглуплено улыбалась, бросая на Ноки скромно-восхищенные взгляды.

Однако внутреннее содержимое души готово было прорваться сквозь телесную оболочку. Обновка крепко держала Милентину за глотку. Плотная вязка воротника душила и давила. Больших стараний стоило охотнице сдерживать поток бешенства на старого обалдуя, купившего натуральную дребедень. Останавливало чувство голода и отсутствие прочного финансового и квартирного субстрата.

«От карася и польза карасевая. Нам бы только ноготок втиснуть – останется от Ноки только оболочка, и ту порвем», – успокаивала она душевные штормовые волны и сильнее втягивала живот.

– Дама готова, приглашай на завтрак, – торжественно произнесла она, беря кавалера под руку.

Выходя из купе, Милентина так вывернулась, что оказалась позади Ноки. Пресекла попытки пропустить ее вперед.

– Ты мой защитник и путеводная звезда, показывай дорогу.

Идя по коридору, женщина свободно выдохнула. Свитер напрягся, укоротился, раздался в ширину… Затрещали швы… Руками попыталась растянуть воротник. Дышать было нечем.

«Ладно, поем только чуть-чуть», – решила Тина.

Их путь лежал через плацкартный вагон. Прогулка по станции «Завалиха» не прошла для пассажиров впустую. В походной атмосфере витали ароматы домашних разносолов.

Тину слегка замутило от голода и тесного свитера. Она машинально схватилась за край полки. Как бы плохо ей ни стало, все же боковым зрением она зацепилась за лежащую на постели безнадзорную заколку для волос. Подхватила ее, как свою, и тут же начала сворачивать волосы в тугой жгут. Заколка как нельзя лучше схватила прямые черные волосы.

Уже почти на выходе из вагона, на боковом месте, Милентина обнаружила высокого старика в старой олимпийке, именно того, который так подло сорвал ей план захвата пчеловода. С од-

ной стороны, хорошо, что сорвал, а с другой – какое он на это имел право?

Дедок отломил от булки громадный кусок, загреб им из пакета золотистый мед и стал кусать хлеб, ловко подлизывая языком медленно стекающие капли янтарного пчелиного нектара. Между жевками он разговаривал с человеком, сидевшим напротив:

– Ет чё ет творится? Вона на станции, продавцы медом кидаютси. Еле отбилси…

В вагоне от большого скопления народа было тесно, душно и жарко. По спине и по шее текли липкие ручейки пота. Милентину снова замутило. К горлу подкатывал мерзкий комок. Чтобы разрядиться, Тина тихонько ткнула длинного мужика так, что он носом сунулся в сладкий кусок, проскочила мимо, дабы не получить сдачу… Оглянулась, в жажде насладиться скандалом, шумом… Любитель меда даже головы не повернул. Просто пальцами счищал лакомство с носа, а потом языком быстро облизывал пятерню.

…Столик был накрыт на две персоны. В подставке потела бутылка коньяка. Изобразив робость, Тина подтолкнула подполковника к дивану, а сама нырнула напротив, скрыв обтянутые складки тела за столовыми приборами.

– По маленькой? – спросил кавалер, наливая в рюмки.

– Прямо и не знаю. Может быть, не стоит?

– Тиночка, вчера же тебе стало легче?

– Ты, как всегда, прав, – деланно вздохнула в полгруди женщина, – я даже уснула… впервые за два месяца.

– Почему за два?

– Как муж умер, так я и не могла спать. Боялась, что его родственники меня убьют из-за наследства.

– Жестокие люди! – подполковник сжал кулак. – Эх, меня там не было… Ладно, дорогая, все уже позади. Давай, за твое будущее.

Они чокнулись и выпили. От коньяка загорелось внутри пламя, и решение Тины – есть поменьше – забылось.

Почти весь день просидели они за столиком. Тина без умолку болтала. Рассказывала про детство, школу, про теплое и ласковое море.

Ее словно прорвало. Воспоминания лились нескончаемым потоком.

…От их дома до моря было не так близко, однако все уличные пацаны и девчонки улучали время в бесконечной работе по хозяйству, чтобы сбегать искупаться. На спор плавали до бакена и обратно.

Не единожды Тина, доказывая свою смелость, заплывала за бакен. Ей попадало и от спасателей, и от родителей. Однако девчонка снова и снова озорничала. Дразнила мальчишек, обзывала их трусами. Случалось, кто-нибудь шел с ней на спор: кто дальше. Заплыв за бакен строго карался, а потому благоразумие ребят брало верх, они вовремя поворачивали обратно. Таких Тина изводила насмешками и издевками.

В один из жарких летних дней детства девчонка снова искала приключений. Она приставала со спором к ребятам, но те, памятуя о строгом наказе родителей, никак не хотели плыть наперегонки.

«Трусы, боитесь воды, сидите на песочке», – крикнула им Тина и поплыла. Она четко работала руками, легко разрезая теплые воды моря. Представляла изумленные, завистливые глаза своих приятелей. «Что, слабо со мной тягаться? Мелочь пузатая!» Вперед манило ожидание похвал и славы.

Наконец, обернулась…

Берег тонкой полоской стелился где-то около горизонта, ребята – словно муравьи. Помахала им рукой. Ответа не увидела. Покрутила головой и испугалась.

Вокруг расстилалась зеленая, грозная пустыня, над которой тяжело приподнимались небольшие волны, словно кто живой дышал в глубине. А пловчиха, маленькое маковое зернышко, и невидна в этом пространстве.

Повернула к берегу, и тут ее оставили силы. Усталость сковала тело. Руки налились тяжестью и не хотели двигаться. Легла на спину, чтобы отдохнуть. Небо тяжело приблизилось свинцовой тучей, похожей на наковальню, быстро наползающей на солнечный диск. Потянул ветер…

Спасение пришло в виде обшарпанного карбаса.

Завернутую в старое одеяло девчонку передали из рук в руки напуганным родителям. Такого позора Тина и не предполагала. Для нее было лучше утонуть. Вместо геройского ей было уготован пьедестал изгоя. Ребята и девчата с улицы купаться уходили потихоньку от нее, да и родители всегда были настороже.

…Естественно, в своем рассказе женщина умолчала о подробностях того дня. Наоборот, девчонка из прошлого, гордо подняв голову, доплыла до берега, легко, словно и не было столь тяжелых испытаний, выбежала из воды. Востор-

женные друзья и взрослые подхватили ее на руки и качали, и подбрасывали вверх…

Тина уже сама верила в рассказ, на секунду червь гнева, родившийся в тот день, перестал точить внутренности и глодать душу.

– Какая ты смелая, – пьяненько гладил ее руку подполковник, – я горжусь тобой.

Именно этих слов не хватало в жизни. Чаще всего она слышала: «Нам стыдно за тебя!» или «И в кого ты уродилась?» За непризнание начинала мстить. Мстила жестоко, легко уходя и не оглядываясь назад. Не прощала даже намека на пренебрежение к своей персоне. Поэтому уже к старшим классам у нее совсем не осталось подруг и друзей, если не считать Сонечки Ивлевой. Сонечка умудрялась как-то ладить со строптивой и скандальной одноклассницей.

…Милентина встряхнула головой, чтобы освободиться от нахлынувших воспоминаний. Наспех прицепленная заколка слетела на пол, освободив волосы. Жгут волос медленно раскручивался и, наконец, упал на плечи. Иннокентий галантно поднял заколку, шутя, приколол на прядь и засмеялся:

– Ты сейчас, как пиратский корабль.

– Почему?

– Волосы у тебя, как черный парус, развевающийся на ветру, а над ними «веселый, черный Роджер».

Сравнение понравилось. Достала зеркальце, заглянула в него… Заколка была своеобразной – белый череп со скрещенными костями. Усмехнулась про себя, а вслух толи пропела, толи проговорила:

– Пираты – романтики. Свободны от общества, злобы людской. Как бы мне хотелось плыть на корабле по океану… вдвоем. И чтобы никого вокруг. Волны стоят стеной, ты у штурвала, я рядом. Мне с тобой ничего не страшно.

Тина все говорила, говорила. Полуприкрытые глаза были устремлены в пространство. Казалось, что она забыла обо всем. Душа подполковника таяла…

В вагон-ресторан ввалилась компания молодых людей. Дымка романтики рассеялась. За окном начинались ранние сумерки, и официант зажег верхний свет. Выпитое горячило душу.

Весь обратный путь до своего купе он жалел о том, что не встретил такого замечательного человека раньше. Слышал сзади горячее дыхание, чувствовал затылком ее тело, такое податливое и понятливое.

Занятый плотскими мыслями, он даже не понял, какая в плацкартном вагоне царила суета.

– Мам, – рыдал звонкий детский голосок, – я заколку потеряла…

– Успокойся, доченька, – видимо, в сотый раз устало произносила мама, – сейчас будет станция, и мы тебе две заколки купим, еще красивее.

– Эту мне подружка подарила…

– Девочка, возьми мою, посмотри, какие висюльки на ней.

– Не хоч-у-у, подружкина лучше.

В купе, откуда слышались голоса, взрослые перетрясали на сотый раз все до последней простыни. Соседи, включенные в поиски, шарили по постелям и кошелкам с едой. Пассажиры с отдаленных место-посадок сочувственно выглядывали из-за перегородок. Они тоже переживали за ребенка, но помочь ничем не могли.

Тина величественно шествовала по вагону, бесцеремонно задевая и толкая головы доброжелательных спутников одномоментного путешествия, прикрывая рукой заколку в волосах.

«И чего так орать из-за безделушки и дешевки – ничего приличного», – подумала она. Тут ее взгляд упал на одну из женщин. Та пыталась хоть как-то успокоить плачущего ребенка. На утешительнице красовался почти такой же свитер, как и на Милентине, только он просторно вращался на более чем широком теле хозяйки. Раскрасневшись от жары, пассажирка сняла свитер и повесила его на крючок.

В тамбуре Тина вдруг споткнулась, ойкнула и, держась за поручень, начала падать вперед. Военная выучка Ноки развернула его на сто восемьдесят градусов. Подхватил женщину на лету и удивился ее легкости. Сердце у него гремело парадным оркестром. Вот оно – мгновение счастья…

Масляно улыбаясь размазанными губами, Тина теперь шла впереди. Пиратский захват произведен. Как-то надо закрепить успех. Но как? Мысли летали в голове, как истребители. Скрутила волосы в пучок, схватила их черным Роджером, тыльной стороной ладони стерла остатки помады.

Вот и купе. Новая жиличка, не отрываясь, читала книгу. Даже глазом не повела, ресницами не ворохнула. Мужичка на месте не оказалось. По-хозяйски устроившись на нижней полке, Милентина наконец-то скинула душивший ее свитер, набросила его на плечи и забеспокоилась… Ноки где-то задержался.

Выглянула в коридор. Подполковник стоял к ней спиной и весело беседовал с белокурой, хорошенькой девушкой.

«Кобылка мохноногая, на лету сшибает. Отвернуться нельзя, как уведет козла. Ну, погоди…» – прошипела про себя Милентина, чувствуя горячий прилив злобы.

Подхватилась и понеслась к проводникам.

– Здравствуйте, – сладенько улыбаясь, проговорила Тина, – нам бы хотелось кофейку, погорячее. Не беспокойтесь, я сама унесу.

Сгребла стаканы в подстаканниках, высыпала в них содержимое суррогатных пакетиков, кинула сахар, залила крутым кипятком. Вот в таком вооружении выдвинулась в коридор. Ноки шел ей навстречу.

– Тиночка, – восхитился он, перехватывая стаканы, – как ты догадалась, что я кофе хочу?

– Я же тебя люблю, – взблеснула скромно глазами она, мысленно приглаживая вставшие дыбом копья мести.

Предзимняя ночь быстро наваливалась на несущийся по строго предначертанной колее состав. В его чреве жили люди, каждый – маленькое государство со своими радостями и горестями, со своими законами и распорядками. Сотни маленьких государств стремительно удалялись от отправной точки и неумолимо приближались к развязке. Для одних впереди светили солнечные купола любви и надежды, для других – серость и обыденность уже обустроенной жизни. И только один человек несся в темноту, вбуравливаясь в чужую жизнь, словно червь в яблоко. Осталось только сжать челюсти, выкусить сочную мякоть плода. Но назревающий ураган гнева мог вырвать добычу из рук, а зарождающаяся волна бешенства, могла снести все на своем пути.

– Сбегаю, приведу себя в порядок, а ты отдохни, поспи, – шепнула Тина спутнику и выскользнула из купе.

Ей надо было успокоиться, взять себя в руки, чтобы не испортить начатое. В коридоре стояла та самая девчушка, собеседница Ноки. Она тайно поглядывала в их сторону.

Поплотнее прикрыв дверь, зверица медленно приближалась к сопернице. Проходя мимо, вдруг прижала хрупкое создание своей массой к окну.

– Если ты, рахитка, еще раз приблизишься к нему, – улыбаясь, тихо произнесла Тина, – я тебя из поезда выкину. Веришь?

Для большей убедительности, она поддела жестким большим пальцем девушку под ребро.

И, не оглядываясь, ушла в другой вагон. Через некоторое время вернулась, поправляя накинутый на спину свитер. Прошла по пустому коридору, постояла перед окном, вглядываясь в незнакомый, холодный мир. Светящиеся окна домов на мелькающих полустанках пролетали мимо и, словно звезды, гасли вдали.

Засветился целый рой земных звезд. Поезд приближался к большой станции. Проводница закрыла туалеты. В коридор стали выходить пассажиры, пожелавшие прогуляться по свежему воздуху. Теплые куртки, шарфы и шапки, на ногах сапоги...

Подполковник высунулся из двери.

– Тиночка, где же ты ходишь? Пошли, побродим по улице.

На нем красовался полушубок. Плащ согреть не мог, и это уже было проверено предыдущим опытом, а потому Тина надела свитер, он точно сел по фигуре. Нигде не морщило и не тянуло. Правда, от него шел запах дешевых духов. Ну, это дело поправимое. Флакончик с дорогим парфюмом всегда был под рукой.

Как ни странно, на платформе не было следов снега. В воздухе носились морозные пары и только. Пассажиров со всех сторон облепили продавцы. Чего только здесь ни предлагали: культиваторы, люстры, насосы для авто… Именно такой насос заинтересовал Иннокентия. Он повертел его в руках и, не торгуясь, вынул купюру.

Перронный базар-вокзал шумел, чем ближе было отправление, тем ниже падали цены. Вот продавцы уже готовы отдать товар за бесценок, но покупательский спрос истаял. Проводники стали настойчиво приглашать пассажиров на посадку. Двери захлопнулись, и базар растворился в синих сумерках.

Вертя так и сяк приобретение, подполковник рассказывал Милентине о преимуществах этой модели.

– В дороге незаменимая вещь. Вот наступи на него…

Милентина наступала на педаль. Воздух с силой вылетал из трубки.

– Если вдруг колесо в дороге спустило, не надо качать руками, встал на педаль и успевай – дави. Никакого напряжения. С этим даже ребенок маленький справится.

Глаза рассказчика блестели.

«Значит, у него есть машина»,– подумала Ми-

лентина, вслух же продолжала восхищаться обновкой.

Все дело испортила соседка. Она угнездилась на постели и, строго глядя в глаза Милентине, предложила: «Давайте спать. День был длинный». Отвернулась к стене, не дав ответить. Мужичок на второй полке все время то спал, то выходил курить. Его вроде бы и не было вовсе. Так, куча тряпок на полке. Но с дамой приходилось считаться. От ее взгляда холодело в груди.

И Милентина подчинилась. Она легко заскочила на полку.

– Я ненадолго, только покурю, – как бы оправдываясь, сказал Ноки и вышел.

Тина прислушалась. Кругом стояла тишина, только колеса выговаривали что-то на своем железном языке. «Милиция», отвернувшись к стене, быстро засопела.

Свесившись с полки, Тина быстро обшарила карманы подполковника. Вытащила паспорт, полистала и сунула его на место. Достала записную книжку, что-то прошептала, будто заучивала наизусть стихи. Услышала в коридоре шаги, вернула книжку на место и притворилась спящей.

Глубокой ночью Милентина почувствовала, что ее гладят. Проснулась. Подполковник заглядывал ей в глаза.

Неслышно они выскользнули в коридор…

Утро началось со стука в дверь. Базар переместился в вагоны. «Не желаете ли приобрести»… И снова раскрывались сумки, мешки со всякой всячиной. Иннокентий купил для Тины теплые, пушистые носки и такие же пушистые рукавицы. Носки и босоножки вместе смотрелись комично, да и совместить их было практически невозможно из-за толщины первых и абсолютной легкомысленности других.

День пролетел, словно одно мгновение. Все складывалось хорошо. Не нужно было лишний раз напрягаться. Ноготок втиснулся в щелку чужой судьбы, пробив не просто брешь в слабой обороне, а целые ворота, в которые можно было въехать на паровозе. Милентина усмехнулась удачному сравнению. Крепость штурмовать не пришлось. Завтрашний день предрешен. А потому можно слегка расслабиться.

Раздражало только одно: после стольких потрясений и перемен волосы торчали жесткой проволокой и регулярно сбрасывали заколку. Надо было срочно их помыть.

К вечеру вернувшись в купе, Тина, мило улыбаясь, пояснила партнеру, что ей надо привести себя в порядок. И пошла к проводникам.

От нечего делать подполковник достал коньяк, закуску, предложил соседке составить компанию. Та холодно отказалось. Подполковнику показалось, что она глянула на него как-то брезгливо.

На верхней полке раздалось шебаршение. Это мужичок перевернулся с боку на бок. Открыл глаза и вдруг заговорил:

– Осторожнее надо быть, паря, с такой дамочкой. Оно, конечно, не мое дело… Только я из-за такой вот свистодуйки и семью, и жизнь потерял.

– Не возводите напраслину на бедную женщину.

– Ты думаешь, что по приезде с ней больше не увидишься?

– Не знаю. Может быть, будем встречаться. Еще не разговаривали.

– А и не говори ничего. Только от нее тебе и не отделаться теперь, высосет все соки, как пиявка.

– Глупости, у меня семья, внуки, и я их люблю. Это просто дорожный роман. Ну, утешил женщину, что в этом особенного.

– Как хочешь, командир, только попомни мое слово: она тебя везде найдет. Я ведь сплю – не сплю, а все чую. Как тебя не было, так твоя зазноба все карманчики проверила, все документики прочитала. Да и глаза у нее змеиные. Рот улыбается, а зрачки стоят, как у охранника на зоне.

– Так ты с отсидки?

– Угадал, паря. Убивец я. Но свое – от звонка, до звонка. Еду куда глаза глядят. К семье нини, хватит им за меня страдать. Моя жизнь псу под хвост пошла, а тебе еще можно вывернуться. Сам и думай.

Отвернулся мужичок и засопел, словно и не просыпался. В эту секунду открылась дверь. На пороге стояла Милентина: свежая, аппетитная, в дареном свитере… Стоп… Свитер не тот. Иннокентий точно помнил, что покупал его цветом потемнее, потому что все женщины солидной комплекции предпочитают темные тона, а на Милентине хоть и похожий, но все-таки не тот. Размер не тот…

По-военному точно подполковник решал задачку: найди десять отличий. «Кретин, – ругал он себя, – развели тебя, как последнего салажонка-первогодка».

Женщина чутко отреагировала на изменившееся настроение спутника. Она скромно во-

шла, вынула гребень, причесала прямые, как струна, черные волосы, заколола сзади.

– Извини, я так устала, пожалуй, прилягу, – тихо сказала она и поднялась на полку.

Ноки слегка растерялся. Если его «разводят», то почему нет наступления? Может он сам что-то спутал и зря поверил какому-то зеку, обиженному жизнью. Решил, что попозже переговорит со спутницей начистоту. Прилег, задремал.

Но не смог заснуть. Потому поднявшись, позвал Тину на ужин.

Ни еда, ни коньяк не лезли в глотку, и вновь обретенная спутница отнесла это за счет приблизившегося расставания. Она взяла его руку, приложила к щеке.

– О чем загрустил?

– Так просто. Рана разболелась.

– Ничего, я тебе ее быстро залечу, – улыбнулась Тина.

Подполковник внимательно посмотрел ей в глаза, они не улыбались. А наблюдали за ним, словно неприятель из окопа. В них жило напряжение.

– Твои родственники в каком районе живут?

– На окраине…

– Тебя встретят?

– Должны. Я телеграмму давала. Зачем спрашиваешь?

– За тебя беспокоюсь. У нас уже морозы, а у тебя экипировка летняя, даже если на такси – замерзнешь.

– Разве ты меня не подвезешь?

– Прости, милая, не смогу, меня жена встречать будет, и не хотелось, чтобы она нас вместе видела. Но ты не переживай, я тебя отыщу… Приеду к тебе сам…

Улыбку Милентины свело судорогой. Ее кидали просто и бесцеремонно, как грязный платок.

– Ты не сердишься?

– Что ты, конечно, нет. Лишь бы у тебя все было хорошо. Мне, конечно, далековато добираться, но ничего, я на автобусе доеду.

Чтобы не взорваться от бешенства, Тина отхлебнула большой глоток из бокала. Коньяк комом встал в глотке, медленно пошел по пищеводу, передавливая легкие. Перестала дышать, чтобы переждать момент. Из глаз от напряжения потекли слезы.

– Милая, – растрогался Ноки, – не плачь, пожалуйста.

– Я к тебе так привязалась…

– Я тоже, но у меня, ты же понимаешь, семья… Это ответственность.

– Да, да... не думай обо мне. Я привыкла, что меня бросают и не любят.

– Что ты, я очень тебя люблю, у меня никогда и ни к кому не было таких чувств…

– Так что нас удерживает? Поехали вместе… Не так уж много нам осталось, – Тина вновь схватила руку Иннокентия. – Я тебя любить буду, с работы ждать…

– Нет, дорогая – это невозможно. У меня семья…

– Возможно, возможно! Я все устрою, тебе даже ничего делать не придется.

– Тиночка, успокойся, – подполковник сделал над собой усилие и твердым голосом расставил все точки над «i», – я семью не брошу!

Было ощущение, что Милентина бежала стометровку и с размаху врезалась лбом в бетонную стену. Рушилось все и сразу. Она проехала те станции, на которых можно было выйти, чтобы не оказаться в морозной Сибири. Кто же знал, что этот… (Тина не знала, какой эпитет вставить, чтобы оскорбить, унизить).

Закружилась голова. Внутри «просыпался» вулкан, еще мгновение… Нет, не время! Тина укротила гнев. Скроила печальную улыбку.

– И не надо. Это у меня минутная слабость.

– Ты мне свой адрес напишешь?

– Зачем? Если судьбе угодно, мы и так встретимся.

От окон тянуло непривычным холодом, коньяк уже не горячил и не заливал костер злобы. Очень хотелось дать волю чувствам. Но время к этому действу не подошло.

Возвращались уже далеко за полночь. В купе оставалась только соседка, она мирно спала. Мужичка и след простыл. Непонятно даже, на какой станции он вышел.

– Поезд приходит очень рано, – сказал виновато подполковник, – давай отдыхать.

Женщина смиренно подчинилась. Отвернулась к стене и затихла. А подполковнику стало жаль ее. Он дал женщине надежду, а теперь бросает одну, беззащитную. Полежал, покрутился с боку на бок. Нет сна. Решил пойти в коридор, чтобы не мешать спутницам. На цыпочках выбрался из купе, плотно прикрыл дверь, пошел в тамбур, чтобы охладиться.

…Как только шаги его стихли, Милентина немедленно повернулась, ящеркой перегнулась вниз. Выдернула из внутреннего кармана запис-

ную книжку, на первой странице помадой вписала номер телефона и приписала: «Мне с тобой было хорошо. Тина». Хотела сунуть книжечку обратно, но из нее выпали деньги. Сотенные.

– Хм, как я их не видела раньше? – прошептала Тина.

Наступила очередь бумажника, из которого, не считая, выгребла все, даже мелочь.

…В тамбуре Иннокентий встретил соседа. Тот, повесив мешок на поручень, тоскливо смотрел сквозь замороженное стекло.

– Не спится? – повернул он голову к подполковнику. – А мне и не сидится, и не лежится. Только что проехал я свою остановку. Семья моя здесь обретается. Оставил я их без кола и без двора. Теперь они у жениной сестры квартируют. Дочь-то поди невеста.

– Сколько ты их не видел?

– От звонка и до звонка минуло двенадцать лет.

– Что, и ни разу не написали?

– Жена приезжала в зону, да я отказался от встречи.

– Что так?

– Боялся, прощение ее приму и до конца поломаю жизнь. Знал, иначе не бросит меня, даже в такой беде. Она из тех, кто как декабристки…

– Что же ты мнения жены не спросил?

– За столько лет, что вместе прожили, я и так знал, о чем скажет. В тот год меня дважды из петли вынимали. Жить не хотел. Одна мысль была: смыть грех смертью. Видно, Богу было угодно, чтобы я прошел путь до конца, чтобы искупил вину. Только не знаю – как?

– Сейчас куда?

– Как придется. Вот сейчас остановимся, а там видно будет.

– Не глупи. Давай с нами до конечной, я тебя пристрою. Общежитие выхлопочу. У нас вольнонаемные тоже работают.

– Добрая ты душа, командир. Не представляешь, кому сейчас хочешь помочь. Я человеков убил, да еще с особой жестокостью. Кто меня примет? Да и тебе одна канитель, кривые лица на службе.

Мужичок глубоко затянулся, показалось, что вместе с дымом сигареты он втягивает в себя потаенные мысли, чтобы не достались они ни змею, ни зверю, ни доброму, ни злому человеку.

Повисло тягостное молчание. Подполковник хотел бы уйти, но не мог оставить соседа в одиночестве.

– Знаешь, – вдруг встрепенулся мужичок, выпуская из себя едкий табачный дым, – я ведь со своей зазнобой, что жизнь мне разрушила, познакомился случайно. Вот как ты. Мне на работе дали путевку в санаторий. Не потому, что я какой-то больной был, а как премию.

Жена мне чемодан собрала да вдруг как-то помоховела и просит: «Не ездил бы ты, Яша, в этот санаторий. Предчувствия у меня дурные. Давай лучше в деревню к сестре отправимся. Там и воздух чистый, и река рядом».

Что ты, я же политически подкованный, в предчувствия не верю. Премировали, значит ехать надо. Ну и поперся.

Грудь колесом – передовик, уважаемый человек. Номер у меня отдельный, чтобы сил набирался, и мне никто не мешал культурно проводить время.

Как-то вечером прогуливаюсь перед корпусом, желая потом получше уснуть. К этому часу надоело мне все, соскучился по жене и дочери – хоть волком вой. И так мне в деревню захотелось, на реку с удочкой сходить, что внутри запеклось.

Иду и размышляю: как бы мне улизнуть домой. Слышу, на соседней дорожке кто-то ойкнул. Заворачиваю туда. На земле женщина, такая приятная, сидит и плачет. Я к ней: «Что с вами?» Отвечает так скромно: «Оступилась, ногу подвернула. Идти не могу. Пожалуйста, позовите кого-нибудь, чтобы помогли до комнаты добраться».

Разве ж мы не мужики. Я ее поднял, плечо подставил, кое-как до комнаты довел. Начал в кресло усаживать, женщина в обморок. Положил на постель, хотел за врачом бежать, тут она в себя пришла. «Все в порядке, никого не надо звать. Я сама медик», – говорит.

Утром встречаю спасенную. Нога забинтована, хромает, мне улыбается, как своему знакомому. Слово за слово разговорились, вечером на танцы сходили. Женщина уж такая скромная попалась и такая несчастная. Муж у нее был летчиком и погиб во время испытаний. Так вот она и говорит мне, что я на него сильно смахиваю. Все мной восхищается: я и рыцарь, и умен, как профессор, и красавец. Зайду в комнату, посмотрюсь в зеркало, начинаю сам себе нравиться.

Да, падким я оказался на лесть да на женские уловки.

Даже не знаю, что со мной стряслось. Будто пелену кто на глаза накинул. Закрутилась кару-

сель. И сейчас в голову не возьму, как я ее домой привез. Лизавета моя вещи собрала, дочку одела и к сестре. Я обрадовался, что все без скандала обошлось. А краля-Валя царицей в доме нашем ходит, мебель переставляет, Лизины платья примеряет. Мне опять хорошо.

Короче, не успел я оглянуться, как развелся с женой, квартиру перевел на Валентину. День и ночь пахал, как проклятый, а ей все денег было мало. Нафуфырится и из дома. Куда с кем – никогда не скажет. Только рукой махнет: «С подругой была». А какие у нее в нашем городе подруги, если сама в нем третий месяц только живет.

Как-то приболел я, и бригадир отправил меня домой. Смотрю, свет в квартире горит, значит – Валентина дома. Обрадовался, дурак, что лишнее время с ней побуду. На цыпочках захожу, чтобы сюрприз сделать…

Только сюрприз был мне. Стою я над ними и чувствую, как останавливается у меня сердце. Краля-Валя увидала меня, не покраснела, а расхохоталась и говорит: «Пошел вон, придурок, я еще не насладилась».

Мужик ее тоже что-то похабное мне кинул. Что, я уже не понял, потому как во мне зверь проснулся. Не смотри, что я тихий да тщедушный, сила во мне большая, а когда рассержусь, так только Лизавета могла меня остановить.

Попался мне на беду под руку топор. По сей день не знаю, как инструмент в квартире оказался. Покрошил их в кашу. Иду по улице, вижу – люди шарахаются, а почему не пойму. Вошел в милицию, дежурный за наган схватился. Глянул на себя, а я весь с ног до головы в кровище. Вот так и получил срок.

За столько то лет было у меня время подумать. Вначале по Валентине плакал. Первый раз в петлю из-за нее полез. А когда пелена с глаз-то упала, жизнь снова увидел, вот когда я завыл волком. Лизавета приехала с передачей, совсем тошно стало. Снова веревочку сплел, время караулил, чтобы никого не было, чтобы снять не успели.

…Мужичок замолчал, ломая пальцами новую сигарету. Не произносил ни слова и Иннокентий, оглушенный грубой истиной жизни, резкими поворотами судьбы. Заскрипели тормоза, состав прибыл на одну из станций. Сосед подхватил ношу.

– Давай, бывай, – сказал он, – может еще встретимся в этой жизни.

Морозный воздух обнял человека, окутал его белым облаком.

– Наша часть здесь недалеко, – крикнул Иннокентий случайному попутчику, – найди меня. Моя фамилия – Солонцев.

Вот так всегда: пока у людей масса времени, они не находят минуты, чтобы поговорить, решить проблемы. Вместо этого спят, едят, подтрунивают друг над другом или сердятся по мелочам. Уходят часы, годы, и оказывается, что упущенные возможности не вернуть. Червь сожаления поселяется в душе, грызет ее, скручивает в спираль.

Подполковник все пытался разглядеть в темноте фигуру случайного попутчика. Зимний рассвет не спешил приходить на землю, он цеплялся за горизонт, ожидая, когда солнце изволит подняться. Маленький вокзал лениво пополз в обратную сторону. Проводница, закрыв дверь, предупредила, что скоро начнет собирать постельное белье.

Вагонные колеса отстукивали на стыках последние десятки километров пути. Вдали уже светились огни большого города. Наконец-то.

Честно говоря, Иннокентий был рад, что Милентина не проснулась, когда началась обычная суета перед прибытием на конечную. Он подхватил чемодан, полушубок и выдвинулся в тамбур, чтобы избежать лишних разговоров и долгих прощаний.

– Какая она тактичная, – умиленно думал о покинутой подруге подполковник, – специально не поднялась, чтобы не смущать меня. Надо будет ее отыскать, узнать, как устроилась, все ли благополучно…

Вскоре состав стал замедлять ход. Толпы встречающих бежали и шли вслед за поездом, заглядывая в окна. Кто-то уже радостно махал руками, смеялся и посылал воздушные поцелуи. Промелькнуло до боли знакомое лицо. Где-то Иннокентий уже видел его… Тьфу ты – это же жена Нина.

…Они шли, обнявшись, по пешеходному переходу.

– Кеша, надо было лететь самолетом, давно бы дома был.

– Нинусик, я так ругаю себя за эту оплошность.

Чмокнул жену в щеку.

– Погоди, куплю свежих газет.

И пошел к киоску Союзпечати.

Маленькая женщина остановилась, любуясь выправкой и статью мужа. Рядом приостановилась черноволосая дама, одетая не по сезону: в розовом плаще и босоножках.

– Привет, – сказала она, – давай знакомиться: я жена твоего мужа.

На лице Нины не дрогнул ни один мускул. Она молча разглядывала эту вторую жену.

– Между прочим, – ухмыльнулась та, – это из-за меня он поехал поездом. Я не выношу самолетов. Мы очень весело провели три восхитительных дня.

В ответ молчание. Ни истерик, ни стенаний. Милентина на это не рассчитывала.

– Как делить мужика будем? Тебе – по будням, мне – по праздникам? А вообще-то он подлец. Мне говорил, что не женат. И, похоже, что и ты про меня не слышала ничего.

Милентина дружески взяла соперницу под локоток, но та жестко высвободилась и отодвинулась.

– Давай, мы обе его бросим. Пусть пострадает. Зачем такой обманщик нам нужен?

…Набрав охапку газет, Иннокентий вынул портмоне, чтобы расплатиться. К изумлению он не обнаружил денег. Все отделения были пусты, не было даже меди. «Вот гад, – подумал он про мужика, – наплел мне сорок верст до небес, и все лесом. А я поверил в его басни, посочувствовал, помощь предложил. Вот ворюга! Ну, попадись ты мне».

В кармане полушубка оставалась сдача от покупки автонасоса. Расплатившись, повернулся к жене и с ужасом увидел рядом с ней Милентину. Вначале показалось, что они просто беседуют. Но зоркий глаз подполковника увидел напряженность жены. До мелочей вспомнилась исповедь соседа. Тело прожег ужас: что делать?

Встряхнулся. Подошел к жене, подхватил чемодан.

– Пойдем, дорогая. Газеты я взял, – все это он произнес обыденным голосом, хотя внутри горел огонь страха.

– Ноки, неужели ты меня бросишь замерзать на вокзале, – бросилась к нему наперерез Милентина.

– Вы ко мне обращаетесь? – удивленно вскинул брови мужчина.

– Конечно, к тебе.

– Простите, мы с вами знакомы?

– А кто мне свитер покупал, кто меня в ресторан водил, кто со мной любовью занимался? – Милентина наступала. Глаза горели, как уголья.

Подполковник не узнавал в разъяренной женщине того ангела, к которому успел прирасти сердцем. Черный Роджер, приколотый в волосах, откровенно смеялся над ним. Ласковая, скромная спутница орала на весь вокзал самые похабные подробности их путешествия. Она наступала… Еще момент и встанет меж супругами.

Как человек военный, Иннокентий быстро сориентировался на местности, обогнул противника с фланга, спрятал жену за свою широкую спину и начал отступать к выходу.

– Нинусик, похоже, у женщины проблемы, смотри, какая она странная и одета... Двигайся медленно, тихо, я с тобой.

Преследовать за пределами вокзала Милентина не рискнула. На улице, похоже, мороз был не шуточный. Белые облака воздуха богато вваливались в здание при каждом открытии двери. Иней покрывал тех, кто входил.

«Такой тюфяк и так сорвался с крючка», – рычала Милентина. Конечно, теперь у нее есть немного денег, но надолго этого не хватит. Обругала себя за то, что бросила в вагоне теплые носки и рукавицы: «Сейчас бы…»

Разъяренной зверицей металась она по залу ожидания. Цоканье каблуков гулко билось о потолок. «Пойти в милицию, заявить, что подполковник меня ограбил, угрожал. Нельзя. Свяжутся с N-ском, а там ничего хорошего не скажут». Осмотрела тех, кто ожидал своего поезда: ни одного стоящего. Приличные мужики при женах, детях, тетках. Бабы вцепились в них и пасут. Можно подумать, кому-то они нужны. Да и куда она с ними. Снова играть вагонный роман?

Немного успокоившись, села. В голову не приходила ни одна стоящая мысль. Хотелось принять ванну, лечь в кровать… Но ничего из этого не светило. Был прохладный вокзал большого города, фанерные скамейки, застекленные ларьки, в которых продавали всякую дребедень, и киоски Союзпечати с газетным хламом.

За леденелыми окнами тускло светил день, затем он перетек в синие сумерки, и Милентина поняла: надо ехать обратно. Прошла в кассовый зал, узнала, когда пойдет обратный поезд, сколько стоит билет. Достала деньги…

Мимо прошли двое. Худенькая женщина все поправляла шикарную шапку из чернобурки. Она волновалась. Мужчина нес чемодан.

– Как доберешься, позвони, – говорил он. – И не волнуйся, у нас все будет в порядке. Отдыхай спокойно.

– Поедешь обратно, – обеспокоенно сказала она, – не гони машину.

Милентина спрятала деньги и медленно пошла за парой, которая влилась в поток отъезжающих. Человеческие тела распределились в свободном пространстве между узлами и чемоданами, мешками и тюками. Казалось, что многочисленная поклажа тащит на себе хозяев. Людской поток, сжавшись, нырнул в подземный переход. И Милентина потеряла пару из вида. Остановилась на верхней ступеньке перехода.

«Только бы возвращался этой же дорогой», – била в мозгу одна и та же мысль.

Прошло сорок минут, а мужчина не появлялся. Диктор уже отправила два состава и три электрички. В большом естестве Милентины вновь поднималась волна гнева. Стало трудно дышать. Она уже выбрала себе жертву, бомжеватого вида деда, и уже придумала, за что его изобьет…

По лестнице поднимался тот самый мужчина, он был опечален. Прошел, не подняв головы.

– Простите, – услышал он за своей спиной.

Перед ним стояла женщина, одетая совсем не по сезону. «Любит женский пол вырядиться», – подумал он и остановился.

– У меня большая беда, – сказала незнакомка, – я приехала в гости к родственникам. А они почему-то не встретили. В довершение меня обокрали в дороге, пока я спала.

Женщина беспомощно, по-детски, развела руками, как бы показывая, что у нее действительно ничего нет.

– Вы куда едете?

– В центр, – ответил машинально мужчина.

– Какая удача. Родственники тоже в центре живут. Может, подбросите по дороге? А то я вроде бы экипирована не по погоде. Одежда в чемодане была.

– Пойдемте, – кивнул головой мужчина.

Улица встретила Милентину крепким морозом. О таких она только слышала или видела в кино. Не спасал и свитер. Припомнились чьи-то слова: «Прожигает насквозь». Раньше ей казалось смешным само сравнение с огнем, полной противоположностью холоду. Но сегодня оценила меткость наблюдений. Ощутив на себе норов Сибири, отчетливо вспомнила жаркое прикосновение потока лучей южного солнца, ослепительно белый куст розы около вокзала. Пришло осознание величины потери. Все было так близко – всего трое суток езды на поезде. И одновременно – недостижимо далеко. От тоски засосало под ложечкой, болью отозвалось в сердце, поднимая из него волну ярости. Но расплескаться этой волне мешал мороз.

Плащ из легкой, современной ткани встал колом и грубо хрустел при движении, грозя сломаться на сгибах. Тонкие чулки из эластика тоже не спешили погреть ноги. Прилипнув, синтетика елозила туда-сюда при каждом шаге, обдирая уже подмороженную кожу.

Чтобы ноги не разъезжались в разные стороны и чтобы не сломать каблуки, Милентина шла на цыпочках. Она слабо постанывала, ойкала и охала, но мужчина не реагировал ни на что, начисто забыв о спутнице, просто и деловито, не оглядываясь, шел вперед.

Белый жигуленок стоял притулившись к обочине.

«Не фонтан, – подумала Милентина, – да и что у такого олуха еще может быть. Там посмотрим, на какой машине ездить».

А вслух попросила:

– Можно я в салон сяду, а то очень уж замерзла.

Хозяин молча кивнул головой и начал сметать морозную пыль с лобового стекла. Милентина мигом шлепнулась на переднее сидение.

…В машине стоял такой же мороз, как и на улице. Зубы застучали. «Придурок, не мог включить печку», – шипела Милентина, судорожно улыбаясь водителю. Похлопала по себе руками, стало еще холоднее. Мороз забрался внутрь тела, теперь уже промораживая желудок.

Мужчина медленно и старательно обметал машину. По тротуару сновали люди. Им не было дела до холода. Девчонки форсили в коротеньких юбочках и тоненьких чулочках.

«Они здесь все из железа, что ли, сделаны?» – ежилась, глядя на них, южанка. В свете вспыхнувших ламп было видно, как на землю, искрясь, падают крохотные ледяные алмазы. От проезжающих машин клубами неслись белесые облачка выхлопных газов. Милентине было не до красот и романтики, ей хотелось согреться.

Наконец, водитель сел в машину, включил зажигание. Мотор затарахтел, но колеса с места не двинулись. Мужчина словно впал в дрему, облокотившись о руль, он смотрел в пространство, видимо, душой улетел туда, где, мерно покачиваясь, ехала его жена.

Воздух в салоне стал нагреваться. Оттаяла и пассажирка.

– Меня зовут Тина, – представилась она.

Водитель кивнул согласно головой, переключил рукоятку скоростей, и машина покатилась по заснеженным улицам. На удивление город оказался очень даже приличным. Он уже нравился захватчице с далеких югов.

– Куда едем? – равнодушно спросил мужчина.

– Сейчас на адрес посмотрю, – ответила Милентина и начала добросовестно рыться в сумочке, потом в карманах. Перекладывая предметы по нескольку раз. Она тянула время. Надо было подальше отъехать от вокзала, чтобы отрезать путь к возвращению. Потому так честно копалась она в почти пустой сумочке, перелистывала потрепанную тетрадь. Вытряхнула все из ридикюля себе на колени. Просыпала содержимое на пол, стала поднимать, ударилась головой о бардачок… Заплакала. Да так натурально, что сама себя и пожалела.

– Какая же я Маша-растеряша. Похоже, листочек с адресом в карман шубы положила. Что мне теперь делать-то? Куда же я в такой мороз? Вы меня на ночь приютите, пожалуйста, а завтра я в адресном бюро попробую найти родственников. Я готова заплатить.

Мужик как-то странно пожал плечами. Ехал и молчал.

– У меня не так много денег, – жалобно тянула Тина, – но за ночлег заплатить хватит. Не бросайте меня. Пожалуйста…

– Вы что ни разу не были у родственников?

– Пока мать была жива, мне пришлось за ней ухаживать. Куда от парализованного человека поедешь? Так вот и сидела при ней, – ударилась в рассказы женщина. – Только и знала: работа, дом, больница. Одиннадцать лет она лежала. Я уж позабыла, как можно отдыхать. Ни дня, ни ночи не было.

– Может, вспомните название улицы? – мужчине явно не хотелось везти ее домой, и потому машина стала ехать чуть тише.

– Да, да. Конечно, попробую вспомнить. Чья-то фамилия. Дом точно помню – второй. Квартира… квартира… А вот, квартира семнадцатая. Сестра мне рассказывала, что живут они на втором этаже. Вы знаете, на балконе сестра выращивает даже огурцы, у нее…

– Семнадцатая квартира на втором этаже? – прервал ее фантазии на тему о жизни несуществующей сестры. – Видимо ваша сестра живет в общежитии. А в центральном районе всего три семейных общежития. Давайте проедем по ним и поищем родственников.

– Нет, – почти выкрикнула пассажирка, – у них простая хрущевка. Они на кооператив копят.

– Тогда почему семнадцатая квартира на втором этаже? В хрущевках на лестничной клетке по четыре квартиры. Значит, семнадцатая должна быть на пятом этаже.

– Второй этаж, точно, – быстро поправилась Милентина, – а номер, наверное, не семнадцать – семь.

Она почувствовала в водителе нарастающее недовольство, сопротивление и ни капли жалости к «пострадавшей». Мигом надела на лицо маску покорности и несчастности.

– Да вы со мной не церемоньтесь, – прошептала она, – остановите где-нибудь тут, я выйду. Вы, наверное, и так задержались из-за меня.

Порылась в кармане, нашла трехрублевую купюру. Положила ее на панель приборов. Сгребла ридикюль под мышку, сделала вид, что собирается выйти.

– Деньги подбери, – буркнул водитель, – Сибирь – не юг. Здесь людей на улице не бросают.

– Спасибо вам, – проникновенно, со слезой в голосе прошептала она. – Я вам не помешаю, притулюсь где-нибудь в уголочке.

– Это мы вам помешать можем, – неожиданно расцвел мужчина. – У меня детей много.

– Дети – такое счастье. Я их очень люблю.

И покатилась Милентина. Судьбе навстречу или наперекор.

НЕ ВСЕГДА СЛЫШЕН СЕРДЦА КРИК

Белые «Жигули» тихо, словно задумавшись, катили по заснеженному городу. Широкие проспекты и улицы утопали в разноцветном море огней. Цепочки голубых фонарей новогодней гирляндой пробегали мимо. Перемигиваясь, призывно сияли вывески магазинов, кафе, ресторанов.

«Пожалуй, здесь жизнь будет побогаче, чем на станции «Завалиха», да и надеюсь дураков, да простофиль – побольше», – подумала Милентина. Она чувствовала, как отогреваются ее душа и тело. В голове зашевелились мысли.

– Город у вас красивый, – начала она разговор.

– Обыкновенный, – буркнул водитель и снова «ушел» в себя.

Молчать было нельзя, надо брать быка за рога. Там, у него дома, неизвестно какая обстановка.

Вспомнился куст белой розы на вокзале родного города, его острые, словно бритва, шипы.

Захотелось погладить оцарапанную руку. Такой маленький и такой агрессор. Прикоснуться нельзя, сразу шипы в ход пускает.

– У нас еще розы цветут, – еле сдерживая желание передернуть плечами, снова заговорила пассажирка, нащупывая слабое место в броне человека, – а здесь такие морозы. Просто восхитительно.

– Сибирь.

Никакого контакта, будто в машине никого кроме водителя нет. Ни любопытства, ни простой вежливости, ни …

Вспомнилась реакция на детей.

Горестно вздохнула.

– У меня тоже двое детей было.

– Почему было?

Водитель мельком глянул в ее сторону, словно впервые увидел.

– Я ведь почему сломя голову уехала из дома. Бросила все: и дом, и работу. У меня недавно муж с детьми погибли… в автокатастрофе. Вот схоронила их и не смогла дома одна оставаться.

Мужик посмотрел уже сочувственно.

– Соболезную. Потерять семью – это большое горе.

– А вас как зовут?

– Иван.

– Хорошее имя, поэтичное, как у истинных русских царей: Иван Калита, Иван Грозный.

– Не думал об этом, – недовольно фыркнул водитель.

– А деток у вас как зовут?

Иван распрямился, удовольствие пробежало по его лицу.

– У нас их четверо: три сына и дочка – Николай, Сергей, Семушка, ну вообще-то Семен, и Мария.

– Машенька, дочка, – нараспев произнесла Милентина. – Мы с мужем всегда хотели иметь дочку и тоже мечтали ее назвать Машенькой, как мою маму. Но все мальчики получались. Сыновья у нас хорошие были, помощники, все с отцом: и на дачу, и в гараже с машиной возятся. А потом…

Из глаз ее потек ручей слез. Она трясла головой, снова веря в свое несуществующее горе, всхлипывала, зажимала руками виски.

Водитель сочувственно кивал головой, но не пытался утешать пассажирку.

– А тут еще и в поезде меня обокрал какой-то военный. Унес все, а в чемодане было самое дорогое для меня: фотографии мужа и детей. И вот осталась я совсем одна. То хоть на фото посмотрю да поговорю с ними, как с живыми.

– Все образумится, – утешительно сказал водитель, – найдете вы своих родных. Время лечит.

Машина свернула с центральной улицы, очень медленно въехала во двор и остановилась.

– А вот и мои архаровцы, – светлея, сказал Иван, – домой не идут, меня ждут.

Во дворе стояли высокий парень и девушка. Они беседовали о чем-то своем. Девушка кокетничала. На ней вязаная шапочка и коротенькая куртка, из-под которой была едва видна юбка. Ноги наряжены в тонюсенькие чулки да модельные сапожки. И, похоже, мороз ей был не помехой. Милентину передернуло.

Выходить на улицу не было желания, и она слегка поотстала, чтобы не мерзнуть, да и со стороны легче разобраться кто чей.

Водительская дверь хлопнула, впустив в салон холод. Высокий парень, махнув рукой, побежавшей в подъезд подружке, обернулся к Ивану.

«Какой сладкий мальчик», – подумала Милентина, в ее груди загорелся огонек желания, опустился в низ живота и там растаял, словно первый осенний снег в ее теплом городе.

«Ничего приберем мы его к рукам», – отметила она себе.

Откуда-то сбоку выкатился маленький мальчишка. Он прыгнул на плечи отцу. Было похоже, что Иван забыл о существовании пассажирки.

«Свинство», – разозлилась женщина. Она открыла дверцу машину и рывком выпрыгнула в лютую сибирскую зиму.

– Здравствуйте, – счастливо улыбаясь, проворковала она.

– Тетю никто не встретил, – пояснил детям отец, – и она переночует у нас.

У Милентины каблуки провалились в рыхлую дорожку. Снег, попавший на ступни, тут же начал таять. Ноги леденели. Но женщина подавила в себе дрожь, присела и протянула руки к малышу.

– Как тебя зовут? Иди ко мне…

Паренек дернулся и спрятался за старшего брата.

– Его зовут Семен, – не устоявшимся баском сказал его брат.

– Семушка, ты чего испугался? – удивленно произнес отец. – Это просто тетя, она хорошая.

– Плохая, – выкрикнул мальчик.

«Ну, гаденыш, подожди, я тебе покажу, кто плохой», – зло подумала Милентина, приглушая волну бешенства.

– Ладно, пойдемте домой, – примирительно сказал отец, – вы, верно, проголодались, да и замерзли уже. Давно гуляете?

– Недавно, – опять выкрикнул Семушка. – Я еще не нагулялся. Папа, пойдем, с горки покатаешь меня.

– Семушка не капризничай, мама за нас переживает, как мы тут без нее.

И семейство двинулось к пятиэтажному дому. Шестым чувством Милентина почуяла, куда движутся мужики. Обогнав их, буквально влетела в подъезд. Казалось, что стук ее зубов слышен на всю промороженную Сибирь, пропади она пропадом.

За перекосившейся входной дверью холод чувствовался меньше, но, похоже, что лестничные клетки не отапливались вовсе.

Отец с сыновьями не спешили входить, было слышно, как они беседуют, как младшенький уговаривает брата покататься с горки.

У Милентины уже не чувствовались ни ноги, ни руки и контролировать себя она не могла. Рванула с плеча сумочку…

С протяжным скрипом входная дверь впустила хозяев. Высокий, с еще не сформировавшейся фигурой парень шел первым, за ним прятался Семушка, затравленно выглядывая из-за спины брата.

Босоножки звонко цокали по ступенькам, потому что идти легко и непринужденно у Милентины не было сил. Она, как ищейка, которая идет по следу, чувствовала: если пройти мимо квартиры, про нее не вспомнят.

На третьем этаже всего две двери, в семье четверо детей… Здесь!

Как только Иван повернул ключ в скважине, как только щелкнул замок, Милентина занеслась в квартиру. На нее пахнуло теплом, уютом и сытостью.

Широкий, просторный коридор обнял входящих мягким светом стильного бра. Шкафы прихожей фасонисто блистали полировкой. Дорогой длинно-ворсовый палас звал ноги пройтись по нему, почувствовать тепло и ласку.

Сбросив ненавистные босоножки, плащ и свитер, Милентина секунду стояла без движения. Показалось, что она всю жизнь искала именно это место: все дорого, красиво – все приготовлено именно для нее.

– Раздевайтесь, – прокомандовала она хозяевам, – сейчас будем ужинать.

Краем глаза выхватила недовольный взгляд Ивана. Но он промолчал. Значит, вежливый. Это хорошо, вежливых легче брать.

– Меня зовут тетя Тина. Я у вас немного поживу, так ведь, Ваня?

Широко улыбаясь, произнесла чужачка и хотела раздеть Семушку. Но тот ловко вывернулся из-под ее рук и снова спрятался за брата.

– А почему вас тиной зовут? Вы что на болоте росли?

Синие глаза малыша смотрели не по-детски серьезно и очень дерзко.

«Подожди, змееныш, я выбью из тебя дурь, будешь мне руки облизывать», – подумала Милентина, а вслух сказала:

– Царевна-лягушка тоже на болоте живет. Разве она стала от этого хуже?

– Так она царевна, а ты болотная трава у нее под лапками.

Малыш явно грубил незнакомке, в его взгляде светилась сила. От этого взгляда у Милентины вновь заболела оцарапанная шипами рука, будто она опять наткнулась на тот подлый розовый куст.

Снова возникло неодолимое желание погладить пораненное место, хотя оно давно зажило, только память осталась.

Сжала в себе тайфун гнева. Мальчишка ее раздражал с первой секунды, и очень не хотелось все испортить. Собственно, сделано было уже все, оставалось только удалить лишние фигуры из игры. Первая – вот этот щенок. «Что-нибудь придумаем», – успокоила себя захватчица. Присела так, что оказалась прямо перед коленями старшего. Заглянула туда, где прятался Семушка.

– Мое полное имя Милентина, – снова расплылась она в улыбке, – тетя Милентина, а родилась и выросла я на теплом юге. Вот поедем ко мне в гости…

– Ты не тетя, ты Тина-Болотина, – выкрикнул мальчишка и бросился в боковую комнату.

Все произошло так быстро, что мужчины оторопело молчали. Они никогда не видели Семушку в таком состоянии.

– Я с ним поговорю, – произнес отец и пошел вслед за сыном.

«Змееныш, испортил мне все дело, теперь придется труднее», – злилась Тина, входя в ванную комнату. Хотелось забраться в горячую воду, чтобы согреться. На крючке обнаружила женский халат из мягкой ткани. Сбросила с себя юбку и блузку, натянула халат. Он был явно мал.

Объем бюста никак не хотел прятаться под халатом и упрямо выбирался оттуда.

«Так даже пикантнее», – решила она и вдернула ноги в теплые шлепанцы. По всему было видно, что в этом доме хороший достаток.

В коридоре она столкнулась с Иваном, который, несмотря на природную вежливость, возмутился ее бесцеремонности.

Бросив ему несколько слов про то, что у нее все украли, Милентина ушла в кухню. «Путь к сердцу дурака идет через желудок, – хохотала она про себя. – Ты у меня на коленях ползать будешь, а утром забудешь, как зовут твою жену».

Милентина превзошла себя. Такие борщи варила ее мать, а вот у дочери они редко получались наваристыми. Уже через некоторое время по всей квартире разливался их аромат, жаркое тоже поспело в срок.

Захватчица была готова принять ключи от души, сердца и от квартиры.

За столом она все время притиралась к Ивану, полы халата услужливо раскрывались, когда она протягивала руку, чтобы поставить новое блюдо на стол. Хотелось прижаться к мужику всем телом, чтобы тот и ворохнуться не посмел.

Раздражал младший. Он грыз корку хлеба, не притрагивался к еде и, не мигая, смотрел Милентине под халат. От этого взгляда хотелось надеть паранджу. Колкие и злые замечания ребенка пробивали брешь в вожделении женщины. Она не могла понять: как этот змееныш парализует ее и ее замыслы. Чувствовала, что именно от колючего щенка зависит все, и теряла чувство превосходства.

С любым мужиком и бабой она могла справиться легко. Способов – миллион. А вот поди ж ты второй раз в жизни – ребенок встает на ее пути.

…В тот год Милентина опрометчиво разрешила своему брату Егору жениться. Конечно, он не был капитаном дальнего плавания, а только лишь механиком, но в загранки ходил, а потому содержал родных в советском достатке.

Но Тине было этого мало. Ей хотелось роскоши: много денег и непременно, чтобы была машина. Причем «Москвич» или «Лада» ее не устраивали. Она жаждала приобрести «Волгу».

С большим трудом собрала деньги. Три раза гоняла Егорищу в загранку: без передышки и без берега. Ужала свой бюджет до одного посещения ресторана в неделю. Трудно было привыкнуть бродить по улицам или лежать дома на диване, когда все нормальные люди сидят за столиками, пьют вино, слушают музыку, знакомятся с богатыми мужчинами.

Машина грезилась ей днем и ночью, потому и пошла Тина на невозможные жертвы. Все складывалось замечательно: пенсия матери немного прибавляла к уже имеющейся сумме, но все-таки…

Милентину познакомили с усатым джигитом. Он пригнал на продажу новехонькую «Волгу». Подогнал машину прямо к порогу.

Черное, блестящее авто, словно каравелла, нежно покачивала потенциальную покупательницу на выбоинах дороги.

– Сколько хочешь за машину? – скрывая восторг, небрежно поинтересовалась Тина.

Хозяин «Волги» назвал такую цену, что у девушки слова застряли в горле. Она знала рыночную стоимость металлической красавицы, но такую… она и не предполагала. У нее недоставало три тысячи. Это целое состояние. Где их взять?

Виду не подала, начала торговаться, но джигит первые же попытки пресек, сказав, что у него и без нее покупатели есть.

Тряхнула головой в знак согласия, огляделась: они ехали по какой-то пустынной окраине. Вокруг ни домов, ни людей.

– Душно-то как, – сказала Милентина и стала расстегивать верхние пуговицы узкого платья. Развязала поясок, тихо намотала его на руки... Чувственно потянулась к джигиту.

– Останови, пожалуйста. Что-то у меня голова закружилась.

– Э-э-э, потыше, мы нэ на тэлэге.

– А ты останови, отдохнем немного.

– Мине это нэ зачэм.

– Ну, как хочешь, – отпрянула от него пассажирка, – позволь мне тогда самой повести машину. Переходи на мою сторону, а я здесь переберусь.

– Дэнги отдашь, ездий сколко хочешь, – пробормотал джигит и прибавил газу. Через некоторое время они уже катили по оживленной улице.

– Завтра пириноси дэнги и пэрэпишем машину.

– Но завтра воскресенье, – воскликнула Тина, – где мы ее перепишем?

– Харашо, – согласился джигит, – нэси в понэдэлник. Жидать буду на пляже.

Вдоль по улице удалялась черная жемчужина… Тина в ярости рвала поясок и смотрела, как тает за поворотом ее мечта. В голове безумство-

вал шквал гнева: мужик, а не клюнул на такую девушку. Как она могла не уговорить остановиться, может, надо было просто лечь грудью на руль?

Куда бы он делся, остановился бы как миленький. Все остальное – дело техники… Поясок у нее крепкий, проверенный, а накинуть его на шею пара пустяков.

Пришлось перетрясти все заначки и сберкнижки, что мать отложила себе на смерть. Посчитала, получилось, что еще много недостает. Пробежалась по знакомым. Кто просто виновато отвел глаза: «Не было еще получки. Сами живем с копейки на копейку». Кто в открытую не дал: «Я деньги зарабатываю, семью кормлю, а тебе все равно, что на дорогу получку выбросить. Ты же не отдашь».

Утром собралась и пошла к родной бабке, которую не видела сто лет и знать не хотела еще двести, потому что ненавидела лютой ненавистью.

…С детства все началось. Бабка вечно ворчала на сына: «Петро, ты почему девке столько воли даешь? Видишь, что она крученая. Прищучь хвост, а не то потом она вас колотить станет». Милентина в отместку подкараулила бабку, когда та пошла в погреб, и как бы нечаянно столкнула ее в творило.

Думала – насмерть. Нет, выжила старая, только охромела. Сильно Милентина злилась на нее за это, а теперь вот пригодилась. Деньги у нее водились всегда, да и теперь никуда не подевались.

Добротная металлическая калитка была закрыта на щеколду. Пришлось перепрыгивать через забор. Для Милентины дело привычное: поставила ногу на лавочку, вторую – на перекладину, и вот уже на той стороне.

Сгорбившись, бабка срезала грозди винограда. Потихоньку складывала их в корзину. «На тот свет смотрит, а все по базарам шастает, значит, деньги есть», – обрадовано подумала внучка.

– Бабулечка, – кинулась она на шею старой женщине, – как я по тебе соскучилась. Давай помогу. Ты только говори, какие срезать. Я мигом.

Подслеповато прищурившись, старушка оглядела неожиданную помощницу, но не обрадовалась. Положила ножницы в корзину и, опираясь на костыль, похромала к лавочке под яблоней. Она ковыляла, как подбитая утка. Милентина чуть не расхохоталась, так ей захотелось передразнить, но стерпела.

Хозяйка села. Опершись на костыль, смурно посмотрела на внучку.

– Чего прискакала?

– Помочь тебе хочу. В доме прибрать.

– Прошлый раз прибрала, только я пенсии не досчиталась.

– Какой пенсии? Бабулечка, я в жизни чужого не брала.

– Но и мимо не проходила. Говорила я Петру, что из тебя проку не будет. Драть тебя надо было три раза в сутки да работать заставлять. Ишь, тунеядка выросла. Села на Егоркину шею – не скинешь. Мать замордовала. Ко мне прискакала.

– Не ворчи, бабулечка, давай я тебе полы помою.

– Есть у меня кому полы мыть. Не тебе чета.

Старушка подняла костыль и показала на ворота.

– А теперь иди отсюда подобру-поздорову. Пока я тебя палкой вот не пригладила.

– Нужно мне эти полы мыть, старая ведьма, – ощетинилась внучка. – Всю жизнь мне поперек горла стоишь. За копейку удавишься. Пенсию пожалела, да она мне нужнее. А ты еще наторгуешь.

– Я краденным, как ты, не торгую, свое вырастила. А людям от этого добро.

– Старая дура. Вот я пошла в дом, и что ты мне сделаешь? Лучше скажи, где деньги, а то я все переверну, за год не разберешь.

Милентина захохотала и стала подниматься на высокое крыльцо. Она знала, где в этом доме лежат деньги, потому уже мысленно гладила рукой свою машину.

Пожилая женщина горестно покачала головой, по морщинистой щеке потекла слеза.

– Эх, сынок, сынок, хорошо, что ты не видишь дочь свою, а то бы со стыда умер.

Вытерла слезу. Постучала костылем по лавке и позвала: «Мухтар, чужие…»

В раскрытых по-летнему дверях появился громадный черный пес. Он посмотрел на хозяйку, потом на поднимающуюся по ступенькам девушку, показал зубы. Но не рыкнул.

«Ерунда, не собака», – подумала Милентина и махнула рукой на пса.

– А ну, блохастик, пошел вон.

Пес не двинулся с места, оскалился.

Под руку попалась швабра. Милентина замахнулась в бешенстве. Она не любила, когда ей перечат.

– Ах ты, выро…

Договорить не успела. Собачара вдруг прыгнула, сшибла с ног и лениво встала на грудь поверженной внучки, заглянула в глаза и, наконец-

то, рыкнула. Сквозь нависающие белые, словно точеные, клыки в лицо било сильное дыхание животного. Милентина испугалась так, что внутри все закаменело.

– Мухтар, фу, – услышала она мужской голос.

В ворота с пустыми корзинами входили двое: мужчина и женщина. Их Тина не знала совсем.

– Вы кто такие? – взорвалась она, освободившись от собачьих лап. – Что вы делаете у моей бабушки? Обобрать решили. Я вам не позволю…

Мухтар, пристроившись у ног хозяйки, вновь зарычал и приподнялся на передних лапах. Пришлось убавить голос.

– А ты не больно-то кричи, надсадишься, – проговорила старушка, – это не на мать орать.

Внутри Милентины рождался смертоносный тайфун. Она пошла к лавочке, и было все равно, что дорога идет через пса. «Порвать чертову старуху», – билось у нее в голове.

– Жалко, что тогда я тебя совсем не прибила в этом погребе, – хрипела в припадке внучка, – дурак отец помешал. Уже давно бы все это было моим. Не ходила бы, у тебя копейки не клянчила.

Она замахнулась… Рука наткнулась на препятствие. Незнакомец отбил удар. Потом небрежно сгреб гостью за шиворот, как нашкодившую кошку, и выбросил за ворота.

– Не ходи сюда больше, – сказал он.

– Ты кто такой? – опомнившись, в ярости заорала Милентина. – Я в милицию пойду. Бабка уже из ума выжила, а ты пристроился? Не выйдет. Я родная внучка и имею право на наследство. Я своих найму, тебе глотку перережут.

Мужчина вытер руки платочком, брезгливо бросил помятую ткань на дорогу.

– Я тоже родной внук. Если помнишь Кирилла, то это я. Мало я тебя лупил за Егорку.

– Наследства твоего здесь нет, – вышла за калитку бабушка, опираясь на клюку, – я все на него переписала. Так что рот-то широко не разевай.

Кирилл взял старушку под руку и повел в дом, что-то вспомнив, повернулся: «Не ходи сюда больше, не советую».

…Вот так и получилось, что покупка машины срывалась. Надо было договариваться об отсрочке. В понедельник она побежала на встречу с продавцом.

Пляж, несмотря на раннее утро, был забит людьми так, что свободного места не было. Выбросив чьи-то вещи, Тина постелила свое полотенце, сняла тунику и стала высматривать джигита.

День не задался, встреча не состоялась.

Искупавшись, Милентина шла домой, усталая от пережитого, гневная на весь мир. Завернув за угол ближайшего дома, открыла дамскую сумку, которую прихватила на пляже: трамвайный билет, мятый и потертый рубль, губная помада, стертая до основания, под подкладкой немного мелочи.

«Гадина, денег и тех нет, губнушку новую купить не могла, – разозлилась она на хозяйку сумки. – Вот попадись ты мне сейчас, прямо бы сумкой и отлупила».

Вытащила рубль и мелочь, остальное кинула через чей-то забор.

Уже подходя к дому, почуяла неладное. Калитка не закрыта. Мать в саду на стол накрывает. Что бы это значило? Неужто Кирилл пришел? Как не вовремя.

В саду около стола суетилась незнакомая женщина. Невдалеке стояла коляска с младенцем.

– Егорушка приехал, – виновато доложила мать. Обернулась к молодайке и пояснила:

– А это его невеста.

– Чья невеста?

– Егорушки.

– Что, в лесу палки не нашел? – рявкнула Милентина, села за стол и начала есть, никого не ожидая.

Вдруг вечно молчащая мать стукнула ее по руке.

– Подожди всех.

В голосе зазвучали все те же начальствующие нотки, как при отце. Сухонькая, невысокая, она вдруг распрямилась и, как в детстве, строго посмотрела дочери в глаза. От этого взгляда по спине строем прошлись колкие мурашки. Захотелось стать маленькой, спрятаться под столом.

Милентина положила недоеденный кусок мяса и выбралась из-за стола. Потянулась было помочь накрывать на стол, но опомнилась и шлепнулась в гамак. Прикрыла веки и вприщурку стала наблюдать за тем, что происходило в саду.

Неказистая, полноватая бабенка работала быстро и аккуратно. Сновала от стола в летнюю кухню, как челнок. На любое замечание молча кивала головой и вновь бежала с очередным блюдом.

«Рабыня, да еще и с «довеском». Такой все за милость будет, да и по дому работы много. Мать уже плохо справляется. Не мне же полы мыть?» – так подумала Милентина и согласилась с выбором брата.

В этот вечер семья сидела за столом тихо, без обычных ссор. Говорили о разных пустяках и политике. Даже Милентина не устраивала разнос за трату денег на продукты. Она, чувствуя, что брат из плавания пришел непустой, боялась его спугнуть.

– Где собираетесь свадьбу гулять? – спросила она у молодых.

Егор, как обычно, пожал плечами и уткнулся в свою тарелку.

– Давайте откупим ресторан, – вновь заговорила Тина. – Там такой оркестр… заслушаешься.

Молчание было ответом. Но не на ту нарвались молодые, надо было обязательно выяснить: сколько денег у брата, да еще придумать, под каким предлогом их получить в руки, ведь впереди маячила машина.

– Ладно, братик, беру организацию свадьбы в свои руки. Завтра схожу в ресторан, обговорю меню, – радостно говорила Милентина, хотя ей очень хотелось просто выпотрошить карманы механика.

Кожей она чувствовала, что делать этого пока не следует. В воздухе витало какое-то сопротивление. Понять и нейтрализовать сопротивление – было сейчас главным, чтобы властвовать по-прежнему.

– Вы уже подали заявление в ЗАГС?

Любезность Милентины, ее забота звучали почти искренне. Мать, похоже, поверила и заулыбалась.

– Егорушка с Зоей завтра пойдут заявление подавать.

– Я с вами, – встрепенулась сестра, – у меня там знакомая. Мигом вас поженит. Хоть завтра же и распишут, а вечером в ресторане погуляем.

Мать с сыном переглянулись, словно посоветовались и снова уткнулись в чашки. Заплакал ребенок, и молодайка ушла с ним в дом.

– Что-то я вас не пойму, – удивленно пожала плечами Тина, – ты хочешь жениться или нет? Будем мы на твоей свадьбе плясать или просто дома посидим своей семьей?

– Зоины родители еще не приехали, – ответила за Егора мать. – Как приедут, так и свадьбу сделаем.

– Приехали, не приехали – какая разница? Приедут, значит, еще раз погуляем.

– Не по-людски это.

– Раз не по-людски, то говорите, на какое число заказывать ресторан? – Милентина скроила обиженное лицо. – Давай, Егорище, деньги, завтра все сделаю. Думаю, понадобится тысячи три. Гостей-то будет много. Весь твой экипаж сбежится на дармовщину.

Как-то странно крутнув головой, Егорище скосил глаза на мать. От этого у Милентины засосало под ложечкой: что-то здесь не так.

– Свадьбу они делать не будут, – снова ответила за сына мать.

– Как это не будут? – ошарашено спросила Тина. – Единственный сын…

Деньги, похоже, уплывали из рук. А может даже и правильно. Зачем нужен пир горой, потом объясняться, почему не оплачен счет в ресторане? Надо просто сходить в дом без них да и забрать все, что Егорище привез.

– Ну, и как хотите, – буркнула она, – мне меньше хлопот.

– Молодые решили купить дом на берегу, – задумчиво произнесла мать, – и уже приглядели один. Задаток дали. Купят, тогда и поженятся. И я с ними перееду. Не буду тебе мешать.

Удар пришелся на вздохе. Воздух застрял в горле и не давал возможности что-то сказать. Тина захрипела, вскочила, снова упала на стул.

Сидела, выпучив глаза, нижняя челюсть непроизвольно двигалась вверх-вниз.

Ломалась вся жизнь: собирался иссякнуть источник, приносящий достаток, позволяющий не работать и не заботиться ни о чем; мать, видно, уже и чемоданы сложила. А кто будет готовить обеды, прибирать в доме? А, главное, как быть с машиной? «Волга» утекала, как летний дождь.

В голове проскочили картинки ее печального существования. Но тут же в голову прибежала замечательная мысль: «Прекрасно. Хату продам, куплю машину и получше, чем «Волга», а потом перееду жить к Егорищу. Куда он денется?»

Стало весело.

– Ладно, – сказала она вслух, – делайте как хотите. Пойду спать.

И отправилась в дом. Входя, столкнулась с Зоей. Та, усыпив ребенка, шла в сад.

На цыпочках Милентина проскользнула в комнату к брату. Мягкий свет ночника был в помощь. Видно все, как на ладони. Вот сумка… Пусто.

В карманах пиджака… Пусто. Огляделась. Около коляски лежал толстый портмоне.

«Кретин, правильно положил, ко мне поближе», – усмехнулась Тина и протянула руку.

Вдруг почувствовала, что на нее кто-то пристально смотрит, будто рентгеном просвечивает. Мгновенно тело покрылось холодным потом, ру-

ки затряслись. Оглянулась – вокруг никого. Что за ерунда?

Снова потянулась за портмоне… Из коляски за ней наблюдал ребенок. Не мигая, дитя следило за движениями взрослого человека и, как показалось Милентине, осуждало.

Рука отдернулась сама собой. «Прокурор, пропади ты пропадом», зашипела Тина, схватила тяжелый кошель, рывком его открыла. Купюры лежали ровно и смирно. Пересчитывать не стала. Зачем? И так видно, что вполне достаточно для всего на свете.

Сделала из них веер, помахала ребенку: «Вот так-то. Что ты мне сделаешь?»

– Положи на место, – грянул за спиной голос.

В дверях стояли Кирилл и Егор.

– Тебе какой дело, – вскинулась Милентина, – проходу не даешь. В своем доме я хозяйка.

– Своего у тебя нет ничего.

Так некстати появившийся сродный брат сделал шаг к Милентине. Та в панике метнулась вправо, влево… Отступать было некуда, и деньги отдать не могла, они намертво «приросли» к рукам. Перед глазами мелькнула гипсовая статуэтка. Изящная горянка несла кувшин на плече, одна рука была давно отбита, но мать не позволяла выбросить этот пережиток мещанства, как память об отце.

Сейчас горянка пригодилась. Тина схватила статуэтку, замахнулась над коляской.

– Только подойди, убью щенка.

В замешательстве Кирилл остановился. Егор вжался в стену, в глазах детский страх.

Раздувая ноздри, Милентина подтолкнула коляску к выходу. Ее рука от напряжения побелела, казалось, что еще секунда, и шея горянки хрустнет.

– Пошли вон, чтобы духу не было, – орала в бешенстве сестра, – убью выродка.

– Успокойся, успокойся, – поднял примирительно руки Кирилл, – никто тебя не тронет. Пропади они пропадом эти деньги. Ребенка оставь.

– Выйди из дома, – чуть потишала Тина. Она слегка ослабила руку, но коляску держала около себя. Поняла, что теперь никто на «ее» деньги уже не претендует.

– Хорошо, уже выхожу, – сказал Кирилл и медленно стал пятиться к двери.

«Гады, будете плясать под мою дудку», – зло подумала она, усмиряя внутреннюю дрожь и ярость. Сунула деньги в карман. Облегченно вздохнула, но глаз со сродного брата не сводила. Егор был не в счет…

Тряхнула головой, чтобы снять напряжение, волосы, связанные в «конский хвост», зацепились за крючок на двери. Остановилась, чтобы высвободиться. Неожиданно Егор с силой толкнул в бок. Не удержалась на ногах, стала падать. Махнула неловко рукой, и горянка ухнула ей в лоб. Горячий ручеек заструился по лицу.

Хотела вскочить, не смогла. Подняла глаза. Егорище ногой наступил ей на волосы. Не поверилось, что робкий и пугливый брат... Этого быть не могло. Извернулась змеей, чтобы пнуть, но Кирилл придавил ее, схватил руки, заломил за спину. Вдвоем они связали бесновавшуюся сестру.

Разбрызгивая кровь, Тина крутилась на полу, но нигде не могла увидеть детской коляски. Кто и когда вынес ребенка из комнаты, она не видела, а потому приходила в еще большую ярость.

– Развяжите, иначе я вашего щенка живьем сварю и съем, – орала она, – а тебя, гаденыш, загрызу. В детстве еще надо было тебя в яр сбросить или на груше удавить.

– Может, развязать, – робко проговорил Егор, – она же бесноватая, нам жизни не даст.

– А зачем вам с ней жить? – прикладывал к расцарапанной щеке платок Кирилл. – Мало она с тебя соки тянула. Собирайте вещи да айда к нам. Хата большая, всем места хватит.

Он наклонился к Милентине, вынул из кармана деньги, передал брату.

– Ты из-за них горбатишься, а эта шушера по кабакам проматывает. Не надоело?

– Мать жалко, как ее оставить?

– Так с собой забирай. Бабушка будет рада. А там и своим жильем обзаведетесь.

Вышли. В саду послышались возбужденные голоса. Тина притихла, чтобы слышать, о чем разговор. Заплакал ребенок и заглушил всех. Попробовала развязать веревки, не смогла. Чертов морячок хорошо узлы вяжет. Огляделась в поисках чего-нибудь острого. Ничего, кроме разбитой горянки. Подкатилась к ней, попробовала перетереть путы. Быстро не получилось.

Послышались голоса и топот ног.

Милентина закрыла глаза и замерла.

Вспыхнул свет. Кто-то осторожно стал ходить по комнате. Шаги легкие, незнакомые. Скорее всего – Зоя. Вещи собирает. Появился Егор. У него шаги тяжелые, с пришаркиванием.

– Тина, – тихонько позвал он.

Сестра не пошевелилась, даже дыхание старалась задержать.

– Кирилл, Тина не дышит.

– Дышит, – отозвался Кирилл.

Тина чувствовала, как он наклонился и рассматривал ее. Эх, сейчас хотя бы одну ногу свободную. Долго бы помнил. Но не шевельнулась, ни одна ресничка не дрогнула.

– У нее лоб рассечен, надо бы перевязать, – снова послышался голос Егора.

– Кровь уже запеклась. Так что ничего страшного. Зато памятно будет.

Милентина машинально потрогала давно заросший шрам на лбу. Огляделась и словно впервые увидела тех, кто сидел рядом с ней. Глава семьи внимательно наблюдал за младшим сыном.

– Что случилось, Семушка, – спросил он, – ты не заболел? Почему не кушаешь?

– Не вкусно, – набычился мальчик, догрызая сухую корку.

– Попробуй борщ, понравится.

– Не понравится.

– Ты же еще ни одной ложки не съел.

– Не хочу.

– Сынок, – скроила Тина умильную улыбку и потянулась, чтобы погладить мальчика по вихрам.

– Жабы на болоте твои сыночки, – дернулся, словно от змеи, ребенок, – а у меня есть свои мама и папа. Моя мама при детях голой не ходит.

Пришлось проглотить и эту выходку. Подавив в себе гнев, Милентина положила в тарелку второе блюдо.

– Может картошечка с гуляшом тебе понравятся, – сказала она смиренно.

– Не понравятся, – выкрикнул малыш и убежал из кухни.

Ужин был испорчен. Иван со старшим пошли успокаивать Семушку. Так что пришлось посуду убирать одной. Иван сорвался с крючка.

«Ничего, впереди будет ночь», – думала захватчица, перемывая тарелки.

Снова всплыли воспоминания.

Она лежала, затаившись. Ждала момента, когда развяжут хотя бы один узел. Услышала, как Егор убеждал перенести раненую на кровать, вызвать скорую…

Снова вошел Кирилл, он наклонился и начал срезать веревки. Но свободу руки не получили. Тина напряглась, тщетно. Узлы держали мертвой хваткой.

– Вот так, Егор, – воскликнул Кирилл, – она, как всегда, прикидывается. Развяжем, так еще чего-нибудь натворит. Бешеная всю жизнь была. Я веревки надсек, так что к утру сама выберется, – немного помолчал и добавил: – К бабушке больше не ходи, пожалеешь. Живи теперь, как знаешь.

У калитки остановилась машина, было слышно, как всхлипывала мать, как утешал ее Егор. Потом все стихло.

Милентина осталась одна. Полежала еще немного, окликнула мать. Никто не отозвался. Крикнула громче. Снова тишина. Стало страшно: неужели придется идти работать? Горбатиться месяц, получать копейки, которых хватит на один плохой обед в ресторане.

Представила себя в разделочном цехе рыбозавода: резиновые сапожищи до колен, перчатки, уродливый фартук – по коже пробежал мороз. В бешенстве каталась по полу, колотилась, грызла ножку стола, изрыгала проклятья миру.

Устала, успокоилась. Стала думать, как ей освободить руки. Вспомнила про горянку. Подползла к ней и стала перетирать веревку в том месте, где надсекал Кирилл. Сцены мести сменялись в ее голове сценами раскаяния брата и матери. И чего она так распереживалась, ведь у нее собраны деньги на машину.

Вздохнула облегченно: этого должно хватить на некоторое время, а там бабка начнет есть поедом и мать, и Егорищу с его страшилой, так что придется им возвращаться. Да еще в ногах валяться будут, чтобы простила.

…С тех пор прошло пять долгих лет. Попытки продать хату не увенчались успехом, потому что хозяйкой была мать. А Егор за это время купил себе дом на побережье и ни разу не впустил на порог сестру. Он стал грубым. При одном виде Тины сжимал кулаки.

Единственно что удалось сделать, так это разжалобить мать и заставить вернуться домой. Сгорбленной тенью ходила та по кухоньке, молча обслуживала дочь и ее ночных гостей. Так же молча сносила дочерины тумаки и таяла на глазах.

Однажды мать не поднялась с постели. Ни крики, ни ругань не заставили встать. «Жрать захочешь – встанешь», – рыкнула дочь и унеслась в поисках очередного ночного гостя. Вернувшись домой в одиночестве, Тина не пошла к матери, злясь на нее за упрямство. И только утром поняла, что осталась одна.

Схоронила мать потихоньку и убралась из города, подальше от греха.

Вернулась через полгода. В городе был конец бархатного сезона. Жирные «караси» разъезжались с отдыха. Оставалось уповать только

на каких-нибудь передовиков производства, которым вручили горящую путевку. Пляжи опустели, в ресторанах восседали пышнотелые тетки с ярко-красными губами и мужики, от которых несло «Шипром».

Как-то на рынке встретила Зою. Она была на сносях. Рядом с ней крутилась девчонка лет пяти. Озорные косички торчали в стороны и подпрыгивали вместе с хозяйкой. Сноха покупала овощи.

План мести созрел в голове мгновенно. Надо было дождаться, когда родственники пойдут на автобус, через оживленный перекресток. Дело техники, и никто не придерется. Обыкновенный несчастный случай. Зато Егорище больше никуда не денется.

– Зоинька, – запела она сладко, – сколько лет, сколько зим. Вот уж не чаяла увидеть тебя на нашем рынке. А это кто у нас такой хорошенький?

Присев перед девочкой, Милентина протянула к ней руки.

– Ну, племянница, давай знакомиться, я твоя тетя.

Девочка испуганно остановилась.

– Я вас не знаю.

– А я тебя знаю. Смотрите, какая красавица выросла. На маму похожа.

– Нет, – заулыбалась сноха, – мы похожи на папу Егора. Да Сонечка?

– Да! – тряхнула светлой челкой Сонечка и уцепилась за мамину руку.

Улыбка застряла на губах Тины. Имя неприятно толкнуло в грудь. Подкатила волна удушья. Где-то рядом замаячили тень. «Со-о-онечка», – прошелестела пышная юбка проходящей мимо бабы. «Со-о-о…», – растерялись в толпе прибежавшие звуки, словно морская волна смыла их с лица земли.

Мотнула головой, чтобы избавиться от наваждения, стряхнула с себя воспоминания, как стряхивают осенью листву деревья. Чиркнула рукой по тени, будто стирала ее. И заулыбалась как ни в чем ни бывало.

– А я вот тоже пришла за овощами, – защебетала Милентина. – Завтра с утра на работу, надо успеть сготовить обед.

– Где работаешь? – механически спросила Зоя, складывая покупку в сумку.

– На рыбозаводе, – вздохнула Тина, – сама знаешь, образования никакого. Всю молодость дурака валяла, да и потом ничего лучше не делала. Теперь расплачиваюсь. Но ничего, на работе меня хвалят.

В это время сноха подняла сумку, собираясь идти.

– Что ты, – возмутилась Тина, – разве можно такие сумки таскать в твоем положении. Давайка я тебя провожу, бери ребенка, а я – сумку.

Она по-хозяйски забрала у Зои ношу. Та смущенно заулыбалась.

– Ты, оказывается, очень добрая. Спасибо за заботу. Но нас папа сопровождает.

От этого сообщения у Тины чуть ноша из рук не выпала. Сердце сжалось от страха, но виду не показала.

– Егорка с вами, – счастливо проговорила она и стала оглядываться, – хоть увижу его, а то вся истосковалась. Виновата я перед ним, и прощения мне нет.

– Не переживай так, – стала утешать ее Зоя, – он добрый и отходчивый. Я с ним поговорю.

– Папа, папа идет, – закричала Сонечка, запрыгала как мячик и взлетела, подхваченная сильными мужскими руками.

– Я выше всех, – смеялась девочка, устраиваясь на папиной шее.

– Здравствуй, Егорушка, – смиренно проговорила Тина, поворачиваясь к брату, – а я вот с работы иду да твоих встретила, остановилась поговорить. Извини меня за все. Я больше постараюсь не попадаться тебе на глаза. Ладно, я пойду, устала, а завтра снова на смену.

– Будет выходной, приходи к нам в гости, – пригласила Зоя, – посидим по-семейному. Так ведь, Егор?

Брат пробурчал что-то невнятное и, рывком забрав у Тины сумку с продуктами, пошел вперед. Сонечка помахала на прощание рукой.

– Приходи, – повторила Зоя.

У Милентины были смешанные чувства: с одной стороны, отомстить не смогла, а с другой стороны – получила приглашение. Что лучше, и не поймешь.

…Тарелка с васильками чуть не выскочила из рук. Милентина вздрогнула. Настолько реальны были воспоминания.

Вошел хозяин квартиры. Он был смущен.

– Простите Семушку. Сам диву даюсь, что с ним такое. Видимо, тоскует без мамки.

Иван налил чаю, сел за стол.

– Я и не сержусь, – повернулась к нему Тина. – Он ребенок. Я вот сейчас своих вспомнила. Младший такой же был, чуть что – в слезы. И тоже не любил, когда я уезжала.

Вытерла руки.

– Можно я с вами чаю попью?

– Да, конечно.

Села напротив. Слезы закапали из ее глаз.

– Такое ощущение, что это не ваши ребята, а мои. Словно они все живые.

– Не расстраивайтесь так, – стал утешать Иван, – вы еще молодая, все у вас устроится. Кстати, я вам постелил в гостиной на диване.

– Да, да, спасибо…

Тина потянулась, чтобы взять руку Ивана, но послышался голос младшего, «Папа, я хочу спать, расскажи мне сказку».

Уже сидя на диване, Тина размышляла, как бы избавиться от назойливого пацаненка, который ей все карты путал. Может быть, к бабке отправить? Если, конечно, она у них есть. Или попроситься отвести его в садик. Надеть нечего. Вещи ивановой жены малы. Ничего, подождем ночи, а там все само собой решится.

Прилегла, выжидая, когда все угомонятся. От пережитого стала задремывать. Чистая, ласковая простыня умиротворяла. Показалось, что все закончилось, нет больше мерзкого мальчишки с его визгами. Рука погладила мужчину по волосам. Шелковистые волосы покорно струились меж пальцами. «Коленька», – прошептала она и проснулась.

«Тьфу ты, надо об отце думать, а Коленьку мы потом обратаем», – ругнула она себя. Медленно, чтобы не скрипнуть, поднялась, на цыпочках пошла по коридору. Дверь в спальню к Ивану открыта. Это уже хорошо. Вошла… и остолбенела.

Иван спал, отвернувшись к окну. На его руке вольготно раскинулся Семушка. Он сладко посапывал, раскрыв рот, словно воробышек. Светлая головенка упиралась отцу в грудь.

«Гаденыш, – шептала Тина, ворочаясь на диване, – гаденыши».

…Резко хлопнула дверь, и Милентина проснулась. Прислушалась. В квартире стояла тишина. За окном непроглядная мгла. «Послышалось», – решила она и перевернулась на другой бок. Но уснуть не смогла.

За окном тарахтела машина.

«Чего им ночью не спится?» – по-хозяйски проворчала она. Встала, прошлась босыми ногами по теплому ковру. Потянулась. В коридоре мерцал ночник. Взгляд упал на стенные часы, стрелки показывали половину восьмого. Где-то далеко гремели трамваи, гудели машины. Милентину прошиб пот: «Проспала!» Тут же пришла успокоенность: даже еще лучше, никому ничего объяснять не надо.

На столе обнаружила записку, в которой ей сообщались номера телефонов справочных служб города.

День прошел в обследовании квартиры. Уже к обеду гостья привыкла к жилому пространству семьи так, будто жила здесь всю жизнь. Она переставила цветочные горшки на окнах, переложила посуду на кухне, приготовила ужин.

Ближе к вечеру, когда по ее расчетам должны вернуться домой хозяева, разложила перед телефоном кучу бумаг с переписанными из телефонной книги номерами. Чирканные, перечирканные листочки должны рассказать о ее попытках разыскать родственников.

Ранний сибирский вечер упал на город. Зажглись уличные фонари. Словно охотничья собака, застыла Милентина около окна. На ней было надето то, в чем она здесь появилась.

У подъезда зафырчала машина, по лестнице заспешили три пары ног.

– Ай, – воскликнула Милентина, выждав тот момент, когда двери квартиры открылись. Она сделала вид, что собиралась выйти из квартиры.

– Простите, не успела уйти.

– В чем дело? – спросил, входя за детьми в прихожую, Иван.

Женщина сделала вид, что расстроена, присела на краешек тумбы для обуви, закрыла лицо руками и безутешно зарыдала.

– Меня преследует черный рок. Сестра с мужем разбились на машине, еще на прошлой неделе. Я ехала к ним, а их уже не было на этом свете.

По щекам катились крупные горошины слез.

– Соболезнуем, – растерянно произнес Иван.

– Да, да, спасибо, – в очередной раз хлюпнула носом Милентина и поднялась, – спасибо вам за хлеб, соль, за приют.

– Куда же вы сейчас идете?

– Не знаю. Да и какая разница, куда идти, когда уже все равно?

Она перехватила сумочку в другую руку.

– Там на кухне ужин горячий. Детей покормите. Для Семушки я отдельно приготовила. А то он вчера голодный лег. Прощайте, не поминайте лихом.

Гостья подошла к двери, оглянулась, тоскливо вздохнула, будто собралась нырнуть в омут, взялась за ручку двери…

– Постойте, – остановил ее Иван, – куда же вы на ночь глядя? Утро вечера мудренее. Переночуйте у нас, а завтра видно будет.

– Я и так вас обременила, обеспокоила.

– Какое же это беспокойство? Вон как о нас заботитесь.

– Конечно, оставайтесь, – пробасил Коля, соглашаясь с отцом.

Никто из них не видел, как горели надеждой глаза Семушки. Мальчишка, сжавшись в комочек, не дышал и ждал, что черная тетя уйдет, растает в ночи и больше не появится. Он ее боялся.

Надежды не оправдались. Папа и Коля почему-то остановили Тину-Болотину.

ПРАВО НА БЕСПРАВИЕ

Случайная гостья осталась на завтра и на послезавтра... Ей уже принадлежал диван в гостиной, в шкафу появилась собственная полка с вещами.

Как-то Иван принес домой сверток, в нем оказались домашний халат и тапочки. «Не век же тебе ходить в вещах моей жены», – объяснил свой поступок хозяин.

Серый, невзрачный ситчик убого присел на более чем полную фигуру жилички, сзади оттопырился фонарем. Тапочки «палата №6» горбились на подошве. От подарка Милентина опешила, почувствовала, как внутри просыпается ярость. Допустить извержение гнева она не могла и разрыдалась. Ей было себя жаль по-настоящему.

– Вам не понравилось? – растерянно спросил Иван.

– Что вы, – вытирала на щеках слезные потоки Милентина, – я растрогана. Мне в жизни никто не дарил таких подарков. Посмотри, как мне идет этот цвет. А как сидит на фигуре… Его надо только сполоснуть, чтобы смыть крахмал. Спасибо тебе.

И женщина упала дарителю на грудь. Тот растерянно погладил ее одной рукой по плечу, вторая так и осталась на отлете.

– Папа, я есть хочу, – ворвался между ними Семушка.

Он оттолкнул ненавистную тетку от отца, подпрыгнул и повис у него на шее. Впервые за последние дни Иван был благодарен сыну за вторжение и грубость. Он просто не знал, что делать с рыдающей жиличкой.

Мальчишка не просто раздражал Тину, ей больших трудов стоило сдержаться и не прибить его на месте. Портить отношения было рано, а идти некуда. Надо было вначале завладеть семьей. Терпение заканчивалось, и Тина решилась на активные действия.

За ужином она была необыкновенно весела, все время одергивала куцые оборочки на халате, будто похваляясь. Рассказывала смешные истории из жизни отдыхающих на южном море. Старшие мужчины громко смеялись, и только Семушка капризничал. То он требовал хлеб, когда рядом с тарелкой лежал нетронутый кусок, то ему срочно хотелось пить. Причин находилось много.

Разливая чай, Тина предложила:

– Что же я у вас на шее сидеть буду, можно, я завтра провожу Семушку в садик. И вам легче, и мы с ним наконец-то подружимся.

«Почему бы и нет», – начал было Иван, но младшенький вдруг кинулся к брату и заголосил на всю квартиру:

– Коленька, миленький, не отдавай меня Болотине, я буду тебя слушаться. Я больше ни разу не возьму твои карандаши и тетрадки…

– Семушка, успокойся, – возмутился отец. – Что же особенного, если тетя Тина тебя отведет в садик. И ей приятно, и Коле не придется ехать в другой конец района.

– Папочка, родненький, – продолжал причитать мальчик, – она злая и не любит меня, и я уже большой, сам могу доехать до садика.

…Вечер был испорчен. Коля с отцом ушли утешать бившегося в истерике малыша, а Тине опять достались тарелки, уборка и одиночество.

Уже сидя на диване, женщина пыталась успокоиться. Все шло не так, как хотелось. Надо было что-то предпринимать, устраиваться в этой жизни, но все ее атаки разбивались об упрямство ребенка. «Штурм» семейной крепости откладывался на неопределенное время.

Не понимала Милентина, почему ее так не любили дети. Вот и там, в той жизни, все испортила какая-то сопливая девчонка.

…Получив на базаре приглашение от снохи, Тина не сразу бросилась к ним в гости. Она выжидала момент, когда Егорище уйдет в загранку. Но брат все время крутился дома.

Подстегнуло безденежье. Отбыв бархатный сезон, богатые клиенты разъехались с местных пляжей. Их сменили рабочие «караси», получившие горящие путевки. У передовиков производства денег много не имелось, да и не торопились

они быстро потратить прихваченные с собой средства. Носились по базарам, по магазинам в поисках подарков для жен и детей.

Хочешь, не хочешь, а пришлось Милентине собираться к брату. Она еще не знала, что и как сделает, как поступит – главное вернуть Егорищу в родной дом, избавиться от ненужных Зои и Сони, пока не появился еще один член семьи.

Дом брата стоял почти на берегу моря и имел два входа – со стороны дороги и с побережья. И Милентина, открыв калитку именно с этой стороны, проскользнула, словно мышь. Надо было оглядеться. Она замерла под навесом виноградной лозы: уж так все было хорошо здесь устроено.

Защемило от зависти сердце. Она прозябает в старой родительской хате, где сад давно зарос, ветки яблони заселили гусеницы бабочки-американки. Червивые плоды до сих пор догнивают под деревьями, и убрать их некому. Да и в хате пахнет затхлостью. А тут… Дорожки песком посыпаны, резная беседка, увитая плющом, развернута к морю. Как хорошо в ней пить чай, смотреть, как прибывают в порт белые пароходы, слушать крики чаек…

Милентина увлеклась мечтами и не увидела, как около нее оказалась племянница Сонечка.

– Здравствуйте, – прищурив один глаз, сказала девочка, – а я вас знаю.

Чай с синими морскими далями рассыпался в прах. Гостья, вздрогнув, забыла надеть на губы улыбку. Разозлилась.

– Ты что шляешься где попало, людей пугаешь.

Девочка набычилась, светлые косички встрепенулись.

– Это нигде попало, – уверенно сказала малышка. – Я здесь живу с папой и мамой, и у меня скоро родится братик.

– Это не твой папа, – мстительно хмыкнула Тина.

– Мой папа, мой, – заплакала Сонечка и побежала прочь.

«Мама, мама…» – послышался детский плач в глубине сада.

«Тянули меня за язык», – ругнула себя Тина и быстро обошла сад с другой стороны. Сделала вид, что только вошла в калитку. «Хозяева», – окликнула она, делано обрадовалась, увидев под развесистой яблоней семейство брата. Зоя, слегка откинувшись, сидела на скамейке. Егорище утешал Сонечку.

Мужчина, увидев гостью, яростно наклонил голову, ссадил девочку с коленей и стал подниматься.

– Егорка, братик, – метнулась к нему на шею Тина, – как давно я тебя не видела. А где тут моя племянница, где наша принцесса? Это кто посмел ее обидеть? Ну, мы им зададим…

Она трещала, не умолкая. То прижимала к себе Сонечку, то сыпала комплименты снохе, то вертелась около брата.

– Я к вам ненадолго, – перемежала она свое пустословие нужной для нее информацией, – завтра на работу рано. Вот повидала и рада. Ну, до свидания. Побежала, пока автобусы ходят.

Не дав ответить, Милентина ринулась к калитке.

– Тиночка, – остановил ее Зоин голос, – в воскресенье у меня день рождения, приходи. Много никого не будет, только свои соберутся.

Своих-то Тине видеть и не хотелось, но она счастливо махнула рукой и побежала на остановку.

До воскресенья Тина едва дожила. Каждый день и каждую минуту у нее рождались все новые и новые планы. Надо было разрубить этот узел одним ударом и остаться в том красивом доме хозяйкой. Время не ждало. Увеличение семейства было нежелательно. По всему видно, что Зоя ходит последний месяц.

Где-то к полудню Тина с затаенным сердцем подошла к калитке. Сегодня решалась ее судьба. Она достойна жить в этом доме, пить чай в беседке и смотреть на море. Заглянула через забор.

Осень затронула сад холодами. Прошло время созревания поздних сортов яблок, но в ветре еще проскальзывал яблочный дух. Деревья уже освободились от тяжелых плодов. В полусне они расправляли ветки и пошевеливали уже начинающими опадать жесткими, слегка покрасневшими листьями. На неудобице пристроился грецкий орех. Его большие разлапистые листья тоже готовились свалиться на землю. Вокруг беседки еще полыхали красные розы, одна ярче другой.

Скоро зима, холод, слякоть. Но в этом году на радость людям непогода где-то задержалась, и по деревьям да кустарникам разливалось почти летнее тепло.

Первым ей попался Кирилл.

– Ты что здесь делаешь? – грозно надвинулся он на родственницу.

– Зоя пригласила, – смиренно ответила Тина, – но если ты против, я уйду. Только позволь

поздравить именинницу. Долго не задержусь, мне рано вставать на работу.

Кирилл отодвинулся, давая ей дорогу. Потом долго смотрел вслед.

За столом сидела бабка с женой Кирилла. Как по команде они повернулись к вошедшей. Ни слова, ни ответа на приветствие.

Присев на краешек стула, Милентина покорно стала ждать хозяев. Весь ее вид говорил, что человек смертельно устал, руки плетями лежат на коленях, глаза закрываются сами собой. Того и глади уснет сидя.

– Тиночка пришла, – заворковала за спиной Зоя, – вот и хорошо. Давайте садиться за стол. Я сейчас горячее принесу.

– Что ты, – встряхнулась Тина, – тебе нельзя. Показывай, что нести.

Мигом гостья принесла все блюда и весь обед ухаживала за гостями. Между пробежками на летнюю кухню рассказывала смешные истории, которые якобы случались у них на рыбозаводе.

Все складывалось хорошо. Бабка вздремнула в гамаке. Мужики, хорошо угостившись, перебрались на веранду, чтобы поиграть в шахматы. Сонечка с подружкой ушли на бережок, прихватив кукол. «К морю без взрослых не спускайтесь», – сказала вслед девочкам Зоя.

Милентина прибрала стол, помыла посуду. Наступило ее время. Быстро заварила чай в два чайника. На поднос поставила чайные пары. Оглянулась. Вокруг никого. Вынула из кармана пакетик, свернутый, как лекарственный порошок, быстро высыпала в чайник с цветами. Помешала ложкой, понюхала.

Тут по ее лицу пробежала тревога. Подняла брошеный пустой пакетик осторожно двумя пальцами, осмотрелась, куда бы можно было спрятать…

На порожке летней кухни стояла Сонечка и внимательно смотрела на нее. Широко распахнутые глаза видели и понимали все... Девочка медленно перевела взгляд на чайник с васильками, потом вновь подняла глаза на Милентину. Ветерок слегка колыхал челку и ленточки в косичках.

Бумажка выпала из рук женщины. Нервно дернувшись, Тина подхватила пакетик и сунула в мусорное ведро. Кинулась к умывальнику и с усердием вымыла руки.

– Сонечка, – проговорила она, – давай попьем чаю с конфетами.

– Мама не разрешает мне есть конфеты, – серьезно сказала девочка.

– Тогда с тортиком.

Золотистая струя свежезаваренного напитка полилась в чашки. Легкий пар поднимался из наполненных чайнушек и причудливо кувыркался в воздухе.

– Поможешь мне?

– Что нужно делать?

– Неси на стол конфеты, а я – поднос с чашками.

Маленькие руки аккуратно взяли вазу с конфетами. Сонечка перешагнула порог и пошла к общему столу. Воровато оглянувшись на девочку, Милентина налила две чашки из чайника с васильками, поставила их особняком на подносе, подхватила ношу и чуть не выронила ее из рук.

На пороге снова стояла племянница. В руках зажата вазочка. Девочка пристально смотрела на тетю:

– Для кого эти чашки?

– Для твоей мамы и для тебя.

– Я не буду пить этот чай.

– Но он очень вкусный, я туда положила немного меду.

– Мне нельзя сладкое.

– Так мы маме и не скажем.

– А разве можно маму обманывать?

Поднос в руках Тины начала бить мелкая дрожь. Ненависть хлестанула по сердцу: сколько можно унижаться перед какой-то приблудной девчонкой. Выкинуть бы ее из дома вместе с матерью, чтобы духу не было. Но Кирилл был где-то поблизости, а Тина хорошо помнила твердость его рук. Да и Егорище как-то изменился под влиянием брата, чуть не так – хмурит брови и становится неприступным.

Глубоко вздохнув, Тина шагнула вперед. Огибая ребенка, подавила в себе желание наклонить поднос так, чтобы чашки покатились на пол. Ей нужна была стопроцентная гарантия избавления от лишних.

– А вот и чай, – сказала Тина, приближаясь к Зое и бабке.

В тот момент, когда поднос уже стоял на столе, а сноха потянулась к чашке, скатерть вдруг «поехала»… Загремела посуда. Едва успев отскочить от льющегося горячего чая, Тина увидела, что из-под стола скатерть тянут маленькие пальчики. Мелькнули светлые косички.

Заполошилась Зоя. Заметалась бабка.

«Соня, ты не обожглась?» – кинулись женщины к девочке. К ним на помощь пришли мужчины.

– Твои проделки? – грозно сдвинул брови Кирилл.

С другой стороны наступал Егор. Тина растерялась: ей впервые доставалось за чужие пакости.

– Егор, Кирилл, перестаньте говорить глупости, – успокаивала мужчин Зоя, – никто здесь ни при чем, просто скатерть соскользнула, и Сонечка цела.

Понемногу все успокоились, Кирилл даже извинился перед сестрой. Зоя постелила свежую скатерть и предложила все-таки попить чаю.

– Я мигом принесу, – встрепенулась Тина и побежала в летнюю кухню.

На полу валялся расколотый чайник с цветами, а в окно заглядывала племянница…

Терпение лопнуло, словно взорвался снаряд. Злоба выплеснулась из сжатого сосуда души, заполнила сердце, перехлестнула через край и стала подниматься в голову. Мысли закрутил водоворот бешенства. Словно в миксере мотались обрывки благоразумия, их затягивала клоака ярости.

Руки женщины сжались в кулаки с такой силой, что ногти врезались в ладони. «Маленькая дрянь, – прошипела она, – жаль, что я тебя раньше не придушила».

Пятилетняя девочка испуганно вздрогнула и побежала в глубь сада. Милентина ринулась за ней. Были уже не важны планы, расклады. Главное – наказать приблуду.

…– Простите, Тина, – сказал, вошедший на кухню Иван. – Я совсем не понимаю, почему Семушка так себя ведет. Наверное, скучает по матери.

– Дуру я спорола, – прерывисто вздохнув, произнесла вслух Милентина, продолжая беседовать сама с собой.

Она еще была во власти теней прошлого. Открывшаяся бездна исчезнувшего дня, нахлынула так явно, словно все только что произошло.

Появление хозяина квартиры вначале не воспринялось, как реальность. Интуитивно увидела изумленные глаза мужчины, вытряхнула из себя воспоминания.

– Дуру я спорола, – повторила Тина, лихорадочно соображая, что говорить дальше. – Весь день пробездельничала, только и сделала, что постирала. Надо завтра за продуктами сходить. Скажи, где у вас хороший продуктовый магазин. Есть у меня один отличный рецепт, хочется Семушке угодить.

– Чтобы я без вас делал, – забормотал Иван благодарности, – носитесь с нами…

– Мне это приятно и от дум отвлекает. Так где у вас магазин?

– Я завтра выходной, – подумав, произнес отец семейства, – вот и съездим по магазинам, заодно и город покажу.

Это была удача.

Утром Коля увел Семушку в садик, а Тина стала ждать, когда Иван позовет ее. Но шло время, а приглашения не поступало. Хозяин возился с протекшим в ванной комнате краном.

Гостья принялась шумно одеваться. Ходила взад и вперед по коридору, собирала и перебирала авоськи, просматривала наличие продуктов в холодильнике, советовалась с Иваном по каждой мелочи. Результат был нулевой.

– Схожу, пожалуй, в магазин, – Тина встала в проеме двери.

– Извините, я думал, что быстро закончу. Не получилось.

– Я могу и одна сходить.

– Спасибо большое. Возьмите деньги в спальне на тумбочке.

– Зачем? У меня есть свои, – вроде бы растерянно пробормотала Тина.

– Что же вы будете нас кормить? Это нехорошо. Возьмите деньги, а то не пущу вас в магазин.

Первый выход из квартиры с семейной кассой, а времени потеряно масса.

Скороходовские сапоги шлепают по ступенькам вниз. Давно не ремонтированный подъезд красуется облупленной краской. Все уныло и безрадостно.

Медленно, медленно тянется дело. Вон уж руки стали шершавыми, грубыми. Разве они приспособлены к стирке, мытью, чистке картошки. Неужто ей всю жизнь подтирать сопливый нос. Скоро семейка соберется вместе, а у нее все на старом месте. Как попала в кухарки, на том и застопорилась.

Может быть, ну его вместе с выводком. Что других мужиков нет в городе? Наверняка, есть у Ивана друзья, приятели, лучше бездетные.

Распахнула дверь в зиму.

Накануне выпал снег, и день был слепяще-белым. Он резал глаза и вышибал слезы. Дешевая тушь Ирины Русановой потекла черным ручьем. Пришлось остановиться и стереть черные потоки. От красоты остались лишь темные круги под глазами.

Чертыхаясь, Тина прошлась по улице. Зашла в один, другой магазин и поразилась: полки были почти пусты. Выбрать совсем нечего. «Где же Иван берет продукты?» – скрежетала зубами Тина.

Вспоминались магазины и рынки своего города, изобилие на прилавках.

– Простите, – обратилась она к кассиру магазина, – я приезжая. Подскажите, где мне купить продукты. У нас похороны, а я города не знаю.

Тяжеловесная дама, сидящая за кассой, сочувственно поглядев на посетительницу, стала объяснять, как проехать в фирменный магазин.

И снова улица, зима.

В школе на уроках географии Милентина проходила тему про Сибирь. С заснеженной картинки учебника задумчиво смотрел бурый медведь, на другой странице по ветке скакала белка. На этом знания о морозной стране в центре Советского Союза заканчивались и не потому, что учебник больше ничего не сообщал. Ничуть. Просто эти сведения для Тины были неинтересны. Получив отметку за урок, она благополучно забыла все о том месте на карте, где «двенадцать месяцев зима, а остальное лето».

Разве могла девчонка предполагать, что через много лет та самая Сибирь будет так реально стремиться ее заморозить.

В этой части мыслей Тина поскользнулась и едва не растянулась на натоптанном горбу тропинки. Вернула себе равновесие, но только сделала пару шагов, как обнаружила оконце льда на дорожке. Чертыхнулась, едва увернулась от бегущих мальчишек. Те с разгона по очереди проехали по льду и побежали дальше. К изумлению южанки, по скользкой дорожке старались проехать и люди более солидного возраста. Разрумянившийся седовласый мужчина прибавил ходу перед скользким «окошком» и… счастливо покатился, привычно выпрыгнул в конце дорожки, молодецки встряхнулся и отправился по своим делам.

В автобусе Милентина пыталась привыкнуть мыслями к тому, что ей придется жить в этой вечной зиме. Сосредоточиться мешали входящие и выходящие пассажиры. Они двигались кто к выходу, кто внутрь салона и постоянно задевали, а то и толкали южную гостью. Свободных сидений не было, и до нужной остановки пришлось ехать стоя.

В долгу Тина не оставалась, локтем поддевала под ребро очередного путешественника из конца в конец салона, перегораживала узкий проход своей дородностью, гулко кричала в ответ на ругань – короче, развлекалась по полной программе. Народ набивался, как селедка в бочку, по мере продвижения автобуса к центру города. Крики усиливались, двери не хотели закрываться, а водитель равнодушно говорил в микрофон: «Граждане, следом идет еще одна машина. Куда же вы все лезете? Ишь, какие зады висят. Мне что – брать топор и ходить обрубать ваши зады? Между прочим, худеть надо и есть поменьше». Наконец-то входящие утрамбовывались, двери со скрежетом закрывались, и автобус двигался дальше.

Толчея успокоила Милентину и утихомирила, а потому в магазин она вошла с тихим счастьем. Но там сразу же от порога начиналась «берлинская стена» из спин, одетых в серые, черные, коричневые пальто и куртки. Попытка пробиться сквозь толпу потерпела крах в первое же телодвижение. «Очередь занимай», – кинула в нее басом худющая спина в сильно потрепанной «москвичке».

– Мне только посмотреть на витрину, – начала было вновь вошедшая.

Ответ прилетел с другого конца «стены»: «Очередь подойдет, тогда и посмотришь».

– Где же я тут очередь найду? – повысила голос Тина. – Вы вон каким табуном стоите.

Одна из спин повернулась и оказалась женщиной среднего возраста, малой упитанности с живыми, коричневыми глазами. Она вынула из кармана шариковую ручку и почти приказала: «Ладонь давай». Растерянно Тина протянула ладонь, а женщина написала на ней «275», потом передала Тине ручку, объявив: «За мной будете». «Это почему?» – ошарашено спросила Тина. Женщина среднего возраста глянула на нее строго и показала свою ладонь, где красовалась цифра «274».

Постепенно Тина привыкала к толпе, потом стала сливаться с ней, втянулась в разговор о жизни. Ей понравилось то, что можно говорить здесь все, что угодно, ведь никого из стоящих рядом людей ты не знаешь.

Время от времени толпа приходила в движение, выпуская из своего чрева счастливчика, достигшего прилавка и затарившего сумки величиной с мешок.

Человек пока ликует, но ведь покупкой можно накормить целый полк, и впереди у него другая проблема, как теперь все это съесть, чтобы не пропало. Конечно, в охотку его семья покушает вволю, потом начинается изобретение новых блюд. Ведь уже известны рецепты пельменей с колбасой, ватрушек с сосисками, картошки с бе-

коном. Остатки роскоши будут доедать кошки и собаки.

Но это будет потом, а сейчас счастливчик, сгибаясь под тяжестью ноши, прорезает толпу, с которой он почти сросся, сроднился до сердцебиения в унисон. Выбирается, уже ненавидя тех, кто его окружал. Вырывается на свободу.

Вслед летят завистливые взгляды. Но со стороны прилавков послышался шум борьбы и недовольные крики людей. Это кто-то из дальних очередников пытается вопреки всему сделать покупку раньше положенного срока.

«Смотрящий» из числа тех, чья цифра на ладони дозволяла ему быть приближенным к весам и продавцам, загораживает подходы нахалу и что есть силы орет: «Сейчас берут пятьдесят седьмые. А ты какой? Покажи цифру». Напирающий изо всей силы нахал старается перекричать всех: «Почему я тебе должен руку казать? Ты мою цифру себе напишешь, и пропала моя очередь». Брань становится все громче, а движение толпы похожим на броуновское. В конце концов нахал пробился к прилавку, и угоревшие продавцы взвешивают ему одну или две «палки» колбасы, пару килограмм сосисок, да немного сарделек, да бекона «палку».

Очередь успокаивается, забывает про нахала и переключается на обсуждение рецептов очередного салата, на обмен опытом в деле воспитания подрастающего поколения и на советы: как и что, чем лечить.

После получасовой давки в душном помещении Тина решила, что стоять ей уже достаточно. По примеру нахала она медленно стала дрейфовать в сторону прилавка. Вот уже перед ней только спина очередного «смотрящего». Надо закрепиться на занятых позициях, и Милентина начинает громко наводить порядок следования покупателей. Втискивает руку перед дряхлой старушенцией, ладонь по-хозяйски возлагает на витрину, наклоняется, будто рассматривает товар и цены. По-свойски делится впечатлениями с крупным мужиком впереди.

До весов остается два человека. «Смотрящие» увлечены сдерживанием очередного внеочередного. Проверив у него ветеранскую книжечку, поясняют старику:

– Дедушка, сейчас становись вон за тем человеком в очереди. У нас тоже закон: все, кто без очереди, идут через пять цифр.

Внеочередник с благодарностью затискивается в живую нитку из человеческий тел и становится бисеринкой в этом запутанном колье. А Тина уже готовит деньги, чтобы расплатиться без задержки.

– Люди добрыя, – вдруг слышится резкий старушечий голос, – етой девки упереди меня не було. Откуль она взялась?

– Да они с мужем стоят, – попробовал прояснить ситуацию мужик в кепке.

– С каким ето мужем, – причитала старушка, – ежели я за им стою почитай с открытия. Парень, а парень, ну ето, че ты молчишь? Твоя ето баба, али нет?

Крупный мужик оглядывается на Милентину.

– Скажите тоже. На такой древней в жизни бы не женился.

Милентину подкинуло:

– Это я-то древняя? Ах ты, хлыщ пляжный, морда угреватая твоя. Да на тебя ни одна баба не кинется, потому и не женат.

– Не тебе судить про моего мужа, – встряла в общий ор моложавая огненно-рыжая дама, – и не угреватое у него лицо, а обожженное на работе. Он, между прочим, ударник пятилетки, и сын у нас на пятерки учится. А ты, прости Господи, не притирайся к чужим мужьям и не лезь без очереди…

Гвалт и ругань поднялись к потолку, плеснулись на плафоны освещения, пробежались, словно искорка, по всему торговому залу, зажигая все новые и новые костры свары. Где локтями, где тычками люди вытолкнули Тину на исходную позицию в очередь с порядковым номером 275. «А еще приличная женщина, столько рецептов знает», – проворчала в ее сторону «номер 274».

Во время перебранки по ту сторону прилавка стояли продавцы, безучастно сложив руки. Они привыкли к таким сценам и были рады небольшой передышке. Наконец старшая из них рыкнула на очередь:

– Заказывайте по очереди, а то магазин закроем и будем впускать по десять человек.

Рык возымел действие: никому не хотелось стоять на морозе.

Сколько прошло времени, Тина уже не чуяла. Можно было бы «послать» все, но тогда цель ушла бы еще дальше, а семейный бюджет уплыл бы из рук. А так еще и ореол мученицы принесет она в дом Ивана.

Медленно, но очередь двигалась. Осталось совсем немного. В это время около входной двери зашумел народ. Толпа обратилась в слух. Оказалось, что дальние просят ближних

пропустить без очереди молоденькую женщину с малышом на руках. Мужики расступались перед ней, бабы подталкивали все вперед и вперед.

– Вы что, не люди, – спрашивали дальние ближних, – как ей с дитем выстоять такую очередищу?

– Да я постою, – оправдывалась молодка, – сын у меня тихий, он заснет скоро.

– Ничего себе, такое беремя на себе держать, спина отломится.

– Постоит, не сломается, – взбесилась Тина, которой стоять уже не просто надоело, и каждый человек впереди был, как личный враг.

– Ишь ты, «не сломается», – зашумели вокруг. – Ты, что своих детей забыла? Забыла, как таскать их на себе. Молодая надорвется из-за куска колбасы, потом всю жизнь на таблетки работать будет.

– Неча гуторить, – пробасил широколицый мужик, стоящий первым, – иди, доча, уперед миня. Хто рот разявит, я приткну.

Толпа одобрительно загудела…

Гневная, с помятыми боками и оттянутыми до пола руками Тина добралась домой только к вечеру. Она не могла привыкнуть к тому, что вечер в Сибири начинается уже днем. «Пять часов вечера», – так говорили здесь, у нее дома это время – день.

Поднимаясь по лестнице, женщина надела на лицо маску усталости, шла, шаркая ногами. Позвонив в дверь, долго ждала. Никто не открыл. Что делать? Ключа нет. Тут еще на самом деле навалилась усталость. Куда идти?

Привалилась к стенке. В голове гнев и хаос. Позабыли про нее, бросили. Если уехали в гости, да с ночевкой, то ей – конец. Кого она здесь знает? Попробовать позвонить соседям…

Хлопнула входная дверь. По лестнице запрыгали маленькие ноги, следом застучали каблуками взрослые. Послышался звонкий смех Семушки.

Ну, все правильно: Коля сходил за младшим братом, а куда девался их папаша?

– Тетя Тина? – взметнул брови парень. – Где вы были, мы уже волноваться начали. Папа пошел вас искать.

– Я в магазин бегала.

– Какой магазин, вы же города не знаете.

– Язык до Киева доведет.

Милентине было приятно, что за нее беспокоились, переживали.

Там, в той жизни, любить ее было некому.

Все норовили сделать по-своему. Вот и та девчонка буквально разрушила счастливую жизнь Милентины. Разве надо ли было бы ехать туда, где Макар телят не пас? Сейчас бы сидела Тина в беседке, закутавшись в плед, смотрела бы на бушующее море и пила чай.

Но ребенок спутал карты, и теперь приходится быть поломойкой, кухаркой, и еще Бог знает кем. В тот день Милентина не смогла сдержать свой гнев за разбитый чайник, в котором так удачно была растворена надежда на избавление от снохи и племянницы.

Вылетев на берег моря, увидела, как Сонечка присела на траву рядом с подружкой и делает вид, что наряжает куклу. Однако испуганно наблюдает за своей тетей.

Милентина сделала вид, что просто прогуливается по берегу. Подошла к обрыву, глянула вниз. По коже пробежали мурашки, голова закружилась от высоты. Оказавшись около девочек, рывком подняла соседскую девочку.

– Ты что сидишь тут? Тебя мать обыскалась уже. Сказала, что излупит, как собаку.

Больно подтолкнув, добавила: «Ну-ка, беги домой…» Оглядываясь, девочка побежала к дому.

Надо было успокоиться самой и успокоить племянницу, чтобы подойти ближе, не спугнуть бы… Растянула губы в улыбке: «Какая у тебя куколка. Дашь посмотреть?»

Но Сонечка боязливо поднялась и попятилась от наступающей на нее женщины. В широко раскрытых голубых глазах отражалась крыша красивого дома, утопающего в осенних кронах яблонь.

Шаги наступления становились все медленнее, и короче. «Не спугнуть! Лишь бы не побежала», – билось в мозгу.

Девочка остановилась почти на самом краю обрыва. Она прижимала к себе игрушку и была готова закричать.

– Что же ты меня боишься, дурочка, – ласково произнесла Тина. – Я просто хочу с тобой поговорить, про… твоего братика.

Сделала еще шаг.

– Представляешь, когда твой братик вырастет, он тоже станет моряком, как папа, и будет плавать на большом, белом корабле. А ты будешь стоять вот здесь и махать ему рукой. Смотри – теплоход!

Светлые косички взметнулись вслед за поворотом головы. Сонечки хотелось увидеть теплоход, на котором будет плавать ее братик… Тол-

чок в спину, и ребенок кувыркнулся под обрыв. Ни крика, ни шороха.

Заглядывать вниз не стала. Пнула следом куклу, постояла и бросилась бежать к дому с дикими воплями. Первыми из сада выскочили Егор с Кириллом.

– Егорушка, – голосила Милентина, – Сонечку соседская девчонка столкнула под обрыв. Толкнула и убежала. Я не успела… Егор, беги скорее туда.

Брат ринулся к ступенькам, ведущим к морю. Кирилл следом. Не добежал, повернул обратно. Вид у него был грозным.

– Соседская девочка давно пробежала домой. Я видел…

– Толкнула и убежала.

– Что же ты сразу не закричала?

В груди похолодело. Повеяло опасностью. Что-то она сделала не так. Беседка, окруженная розами, стала медленно растворяться в воздухе. Мимо побежали женщины. Последней ковыляла старуха. Поравнявшись с Тиной, она вдруг пошла на внучку.

– Как ты могла, ребенка?

Подняла клюку, но промахнулась и упала.

Кирилл бросился поднимать бабушку, рыкнув: «Это тебе с рук не сойдет…»

Дико закричала Зоя, схватившись за живот, стала медленно оседать на землю.

По тропинке поднимался Егор, он нес бездвижное тело ребенка.

Вылетев на улицу, Тина почти кинулась под колеса машине. Завизжали тормоза. «Ты, что сдурела?» – заорал на нее водитель. Пулей заскочив в машину, женщина начала причитать: «Скорее поехали, там человек умирает».

Машина неслась по шоссе, подгоняемая Тининими криками об умирающем муже. По дороге поняла, что оставаться в городе никак нельзя. Надо бежать. Куда? Там будет видно.

Долгое время не могла попасть ключом в замочную скважину. Руки тряслись в нервной лихорадке. Рывком распахнула дверь, кинулась к постели, из-под матраца вынула потрепанную тетрадь, сунула в сумку, туда же полетели духи, паспорт. Помада куда-то запропастилась. Перебуробив все на столе, Тина побежала к выходу, вернулась, и, сдернув с вешалки новый розовый плащ, выскочила из дома.

На автобусной остановке стояло такси.

«На вокзал», – коротко прокомандовала она. И тут же в ужасе вжалась в сидение, по направлению к ее дому пролетел зеленый «Москвич». Через стекло успела разглядеть разъяренное лицо Кирилла. «Скорее, опаздываю», – взвизгнула в панике Милентина, и такси рвануло по направлению к вокзалу…

– Подлый, подлый, – бормотала Тина, выкладывая колбасу из авоськи, – все из-за этого придурка. Если бы не он, все прошло бы прекрасно. А теперь, извольте таскаться по магазинам, мерзнуть и нос вытирать гаденышу.

На кухню вошел Коля.

– Может вам помочь?

– Да, – всполошилась Тина, – конечно, помоги. Сосиски в морозилку, а бекон – вниз. Мы его быстро скушаем.

Мигом забылась обида на родственников. По телу прошлась истома. Молодой, высокий, красивый парень волновал кровь женщины, и было неважно, что ему всего семнадцать.

«Сладенький ты мой», – истекала желанием душа. Так хотелось прижаться, раствориться, отдаться, что Тина едва себя сдержала.

В ПОИСКАХ КЛОНДАЙКА

Метель бесновалась. Секла лицо, жгла морозом. По полузаметным тропинкам вслед за одинокими прохожими пробегали тоненькие, белые струйки снега. Они быстро заполняли вмятины человеческих следов, потом полировали их. Вскоре уже не оставалось и воспоминания о прошедшем мгновении чьей-то жизни.

Вот по взгорбленной от сугробов улице протащило ветром лист. Он зацепился за железное ограждение сквера и трепыхался под ударами стихии, пытаясь удержаться. Новый порыв ветра прижал лист так, что тот жалобно застонал. Ветер отступил на полшага, изловчился и выбросил бедолагу в круговерть. Оказавшись в чужой власти, лист не мог сопротивляться. Он крутился и кувыркался, от его иссохших краев отламывались крошки когда-то здорового тела. Так и понесся лист вдаль – неживой и скрипучий, нелюбящий никого и ничего.

…Женщина с трудом шла через заносы. Она перебралась через очередной сугроб, начерпав в сапоги снегу. Почувствовав под ногами твердую, прометенную ветром дорожку, остановилась, перекинула в руках тяжелые сумки и примерилась к очередному препятствию. Увидела ложбинку в белом бархане. Сделала шаг, другой. Вот и углубление, здесь должно быть

неглубоко… Ноги с маху провалились в неутоптанный снег.

Нецензурная брань ринулась догонять метельные косы ветра. Сумки полетели в стороны. Из них посыпались пакеты, упаковки с продуктами. Ледяное крошево, забравшись в сапоги, рукава и под юбку, медленно таяло, выхолаживая и так промерзшее тело.

Встав на четвереньки, женщина выбиралась из снежного плена.

– Бежать, бежать отсюда! Плевать на Егорищу, – кричала непогоде Милентина, – что он мне может сделать? Он ничего не докажет…

«Там дом, там тепло, – клокотало в душе, – а здесь только стирка, да кухня. Никакого просвета. Столько времени – коту под хвост. Рабыню из меня сделали: поди, подай, поднеси… К Новому году вся семейка соберется, а я опять на побегушках…»

Под ногами ощутилась твердая почва, но сумки сиротливо лежали в сугробе. Чертыхаясь, Милентина полезла обратно. Кое-как собрала продукты. Выбралась и почувствовала, что продрогла, а до дому еще далеко.

«Не хватало еще здесь замерзнуть», – пробурчала женщина и двинулась дальше. На автодороге замаячила машина. Милентина в отчаянии рванулась вперед. Тяжелые сумки «отрывали» руки, а в голове стучало: «Успеть бы… остановить бы…» Перед самой дорогой она запнулась и кубарем полетела вперед и вниз.

Очнулась, хотела подняться, но ее подхватила какая-то сила, помогла сесть.

– Женщина, где у вас болит? – послышался незнакомый голос.

Открыла глаза. Рядом аккуратно стояли сумки.

«Не успела, – промелькнуло в голове, – теперь придется тащиться пешком». От этого стало тошно на душе, и слезы потекли сами собой.

– Вам плохо? – снова раздался голос.

Перед ней на корточках сидел мужчина.

– Я замерзла, – сквозь зубы проговорила Милентина.

Суетливо мужчина помог подняться, посадил в машину, собрал сумки… Все было как в тумане.

– Можно, я вас до дома довезу, – тихо попросил хозяин машины. – Вы где живете?

– На улице Гастелло.

– Разве в нашем городе есть такая улица?

– Да, около летнего театра, у моря.

«Это же мой прежний адрес, – проткнула сознание поздняя мысль. – Я в Сибири!»

От тепла мысли начали приходить в порядок. «Я угодила под машину… Вот невезенье… Почему невезенье? Очень даже везенье… Надо подумать». Огляделась: несомненно Милентина сидела в новенькой «Ладе». «Твоя вишневая девятка…» – припомнилась ей навязшая в ушах модная песенка. – «Спокойно! Надо подумать…»

Милентина сжала руками виски, будто ей стало плохо. Прислушалась к себе: где болит? Нигде… Похоже, обошлось. Так, и кто же ее сбил? Может в обморок упасть? Отвезет в больницу – не выгодно. Или скандал закатить? И что выиграю? Переждем.

– Может в больницу? – снова заговорил водитель. – Там врачи, рентген сделают, обследуют. Вдруг – где перелом?

– Нет, нет, – всполошилась Тина, – зачем в больницу? Мне домой надо. Я сейчас отдохну, немного погреюсь и пойду. Не беспокойтесь, все у меня хорошо. Только голова немного кружится.

– Что вы, что вы! – взял ее за руку мужчина, – я вас отвезу домой, только вспомните адрес? У нас в городе нет моря.

– Да? Ой, и впрямь, я же в Сибири! Простите, я в горячке, наверное, свой старый адрес сказала. Жили-то мы на юге. Но моя семья погибла в катастрофе, вот я и перебралась к родственникам. Плохо еще ориентируюсь. И впрямь, отвезите меня, а то мне не добраться в таком состоянии. Там около дома есть магазин детский.

– Детский мир? «Антошка?»

– Да, да! «Антошка», а дальше я знаю куда идти.

Машина двинулась с места. Милентина отметила, что мужчина очень даже неплохо одет. Пробивающаяся на висках седина придавала ему респектабельный вид. На правой руке обручального кольца нет. Правда, это ничего еще не значило. Однако…

– Вы не могли бы остановить машину? – умирающим голосом попросила пострадавшая. – Что-то подташнивает.

Машина покорно замерла. Водитель тревожно заглянул в глаза женщине.

– Может быть, все-таки в больницу?

– Ах, нет, что вы! У вас могут быть из-за меня неприятности. А вы и так со мной возитесь. Мне уже лучше. Давайте поедем. Я потерплю. Вам, наверное, к семье надо?

– Об этом не беспокойтесь. Главное, чтобы с

вами ничего не случилось. А то меня совесть глодать будет.

– Едем. Я дюжащщая.

– Это как?

– Все на мне зарастает, как по волшебству.

Мимо пробегали заснеженные улицы с курящимися метельными косами. Между домов метались снежные клубы. В салоне было тепло и уютно, пахло хорошими мужскими духами. Водитель время от времени бросал на нее тревожный взгляд.

Милентина положила ладонь на его руку:

– Не переживайте так, все обойдется. Я же чувствую.

– Может быть, вы позволите мне как-нибудь приехать, справиться о здоровье?

– Конечно, в любое время. Я еще на работу не устроилась и все время дома нахожусь.

Мужчина внимательно посмотрел:

– Кем вы работали?

– Домохозяйкой, детьми занималась. Меня муж на работу не пускал, жалел.

– На машинке печатать умеете?

– Умею, – не моргнув, соврала Тина.

– Хотите, я вас устрою секретарем-машинисткой?

– Удобно ли это?

– Удобно. Работы не так много, а зарплата хорошая.

– Можно я подумаю и посоветуюсь с родственниками?

– Договорились. Как только поправитесь, я приеду за вами. Хорошо?

– Что вы, я и сама могу прийти. Что же будете беспокоиться. Можно просто позвонить по телефону.

– И действительно, можно просто позвонить по телефону. Вас как зовут?

– Милентина, можно просто – Тина.

– Какое необычное и звучное имя.

– Мой отец любил все необычное. А вас как зовут?

– Константин.

– Константин… – певуче повторила Тина, – красиво, словно песня, и такое торжественное, великое…

– А вы романтик. Имя самое простое, а вы уж из него песню сделали.

– Ох, уж и не скажите. Такое имя дается только великим людям. Вот, к примеру, Константин Паустовский.

– В нашем ЖЭКе дворник – распоследний пьянчужка и лодырь, а зовут его Костей.

– Кто же знает, какого поэта в нем загубила жизнь? Потому от Константина и остался Костя.

За разговорами Тина потеряла бдительность, разрумянилась в споре.

– Похоже, вам полегчало? – радостно спросил Константин.

Словно сугроб свалился на голову Милентины. Как она могла так забыться. Внутри хлестануло. Родился страх потерять то, что еще и найдено-то не было.

– Да, да, – растерянно протянула пострадавшая, – уже почти ничего не болит. Вот с вами разговорилась, все и прошло. Могу уже идти сама.

– Нет уж, позвольте, я вас до дому довезу. Мало ли что… О чем говорить, мы уже почти доехали. Вон «Антошка». Покажите ваш дом.

– Прямо за магазином, во дворе. Но туда вы не проедете. Я уж как-нибудь сама проберусь.

Вишневая девятка остановилась. Константин помог Тине выйти. Вот он наклонился, чтобы достать с заднего сидения сумки, а Тина лихорадочно соображала, как задержать мужчину. В голову ничего не приходило.

– Пойдемте, я вас провожу, – проговорил Константин, – сдам с рук на руки. Так спокойнее будет.

Опираясь на сильную руку, Милентина двинулась по заметеленой тропинке. Ей на секунду показалось, что все по-настоящему: вот он – мужчина мечты, вот она – готовая полюбить до безумия. Надо только сделать шаг…

Нога поскользнулась на бугорке, и упасть бы Милентине, но Константин вовремя подхватил ее, удержав, тревожно спросил:

– Голова кружится?

– Немного, – тихо проговорила пострадавшая.

– Вы уверяли, – укорил спутник, – что все хорошо, все прошло.

– Не хотела расстраивать. Вам и так сегодня досталось…

Константин улыбнулся:

– Удивительная вы женщина, другая бы кричала, билась в истерике, а вы еще и жалеете. Хотя если честно сказать, я, действительно, из-за метели вас не заметил. Вроде бы ехал медленно. Простите, если сможете.

– Я на вас и не сержусь, ведь тоже не увидела машины. Снег в лицо бьет, и я, как слепая. Спасибо, что не бросили на дороге.

За домами ветер был смирным и только время от времени крутил снеговые воронки. Непри-

вычно пустой двор, даже старух на лавочках не видно. Белые «Жигули» Ивана Русанова дремали, уткнувшись носом в сугроб.

Сердце сжала тоска: снова обеды, кухня, посуда, стирка… За это время переделано столько, сколько не было сделано за всю предыдущую жизнь. Захотелось остановиться, поднять голову вверх и завыть от безысходности, от острого желания вернуться к солнцу, к морю, в беззаботную жизнь. Ни денег, ни жилья… Лишаястые, грязные стены, заплеванный подсолнечной шелухой пол подъезда добавили боли. Вспомнились чистые улочки родного городка. Свечки пирамидальных тополей около дома. Их можно было видеть издалека. «Эти тополя еще мой дед садил», – с гордостью говаривал отец.

Здесь, в Сибири, тоже есть тополя, но какие-то разлапистые. Все здесь было не так: яблоки – только по блату, виноград – осенью. Говорят, мандарины завезут к Новому году. Но самый вкусный «фрукт» Сибири – редька.

Не то стон, не то рык вырвался из груди.

– Что с вами? – голос Константина вернул к действительности.

Звонок не успел затренькать, как распахнулась дверь. На пороге стоял Иван.

– Я в окно вас увидел, – сказал он, пропуская в квартиру Милентину со спутником, – что-то случилось?

Константин виновато опустил глаза, тряхнул головой:

– Я сегодня…

– Знаешь, Ваня, – перебила его Милентина, – мне сегодня по дороге стало нехорошо, а Костя помог добраться домой. Такой благородный человек. Возьми у него сумки.

Вскоре они сидели за столом, ужинали. Милентина рассказывала о необыкновенном подвиге Константина, который вытащил ее уже замерзающую из сугроба. «Герой» недовольно морщил нос.

– Зачем вы так? – покачал он головой, когда они остались вдвоем. – Я не герой.

– Хотите, чтобы я рассказала, как вы меня сбили? Зачем вас врагами делать?

«Больная» могла себе позволить валяться на диване с утра до вечера на вполне законных основаниях, за ней ухаживали, ее кормили чуть не из ложечки.

К концу второго дня наведался Константин, привез кулек с яблоками. Долго сидел у постели, держа Тину за руку.

– Я перед вами виноват.

– Никто ни перед кем не виноват, – улыбнулась Тина, – все закончилось благополучно. Я благодарна судьбе, что мы познакомились. Хорошего человека встретить – счастье. А каким способом познакомились – не важно.

– Удивляюсь вашему благородству все больше и больше…

Приподнявшись на подушках, Тина положила руку на плечо Константина и заглянула ему в глаза:

– Что мы все на «Вы»? Не против, если буду называть тебя Костей?

– Я и сам хотел предложить, но не решался.

Некоторое время они сидели молча. Тина сквозь приопущенные ресницы разглядывала гостя. Невысокий, плотно сбитый мужчина, с волевыми чертами характера.

– Однако залежалась я, – вскочила с дивана больная. – Хватит хвори, пойдем чай пить. Да и семейство скоро соберется, надо приготовить обед.

– Тебе нельзя…

– Все можно! А лежать – так и заболеть недолго.

Как была в ночной сорочке, Милентина заходила по комнате, будто и не было здесь постороннего человека. Накинула халат, связала волосы в пучок.

– Ну, все, я здорова! Идем, чаем напою.

Чаепитие было прервано приходом Коли, и гость распрощался. Но перед уходом чуть дольше, чем можно было, задержал руку Милентины.

– У меня есть дача за городом. Если позволите, то я хотел бы на выходные пригласить вас на лыжах покататься.

– Я лыжи только в кино видела.

– Ничего, я научу. Если здоровье позволит, прогуляемся по лесу или просто подышим свежим воздухом. Кстати дача отапливается, так что берите с собой и детей.

– Ты такой замечательный и очень добрый, но, к сожалению, у них уже запланированы выходные, – с придыханием сказала Тина, а про себя подумала: «Только этого не хватало, чтобы в дела вмешалась семейка, Семушка устроил скандал».

Вишневая девятка легко разрезала зимний воздух. Темень не позволяла увидеть ничего, кроме освещенной фарами дороги, и Милентина задремала.

– Тина, проснись, приехали.

Константин, опершись о спинку сидения, смотрел на нее с улыбкой.

– Пойдем, познакомлю тебя с моим верным другом.

…Широкая, расчищенная от снега дорога вела к двухэтажному дому. В одном из окон вспыхнул свет, открылась щель двери, выпуская на крыльцо громадного, лохматого пса. Радостно взвизгнув, собака кинулась к хозяину.

– Рексик, – широко раскрыл объятия Константин.

Повизгивая, пес встал на задние лапы, передние положил на грудь хозяина. Во тьме показалось, что обнимаются два человека.

– Рексик, маленький, соскучился… Говорил тебе: поедем в город.

Собака счастливо прыгала вокруг, терлась головой о руку.

– Хорошо, хорошо, – смеялся Константин, – я тоже рад тебя видеть.

Повернулся к Тине, и позвал:

– Иди, я вас познакомлю.

Хоть собака и выглядела мирно, Тина приближалась медленно. Страх сковывал ноги.

Она вспомнила своего пса, по кличке Моряк. Обычная злющая, цепная дворняга признавала только отца. Даже еду брала только из его рук.

Когда отца не было дома, Тина потихоньку дразнила Моряка. Ей нравилось смотреть, как пес рвется на цепи, как заходится лаем до кровавой пены.

Однажды мать заставила ее водиться с маленьким братом. Егору тогда было года два. Подружки по улице бегают, в скакалки играют, а брат раскапризничался и с рук не сходит, за шею цепляется. Поставила девчонка малыша на тропинку, перед собачьей будкой, подтолкнула его под спину, а сама за кусты слив спряталась…

– Ну что же ты, – прервал воспоминания мужской голос. – Не бойся, погладь. Рекс очень умный пес. Он знает кто свой, кто чужой.

Прошлое рассыпалось. Тина протянула руку. Но Рекс вдруг оскалился, зарычал, потом виновато глянул на хозяина и снова зарычал, но уже потише.

– Рекс, что с тобой?

Собака попятилась и потрусила в сторону дома.

Знакомство не состоялось. Это было неважно. Собака безмозглое существо и любит того, кто кормит. Прикормим, а нет – так…

Милентина огляделась.

Синее утро обнимало еще не проснувшуюся землю. Сразу за домом начинался частокол елок. Их острые вершины втыкались в темное небо. На макушке одной из самых высоких горела крохотная звездочка. Вспомнилось, как отец перед Новым годом усаживал их, ребятишек, за стол, и всей семьей клеили бумажные бусы. Бусы получались длинными, их развешивали по всей хате. Остатками бус украшали елку, растущую во дворе. Она была маленькой, с кривым стволом. И Милентина считала, что елки невысокие и кривобокие.

Но перед ней возвышались гигантские, острые пики деревьев. Чтобы увидеть макушки, высоко задрала голову, голова закружилась от могущества великанов, тяжело раскачиваемых верховым ветром.

– Какие елки красивые, – встряхнула головой женщина.

– Какие же это елки. Это пихты.

– Мне казалось, что все деревья с иголками – елки.

– У пихты хвоя мягкая и пушистая. Пойдем на лыжах – покажу.

Голос Константина был приглушен. Тина повернулась к нему:

– Что с тобой? Ты не рад, что мы сюда приехали? Давай уедем.

– Не пойму, что с Рексом, – расстроено сказал Константин.

– Наверное, ревность.

– Ты думаешь?

– Конечно. У нас кобель был, так он чуть не загрыз моего брата. Хорошо отец в это время домой пришел.

– Надо Рекса закрыть от беды подальше. Пусть потихоньку привыкает.

Он немного помолчал, потом взял руки Милентины, поднес их к губам.

– Я человек не очень молодой. У меня много недостатков. Работа такая, что дома сидеть не приходится…

Волнение Константина передалось и женщине. Она затаила дыхание, не шевелилась, боясь глубоким вздохом спугнуть рождающееся будущее благополучие. Ей на секунду пригрезилось, как она уходит из квартиры Русановых, под ноги попался Семушка…

– Ты мне очень понравилась, – выдавливал из

себя слова Константин. – Но я не тороплю, все понимаю… Я подожду…

«Чего же ждать?» – хотела сказать Тина, но осеклась, вспомнив свою байку про погибшую семью. Закусила губу, чтобы не расхохотаться. «Ну, говори же, говори, делай предложение»…

От напряжения передернула плечами.

– Замерзла? – вскинулся Константин. – Прости, я тут со своими разговорами… Пойдем в дом, познакомлю тебя с Яковом.

– Кто у нас Яков? – спросила Тина, в душе ругая себя за несдержанность. «Испортила все, не могла потерпеть. Спугнула, а теперь жди, когда он снова решится».

– Так, кто у нас Яков?

– Сторож. Мужик неразговорчивый, но хороший. Не обращай на него внимания.

– Он у тебя работает?

– Нет, просто живет и приглядывает за домом.

– Где у него семья?

– Не знаю. Он еще только два месяца здесь. Приятель его привез, попросил приютить.

– Не боишься, что напьется и спалит хату? Или обокрадет?

– Не боюсь. Увидишь, сама поймешь – это надежный человек, но его жизнь сильно поломала.

У порога их встретил невысокий, бородатый мужичок.

– Здравствуй, Яков, познакомься – это Милентина.

Сторож как-то исподлобья глянул на гостью, молча взял из рук хозяина сумку и ушел на кухню.

Тине показалось, что она где-то видела сторожа, что-то в ее жизни было с ним связано. Но что? «Наверное, в очереди за колбасой ругались», – подумала женщина и забыла о мужичке.

Дом внутри был как сказочный терем. Бревенчатые стены не оштукатурены, не белены и не покрашены. Просто голое дерево. На окнах занавески с вышивкой, мать такие называла задергушками. Пол застлан самотканными дорожками. Вдоль стен – лавки с резными спинками.

На второй этаж вела деревянная лестница с узорчатыми перилами.

Все было здесь диковинным: каждая лавка на месте.

– Что же ты стоишь? – довольно заулыбался Константин, видя неподдельное любопытство гостьи. – Проходи в гостиную.

– Как здесь красиво, – тихо проговорила Тина.

– Сам мастерю потихоньку. Отец был на все руки мастер. И нас с братом рядом с собой все время держал: то гвоздь подать, то молоток подержать. А уж старше стали, так и рубанок доверял. Знаешь, до сих пор люблю запах свежих стружек. От них на душе так спокойно становится, как в детстве.

– У меня папа тоже любил плотничать, – вздохнула Милентина, вспомнив отца, мать, детство, теплое море… В груди защипало.

– Прости, я не подумал, что тебе тяжело вспоминать о семье.

Константин легко обнял ее и чмокнул в щеку.

– Осмотрись пока, а я помогу Якову с обедом. У нас сегодня гости будут. Хочу познакомить тебя с друзьями. Не против?

– Буду только рада, – зарделась Милентина, – может, на кухне чем помогу?

– Ну, уж нет! Отдыхай.

Осмотр дома много времени не занял, и, поднявшись на второй этаж, гостья задремала, присев в мягкое кресло. Ей снился старый дом, отец шел по саду. Вот он остановился около дикой груши, поплевал на руки и замахнулся, чтобы срубить дерево. Дичка жалобно заскрипела и стала падать прямо на Тину. Бросилась бежать, а не может: ноги не бегут, воздуха не хватает, чтобы крикнуть. Листья дички становятся все больше и больше… Вот хлестанули по лицу, оцарапали. Оттолкнула ветки, а за ними – Сонечка Ивлева. Стоит зимой в одном купальнике, и ей не холодно. Протягивает тетрадь в клеточку… «Я не хочу с тобой дружить. Ты убийца», – говорит она и улыбается. Мокрые волосы прилипли к белому, как мел, лицу. «Я не хочу с тобой дружить…» Лицо подруги становится синим…

– А-ах-х… – вырвалось из груди Милентины. Сон и явь перемешались в первые доли секунды после пробуждения. Занемевшее тело пронзили острые иглы страха. Бешено колотилось сердце. Заломило виски. Страх прокатился по всему телу и вышел наружу через кончики пальцев.

Словно наяву поднялась картина знойного летнего дня. Тихое, без единой волны море ласково лизало берег, перебирая песчинки шумного пляжа.

Тина искала Сонечку Ивлеву. Завтра экзамен по литературе, а Тина была не готова. Однако подружка куда-то запропастилась. Вообще в по-

следнее время Сонечка как-то сторонилась и отмалчивалась.

В другое время Тина конечно бы проучила одноклассницу, но завтра – экзамен. Скорее всего, Сонечка учит билеты на дальнем пляже. Он каменистый и очень узкий, а потому отдыхающие редко туда добираются, зато местным ребятам здесь раздолье.

Пробежав вначале вверх, Тина спустилась к морю по крутой тропинке. Задержала шаг, потому что девушка лежала почти у самой воды и писала в тетради. Это был дневник, которому девушка поверяла самые сокровенные мысли.

Тина тоже пыталась вести дневник, несколько раз записывала события дня, но дальше красиво оформленной обложки – дело не шло. Листки вырывались для черновиков, или «голубей».

…Сонечка так увлеклась, что не услышала, как сзади подошла одноклассница.

«Я не хочу с Тиной дружить…» Тину отшатнулась от этой фразы и растерянно спросила: «Почему ты не хочешь со мной дружить?»

– Ты бессердечная, – вздрогнув, обернулась девушка.

– Почему?

– Официант умер, а ты его даже не пожалела. А ведь это ты его убила.

– Я только толкнула, чтобы он не приставал.

– У тебя же были деньги. Почему не заплатила?

– Вот еще. Тогда бы я проиграла.

– Ради мороженного убить человека?

– Но я выиграла.

– Я не хочу больше с тобой дружить, – отвернулась Сонечка, посмотрела на морскую гладь и тихо вздохнула. – Это хорошо, что мы школу заканчиваем.

У Тины от гнева кружилась голова. Ее верная тень, восхищавшаяся каждой проделкой, отторгала своего идола. Взяла в руки увесистый камень, прицелилась в висок, тихо положила на место.

Весело засмеявшись, стала раздеваться.

– Давай, перед экзаменом искупаемся. Смотри, какое море красивое и теплое.

– Не хочу.

Тина вбежала в воду. Ее трясло от лихорадки. Вода обожгла кожу. «Море же теплое», – подумалось девушке. Поплыла быстро, размашисто, чтобы устать и успокоить себя. Доплыла до выступа скалы. С детских лет они ребятишками здесь ныряли, и никогда не удавалось достать дно. Одно слово – пропасть.

– Помогите, – закричала она, – тону!

Она то погружалась, то показывалась на поверхности, била руками по воде, поднимая тучи брызг, и кричала, кричала.

Сонечка оказалась рядом очень быстро. Попыталась подхватить тонущую, но та вдруг нырнула и крепко схватила подругу за ноги. Потянула вниз…

Раскинув руки, девушка опускалась в чернильную пасть моря. Она, не мигая, смотрела вверх, туда, где светило солнце, но уже не видела его…

Пальцы вновь ощутили твердость комка платья, накрученного на камень, вспомнили шершавость сонечкиных босоножек. Мелкая дрожь пробежала от кончиков пальцев к локтям. Явственно ощутила всплеск воды под утесом и круги на воде. Море проглотило узелок с вещами. В страхе оглянулась: не видит ли кто?..

Все в прошлом. Ничего уже нет. Она в красивом доме… «Уф-ф!», – тряхнула головой женщина, разгоняя остатки видений.

Около дома зафырчали машины. К крыльцу подкатили черная «Волга» и еще одна «девятка».

«Неплохо, однако!» – подумала Тина и решила переждать наверху, чтобы немного прийти в себя от воспоминаний.

Дом наполнился разговорами, шутками. Чувствовалось, что гости здесь люди свои. «Хорошо, что без баб явились, мешаться не будут». И Милентина пошла вниз по лестнице…

– Молодцы, что приехали, – послышался веселый голос Константина, – Снежок выпал что надо.

Мужчины обнимались.

– Вот и моя находка, – воскликнул хозяин, увидев спускающуюся Тину, – знакомьтесь…

Первым обернулся невысокий мужчина. Милентина похолодела: прямо перед ней стоял… Иннокентий.

Ноги приросли к ступенькам.

– Знакомьтесь, знакомьтесь, – продолжал говорить Костя, – Тиночка, это мои лучшие друзья и сослуживцы. Самый добрый – Иннокентий Солонцев. Богатырь Василий Иванов, а мы его зовем Буслаем. За силушку немереную. А это наш интендант Андрей Петрович. Фамилия у него такая.

Мужчины перешучивались, жали руку, но Тина из себя смогла выдавить только улыбку. Язык присох к горлу.

Иннокентий ни словом, ни жестом не выдал себя, только кивком головы ответил на представление друга.

После завтрака мужчины занялись лыжами. Тина, сославшись на недомогание, от прогулки отказалась. Она мечтала поскорее уехать. «Это же надо в таком громадном городе и мимо не пройти?»

Из окна ей было видно, как Ноки натирает чем-то лыжи и все время разглядывает окна. Вот он о чем-то заговорил с Костей.

«Идиотка, – заметалась по комнате Тина, – не могла выяснить, кто он и откуда, кто его друзья, а теперь что делать?»

По ступенькам поднимались, и женщина, присев на подлокотник кресла, сделал вид, что у нее болит голова.

– Тиночка, как ты? – заговорил Костя, присев на корточки. – Может быть, мне остаться?

– Нет, нет, – поспешно заговорила Тина, – я просто погуляю около дома. Это же полезно. А ты иди, покатайся с друзьями. Иди…

Она подтолкнула его в спину.

…Наконец, все стихло. Фигуры мужчин стали уменьшаться и скрылись за деревьями. Надо было обдумать ситуацию. Уехать отсюда она не могла. Похоже, что автобусы здесь не ходят. Кругом снег да елки, или как их там эти деревья? Вон там торчат крыши домов, но к ним даже тропинок не видно. Как в западне.

Захотелось пить. Спустилась вниз. На кухне кашеварил бородатый мужичок.

«Как его Костя терпит? Бородища – во. Наверное, пьянчужка какой-нибудь?»

– Яков, принеси мне наверх вина, – прокомандовала она и собралась уходить, как услышала: «Откуда вы такие, Вали-крали, беретесь на головы мужиков?»

Оглянулась, чтобы пояснить тупому мужику, как ее зовут, но наткнулась на колючий, ненавидящий взгляд. Яков стоял, широко расставив ноги, в руках – топор.

– Ты что, очумел? – повысила голос Тина. – Стану хозяйкой, выброшу тебя за забор.

– Если станешь,.. – мрачно проговорил Яков и перебросил топор из руки в руку.

Выскочила в гостиную и наткнулась на Иннокентия.

– Лыжина сломалась, – пояснил он глухо, сбрасывая с себя куртку.

Залетев на второй этаж, испуганная женщина заметалась в поисках тяжелого предмета для обороны.

– Чего ты так испугалась? – поднявшись вслед за ней, спросил Иннокентий.

– Почему испугалась? Ничего не испугалась… Просто голова разболелась.

Они стояли друг против друга. Тина смотрела на Ноки и чувствовала, как у нее холодеют ноги от страха. Ну почему она такая невезучая? Обязательно в ее судьбу кто-нибудь да влезет: то сопливые пацаны, то жены, а теперь еще и любовник. А вообще-то, какой он любовник? Так…

Сделала шаг вперед.

– Не испугалась, – повторила она певуче, – просто все во мне затрепетало. Как увидела тебя, так сердце захлестнуло. Вспомнилось все: твои губы, руки…

Прикрыла глаза, так будто неудержимая волна желания захлестывает ее. Видела, что Ноки смотрит без гнева. Сделала еще шаг…

Они не слышали, как на второй этаж поднялся Константин. Ему было неловко оставлять больную женщину одну, и он вернулся почти вслед за Иннокентием. Во дворе обнаружил Якова, который с остервенением рубил дрова, будто мстил им за какую-то провинность.

В доме стояла тишина.

«Тина, видимо уснула наверху», – подумал он и потихоньку стал подниматься по лестнице, чтобы укрыть гостью…

Уже стоя внизу, Константин пытался прийти в себя. В голове не укладывалась, увиденная картина с романтичным образом благородной женщины, готовой на жертвы ради другого. Удар был слишком жесток. Хотелось пристрелить обоих…

«Как ты мог, Кеша?» – орал лесу мужчина. Он брел по нетронутой зимней целине, проваливаясь по пояс. Остановился, упал на колени, хватанул ртом обжигающий ком снега, ткнулся лицом в холод. Это отрезвило.

«Кретин, чего же ты хотел? – руганул он себя. – Она свободная женщина, имеет право выбрать себе мужчину».

Огляделся, оказалось, что ушел от дома далеко, почти к автостраде вышел. «Ребята, видимо, вернулись, беспокоиться будут…» – подумал он и повернул обратно. Ноги не шли. Снег оказался таким глубоким, что временами брел через сугробы, проваливаясь по пояс. Усталость притушила гнев.

Впереди показались три лыжника. Они быстро докатили до Константина, помогли надеть лыжи. Василий и Андрей возмущались безрассудным поступком друга, а Кеша молча шел впереди.

Потом немного поотстал.

– Костя, помнишь, я тебе рассказывал про женщину, с которой встретился в поезде, когда ехал из госпиталя?

– Ну…

– Так вот – это Тина. Мне, кажется, я ее полюбил. Прости меня, если сможешь.

– Да ладно. Женщин много, а дружба на дороге не валяется.

Слова быстро потерялись в снеговой тишине, а глаз поднять друг на друга они не смогли.

Обед прошел в странной обстановке: двое молчали, словно в рот воды набрали, Тина болтала без умолку, кокетничала со всеми.

Скорый отъезд Иннокентия озадачил, – это не входило в планы Тины. Она еще не закрепилась на своих позициях. «С другой стороны, больше возможностей захомутать Костю», – подумала она, – «Пора бы уже расставить точки над і и остаться здесь хозяйкой. Получу мужа, а любовник сам объявится. Если Ноки заартачится, вот их еще сколько, и каждый смотрит на меня, как кот на сметану».

Вызвалась помочь прибрать со стола посуду и почувствовала ледяное отношение Кости к себе. Он был предельно вежлив, но не больше.

На кухне никого не было, Тина улучила момент и прижалась к Константину всем телом. Тот грубо отстранил ее:

– Я видел вас с Кешей.

– Где ты нас мог видеть, если мы с ним не знакомы?

– Наверху… Кеша мне про тебя все рассказал…

«Паразит облезлый», – пронеслось в голове.

– И что он тебе мог нагородить?

– Как вы с ним в поезде познакомились.

– Он тебе не рассказывал, как пытался меня изнасиловать?

– Сегодня наверху он тоже тебя пытался изнасиловать?

– Что наверху?

– Я вернулся вслед за Кешей…

– Ты за мной следил?

– Беспокоился…

– Что же ты не вступился за меня, раз ты видел, что меня насилуют?

По лицу Константина пробежала волна презрения.

– Какая же ты…

Он хотел выйти, но Тина встала на пути:

– Это куда ты? Значит, чуть не убил, изуродовал, а теперь – «какая же ты». Думаешь, от меня так легко отделаешься?

– Чего ты хочешь?

– Замуж за тебя.

– Слышь, хозяин, – раздался сзади тихий голос Якова, – мне уж все едино. Ты выйди отсюдова, а я с этой кралей по-свойски поговорю. Мне вот такая же всю жизнь испоганила.

Сторож преобразился: борода дыбом, глаза, словно уголья, пылают, рука сжимает топорище так, что кажется вот-вот деревяшка рассыплется.

– Яков, – испугался не на шутку Константин, – не глупи. Это же тюрьма.

– К тюрьме я привычный, зато тебя освобожу от пиявки.

– Яков, успокойся, ты меня подведешь.

– Ладно, – согласился сторож, – пусть живет. Дай ключи от машины, я ее в город свезу.

Милентина вжалась в стену. Не было сил двинуться. Знала, чувствовала: мужик не шутит. Уехать отсюда подальше было единственным желанием. Но ехать с Яковом…

– Я не поеду с ним! – взвизгнула она.

– Я ее сам увезу, только успокойся, Яков, – пытался успокоить сторожа хозяин.

– Увези от греха подальше.

«Куда и как мы приедем – это еще посмотрим», – мстительно подумала Милентина. Она мигом сгребла вещи, распрощалась, сказав, что у нее разболелась голова, и вылетела на улицу. Вслед за ней, надевая на ходу куртку, выбежал Константин. Молча выгнал машину из гаража. Не глядя в глаза, открыл дверцу, помог Милентине сесть.

«Ничего, милый, дай только нам отъехать», – злорадно думала женщина, план действий у нее уже был готов.

В тот момент, когда Константин сел на водительское место, открылась задняя дверца. В салон задвинулся Яков без шапки и без куртки. «Ах ты, рында турецкая», – похолодела Милентина. Ей припомнилась станция «Завалиха» и бородатый сосед около торговки рыбой. Приложив руку к груди, он просил: «Золотко, красавица, угости рыбкой. Хоть завалящей какой. Поиздержался в дороге…»

«Как я его не вспомнила, уже бы был на коротком поводке. Такого-то в один счет бы приручила», – ругала себя Тина.

– Яков, ты что? – повернулся к сторожу Константин.

– Курево у меня кончилось, вот хочу съездить.

– Ты же не куришь.

– Закурил на днях. Аж душа стонет. Свозишь?

– Да нет проблем.

– На счастье у меня есть сигареты, братовы в сумочке затерялись, – умильно улыбаясь, Милентина протянула пачку Якову. Но тот весь сжался и сигарет не взял.

– Я такие не курю, мне свои, особые надо.

Он отвернулся к окну, всем видом говоря, что из машины его можно только волоком вытащить.

Машина тронулась с места. В зеркале заднего вида медленно удалялась мечта. Вот дом скрылся за поворотом. За окном мелькали елки, сугробы… Сзади шебуршился Яков, что-то вытащил из-за пазухи. «Скорее бы уж город, с этого сумасшедшего станется, еще и ножом пырнет, – думала Милентина, – надо было садиться сзади». Стало холодно и неуютно…

ПОЛЕ БИТВЫ – ЖИЗНЬ

От замороженного окна несло холодом. Ледяная корка на стекле не пропускала ничего кроме света и тьмы. Милентина наполовину высунув голову из форточки, курила и смотрела на чужой мир.

Со времени последней встречи Константин так больше и не объявился, Ноки тоже как сквозь землю провалился. Тина выяснила, где располагается воинская часть, съездила туда – безрезультатно.

Прерывисто вздохнув, женщина выпустила струю табачного дыма. Какую уж неделю стоят трескучие морозы. Их здесь называют «крещенскими». Столбик термометра не поднимается выше отметки в тридцать восемь градусов. Вторую неделю Тина не выходит из квартиры и тихо, как мышка, сидит в своей норе. Нет ее, и все тут. Старается даже Русановым не попадаться на глаза. Накроет на стол и тенью – в уголочек.

– Мало тебе науки, – снова вздохнула Тина, – нет, опять на рожон лезешь.

В который раз вспомнилось, как, отстояв долгую очередь в магазине, едва тащилась домой. Хотя домом и сейчас назвать это нельзя, правильнее бы сказать – поле битвы. Битвы за место под солнцем. Каждая попытка обрести свой прочный мир лопается, как мыльный пузырь. Радужная мечта обрести тот дом, который хотелось бы, переливалась потускневшими цветами радуги, где-то очень далеко, за пределами возможного. Сорвался с крючка и Константин.

Терпение давно иссякло, появился страх того, что гнев, слоями накопившийся в душе, выплеснется и смоет единственную возможность завоевать хотя бы мир Русановых. Она хотела, а потому обязана была добиться желаемого, но не могла.

Потоки бешенства клокотали и грозились вырваться наружу в любой момент. Остановить эти потоки становилось все труднее. Чтобы не сорваться, приходилось уходить в магазины, благо очереди в них были неиссякаемыми. Легко можно было выпустить пары. Жаждущих поскандалить – прорва.

Как на грех, в тот день очередь была более чем спокойная. На попытки завязать склоку никто не отреагировал. Хуже того – пропустили к прилавку, сделали вид, что все по правилам. Продавец не обвесила, товар предложила первосортный. Вот как тут оставаться спокойной. Нервы чесались под кожей…

Милентина перекинула тяжелые «побирушки» из руки в руку. «Какая разница, обе тяжелые и неудобные, – распаляясь, думала женщина. – Вот уж поистине побирушки. А я сейчас кто? Обычная побирушка – чужой дом и я, служанка. Сумки, обеды, постирушки… Скоро приказывать начнут, а я рта разинуть не могу. Ненавижу… ненавижу… ненавижу…»

Бросила на лавочку ношу и стала ходить кругами, чтобы успокоиться, но нервы, скрученные в жгут злобы, давили за горло, раздирали мышцы рук и ног. Тина начала задыхаться, будто на шею надели петлю и стали затягивать. Рванула шарф так, что верхняя пуговица пальто с треском отлетела.

– Вам плохо? – участливо спросила молоденькая девчонка. – Может «Скорую» вызвать?

– Ах ты, шушера портовая, – обрушилась на нее Милентина, – тебе чего здесь надо? Ты чего за мной по пятам ходишь? Чего высматриваешь? Тебе колбасу украсть хочется? Да я за этой галиматьей целый день в вонючей толпе отстояла, а ты лапы свои протянула.

Девчонка шарахнулась, как от прокаженной. Проскочила сквер и пустилась бежать, оглядываясь на ходу.

Бегство жертвы Милентину не остановило. Растрепанная, с выпученными глазами, она металась по глубоко протоптанной тропинке и продолжала дико орать на всех, кто близко подходил. Прохожие от неожиданного нападения сигали в сугробы, чтобы обогнуть «препятствие», либо поворачивали вспять. На параллельной

тропинке собралась толпа зевак, обсуждающих, что делать: вызвать милицию или «Скорую».

Выплеснувшись криком и рыком, женщина понемногу успокоилась, поправила мохеровый шарф. Глубоко вздохнула, встряхнулась, подняла сумки и зашагала к остановке автобуса. «Скоро все магазины в городе буду знать лучше, чем рестораны», – горько ухмыляясь, подумала она. По дороге читала названия магазинов: «Продовольственный», «Продуктовый», «Молоко»… и снова «Продуктовый». Других названий не придумали. Вот уже третий «Продуктовый», аптека, кафетерий…»

Ухмыльнулась: «Аптека!» Именно на аптеку она и надеялась.

Это когда Ирина Русанова вернулась из санатория, Милентина случайно наткнулась на выписку из больницы. Долго пыталась понять, что же за болезнь такая у хозяйки дома, но тайну скрыл размашистый почерк.

– Пишут, как курица лапой, – пробурчала Милентина и хотела положить бумагу на место, но глаза наткнулись на четкую надпись: «Нельзя!», далее шли названия лекарств.

С того времени у Тины в кармане всегда лежал флакончик с лекарством. Однажды везде сующий свой нос Семушка увидел, как она добавляет в чай матери что-то из флакончика и раскричался. Пришлось сказать, что чай готовит для себя, чтобы подлечиться…

…Потрогала карман. От окна заледенел бок.

– Осторожность и терпение, а там все само собой сложится, – пробормотала она, выдувая струйки табачного дыма на улицу.

Глянула вниз. Из подъезда гурьбой вышли старухи, остановились, что-то обсуждая, то и дело глядя на их окна.

Тина дернулась, чтобы ее не увидели, больно ударилась головой о раму форточки. Гнев ослепил разум.

– Не сидится дома старым дурам. Даже морозище им нипочем. Чего шляются?

Загремела входная дверь. Тина быстро сунула конфету в рот, чтобы от нее не пахло табаком.

– Тиночка, – позвала из прихожей Ирина, – что же вы дома сидите? Сегодня бабушке Фросе девять дней. Весь подъезд на помин собрался.

– Так я ее совсем не знаю. Да и с утра что-то голова сильно болит. Спасу нет.

– Надо было в суд подать на этого водителя. Летают, людей сшибают, а ты его пожалела.

– У него дети маленькие, как они без отца.

– Посадить его бы никто не посадил, а вот прав бы лишили. Всем от этого польза.

– Теперь уже время ушло, что об этом говорить. Может быть, чаю поставить? – Тина снова потрогала флакончик в кармане.

– Спасибо, дорогая, но я сыта. Отдыхай лучше. Все о нас хлопочешь.

– Мне это в радость, хоть легче жить становится. Все-таки кому-то нужна. А ты бы, Ирина, сама полежала. Вон какая бледненькая. Я тебе чаю сготовлю.

– Пожалуй, прилягу. Чаю потом попьем, когда все соберутся. Да и бабушки из подъезда должны сегодня вечером прийти.

Ирина прошла в комнату, ей нездоровилось в последнее время. Вернулась старая, почти забытая болезнь.

Тина проводила ее взглядом. По спине потек холодок страха. Снова вспомнился тот день.

…Успокоенная криком и бранью на улице, в благодушном настроении Тина вышла из автобуса. С удовольствием вдохнула морозный воздух. Тело обрело легкость. Все складывалось хорошо. Теперь время и дело техники – остальное решится само собой. Ноша не тянула, казалось, что авоськи легче перышка.

Около подъезда, как всегда, на лавочке сидели старухи. И чего им не смотрится в телевизоры. Нет, вытащатся на улицу, рассядутся и точат лясы с утра до вечера. Как не примерзают к деревяшкам.

А впрочем, надо с ними подружиться, ведь теперь жить долго придется в одном подъезде. Вскинула Милентина легко сумки, растянулась в улыбке:

– Здравствуйте! Какой сегодня день замечательный, – начала она.

– Здравствуй, здравствуй, краса, – ответила за всех полноватая бабка в очках.

Остальные сидящие на лавочке аборигенки молча подняли на нее глаза.

– Как здоровье?

– Та, с божией помощью, – опять ответила бабка в очках. – А ты чия же будешь, чей-то мы тебя ране не видывали?

– Как это не видывали, – удивилась крайняя старуха, – сразу где-то после нояберьских ее Ванька Русанов привез.

– Точно, точно, – встряла в разговор сухонькая бабка, – Ирку увез и тем жа рэйсам эту и привез.

Четыре пары глаз уставились на Милентину. Местные прокуроры разглядывали человека и решали про себя: принять чужачку или нет.

– Так я родственница Ивана, – еще шире заулыбалась Милентина.

Она поняла, что совершила глупость. Надо было пройти мимо, и пропади они пропадом. Теперь же приходилось держать оборону, потому что лавочная прокуратура на многое способна, вплоть до разрушения любых планов. «Ни купить их, ни убить», – промелькнуло в голове.

– Эт кака така родственница? – прищурилась та, что в очках. – Я с ими уже сорок годов у одном подъезде живу. Еш-шо ш-шенком мокроносым Ваньку на коленках качала, а про таку родственницу не слыхивала.

– Да мы дальние родственники. Я вот тоже о них недавно от матери услышала. Мать мне перед смертью сказала, что есть у нас еще брат в Сибири. Просила навестить. Вот я и приехала познакомиться.

– И где жа ты, родственница, проживала? – продолжала любопытствовать очкастая.

– На юге, около моря.

– А имечко то у ентого моря имелося?

– Конечно. Город наш портовый, известный во всем Советском Союзе да и за границей тоже. Его часто по телевизору показывают. У нас даже кино снимали «Три плюс два». Видели, наверное. Это комедия. Так вот и я в этом кино снималась. Правда, в массовке.

– Прям в кине?

– Прямо в кино.

– И че тебя показали?

– Конечно. Там, где они ехали по городу. Так вот я сбоку была.

Три старухи наперебой стали вспоминать кинокомедию, споря о том, кто из героев в кого влюбился, и кто о чем говорил. Только их высокая, худощавая товарка молча сидела, опершись о клюку. Казалось, что ее прямая спина вмерзла в воздух. Вот толкни и рассыплется на запасные части вся человеческая конструкция.

У Милентины затекли руки от сумок, но она стояла, не шелохнувшись. Надо было сделать из старух союзниц, тогда и море по колено.

– Ну и че ты, артиска, надолго к нам?

– Не знаю. Может жить здесь останусь, если работу найду.

– Эт пошто с теплого юга, да от кинов – да в наш мороз?

– У меня большое горе. Вся моя семья разбилась на машине, вот я и уехала подальше.

– Бедная, как жа ты таперича?

– Не знаю, – с дрожью в голосе вздохнула Милентина.

– Усю семью потерять – горе неизбывное.

Три старухи сочувствующе закивали головами.

– Фрося, а ты че молчишь-та? Ишь у девки бяда кака.

– Чего тут скажешь? Беда не беда, а на словах и Москву построить можно.

– И чей ты тако говоришь? – возмутилась очкастая.

– Ирка-то что говорит? – спросила Фрося, не обращаясь ни к кому.

– О чем? – быстро, словно оправдываясь, спросила Тина.

Не надо было этого говорить, ведь вопрос был «ни к кому», и получалось, что на воре шапка горит.

Фрося скользнула взглядом по стоящей чужачке, долго посмотрела на подруг, вернула взгляд на Милентину. Словно насквозь прожгла.

– Как о чем? О том, что ты приклеилась к Ивану.

– Так я же его родственница, – оторопела Милентина.

Она не ожидала такого поворота и теперь хотела поскорее уйти, проклиная старых дур.

– Нам за все деяния наши ответ держать придется. В каждом человеке добро и зло поровну рождается, да от нас зависит: кого растить больше. Неслед пускать злобу наружу. Что ответишь, когда призовет тебя... – Фрося многозначительно ткнула пальцем в седое от мороза небо. – Ты, девка, голову не мути. Твоя душа насквозь провиднена.

Не мигая, смотрела в душу старая женщина, слова кидала, словно молоты метала:

– В добрую семью лезешь лезом, а не надо бы. Гляди, как бы тебе за деяния твои да не обжечься. Гиена не только в сказке да в писании бывает. Ее сами себе люди на земле сотворяют. Побереги себя и будешь знать, что ответить, когда спросят назвать имя и путь твой.

Старуха отвернулась и прикрыла глаза.

– Что вы, бабушка, такое говорите? Еще могилы моих детей не остыли…– возмутилась Милентина и осеклась.

Фрося повернула голову, подняла веки, глянула на молодую женщину, и той показалось, что старуха вошла в душу, прошлась по всем закоулкам, прочитала мысли.

– Вмешаться не можем, а посоветовать во власти, – проскрипела она.

Тина вздрогнула, кожа покрылась испариной страха. «Фу, ты, гадина, напугала, – подумала она, – ничего она не знает, ничего не может». Встряхнулась, будто от воспоминаний, улыбнулась старухам на лавочке:

– Пойду я, пожалуй, обед готовить надо, да Ирине лекарство принимать пора.

Мельком скользнула взглядом по Фросе. Та понимающе осуждала, подергивала в гневе краешком губ и, не мигая, глядела на чужачку, пронизывая ее, будто рентгеном.

– Пожалей себя. Не греши больше… – прошелестела старуха, стерла взгляд с женщины, словно забыла о ней.

Милентина показалось, что это ее стерла Фрося с лица земли. По телу пробежались мерзкие мурашки, как у нашкодившей школьницы, перед неизбежностью расплаты.

Рывком открыла дверь в подъезд, простучала каблуками и тихонько вернулась. На лавочке разговор продолжался.

– Эт ты, Фрося, ее дельно поддела. Откуль взялась на Ванькину шею ента родственница? Как с неба свалилася.

– Ниче не с неба. Он ее сам привез, совсем голую.

– Ет как голую? Прям в чем мать родила штоль?

– Не-е. На ее накинуто было кой че, но не по зиме. Дашка моя сказывала, что выфрантилась энта в плащик, на ногах танкетки.

– Можа она с цирка?

– С цирка не с цирка, а баба зловредная, – послышался скрипучий голос Фроси.

– Эт так, эт так, – затакала очкастая, – Иркато в жисть не была хворая. Завсегда така жива, така приветлива. А как ента вертихвостка объявилась, с больничного не вылазиват.

– Ирка в девках была хорошая и когда детев родила. Добрая жинка у Ваньки.

– Так у ее и родители были хорошия.

– Разве у Ваньки плохи?

– Тожа скажешь. Мы с евойной матерью всю жисть на заводе отработали. Слова дурнова меж нами не было, сами знаете. И туда, и обратно ходили, а как транвай пустили, так и ездили вместях.

Снова послышался скрипучий голос.

– Чего же этот ваш Ванька дурной такой? Такую змеищу в дом привез да пригрел?

– Ты, Фрося, можа не правая. Можа она, эта девка, и впрямь сродственница.

– Вот с таких «можа» все и начинается. Вместо того, чтобы выкинуть, боимся всего: «Можа, а не можа»… Тьфу на вас добрых сильно. Не могу с вами сидеть.

Милентина со всех ног кинулась наверх, запыхавшись, влетела на третий этаж. Ключ никак не хотел входить в скважину. По лестнице слышались шаркающие шаги.

– Старая гадюка, – подумала Тина, прислушалась, в подъезде никого больше не было слышно.

Тихо поставила сумки, на цыпочках стала спускаться вниз. На повороте выпрямилась, неожиданно возникнув перед старухой. Та медленно подняла голову, посмотрела, будто перед ней было пустое пространство, и усмехнулась: «Гореть тебе, девка, огнем. Не спасешься».

Милентина ногой поддела основание клюки, дернула на себя и легонько ткнула в сухонькое плечо. Потеряв равновесие, соседка кувыркнулась по лестнице...

Минут через тридцать, когда Тина разложила все из сумок по местам, отрапортовала хозяевам, что и почем купила и какие очереди отстояла, в квартиру ворвался гулявший на улице Семушка.

– Мама, папа, там баба Фрося упала с лестницы. Лежит и хрипит. У нее из головы кровь течет.

Фрося прожила еще три дня. Тина так и не узнала, приходила она в сознание или померла, так никому ничего не поведав. Страх сковывал тело. Вначале хотела уехать. Но куда? Дома ее, скорее всего, ищут за Сонечку…

Подумалось про сытную станцию «Завалиха», но к кому? К пасечнику! Ей вдруг пригрезилось, что, разговаривая, мужик смотрел на нее с нескрываемой любовью. В мыслях Тина уже представляла, как приедет, как кинется ему на шею. Однажды все это ей привиделось во сне. Но как только она вышла из вагона, сапоги вдруг поехали по асфальту, как по льду. Тина упала и растянулась во весь рост прямо у ног тщедушного, бородатого мужичка с топором в руках. Он наклонился над ней, ощерился во весь рот и спросил: «Что, Валя-краля, медку захотелось? А он не всегда сладкай». Проснулась в ледяном поту, сглотнула горькую и жгучую, как красный перец, слюну.

Мир должен быть таким большим, а он оказался крохотным, и в нем не было места, где ее, Милентину Петровну, ждали бы, где ей были бы рады.

Вот и стала Тина маленькой, тихой тенью. Через форточку старалась услышать все, о чем

говорят старухи на лавочке. А они бывали там редко, потому что наступившие морозы разогнали всех по теплым квартирам. Перед Ириной и Иваном прикидывалась больной, и, пока кто-то из Русановых бывал дома, лежала на диване, укрывшись одеялом с головой.

ЧТО ПРОТИВ СИЛЫ ЕСТЬ?

Сна не было. Закрывала глаза, и в голове начинали мельтешить черные и ослепительно белые всплески. Они ломали пространство сна, разрывали мысли и не позволяли сосредоточиться. Попытка полежать с открытыми глазами не привела к успеху.

На гладкой полировке мебели лежали ленивые лунные тени. Они спали, сладко вытягиваясь в уютной тишине квартиры. «Словно кто спички вставил в глаза», – проворчала Милентина и легла на спину. Пусто посмотрела сквозь оконное стекло на мерцающие звезды. Где-то там под звездами слышалось мерное гудение большого завода, в него вклинилось громыхание запоздалого трамвая…

С некоторых пор этот завод стал притягивать мысли. Он, как гигантская сколопендра, растянулся на окраине города и гудел... гудел надсадно, надрывно… Днем из окна были хорошо видны его трубы, изрыгающие табуны грязно-серых облаков. Горбушки облаков четко прорисовывались на фоне неба. Они соединялись в гирлянды и плыли дальше на восток, туда, где по всему чувствовалось, было еще холоднее, чем в этой Сибири…

Женщина прерывисто вздохнула.

Где-то перед Новым годом она услышала, как Ирина шепталась с Иваном: «Вань, поговори у себя, может примут Тину на работу?» Иван немного помолчал, потом еле слышно проговорил: «Так у нее даже прописки нет». «Объясни, что у человека трагедия. А потом сделаем запрос к ней на родину, и будет прописка. А там, глядишь, и общежитие выхлопочешь. Не век же ей щи нам варить. Да и дети спокойнее будут».

Работа в цехе с утра до вечера. Голые, облезлые стены общежития. Но страшнее всего был «запрос на родину». Бежать, чтобы поймали? Это не входило в милентинины планы, надо было как-то форсировать события. Но как? Как удержаться в семье? Как стать хозяйкой, а не прислугой? Все попытки завоевать мир Русановых разбивались в прах. Под ногами вечно путался Семушка, он срывал лучшие из планов…

Женщина снова вздохнула, повернулась на бок, до боли крепко зажмурила глаза. Черные и белые стрелы в глазах рассыпались на мелкие искры, сквозь них прорвались тяжелые мысли и воспоминания...

Ничего не изменилось в ее жизни, когда под Новый год из санатория вернулась хозяйка дома, Ирина, а на каникулы приехали Сергей и Маша.

Худенькая женщина вошла в дом и, словно старой знакомой, кивнула жиличке: «Здравствуйте, Тина».

Все было так обыденно, что Милентина растерялась: ни вопросов, ни скандала: просто кивнула головой. Иван помог жене снять пальто, передал его Милентине, и Русановы ушли к себе в комнату.

Квартира расцвела какой-то тихой радостью. Ближе к вечеру пришли Коля и Семушка. Мальчишка влетел с улицы, словно вихрь, кинулся к матери на шею и что-то быстро-быстро ей говорил. Милентина из его горячего шепота лишь услышала: «…теперь Болотина уедет?»

Обрывок фразы застрял в голове, словно заноза, и точил душу с утра до вечера. Вот и сейчас он ясно прозвучал где-то рядом. Шлепнула себя ладонями по щекам, сбросила одеяло и резко села.

– Ненавижу!.. – прошептала Милентина.

Встала, подошла к двери, прислушалась… В квартире стояла такая тишина, что женщина ощутила физическое желание дико, во всю ивановскую заорать. Сглотнула желание вместе с сухим комом, что застрял в глотке. Вернулась к дивану, встала на колени, уткнулась лицом в подушку и глухим шепотом изрыгала в мягкую пушистость подушки только одно слово: «Ненавижу!» Шепот перешел в рычание…

По возвращении Ирина восприняла чужого человека, как должное. «Мне Ваня рассказал о вашем горе, когда звонил в санаторий с переговорного, – спокойно ответила Ирина на вопросы жилички, – поживите у нас, пока все решится».

Дальше стало еще хуже. С приездом на каникулы Сережи и Маши оказалось, что за обеденным столом для Милентины не хватило места. Она готовила, подавала на стол, а есть приходилось в одиночестве. Семья засиживалась

за ужином до позднего вечера, у них только и разговоров было, что про учебу, да про планы на будущее. Сидели до той поры, пока тихий голос матери не выставлял отца и детей из кухни.

– Переходите в зал, – говорила Ирина, – дайте Тине хотя бы покушать да помыть посуду.

Коля подхватывал Семушку подмышку, а тот звонко кричал: «Капитаны, айда на ковер». Русановы перемещались в гостиную, а Милентина оставалась с горой грязной посуды голодная и злая. В жизни семьи для Тины отводилась роль служанки. К ней привыкли, как привыкают к пылесосу.

Уже перед самым Новым годом у жилички сдали нервы…

Семушка с утра был дома. Он упросил взрослых не водить его в детский сад.

– Утренник у нас уже прошел, – говорил мальчик, – я стихи свои уже рассказал Деду Морозу. Он мне даже подарок дал. В садике уже нечем заниматься. А дома я свои игрушки по полкам расставлю. Коле помогать буду.

– Чем же ты Коле поможешь?

– Он курсовую рисует, а я ему буду карандаши и линейки держать. Знаете, сколько у него линеек? О-го-го! Без меня ему не справиться. Правда, Коля?

– Правда! – засмеялся брат.

Так младшенький Русанов остался дома. Они затеяли с Машей играть в прятки. Где только ни прятался Семушка: и за Колиной спиной, и в шкафу в прихожей, и под столом на кухне – везде Машенька его находила.

– Это нечестно, – решительно остановил сестру мальчик, – ты всегда видишь, куда я прячусь. Встань к стене, закрой глаза и считай до… двадцати. А я спрячусь.

– Хорошо, – согласилась Машенька, – отворачиваюсь и начинаю считать. Раз, два…

Мальчик побежал в спальню родителей, потом на цыпочках вернулся, прошел в гостиную, потихоньку забрался в стенной шкаф и затих.

– Девятнадцать, двадцать… – громко проговорила Машенька. – Кто не спрятался, я не виноват.

Она прошла в спальню родителей, обыскала все, но Семушки не было там.

– Где это наш Семушка? – спрашивала девушка и продолжала искать: на кухне, в прихожей…

В это время мальчику надоело сидеть тихо, он выглянул в щелочку: сестра ходила по коридору и заглядывала в углы. «Вот он какой, наш Семушка, – говорила она, – совсем невидимый стал. Коля, а ты его не видел?» «Не видел, – смеялся брат, – позови на помощь Сережу, он будущий капитан, уж он его точно отыщет».

Пока Машенька договаривалась с Сережей, Семушке стало совсем скучно. Под руку попалась старая тетрадь. Мальчик вырвал несколько исписанных страниц, смастерил из них самолетики, и, как только Машенька с Сережей вошли в гостиную, запустил сразу два. Один из них ткнулся носом в люстру и упал на стол, а другой, сделав вираж, спланировал прямо у ног сестры.

– Ах, вот ты где, – засмеялась девушка и открыла дверцу шкафа.

Вывернувшись из-под ее рук, малыш обогнул брата, пронесся по комнате: «Догоните, догоните», – смеялся он. Обежал вокруг стола, занырнул под него, едва не попавшись в руки сестры. Хотел выскочить из-под стола, но сильные, грубые руки выдернули его и подняли над полом.

– Гаденыш, ты зачем брал тетрадь? – рявкнула Милентина. – Тебе кто разрешил шариться в чужих вещах?

Она с силой тряхнула худенькое тельце малыша так, что у того запрокинулась головенка.

– Как вы смеете? – кинулся к ней Сергей, в глазах сила и гнев.

Это отрезвило. Тина поставила Семушку на пол, быстро пригладила ему вихры, хрипло хихикнула: «Что, напугала вас? Это я репетирую роль Бабы-Яги на Новый год». Подобрала тетрадь, самолетики, закрыла шкаф и быстро вышла.

…Она сидела в ванной комнате, сунув голову под струю холодной воды. Злоба клекотала в горле, давила и жгла: «Ненавижу!.. Ненавижу!..»

Еще минуту назад Милентина дала себе слово, что спокойно переждет приезд Ивановых отпрысков… Вошла в гостиную, чтобы позвать ребят пить чай, и остолбенела… На столе лежал самолетик из бумаги в клеточку, а на нем слова: «Я не хочу больше дружить с Тиной. Она убийца…» Около шкафа – простая тетрадь в клеточку, исписанная ровным почерком Сонечки. Протянула руку, чтобы взять самолетик со стола, но тут из-под скатерти показалось смеющееся лицо Семушки…

Слова заплясали перед глазами, в голову хлынул поток бешенства…

Под ледяной струей воды бешенство постепенно остывало, уходило вовнутрь. Почувствовала, что правую руку свело судорогой. Ломящая боль стянула пальцы в кулак, сжимающий

злополучный дневник. «Идиотка, – подумала она про себя, – для чего хранила тетрадь?» Левой рукой отжала скрюченные пальцы, высвободила помятые листки и тетрадь. Пальцы стояли коробом и не хотели двигаться. Разминала пальцы с таким остервенением, будто хотела их отломить.

На глаза попался лежащий на полу дневник. Истертая обложка сохранила фамилию и имя владелицы и надпись: «Не любя, не читай!»

– Не любя, не читай, – словно заклинание повторила Тина.

В груди вновь поднялась волна злобы.

– А ты любила? Мерзавка, тебя уже нет, а ты все мешаешь мне жить. Ненавижу!..» С остервенением принялась рвать старую бумагу. «Не хочет она больше… Да и не надо! Без тебя обхожусь…» Клочки становились все меньше, а злость не уменьшалась. Хотелось порвать всех, как эти листочки, чтобы не осталось и пыли от них.

Раздался стук в дверь. «У вас все в порядке?»– спросила Маша.

– Да, да, – не сразу откликнулась жиличка, – я уже помылась, скоро выйду.

Тщательно собрала обрывки в карман, открыла горячую воду, чтобы напустить пару, замотала голову полотенцем и открыла дверь. Улыбаясь, спросила: «Ну, кто в очереди принимать ванну?»

– У вас все в порядке?– переспросила Маша. – В ванной вы кричали?

– Так это я роль репетирую, сюрприз готовлю на праздник.

Вечером у Милентины поднялась температура. «Простыла в очереди», – оправдывалась она, лежа в постели.

– Обидно, что не могу свой сюрприз показать, – делано печалилась больная, – такое хорошее придумала, хотела повеселить.

– Не расстраивайся, – утешали ее Иван с Ириной, – главное выздороветь.

Так что Новый год Тина провела тихо и с наслаждением болела. За ней снова ухаживали, лечили. По вечерам семья собиралась не в гостиной, а у родителей в спальне, чтобы не тревожить больную. Можно было в тишине обдумать план действий, успокоиться, собраться с силами перед новым наступлением.

Тяжело вздохнула, вспоминая новогодние празднества. Тогда, лежа на белой простыне и наслаждаясь тишиной, она решила, что все очень просто: если нельзя стать хозяйкой, то можно стать снохой.

С первой секунды своего появления в этом доме она горела желанием обладать телом старшего сына Русановых. Высокий, по-юношески нескладный Коля с удовольствием помогал ей на кухне, таскал тяжелые сумки, встречал у подъезда, спасал от нападок младшего брата. От него веяло чистотой и девственностью.

У Милентины кружилась голова от его присутствия. Несколько раз она, вроде бы по-матерински, гладила его по голове. Пальцы тонули в густой шевелюре, а женщина с трудом подавляла желание прижать к себе мальчишку, впиться в его губы…

Тине казалось, что Коля также тянется к ней, смотрит с любовью, и что она была в полшаге от победы над парнем…

Как-то все не так у нее происходит в этой семье.

Когда Сергей и Маша после каникул уехали на учебу, Милентина начала потихоньку экспериментировать. Флакончик с лекарством пришелся как нельзя лучше. Несколько капель в чай для Ирины делали свое дело. Ей становилось все хуже. Русановы списывали сердечные приступы на реакцию организма на лечение в санатории. «Зря я согласилась взять путевку, – говорила Ирина. – Ну, ничего, полечимся и снова будем здоровы».

После очередного сердечного приступа Ирине стало получше, и она уснула. Рядом с ней притулился неугомонный Семушка. Иван, проводив бригаду «Скорой помощи», отправился в аптеку. В квартире стояла тишина, только шелестела вода в ванной комнате. Это Коля собрался перед тренировкой принять душ.

Милентина подстерегла момент, когда юноша вышел из комнаты. Кожа упруго обтекала бугорки мышц. От движения бугорки перекатывались, пружинили…

– Коленька, – кошкой метнулась Милентина, – как я тебя полюбила, мальчик мой маленький. Такой ты ласковый и сладенький.

Прижимаясь к парню увесистым бюстом, женщина обглаживала его и бесстыдно шарила в потаенных местах. Молодого человека от стыда и неизвестных ему чувств бросило в жар, он сделал попытку освободиться из объятий жилички, мельком глянул в сторону родительской спальни, где только что уснула мать. Милентина поняла: не закричит и не будет вырываться.

– Пойдем, потри мне спинку, – Милентина тихонько подтолкнула Колю к двери в ванную комнату, почувствовала, как ослабло сопротивление.

Жар страсти заполонил естество женщины, захлестнул душу…

Резкий шлепок по животу перехлестнул дыхание. Ослепление спало с глаз.

Это Семушка, Семенушка, Семечка втерся в щель, образовавшуюся от движения тел. Пацаненок, а удар ощутимый.

– Тина-Болотина, не догонишь… – мальчишка блеснул голубыми глазами и занырнул к матери.

Кинулась Тина, а Коленька, сладенький мальчик, успел выскочить на лестничную площадку. Как есть в тапочках и без рубашки, в одних спортивных брюках. В глазок было видно, как он, не отрываясь, звонит в дверь напротив, к своему приятелю.

От новой волны воспоминаний Тина прерывисто вздохнула, ударила кулаком по подушке. «Не так… Все не так…»

За окном гудел завод. Равномерно, на одной ноте. Женщине казалось, что невидимый музыкант жмет на клавиши, но на таком морозе у него закоченели пальцы, а погреть их ни возможности, ни сил. Ему обязательно надо нажимать на эти проклятые клавиши, чтобы выдувать из мехов одну и ту же ноту.

На этой ноте говорил Иван на прошлой неделе, возвратившись с работы.

– Я тебе подарок приготовил, – сказал Иван и переглянулся с женой, – у нас на работе требуется диспетчер. Работа несложная. Начальник смены пообещал и прописку сделать, у него свояченица в паспортном столе работает, а потом и о жилье подумаем.

Этот удар судьбы Тина снесла спокойно, не сорвалась, улыбалась, гладила в кармане флаконочик с лекарством и про себя думала: «Мне бы только месяц еще продержаться, а там…»

…Передернув плечами, Тина снова легла на диван. Сон все не шел…

СОН В СЕРДЦЕ

Сон был тяжелым, прерывающийся непонятными и незапоминающимися видениями. Ирина пыталась проснуться, но что-то мешало...

Из тени выплыла черная женщина, сально улыбнувшись, больно задела сердце. Ирина хотела отмахнуться от обидчицы, но появился Иван и перехватил руку. От этого рука занемела, заныла…

– Мама, мама, – услышала Ирина сквозь сон голос Семушки.

Открыла глаза. Оказывается, она лежала, подвернув руку под бок.

– Ты плакала во сне, – в глазах младшенького стояла слеза испуга.

– Ничего, Семушка, это был просто сон, – тихо проговорила Ирина, растирая онемевшую руку, – глупый, ненужный сон. Видишь, я проснулась, а сон рассеялся.

Она пригладила непокорные вихры сына, подула на них легко, словно показывая, как рассеялся сон. Мальчик благодарно прижался к матери, его сердце билось, словно пойманная птица. Ирине на миг показалось, что она обнимает сына в последний раз. Снова как во сне защемило сердце.

– Что это я? – встряхнулась женщина. – Хватит лежать, надо делом заняться.

Легко, будто никогда и не болела, Ирина поднялась с кровати, подошла к зеркалу. На нее смотрела бледная незнакомка с ввалившимися глазами. Тонкие руки обтянуты кожей, под которой бьются синенькие жилки.

– Ничего, сейчас мы приведем себя в порядок, – приговаривала женщина, расчесывая волосы. – Немного косметики тоже не помешает нашей красоте. Так, Семушка?

Через некоторое время в зеркале отражалась уже совсем другая женщина: немного озорная, немного строгая. Сын, подперев кулаками щеки, наблюдал, как изменяется мама. Его глаза сияли: мама выздоровела. Значит, они снова все вместе будут ходить в парк, на карусели, есть мороженое и смеяться, потому что он, Семушка, будет всех веселить, корчить рожицы, ходить колесом.

Папа, конечно, пригрозит пальцем, потом посадит на плечи. «Посиди-ка, остынь», – скажет он. А Коля будет щекотать его ноги и делать вид, что он тут вообще ни при чем. Машуня с мамой пожалеют и уговорят папу отпустить Семушку. И тогда они с Сережей побегут кататься на машинках. Сережа, как старший, будет рулить, а Семушка махать рукой маме и папе.

Как давно все это было.

Семушка по-взрослому глубоко и прерывисто вздохнул. Пятилетний мальчик все беды и несчастья в семье подсознательно связывал с появлением в их семье Тины-Болотины.

…В тот день мама уехала, Семушку из детского садика забрал Коля. Они не пошли домой, а гуляли по улице, поджидая папу. Был мороз, а

потому лед на горке хорошо подстыл. Семушка бегом забирался на горку и, упав животом на ледянку, летел вниз. Только ветер свистел в ушах.

Коля кататься с горки не хотел. Взрослый все-таки. Он разговаривал с Дашей из соседнего подъезда.

По мнению Семушки, Даша была красавицей, и когда он, Семушка вырастет, то обязательно женится на ней. Правда, сейчас о женитьбе думать было некогда, хотелось набегаться, накататься.

Уже стало темнеть, когда приехал папа. Семушка побежал к машине… и оторопел. Из машины, с маминого места вышла чужая тетя в летних туфлях и плаще.

– Колдунья, – испугался он и кинулся обратно к Коле.

Спрятавшись за брата, стоял, плотно закрыв глаза. Ему хотелось, чтобы страшная тетя исчезла, будто ее никогда не было.

– Ребята, – позвал папа, – идемте домой, а то замерзли, наверное.

Впереди всех по лестнице шла незнакомка. Шла так, будто всегда здесь жила, и это она вела к себе гостей. Тетя весело болтала, про мороз, про снег, при этом громко стучалала по ступенькам каблуками туфель.

«Сейчас она пройдет мимо нашей квартиры, – с надеждой думал Семушка, – а мы быстро забежим домой».

Этого не случилось. Тетя остановилась точно около их двери и, подождав, когда папа откроет дверь, первая забежала в квартиру. Скинула плащ и представилась: «Зовут меня тетя Тина, я у вас немного поживу. Так ведь, Ваня?»

Папа вместо того, чтобы выгнать чужачку, кивнул головой.

Хотелось сказать тете такое, чтобы она обиделась и ушла прочь.

– Почему вас зовут тиной? – набычившись, спросил Семушка. – Вы на болоте росли?

Он внимательно смотрел в лицо незнакомке и видел, как яростно вспыхнули у нее глаза, как выпрыгнула из них ненависть, совсем, как в мультиках у Змея Горыныча. В этом противостоянии Семушка был всего лишь ребенком.

– Царевна-лягушка тоже на болоте живет, – льстиво улыбаясь, пропела незнакомка.

– Так она царевна, а ты болотная трава, – упрямо продолжал грубить Семушка.

– Какой умненький мальчик, – засмеялась тетя, но ее глаза оставались холодными и острыми, как лед. – Мое полное имя Милентина, тетя Милентина, а родилась и выросла я на теплом юге. Вот поедем ко мне в гости…

– Тина-Болотина, – перебил ее Семушка и, не раздеваясь, бросился в детскую.

Пришли папа и Коля, начали раздевать его и уговаривать.

– Тетя попала в беду, – сказал папа, – надо ей помочь. Думаешь легко в наш мороз ходить по городу в туфлях и плаще? Завтра мы найдем ее родственников, и она уедет. Не выгонять же ночью человека на улицу? Что нам скажет мама?

И мальчик сдался. Ему не хотелось ссориться с мамой. Раздевшись, Семушка с папой пошли мыть руки. В коридоре столкнулись с чужачкой… Она была в маминых тапочках и в маминой халате.

– Извините, – сказал ей папа, – это вещи моей жены.

– Да, ладно, – весело проговорила гостья, – я же их не съем. У меня все украли. Вам же не жалко, если я их вечерок поношу.

Большая тетя не влезала в мамин халат, а потому он постоянно разъезжался в разные стороны. Из-под него торчали толстые, как бревна, ноги.

Гостья ушла на кухню. По-хозяйски загремела посудой. Было слышно, как она открывала и закрывала холодильник. Что-то жарила и варила. По всем комнатам разлился аромат вкусного борща.

– Пойдемте ужинать, – буднично позвала гостья.

Она усадила всех за стол, сама села рядом с папой. Во время ужина Болотина постоянно вскакивала то за солью, то за хлебом. Полы халата почти полностью разъехались. Коля ел, не поднимая глаз, папа старался смотреть в сторону, зато он, Семушка, не отрываясь, глядел на незнакомку.

– Между прочим, – сказал он, – мама при детях голая не ходит.

Папа поперхнулся и укоризненно посмотрел на него.

Тина прикрыла полы халата и спросила.

– Ты почему борщ не кушаешь? Один хлеб жуешь.

– Невкусно.

– Сынок, – сказал папа, – ты не прав, все очень вкусно. Попробуй.

Но Семушка сорвался со стула и убежал в свою комнату.

– Завтра Тина-Болотина уйдет, – шептал он игрушкам и уже не верил сам себе. Теперь ему казалась, что злая колдунья пришла к ним навсегда.

…Семушка снова прерывисто вздохнул.

– Что с тобой, сынок, – погладила его по голове мама, – какой-то ты у меня тихий стал, не озоруешь, не шалишь?

– Не хочется.

– Чего же моему мальчику хочется?

Ирина села на край кровати, посадила младшенького на колени, обняла его и стала покачивать, как когда-то усыпляла его совсем крошкой. Семушка прильнул к матери, обнял ее и затих, заснул.

– Намаялся.

Ирина подождала, пока малыш заснет покрепче, потихоньку опустила его на кровать.

«Где-то Вани не видно, – подумала она, – а ведь он сегодня дома и ни разу не зашел. Странно».

На цыпочках, чтобы не разбудить малыша, Ирина вышла в коридор, прошла на кухню… никого. Даже Милентина куда-то подевалась, хотя она все время крутится около печки.

«Такая бойкая женщина, – Ирина покачала головой. – Ничего, скоро выйдет на работу, а там и общежитие дадут, Ваня уже хлопочет. Не век же ей нас обслуживать. Пора и свою жизнь устраивать. Конечно, без Тины сложнее будет хозяйство вести. Но скоро Машенька приедет с практики, да и я оздоровлю – справимся.

С другой стороны мальчики снова станут прежними. Коля не будет пропадать у друзей, раньше-то его из дома было не выгнать. Не будет истерик у Семушки. Не понятно, почему он так невзлюбил Тину. Она ему конфеты, да пирожные, а он их – в мусор. Грубит. Наверное, ревности детские. Смотри-ка парень у нас с характером».

За окном уже светилась весна, хотя снег лежал пока не тронутый солнечными лучами. Ирина налила холодного чаю, выпила стакан. «Странный привкус у чая, – подумала она, – как будто с лекарством. Ну, доболелась, всюду лекарства чудятся». Встряхнула головой, горько улыбнулась и решила посмотреть какую-нибудь передачу по телевизору, пока вернется семья.

Проходя по коридору, заглянула в спальню. Семушка лежал поперек кровати, улыбался во сне.

– Радость моя поперечная, – прошептала Ирина, прикрывая поплотнее двери.

Длинный извилистый коридор был хорош только тем, что создавал прекрасную звукоизоляцию. И когда ребятишки затевали игры в гостинной – это не мешало отдыхать отцу, после ночной смены.

Ирина потрогала обои, надо бы делать ремонт. Хватит уж болеть, а то дом в запустение придет. В детских двери нараспашку, а в гостинной закрыты.

– Странно, – снова подумала Ирина.

Взялась за ручку. Показалось, что из-за двери доносится шорох.

– Наверное, Коля возится со своими чертежами. Может, чем помогу…

Дверь открылась тихо, без скрипа.

…В центре, навалившись на стол, стояла полуголая Милентина. Растрепанные волосы метались из стороны в сторону. Сзади стоял Иван, он держал Тину за широкие бедра. Глаза закрыты. Два тела слились в движениях, их не интересовал другой мир.

Увидев хозяйку, Тина вдруг расцвела мстительной сальной улыбкой. Прищуренные глаза злобствовали и торжествовали.

Женщина взяла руку мужчины и демонстративно положила ее себе на грудь.

Вцепившись в дверную ручку, Ирина едва удержалась на ногах. Медленно повернувшись, вышла в коридор. Обожгло левую сторону. Закружилась голова. Боль сковала, прострелила насквозь… Не хватало воздуха. Перестали слушаться ноги, будто из них вынули все до одной косточки. Казалось, отпусти хотя бы одну жилку, и они шлепнутся на пол, как бесформенное тесто.

Ощупью, по стене Ирина нашла дорогу в спальню.

Шкаф… Спинка кровати… Надо прилечь… Выпить лекарство... Не напугать бы Семушку…

На сознание навалилась черная, непроглядная ночь. Откуда? Ведь еще и полдень не наступил.

Впереди вспыхнула яркая белая лампа... Прожектор... Или…

Свет становился все ярче, он слепил душу, затягивал…

Ирина легко поплыла навстречу свету.

Сзади раздался истошный крик Семушки: «Мама, мамочка!..»

Не смогла дальше плыть, стала возвращаться, преодолевая сопротивление света.

…Семушка стоял около матери на коленях, держал ее за руку, горько плакал и, не переста-

вая, звал ее, будто сердцем чувствовал, что может вернуть мать.

В комнату влетел Иван. Он бросился к жене.

Ирина наполовину лежала на кровати, неловко подвернув под себя правую руку.

Подхватив невесомое тело, Иван положил жену высоко на подушки, трясущимися руками схватил бутылочки с лекарством. Бросил. Кинулся к телефону.

– «Скорая»? Срочно, сердечный приступ, Ирина Русанова… – привычно четко диктовал он диспетчеру.

Потом снова бросился к жене. Его перестала бить дрожь.

– Ирочка, сейчас приедет «Скорая», потерпи немного, я с тобой.

…С трудом поднимая веки, женщина открыла глаза. Муж и сын склонились над ней. Крупная слеза скатилась со щеки Семушки и, упав на подбородок, обожгла кожу.

Приняла лекарство, глотнула терпкую жидкость.

В душе продолжал светить зовущий луч. Хотела глубоко вздохнуть, чтобы избавиться от слепящего света, но глаза наткнулись на третье лицо. Любопытствующее, торжествующее оно принадлежало… Кому оно принадлежало?

Вспомнить хотелось, но не моглось. Память начисто стерла имя…

Муж повернулся к этому третьему лицу, начал что-то говорить. Женщина, чужая женщина, ухмыльнулась и стала застегивать блузку. Потом положила Ивану голову на плечо, все так же поглядывая на Ирину.

Снова полоснула боль… «Семушка…»

Потускневший было луч вспыхнул с новой силой, растекаясь по закоулкам жизни. Оттолкнувшись от ночи, Ирина воспарила и больше не сопротивлялась силе света….

…Милентина пришла, когда Иван, вызвав «Скорую», повесил трубку телефона и бросился к жене.

– Что случилось? – счастливо проворковала Тина.

Она заглянула через плечо Русанова. Больная приходила в себя. Глаза хозяйки открылись, с великой нежностью прошлись по лицам мужа и сына. Ресницы вздрогнули, когда Семушкина слезинка упала на подбородок. Голубые глаза Ирины казались небесно-васильковыми. Они светились изнутри. Они хотели жить. И их любили те, кто был рядом.

Да, хотела бы Тина, чтобы на нее смотрели мужчины, так как сейчас – Иван на жену… Перехватила ненавидящий взгляд ребенка. Взгляд скользнул по лицу, переместился ниже, ниже...

– Ах ты, господи, – спохватилась Милентина, начала застегивать блузку, про которую впопыхах забыла.

И тут поняла: сейчас решится все. Окликнула Ивана. Тот оглянулся и попросил Тину встретить врачей.

– Да, конечно, – прочувствовано сказала Милентина, положила голову на плечо чужого мужчины и застыла… Хозяйка смотрела ей в душу. Сияющие лучи глаз стали медленно гаснуть.

Дрогнула Иринина рука, чуть сжав ладонь мужа, неподвижные губы выдохнули: «Семушка…»

В ту же секунду зазвонили в дверь. Бригада «Скорой помощи» была Русанову знакома по прежним вызовам, а потому Иван просто сидел на пуфике около телефона и ждал. Он знал, что все будет, как и раньше, хорошо. Вот сейчас выйдет усталый, улыбающийся Иван Викторович и попросит разрешения закурить…

Но из спальни слышалось: «Адреналин…», «разряд…», «еще разряд».

Наконец наступила тишина.

Иван радостно вздохнул. Он уже приготовил слова, которые скажет своей любимой женщине, поклялся сам себе, что больше никогда… Никогда…

Дверь медленно открылась. Не обращая внимания на Русанова, к телефону прошла медсестра и начала набирать номер.

Прислонившись к косяку, стоял Иван Викторович.

– Извини, – обреченно сказал он, – я сделать ничего не мог. С ее диагнозом не умирают. А Ирина Николаевна, похоже, не хотела жить. Она не дала нам ни одного шанса.

Попытался Русанов встать с пуфика, но подкосились ноги. Так на коленях он и пополз в спальню.

Тело Ирины было закрыто розовой простыней, по которой нарисовано порхали легкомысленные мотыльки.

Только рука смогла освободиться от савана. Она легко лежала на кровати, будто хотела вспорхнуть, как беззаботные бабочки.

Казалось, вот-вот всколыхнутся пальцы, сбро-

сят с хозяйки розовый покров, пройдутся по льняным кудряшкам…

Но что-то держало их. Может быть, массивное обручальное кольцо на безымянном пальце?

Мужчина положил ладонь любимой женщины на свою щеку. Рука еще хранила тепло жизни.

– Гадина! – разорвал скорбную тишину тоненький не то крик, не то вопль.

Из-за ширмы вылетело маленькое тело ребенка.

– Семушка, – вздрогнул от неожиданности отец, – ты все время был здесь?

Но мальчик не слышал слов. Он ужом проскочил сквозь руки взрослых и прыгнул на Милентину. Вцепился в ее лицо, кусал и рвал зубами.

Четверо взрослых едва смогли оторвать ребенка от жилички. Семушка бился в истерике, порываясь кинуться на Тину, и только тоненько кричал: «Гадина… Гадина!..»

От успокоительного мальчик уснул, вскрикивая и вздрагивая.

Иван Викторович молча наблюдал, как медсестра обрабатывает раны пострадавшей. Уходя, не подал руки Ивану. Не глядя в глаза, сказал, будто посоветовал: «Отправьте женщину из дома, пока ребенок не придет в себя. Не рискуйте».

Тина отнеслась к словам доктора пренебрежительно.

– Вот еще. Мне и идти-то некуда.

– Доктор посоветовал, – попытался уговорить жиличку Иван.

– Ты его слушай больше. Он тебе наговорит. Они Ирину убили, а ты сидишь и молчишь. Нет, чтобы лекарство дать, а они с электричеством привязались. Разрядом и доброго мужика убить можно.

– У Ирины была клиническая смерть, Иван Викторович сказал.

– Кому ты веришь? Он свою некомпетентность прикрывал. Ведь если ты в суд подашь, то его посадят. А так, тебе лапшу на уши навешали, ты и сидишь. Да и куда раненая пойду? Посмотри, он меня всю разодрал.

Иван не знал, что и думать. Он сидел на том же пуфике, обхватив голову руками, и не знал, что будет дальше.

…В спальне, где лежало тело, раздался стук.

– Ирина!

Подпрыгнул Русанов на месте.

Он вбежал в комнату… Покойница лежала на своем месте. Ничего не изменилось в ее позе. Рука еще больше побледнела и приняла желтоватый оттенок.

На полу расплескались осколки стекла. Это со стены сорвалась любимая Ириной семейная фотография. Иван поднял фотографию. Ломаные линии перечеркнули их с женой и четверых детей.

– Их то за что? – заплакал Иван.

В спальню вошла Милентина с веником и совком. Она деловито стала сметать в мусорное ведро осколки прежней Ивановой жизни.

ИЗВОЛЬТЕ ОПЛАТИТЬ СЧЕТИК-С

С той поры прошло тринадцать лет.

… Лето на юге России выдалось очень жарким. Люди давно такого не помнили.

На небе ни облачка.

Придорожные кафешки прикурнули в полуденном зное, разморенные южным солнцем. Асфальтовое полотно дороги размякло и источало марево, а потому казалось, что широкая автострада отбегает от строений и растворяется, исчезает в струях восходящего пекла.

Тишина. Птица не пролетит, колесо не прошуршит.

Парадные и служебные двери кафешек открыты настежь, чтобы сквозняком освежить духоту помещений.

Современный голубой павильон из сборных металлоконструкций с гордым названием «Руса» вольготно растянулся вдоль автострады, напрочь закрыв собой и высокой вывеской соседей. Яркий, современный, с пластиковыми глазами окон, он словно насмехался над квадратно-неуклюжими кирпичными соседями времен кукурузной революции.

Его просторный, светлый зал ласково ждал посетителей. Легкая пластиковая мебель сияла в свете мягких ламп, которые, несмотря на слепящее солнце, и не думали гаснуть. Высокие Cola-холодильники манили искристой прохладой заморских напитков местного разлива.

Молоденькая девчушка за полированной стойкой бара разморено приткнулась к стеллажу. Ее глаза закрылись сами собой. Оно и понятно: с пяти часов на ногах. Присесть – ни, боже мой! Хозяйка строго карает штрафами, а то и увольнением, без оплаты отработанного времени.

Клиентов кот наплакал, да и кто поедет в такую жару. Люди на пляжах загорают, в море купаются.

Вот и закрываются непослушные глаза, убаюканные мерным шуршанием кондиционеров.

Затихли звуки и на кухне. Кому готовить, если заказов нет.

Тишина и мысль, что сегодня хозяйка уже не приедет, соблазнительно укачивали…

С черного входа в тишину голубого павильона тенью проскользнула черноволосая женщина лет пятидесяти крепкого телосложения. Коротенькая юбка жестко обтягивала могучий зад, буграми выпирающий из дорогой материи, которая трещала и морщилась под натиском колоннообразных ног, воздвигнутых на высокую шпильку дорогих босоножек. Молодежный топик больше говорил, чем скрывал. Силиконовые бретельки, вдавленные в рыхлые плечи, едва удерживали яркую паутинку топика на обширном бюсте. При движении паутинка поддавалась законам сжатия, и потому топик все больше съеживался, открывая взору не только часть живота...

Женщина ключом тихо открыла дверь кабинета с надписью «Директор», бесшумно скользнула за нее… Вслед рванул сквозняк и шаловливо прихлопнул дверь.

Девушка за стойкой вздрогнула, испуганно открыла глаза. В зале было по-прежнему пусто. Она заглянула на кухню. Там девчонки-повара встревожено осматривали подсобные помещения. Работницы прошли по коридору, подергали ручки кабинетов. Закрыты.

Наверное, ветром стукнуло, решили они и вновь разошлись по рабочим местам. Чтобы не задремать, занялись приборкой, протиркой и без того блистающего чистотой оборудования.

Хозяйка кафе «Руса» Русанова Милентина Петровна, оставив машину за тридевять земель, на бензоколонке, пешком пришла в свое заведение, чтобы в очередной раз проверить, как исполняют ее правила вновь набранные работники.

Она скинула босоножки, на цыпочках прошла из приемной в собственный кабинет, осторожно села в кресло, отключила мобильник. Тихонько налила в массивный стакан добрую порцию коньяка и с наслаждением стала потягивать терпкий напиток. Ей необходимо было переждать, пока сотрудницы успокоятся. Скоро заканчивался месяц, как новые девчонки работали у нее. Они уже поговаривали о зарплате. Именно этого Милентине и не хотелось: отдавать свои деньги. Пришло время подловить и повыгонять с треском, скандалом, чтобы ни в какие суды желания идти не возникло.

Просмотрела взятые со стола секретаря накладные. Обнаружила пустующую строку. Потренировалась на листочке, чтобы подделать подчерк кладовщицы и ловко вписала в накладную товар. Ухмыльнулась: теперь точно вылетят, как пробки. Да и новый персонал она уже набрала, неужто пропадать трудам.

Если бы не ее таланты, вряд ли кафе приносило бы такие доходы. Хорошо сделала, что перебралась из Сибири в родные места. Правда домой вернуться побоялась. Денег вырученных за ивановы квартиру и машину хватило на то, чтобы открыть свое дело. Вспомнила первую шашлычную, с гордостью подумала о том, как ловко ей удалось расширить торговлю. Кафе приносило прибыль в чистом виде. Ни одной сотруднице не удалось обойти Милентину и получить зарплату, еще и должными оставались.

Вот и сегодня пришло время расставаться с этими работницами. Самое время. Налила новую порцию коньяка, от предчувствия близкой развязки выпила залпом. Захотелось курить. «Нельзя, – подумала Милентина, – девчонки тут же учуют запах табака, и тогда пиши: пропало».

Откинулась в кресле. Как все хорошо складывается. Очень вовремя разразилась эта перестройка. «Кто хочет, тот всегда возьмет», – про себя пропела хозяйка «Русы».

«А что у них было брать? – сама себе возразила Тина. – Дешевая квартира, устаревшая модель Жигулей да четверо детей в придачу. Ну, и наследство! Ирина-то «прибралась», а мне их пришлось пристраивать в жизни. Сколько лет-то прошло с тех пор? Еле наскребла на свое дело со всех их богатств».

В последнее время все чаще вспоминаются похороны Ирины. Весна к тому времени уже расквасила городские сугробы. Днем почерневший снег рыдал грязными слезами. Ночью покрывался коркой льда. Время от времени на землю обрушивались снегопады. Шквалистый ветер нес ледяную крупу.

Все хлопоты по похоронам легли на ее плечи. Убегалась Тина тогда, как савраска, а спасибо не получила. Одно радовало, что на сороковой день после похорон Ирины в доме Русановых была уже новая хозяйка. Милентина не могла ждать, когда Иван сделает ей предложение. Да и сделает ли он это предложение – вопрос оставался открытым.

Все прошло тихо и незаметно. Ничего ни дети, ни соседи не узнали, да, похоже, и Иван толком ничего не понял. Он просто присутствовал,

расписывался в бумагах, даже не удосужившись прочитать их. Слышал ли он работницу ЗАГСа, вопрошающую его о согласии «взять в жены вот эту женщину»? Его потухший взор блуждал где-то очень далеко, а потому Милентина ответила за него сама: «Конечно, согласен. Видите, какое горе у нас. Я же вам рассказывала».

Из ЗАГСа она вышла Русановой, попыталась взять под руку только что обретенного мужа, но тот дико отпрянул и тихо поплелся по улице. Разразившаяся снежная круговерть обнимала скорбную фигуру, трепала полы незастегнутой куртки, заметала за ним следы.

Милентина хотела рассердиться за невнимание, но передумала. «Да и пропади ты пропадом, – подумала она, – я теперь законная супруга. Так что никуда не денешься».

Хотелось бы как-то отметить такое замечательное событие, замуж-то Тина вышла впервые в своей жизни.

– Иван, пойдем в ресторан. Праздник все-таки.

– Праздник?..

Глаза мужчины просветлели, он недоуменно рассматривал Милентину.

– Какой праздник?

– Ну, так вот, мы же с тобой… – вдруг растерялась Тина.

Лицо Иван исказилось болью и ненавистью.

– Будь ты проклята, – прохрипел он и снова поплелся по улице.

Преодолев оторопь, Тина пошла следом, решив, что все образуется, ведь впереди их ждет первая брачная ночь.

«Утром будешь, как песик, ласковый, а я тебе еще припомню грубость», – мстительно подумала она и решила перенести свадьбу на более благоприятное время. «Сделаю праздничный ужин», – решила она и похвалила себя за то, как все быстро провернула, как ловко навешала лапшу на уши этим сибирякам. «Вот дураки, верят всему, сочувствуют каждому», – мысленно смеялась новобрачная, вспоминая все, что наплела в Загсе.

Весь оставшийся день Тина крутилась на кухне, чтобы ужин удался на славу. Мурлыкала портовые песенки и чистила картошку, пританцовывая, крошила овощи – настроение было отменным. Оказывается, быть женой и хозяйкой – это так здорово. Все подчинено ей, никто ее выбросить из дома не может, а вот она запросто. Жаркое скворчало на сковороде, разливая по квартире ароматы.

Заглянула в холодильник: оставшиеся с девяти дней водка, вино стояли на месте. Кто-то приносил коньяк, и вроде бы его на стол не выставляли? Да где же он? Поискала в стенной нише – тоже нет. «Неужели Иван выпил? Вот гад!» Тина ринулась в спальню. Иван безучастно лежал на кровати и смотрел на стену, туда, где раньше висел семейный портрет. Он был трезв.

– Вань, ну и что ты лежишь? Я по кухне мечусь, а ты, как колода. Пойдем, помоги мне на стол накрывать. Скоро ребята придут, мы и поужинаем нашей семьей.

Тишина была ей в ответ. Иван даже не шелохнулся.

– Вань, – присела Милентина на край кровати, – а где коньяк, что с поминок остался?

Она потянулась, жарко прильнула к мужу, глубоко и чувственно задышала…

Рывком вскочив с кровати, Иван вытолкнул ее из спальни и бросив: «Не входи», – хлопнул дверью.

Это было слишком, но Тина не хотела портить праздника, потому отправилась накрывать на стол. Скоро должны прийти дети, теперь это и ее дети, можно будет повеселиться.

Раздвинула стол в гостиной, накрыла белой скатертью. В серванте обнаружился коньяк. Счастливая, она бегала с тарелками, рюмками, ложками. Все должно быть по высшему, насколько это возможно, уровню.

Послышался поворот ключа во входной двери – это пришли Маша с Семушкой.

– Детки мои, – запела Тина, выскакивая из гостиной, – раздевайтесь, мойте руки, скоро ужинать будем.

– Там Коля с Сережей идут следом, – буркнула Маша, раздевая Семушку.

– Вот и хорошо. Зови отца.

В квартире стояла тишина, даже Семушка ходил, как-то бочком, на цыпочках. Мальчишки ушли к себе и затаились. На столе остывало жаркое. Тина открыла дверь в детскую. Семушка сидел на коленях у Коли, положив голову ему на плечо. Маша – стояла около окна, а Сережа присел на край письменного стола. «Какие у меня красивые дети», – подумала Милентина.

– Ребята, пойдемте кушать, у нас сегодня праздник, – счастливо выдохнула она.

– Праздник? – удивленно протянула Маша.

– Да, мы с вашим папой поженились, и я теперь ваша мама.

– Мама? – у Маши захрипел голос.

Тина многозначительно посмотрела на Колю:

– Я вас любить…

Но договорить не успела. Семушка сорвался с коленей брата и вцепился в мачеху. «Гадина-а! – кричал, царапался и кусался ребенок, – Это ты убила маму…»

Схватил с кровати игрушечный автомат, ударил с маху по лицу Тине. Из рассеченной губы потекла кровь. Подскочил Коля и грубо вытолкнул Милентину из комнаты.

Русановы не приняли новой хозяйки семьи.

Ужинать пришлось одной.

«Да и пропадите вы пропадом, – распалялась Тина, прикладывая платочек к пораненной губе и подливая себе коньяк, – главное дело – сделано, а ужин завтра на сорочины пойдет. Старухи соберутся, все съедят.

За окном стояла весенняя темень. Женщина потянулась, сидя на мягком стуле с гнутой спинкой. «Мать с отцом всегда мечтали о таких стульях. Все деньги на них копили. А вот купить не смогли», – усмехнулась Тина, вспомнив, как она обнаружила у матери заначку под постельным бельем.

Весь класс на окончание школы отправился в путешествие на пароходе. А Тине родители денег на билет не дали. Мать спрятала глаза. Отец нахмурил брови и сказал, что слишком она вольна и не заслужила такого подарка. «Если Сонечка Ивлева вернется, – добавил он, – тогда и тебе на билет будет».

«Где я ее возьму, – в злобе закричала Тина, – со дна что-ли достану?»

Осеклась, поняв, что проговорилась.

Отец стоял, не шелохнувшись, в его глазах плескалась боль. Осознание всей тяжести проступка дочери, парализовал тело. Медленно смахнул со лба выступившие крупные градины пота. «Как ты могла? Она же человек, не кошка», – прошептал и стал оседать на пол.

«Скорая» увезла отца. Мать собралась проводить его до больницы. А Тина обследовала хату. Она знала, что мать собирала деньги не только на обитые красным бархатом стулья. Осмотрела посудный шкаф, там под тарелками мать часто прятала деньги, но нашла только пятнадцать рублей. Вспомнила, что в шкафу тоже бывали заначки денег. Выбросила все с полок и под постельным бельем обнаружила пятьсот рублей.

«Мне говорили, что денег нет, – злилась Тина, – а тут уже на целый гарнитур…»

– Все они сволочи! – очнувшись от воспоминаний, шепотом произнесла Милентина, вспоминая давнюю историю. – Никто меня ни разу не пожалел. Только рожки мне строили и родители, и Русановы.

Отхлебнула из стакана. Терпкая жидкость не успокоила, а только сильнее распалила гнев. За тонкими перегородками слышались голоса поваров и официанток. Так что выходить было еще рано. Машинально посмотрела в зеркало: одна сторона нижней губы слегка опустилась, протараненная шрамом.

– Надо будет сделать пластику, убрать рубец, – снова шепотом заговорила она сама с собой. – Гаденыш оставил память. Сам себе судьбу выбрал. Глядишь, сейчас я тебя бы любила…. Змеиное гнездо, – вдруг вспыхнула Тина от накативших воспоминаний.

Семейная жизнь для Милентины начиналась в одиночестве. Иван, безучастный ко всему, либо сидел, либо лежал на кровати. Новую жену не замечал вообще.

– Ванечка, – счастливым голосом говорила Тина в предчувствии первой брачной ночи, – что же ты лежишь одетый? Ночь на улице. Дети спать уже легли. Да и нам пора. Дай я тебя раздену.

Она протянула руки, чтобы расстегнуть рубашку. Иван дернулся.

– Вань, я же жена твоя.

Мужчина приподнялся на локте, внимательно посмотрел на ту, которую он сам привез в семью.

– Какая жена?

– Законная.

– Уйди, не доводи до греха.

– Никуда я не уйду. Ты мой законный муж, у нас с тобой теперь семья.

Новобрачная скинула с себя халат, бросила на стул и нырнула под одеяло.

– Не капризничай, иди ко мне.

Потянула Ивана за руку.

– Ирки, к счастью, больше нет, и она не будет стоять между на…

Машинально потрогала затылок. Показалось, что прошлая боль тупо стучит и отдается в висках. В тот вечер она не поняла, как оказалась на полу. Встряхнула головой, открыла глаза: ярко сияла лампочка под потолком, одеяло и подушка валялись рядом. Саднило затылок. Хотела быстро встать, но снова рухнула. Очнулась под утро. Медленно поднялась. Ивана в комнате не было.

Надела халат. Вышла в коридор. Тишина. В кухне никого. В гостиной тоже пусто. Маша спала в своей комнате вместе с Семушкой. В детской – Иван, Коля и Сережа.

Иван почувствовал ее присутствие, а может и не спал вовсе, открыл глаза, ненавидяще глянул на нее. «Уйди, – тихо прошептал он, – видеть не могу».

Сорок дней отвели в каком-то бреду и недоговоренности. Уже вечером, когда последние люди ушли, Тина снова попыталась наладить отношения с обретенной семьей. Маша молча мыла посуду, ребята с отцом убирали в комнатах. Когда стемнело, все собрались в гостиной.

«Господи, сколько же времени потеряно, – дернула плечом Милентина, – сколько же сил на них потрачено. Лучшие годы ушли, чтобы с ними справиться».

Раздражение пробежало по всему телу. Остро захотелось курить. Но в коридоре послышались шаги, и хозяйка затаилась, даже дышать старалась пореже.

Вот так же тихо она стояла за дверью после поминок. Было слышно, как Маша составляет посуду в сервант. Ставит тихо, будто боится напугать тишину в квартире. Тиканье стенных часов заглушает все звуки.

– Папа, – приглушенно заговорил Коля, – почему она говорит, что вы поженились?

– Кто поженился?

– Ты и она.

– Сынок, не до шуток. И так тяжело…

– Значит, она врет?

Затем голос Семушки:

– Я знал, что она врет… Знал, знал… Ее прогнать надо, пусть уходит от нас…

– Куда это вы меня из моего дома гнать собрались? – торжественно вошла Милентина в комнату.

По-хозяйски поправила бокалы в шкафу, села рядом с Иваном.

– Что выставились? Да, мы с вашим отцом вчера расписались, и теперь я ваша мать.

На взмахе поймала Иванову руку, с силой сжала за запястье.

– Но, но, не распускай руки, а то быстро на тебя управу найду.

Вынула из кармана свидетельство о браке.

– Здесь указано, что я твоя законная жена.

Повернулась, чтобы насладиться растерянностью Ивана, и тут тихоня Сергей молниеносно выхватил свидетельство из рук. Хотела вскочить, чтобы вернуть документ, доставшийся с таким трудом, но Коля, грубо толкнув в грудь, не дал подняться.

– Похоже, подлинный, – сказал Сергей, рассматривая печать, – не знаем, как тебе это удалось, но не проблема. Папа, не переживай, завтра пойдем в ЗАГС и разведешься. Заодно разберемся, как она его получила. Мы в училище…

– Что, вы в училище? – взбешенно вскочила Милентина.

Она не могла позволить, чтобы какой-то сопливый курсантик разрушил только что обретенное счастье.

– Мы в училище, – спокойно продолжил Сергей, – серьезно изучаем гражданское право.

– И что мне до твоего права? У меня – право законной жены.

– Вот завтра и посмотрим, кто законный…

– Да, знаешь ли ты, сопляк,.. – у Милентины перехватило в горле, она сипела и хрипела, как громкоговоритель на вокзале. В голову не приходило ничего, кроме того, что вот сейчас этот сопляк погубит ее семью.

Спазмы сковали руки, тело начало бить мелкая дрожь. Очень хотелось придушить мерзавца. Вытянув скрюченные руки, Милентина стала надвигаться на паренька.

На ее пути возникло препятствие. Встряхнула головой, соображая: откуда взялись Маша и Коля? Тут перед ними возник еще и Иван. Медленно, подавляя дикую злобу, женщина пришла в себя, села на диван и заплакала.

– Не любите меня? Из дома гоните? Все правильно. Зачем вам беременная мать? А то, что у вас будет братик или сестренка – не волнует. Ладно, будем с ним скитаться где-нибудь, только пусть вам будет хорошо…

Она заливалась слезами, свято веря в то, что говорила.

– Ты чего городишь? – развел руками Иван. – Какие братики, сестренки? Откуда?

– Оттуда… Сам соблазнил, а я тебе и поверила, глупая. Вот теперь бросаешь меня на произвол судьбы.

Милентина улыбнулась своей давней выходке. Как всегда, она вышла победителем из битвы. Снова потрогала шрам на губе. «Гаденыш, – вспомнила она про Семушку, – поделом ему. Соб-

ственно, справиться с ним было плевым делом. Как я его тогда… А?.. Все ведь считали, что пацан свихнулся после похорон. Знали бы они, как я ему порванную фотографию Ирки показывала. Гаденыш, он и есть гаденыш, бросался, как бешенный, на меня, а потом и на отца. А уж свидетели, это свидетели… Так что пристроить мальца в интернат к психам было плевым делом. Машка с Сережей, праведники, сами уехали. Правильно сделали, нечего под ногами болтаться. Только с Коленькой все оказалось сложнее. Дома почти не бывал, жил у каких-то родственников. Приходил навестить отца, брал книги и снова уходил. Ни разу не удалось мне остаться с ним наедине. Уж я бы его обломала... Семейка, мужиков было полно, а ни от одного толку», – передернула плечами Милентина и отхлебнула коньяку.

За все время не пришлось ей стать настоящей женой Ивану. С каждым днем он становился все равнодушнее к жизни. Смиренно соглашался со всем, что она предлагала. Приходил с работы, ужинал и уходил в опустевшую детскую, ложился на Семушкину кровать, чтобы подняться с нее утром.

Однажды он остановился около Тины и потрогал ее живот. Женщина потянулась к мужу: наконец-то перебесился – но наткнулась на холодный взгляд Ивана.

– Ну, и где ребенок? – спросил он.

– Какой ребенок, – не поняла Тина, – разве ты забыл, что Семушка в интернате…

– Наш ребенок?

– Совсем свихнулся… – начала было Тина и осеклась, вспомнив про лжебеременность, – так вы же… меня довели. Выкидыш был.

Криво усмехнувшись, Иван ушел в детскую.

На следующий день он пришел пьяным и устроил дебош. Можно было вызвать милицию, но Милентина побоялась: кто его знает, как все может повернуться. Пьянки и дебоши затянулись на годы. Семейная жизнь стала каторгой. Утешение находила во встречах с соседом Венькой из второго подъезда. Он жил одиноко. Говорят, что когда-то был женат, только куда подевалась его супружница, никто толком не знал.

Этот мужичонка как-то однажды заступился за Милентину перед дворовой «прокуратурой», за что был приглашен в гости. Позже Милентина, не таясь, стала бегать к Веньке. Ей хотелось, чтобы Иван приревновал. Но тот только перестал пить и скандалить.

– Ваня, ну чем я тебе не угодила? – решила поговорить с ним Тина.– Я же тебе хорошей женой буду. Вон Венька за мной увивается.

Иван тихо лежал на Семушкиной кровати.

Она присела на край, взяла его за руку. Не отнял. Обрадованно прильнула к мужу.

– Я же люблю тебя, с первой минуточки полюбила…

Толчок был таким неожиданным, что Милентина не удержалась, слетела на пол. Над ней нависло искаженное гневом и болью лицо мужа.

– Не доводи до греха, – заскрипел он зубами, – ведь убью когда-нибудь. Лучше выходи замуж за Веньку, чего тебе от меня надо?

– Ничего мне от тебя не надо, – зарыдала Тина, сидя на полу, – просто я хотела быть с тобой, быть счастливой.

– Откуда ты взялась на мою шею?

– Сам привез.

– Идиот. Добро надо делать с оглядкой.

– Дело прошлое, Вань, надо же и дальше жить.

– Я на развод подал. Детей у нас нет с тобой, разведут быстро.

У Милентины захватило дыхание. Что ей останется? Комната в коммуналке? Или впрямь придется уходить к Веньке, этому коротконогому, плюгавому кретину. У того, конечно, не роскошь, но двухкомнатная, отдельная квартира. А в квартире что? Старая рухлядь времен пятидесятых: кровать с железными спинками, шкаф из фанеры да табуретки самодельные. Им всем уж лет по сорок, как только не развалились?

– Ну, уж нет, – сказала она твердо, – развода я тебе не дам. А вот в ЛТП сдам, как алкоголика. А бабки подтвердят, что ты каждый день пьяный ходишь да скандалишь.

Милентина быстро встала с пола и вышла, громко хлопнув дверью. Вроде бы Иван успокоился и разводом больше не грозил, так к тому времени Николай окончил институт и собрался жениться. Как-то зашел предупредить, что намерен подать на размен квартиры. Это было уже больше, чем серьезно.

– Зачем разменивать, – смиренно проговорила она, – мы с отцом можем домик купить где-нибудь. Вы ремонтируйте, да живите. А там, может быть, Маша или Сережа приедут. Это же и их квартира.

Закрутилось колесо – не остановишь. Помогая сыну, оживился Иван. Весь ушел в ремонт. Скоблил, шпаклевал, стоял в очередях за обоями…

Укараулила-таки Милентина пасынка. Остались они одни. Сколько раз грезила женщина, как проведет она пальцами по шелковистым волосам, по молодой упругой коже…

Николай, скинув рубашку, обрезал края у обойных полос. Работа кропотливая, потому парень и увлекся. Не слышал он, как подошла сзади мачеха, как смотрела на него, как высоко вздымалась грудь ее от похоти и страсти.

– Коленька, мальчик сладенький, – обвила она его шею руками, – зачем тебе дуреха неумелая? Я тебя такому научу…

– Вы с ума сошли? – стряхнул парень с себя женщину. – На себя в зеркало гляньте.

– Не капризничай, иди к мамочке, она тебя любить будет.

– Какая ты мне мамочка?

Николай оттолкнул от себя разгоряченную женщину.

– Брезгуешь? – взвилась Милентина и кинулась на пасынка.

…Вбежавший в квартиру Иван увидел, как по полу катаются два тела, и было не понятно, кто из них, от кого отбивается.

– Ваня, – заголосила Милентина, – твой сын хотел меня изнасиловать и убить. Осторожней, а то он и на тебя кинется.

Среди помятых полос бумаги, на коленях стоял Николай, в его руках были зажаты ножницы.

В висках начала пульсировать боль. Милентина зажала голову руками. Воспоминания ломились сквозь забытые года. «Мерзавцы, хотели наплевать на меня. Выкусили? А семь лет «строгого» – не хотите ли? Ванька, слюнтяй, сам показания давал. Ничего, через год этот щенок выйдет на свободу, будет шелковым. Уж я сумею его приласкать».

Боль ширилась. Надо было ее чем-нибудь заглушить: «Покурить, что ли?» Пара выкуренных сигарет иногда избавляла Тину от головной боли.

На цыпочках женщина прошмыгнула в приемную, бросила исправленные накладные на кучу бумаг, сняла с вешалки халат, заткнула им щель под дверью. «Объедем соплюх на драной козе», – захохотала хозяйка про себя.

Из пачки, оставленной на столе секретаршей, достала сигарету. «Дешевка», – брезгливо подумала она о секретарше, крутнула колесико зажигалки. Но огонек не высверкивал. Внутри разгорался гнев. «Выгоню дуру, даже зажигалки доброй не имеет».

На тумбочке увидела спички. Чиркнула раз, другой. У спички, вспыхнув, отлетела головка, приземлилась в мусорницу. «Надо же, как точно, ну просто снайпер, даже здесь у меня все получается», – нахваливала себя Милентина, наблюдая, как бежит пламя по другой спичке.

Прикурила, прошла в кабинет, плотно прикрыла дверь, щель внизу так же заткнула. Затянулась дымом. Забытый вкус дешевых сигарет напомнил юность.

Они с Сонечкой учились курить. Подружка только один раз затянулась, закашлялась и больше ни разу не согласилась на эксперимент. Зато Тина начала курить сразу. Больше недели у нее кружилась голова, ее подташнивало, но она не сдавалась. Ей так хотелось походить на отчаянных девчонок, которые гуляли с матросами, ходили с ними в рестораны. Больше всего Тине нравилось то, что у девчонок всегда было много денег.

Очередной стакан коньяка расслабил душу, боль стала уходить, и Милентина задремала.

Тишина и монотонное гудение кондиционеров убаюкивали. Сон стал глубоким, а потому хозяйка не услышала, как в приемной стало что-то потрескивать.

…Милентина видела сон. Иван Русанов, ее муж, обнимает и целует другую женщину. Не важно, что Иван уже давно умер, но как он смеет! Она подскочила к целующимся, резко дернула соперницу и в ужасе отпрянула: Ирина Русанова, живая и невредимая, шла на нее. «Ты думала, что нас разлучила, – говорила покойница, – мы теперь будем вечно вместе. А вот тебя-то здесь многие ждут, не дождутся».

В воздухе возникла и открылась дверь, и из нее вышла мать с укоризной в глазах. В том же стареньком платьишке, в котором Тина ее схоронила. За ней шла подружка Сонечка, дальше толпились люди… Много людей. Они расступились и пропустили сухонького благообразного старика в удивительно белом костюме. В его руке ослепительно блестел поднос.

Тина хорошо его помнила.

В тот день она, тогда еще десятиклассница, поспорила с одноклассницами, что бесплатно пообедает в ресторане гостиницы «Магнолия».

Все шло просто отлично. После сытного обеда она заказала еще бокал дорогого вина. Но как

только официант отошел за заказом, проказница оставила на столике пустую сумочку и сделала вид, что идет в дамскую комнату. Оглянулась... в коридоре никого. Тина проскользнула по коридору так тихо, что сама не услышала своих шагов. Вот и выходная дверь, до нее рукой подать, но тут на пути к выигрышу встал тот самый старый официант.

Сухонький благообразный старик в удивительно белом костюме с подносом в руках. На подносе аккуратно исписанная бумажка-счет.

– Извольте оплатить счетик-с, – сказал официант и манерно поклонился.

За стеклянной дверью ресторана, сплющив носы, торчали одноклассники. Их глаза горели от любопытства, они ехидно перехохатывались, толкались и показывали пальцами на нее, на Тину. Заплатить – значило проиграть.

– Бог заплатит, – прошептала Тина, наклонившись близко к уху старика, и неожиданно с силой толкнула его.

Официант потерял равновесие и неловко упал, стукнувшись головой о косяк. Поднос вылетел из рук, громыхнул уже где-то сзади бегущей к выходу девчонки. Успела она лишь заметить, что листочек со счетом порхнул, кувыркнулся в воздухе и приземлился в невесть откуда взявшийся красный ручеек.

Милентина выпрыгнула на улицу и бросилась бежать.

Выигранное мороженое было необыкновенно вкусным.

…Праздник души и победы испортила Светка с первой парты. Она догнала одноклассниц уже на берегу моря. Мороженое есть не стала. Как-то отрешенно почертила ногой по песку и печально сказала, что за официантом приезжала «Скорая помощь», но не взяла его, потому что старик умер.

– Старый дурак, – захохотала Тина, – так ему и надо. Нечего за девушками гоняться.

Кривляясь, она передразнила старика: «Извольте оплатить счетик-с».

Сонечка Ивлева от ее слов как-то вздрогнула, выронила пломбир и быстро ушла.

…Вот и сейчас, отделившись от толпы, официант манерно поклонился, протянул Тине ослепительно сияющий поднос, на нем лежала бумажка с какими-то словами.

Милентина силилась их прочитать, но не могла. Буквы сливались воедино. Надо надеть очки... На бумажке написано что-то важное... Если это что-то прочесть, то все образуется… Очки затерялись в сумочке...

Официант вновь манерно поклонился и произнес: «Извольте оплатить счетик-с».

Хотелось броситься бежать… Некуда… Вокруг стояли люди. Их масса надвигалась... Пыталась закрыться руками… Перехватило дыхание… Сверху раздался громовой голос:

– Назови имя и путь свой…

Хотела сказать, как ее зовут, но не могла вспомнить имя, будто его и не было никогда. Врата стали медленно закрываться, забирая тени прошлого. Стало страшно остаться одной, и Милентина побежала к вратам.

… Хозяйка заведения проснулась. Голову разламывало от грохота.

– Приснится же такое, – подумала она.

Облегчения не наступило. Было трудно дышать. Нестерпимо болела голова.

Милентина открыла глаза: кабинет был заполнен дымом. Одна из стен выпучивалась.

– Что они там делают, – с возмущением подумала она, – молоко что-ли упустили? Ну, я им сейчас…

С трудом поднялась с кресла, добралась до двери, но открыть не смогла. Жаром спаяло пластиковые и металлические детали.

Из последних сил женщина кинулась к зарешеченному окну. Навстречу со звоном посыпались стекла, и хлынуло пламя, загрохотали громы небесные.

Уже теряя сознание, Милентина увидела, как огонь превращается в четырех ребят, детей Ивана и Ирины, ее, Тининых пасынков.

– Как вы здесь очутились? Я же вас всех пристроила. Коля, – позвала Милентина самого старшего, – тебе еще год сидеть… Маша… Сережа… Семушка…

В мозгу поплыл вокзал южного города… Куст розы с острыми шипами… Официант с сияющим подносом… Бумажка… Тина наконец-то прочитала на ней горящую огнем надпись: «Плати по счетам».

Милентинино заведение пылало. Одна неучтенная спичечная головка точным попаданием в мусорную корзину вершила суд. Струя воздуха из кондиционера раздула пламя из потухшей искры. Мятая бумага с удовольствием подхватила рождающуюся гиену огненную, вскинулась фи-

тилем и опалила ту самую накладную с поддельной строкой.

Пламя быстро прогрызло внешнюю тонкую дверь и вырвалось внутрь помещения. Девчонки заполошно забегали по залу, кухне, пытаясь, что-нибудь спасти.

В это время к заведению подъехала машина.

Несмотря на жаркую и сухую погоду, остановившийся «жигуленок» пятой модели был уляпан грязью, будто только что вернулся с ралли «Париж-Дакар». Немытые окна затянуты под обрез. Ни щелочки.

Бородатые мужики, открыв двери, удивленно таращились на современное кафе с вырывающимися клубами черного дыма. Из машины выпрыгнул светловолосый паренек. Он кинулся внутрь здания.

Увидел мечущуюся официантку, сгреб ее поперек и потащил к выходу.

– Кто еще в кафе есть? – спросил он.

– Повара, – испуганно проговорила девушка.

Паренек вытолкнул ее на улицу и, прикрываясь от огня полами спортивной куртки, заскочил на кухню, через мгновение вытолкнул оттуда двух девчонок, уже очумевших от дыма.

– Кто-нибудь еще есть? – прохрипел парень, одежда на нем дымилась.

Милентинины работницы отрицательно потрясли головами.

В это время тоненький, синий ручеек пламени, выскочил на улицу, обрадованно вдохнул свежего воздуха, наполненного кислородом лесов, и стал разрастаться. Он был уже силен и готов спалить вселенную под гордым названием «Руса».

Вслед за «первопроходцем» рвануло на улицу все пожирающее пламя. Пластик горел, наполняя воздух ядом евроремонта.

Барменша дрожащими руками набирала номер хозяйки, но металлический голос в трубке отвечал, что аппарат абонента отключен.

Огонь быстро охватил кафе, от высокой температуры с грохотом начало корежить металлические конструкции.

Девчонкам показалось, что в окне промелькнуло чье-то лицо. Кинулись они к полыхающей постройке, но вывалившиеся клубы огня, отбросили их назад.

Светловолосый с явным неудовольствием наблюдал за тем, как огонь пожирает творение рук человеческих. Повернулся к девушкам и сказал:

– Передайте хозяйке: Семушка сожалеет, что не покланялся сам. Очень сожалеет. Видно, у «Русы» помимо Семушки полно долгов. Кланяйтесь от меня.

Нехотя повернулся, сел в машину, на прощанье еще раз окинув взглядом буйство огня.

ГОЛЬЦОВАЯ ЗОНА

Во всю ширь взора постелилось ослепительно синее небо. Оно топило в своей необъятности мелкие детали мира и делало его чистым. Ничто не нарушало целостности и величия лазурного купола.

Показалось, что небосклон плещется рядом, буквально на расстоянии вздрогнувшей ресницы, и, если преодолеть тяжесть в руках, то можно зачерпнуть в горсть холодного простора, поднести его к лицу, чтобы смыть скверну бытия, обволакивающую тело тонкой прилипчивой пленкой.

Семен почувствовал, как из него сквозь спину вытекает жизнь, просачивается в острые камешки горной осыпи и убегает вниз мелкой щебенкой. Он пошевелился, глубоко вздохнул, спугнув приблизившееся небо. Преодолевая боль и усталость, перевернулся на бок.

Прямо перед лицом увидел серый, невзрачный камень, покрытый мириадом трещин. Это был даже не камень, а горсть дресвы, чудом державшаяся вместе и готовая в любую секунду рассыпаться по крутому склону. Сколько их таких обломков теснились под распростертым человеком. Достаточно дунуть, плюнуть, и от камня не останется даже воспоминания.

– Никто тебя, паря, в этой жизни не любит, – то ли пробормотал Семен, то ли подумал, – никто не знает, где ты сейчас валяешься. Зачем ты есть?

Он снова пошевелился. Ободранной в кровь рукой толкнул камень. На диво тот не рассыпался, только пара кусочков, отвалившись от бока, встали торчком, выставив вверх тонкие жала.

Потрогал осколок, верхушка была острой, как игла.

– Сопротивляешься? – улыбнулся парень спекшимися губами. – А я вот, похоже, пришел к своей осыпи. Нет больше у меня колючек, и сил тоже нет. Ты еще сколько-нибудь протерпишь ветер и мороз, а потом тоже рассыплешься, и будем мы с тобой лежать рядышком такие разные и такие никому не нужные.

Семен закрыл глаза. Он помнил, как отец рассказывал, что перед кончиной человеку становится тепло и уютно, словно у мамки на руках. Еще немного надо потерпеть, и придет безразличие, покой…

Тело уже не бьет лихорадка. Ноги почти не чувствуются. Живыми остаются только глаза да сердце. Глаза ощущают, как сердце толкает кровь, пытаясь согреть коченеющее тело.

Двухдневные поиски пути в гольцах высосали из него силу и молодость, осталось только отчаяние. Ночной холод завершил начатое собратьями по «стае», которые теперь, словно волки, стерегли его внизу. В гольцовую зону они не стали подниматься. «Сам сдохнет в гольцах», – бросил Кривой.

Вначале Семен шел легко и даже весело. Склон горы не был крутым, кое-где встречались чахлые кустики травы. Лакированные туфли проскальзывали на влажных от ночи траве и камнях, но это не тревожило. В свои восемнадцать лет он и не в таких переделках побывал.

Давно уже скрылись из глаз братки, а Семен все шел вверх. Полы вишневого пиджака надувались от легкого ветра. Утреннее солнце хорошо пригревало, а потому очень хотелось сбросить этот пиджак к едреней Фене и идти налегке. Благоразумие взяло верх над желаниями: ребята рассказывали, что в горах очень холодно, а на перевалах вообще лежит снег. Выбрасывать пиджак поостерегся. Где-то здесь есть перевал, а за ним другой мир, другая жизнь.

Начался спуск в небольшую долину. Семен не рассчитывал на то, что путь удлинится и придется преодолеть большее расстояние, чем предполагал.

Внизу паслась отара овец. На небольшом расстоянии от животных, опершись о высокую палку, стоял в задумчивости чабан. Первыми засуетились, почуяв чужака, собаки. Они заворчали, оглядываясь на хозяина. Но тот стоял безучастно.

– Простите, – окликнул его Семен, – как мне на ту сторону хребта пройти?

Чабан скользнул взглядом по нему, задержался на туфлях, только затем посмотрел в глаза. От этого у парня пробежали мурашки по коже: да, экипирован он далеко не для прогулок по горам. Честно сказать, в такой местности он вообще впервые. То, что у него на родине называлось горами, было просто мелкими холмами.

Здесь же стояли былинные исполины, окаменевшие и впавшие в бессмертие. Они не смогли носить свое могучее тело по Земле, а потому прикорнули кто где мог. Так и сидят они до сей поры в забытьи и дремоте. Шлемы на головах давно покрылись снеговыми шапками, а окаменевшие латы отшелушивались мелкими камешками, валунами, покрылись травой и деревьями. Вот и люди уже пасут своих овец, топчут их тела в угоду делам. Кто вспомнит про богатырей, оборонявших землю от завоевателей?

Стряхнув с себя нахлынувшие мысли, Семен «вернулся» на грешную землю.

– Разве нет дороги на ту сторону? – снова спросил Семен.

– Дороги нет, есть перевал.

Чабан ткнул палкой в поднебесную высь.

– Смотри на вершину с большой головой, у нее есть перевал. Не ошибись. У той тоже есть перевал, но он плохой. Мало кто его прошел.

Чабан снял с головы вязаную шапку, протянул парню:

– Возьми, в гольцах холодно.

Семену показалось, что гора с «большой головой» совсем рядом, самое большое час ходу. Увидел и ложбину перевала.

– Спасибо, отец, – бросил он и заспешил по склону.

То, что горные дороги даже не деревенские с их колдобинами и ухабами – это Семен уже понял. Понял и то, что его старенькие кроссовки были бы сейчас куда как кстати. «Выпендриться захотелось», – думал про себя парень, скользя и падая в очередной раз.

Было давно уже за полдень, а вершина была все так же близка и так же недостижима. Склон пересекла тропинка, а может и не тропинка, но вроде бы по ней кто-то ходил и утоптал камни. «Все тропы ведут к цели», – подумал он и свернул. Шел, не поднимая головы, чтобы не упасть, не потерять из виду тропу.

Потянуло холодом, это солнце стало клониться к закату.

Вдруг тропинка уперлась в отвесную скалу. Семен оглянулся: кругом стояли каменные стены… Там, где должна быть вершина с «большой головой», нависал крутой склон.

Быстро повернул обратно, чтобы хотя бы до сумерек успеть выскочить из каменного мешка. Тропинки он больше не нашел…

Серо-коричневый камень обнимал пространство со всех сторон. Длинные «пальцы» вечерних теней прочерчивали пространство гольца. Они словно указывали путь. Семен кинулся за ними, но едва успел затормозить... под обрывом расстилалось темнеющее небо. Белое облако лениво плыло где-то внизу, застя землю. В бессилии Семен сел на камни. Куда идти? Где этот перевал?

Гольцовая зона насмехалась над человеком, хищно оскалившись торчащими камнями. «Выходы горных пород», вспомнилось из школьного курса.

– Где же здесь выход?

Холод пробирал до костей, недавно горячие камни стали неприветливыми, ледяными.

– Надо идти, иначе конец, – сказал сам себе Семен.

За два дня холода и жажды передумал обо всем: то ругал себя за глупость, жажду урвать «кусочек на халяву», то жалел свою неприкаянную жизнь – но никогда его мысль не касалась запретной темы. Еще ребенком дал Семен себе слово, что забудет о тех, кто его бросил, оставил на произвол судьбы. И слово держал, как отрезал. Правда во сне иногда к нему приходила мама, гладила по голове и уходила… Семен не помнил черт ее лица, только тепло рук и тихий голос.

Вот и сейчас, когда ему уже было все равно, вдруг привиделась мама. И не размытый сном образ, а ясно высветилось лицо, будто на фотографии.

Собрал все жизненные крохи и держал родной образ, боялся его отпустить. Это было последнее, что связывало его с жестоким миром.

Показалось, что рядом кто-то легко дышит. Открыл глаза… Рядом с ним на каменистой грубой осыпи сидела мама. На ней легкий, струящийся халат. В кармане халата мама всегда приберегала для него, для Семушки, что-нибудь вкусненькое. Вот и сейчас она вынула пирог с вишней. Откусила кусочек, улыбнулась сыну и положила остатки на трещиноватый камень.

Стало обидно: мама же знает, что сын очень хочет есть… надул обиженно губы, хотел заплакать, но вспомнил, что он уже давно взрослый.

Мама погладила Семена по голове, стало тепло, тепло. Отступил холод, перестали болеть пальцы.

– Что же ты, Семушка, лежишь? – укоризненно спросила мама.

– Я больше никому не нужен, меня все бросили, – прошептал сын, снова хотелось заплакать.

– Твои братья и сестра ждут твоей помощи. Ты им нужен. Ты – капитан и должен защищать свою семью, – мама наклонилась и поцеловала. – Разве Семушка забыл обещание?

От прикосновения маминых губ у Семена стало согреваться тело. Душа, вернувшись на свое законное место, расковыряла боль в конечностях и возвестила: тело не умерло.

Заскрипев зубами, Семен подогнул колени, прижал руки к животу и, опершись на плечо, попробовал приподнять непослушное тело над землей, взгорбившейся от человеческих страданий. Камешки зашелестели под ним, словно приглашая покатиться с ними туда, где тепло и тихо.

Удержал тело, воткнув локти в склон, нащупал ногой опору. Потом, припав лбом к выветрелому другу-камню, вывернулся на колени, распрямился. Далеко вверх уходил серый склон. Ни кустика, ни травинки. Голым-голешенько. Только сквозной ветер тоненько воет да скачет по скалам.

Снял с себя вязаную шапку и шелковый шарф, обернул ими ладони, усилием воли оторвал одно колено от земли, поставил на негнущуюся стопу…

Подняться не смог. Уже был готов снова рухнуть на неприветливый склон, но увидел, как впереди легко идет мама.

Она почти порхает. Вот обернулась и призывно помахала ему.

– Поднимайся, я тебе покажу дорогу, – донес ветер слова.

Рывком выдернул себя из объятий притяжения, переставил ногу. Шаг, еще шаг…Под ногой «поплыл» склон. Еще секунда, и не удержаться в вертикальном состоянии. Носок туфля неожиданно зацепился за тот самый камень. Покрытый трещинами «друг» удержал, не подвел, не предал. Впереди маячила тонкая женская фигура. Она шла тихо, иногда останавливаясь, чтобы подождать, когда приблизится сын.

А он падал и снова поднимался, шел и полз из последних сил. Холодный воздух забивал легкие. Видел только светлое пятно, указующее ему путь в каменистой горной пустыне.

Дыхание давно превратилось в храп загнанной лошади.

Ощутил, что крутой склон стал плоским, словно на городском бульваре. Ноги не скользят. Огляделся… На небольшом пятаке высились пирамиды, столбы и столбики сложенные из камней. Ветер со свистом проскальзывал меж ними. Некоторые из них развалились то ли от ветра, то ли от времени.

Семен потрогал рукой невысокий столб: камни легко перемещались и не были спаяны меж собой. Похоже, их сложили люди. Зачем?

Привалившись к боку рукотворной пирамиды, отдыхал. Сесть не мог, знал – не встанет.

Неожиданно повалил густой снег. Он был такой белый и такой сияющий, что резанул по глазам, выбил слезы.

– Сынок, – окликнула его мама, – надо торопиться.

Она положила ладонь ему на грудь, словно отдавая свое тепло. Взяла за руку и потянула за собой.

Оторвался от приютившей «стенки», огонек светился рядом. Хлопья снега летели стеной, но огонек не гас… Шаги Семена становились все более короткими. Наступил предел человеческих возможностей. Сердце больше не в силах было работать…

Из снега вынырнула черная клякса, утробно захохотала: «Что, семя навозное, вот я тебя и раздавила».

Кувыркнулась на ветру, схватила тоненький огонек грязными ручищами и давай его мять, как тесто. Широко разинула зловонную пасть, чтобы кинуть в нее то, что для Семена было дороже всего: память.

Вскинулся в последнем порыве, грудью ударил по кляксе. Мерзко щерясь, зло попыталось столкнуть его в пропасть, но оступилось, выпустило огонек… Раздался шорох. Рядом с ногами Семена стал уходить снежный наст, будто кто черту провел.

Снег перестал идти так же неожиданно, как и начался. Белое облако, вывалившись на горы, беззаботно поплыло восвояси.

Открылось горячее солнце. Снеговая ослепительность умиротворила душу. Белый, легкий покров невесомо лежал на макушках валунов, будто те надели шапки набекрень. Подбоченились: вот мы какие молодцы.

«Ишь ты, дон-кихоты, рыцари без страха и упрека», – больно усмехнулся потрескавшимися губами парень.

Склон круто пошел вниз, значит, перевал остался позади. Семен обернулся: воздушные облака прикрыли вершину, и было непонятно, где он этот перевал. Вправо, влево и вниз расстилалась такая же гольцовая зона: холодная, каменистая, лишенная какой бы то ни было растительности. С вершины вниз стекал язык ледника. Виднелись расколы и разломы на его большом теле.

Силы были на исходе, и Семен, оступившись, упал. Осыпь покатила обездвиженное существо вниз. Царство холода, пустоты жестоко встретило пришельца.

Земля, прожив нелегкую жизнь, побывав в никому неведомых катаклизмах, покрылась множеством шрамов. Искореженные чувства маленькой планеты вскинули пласты горя ввысь, выломились, загородились горными грядами. Поседевшие вершины подняли головы к небесам и молились денно и нощно, вымаливая прощение за грехи, которых они не совершали. Гольцовые зоны охраняли их покой, давая возможность оставаться непокоренными и непокорными.

Солнце постепенно согревало Семена. Он слышал, как рядом капала вода. «Дзень… Дзень…» – пели капли.

«Предсмертные галюцинации», – проскочила в голове мысль. Хотелось вспомнить что-то хорошее, чтобы с этим уйти. Но вода не давала сосредоточиться. Открыть бы глаза, но видеть мрак гор, даже освещенный солнцем, не хотелось. В душе светил огонек.

«Дзень… Дзень…»

Захотелось пить. И так, чтобы вода – хрустальной чистоты, чтоб сквозь нее все камешки на дне видеть, чтобы заломило зубы…

С трудом разлепил воспаленные веки. Он лежал около края ледника. С подточенного солнечными лучами белого «зуба» капала вода: «Дзень… Дзень…» Белый исполин вблизи оказался плаксивым. Он исходил хрустально-чистыми слезами. Слезы падали на камешки, но не исчезали в щебенке, а собирались в тоненький ручеек, прерывающийся то там, то сям. Вот струйка обогнула голубой, как небо, трепетный цветочек. Крохотный стебелек счастливо тянул вверх лепестки.

Протянув к воде грязную, с оборванной кожей руку, Семен ощутил жжение. Терпкие капли падали на истерзанную плоть, смывали с нее грязь и боль душевную.

Набрал в горсть воды, жадно хлебнул, закашлялся от ледяного спазма. Стоя на коленях перед рождающимся потоком, Семен впервые за много лет зарыдал. Он был счастлив, что остался жив, что у него снова есть шанс, при этом сердце разрывалось от осознания потери семьи.

Сочувствуя человеку, горы эхом катили его рыдания по скалам.

Голец остался далеко позади. Тропинка становилась все утоптанней и шире. Наконец показалось первое жилье – юрта пастухов. Семен насторожился: кто его знает, что за люди здесь живут? Присел у бурного ручья в зарослях кустарников,

притаился. Хорошо, что ветер дул в его сторону, иначе бы человека быстро обнаружили собаки.

Откинулся полог входа, из юрты выскочил озорной черноволосый мальчуган лет пяти, окрик матери его приостановил.

– Салям алейкум, – раздалось над головой Семена.

Он вздрогнул, не поднимаясь, медленно повернул голову…

Над ним стоял старый киргиз.

– Зачем прячешься? – спросил старик. – Проходи в юрту, гостем будешь.

– Беглый я, дедушка, нельзя мне в дом.

– Нехорошо говоришь. Здесь никто не живет, только мы, когда отару сюда перегоняем. Тебя не обидим. Тебе кушать надо, а то заболеешь.

Думать Семен уже не мог, сделал попытку подняться и потерял сознание.

Поток воды был нескончаем, и Семен плыл, как рыба. Ему было легко и весело. Прозрачные струи ласково гладили по телу, перекатывали по спине. Нырнул на глубину и поразился, что может легко дышать, будто на суше. Дно оказалось гладким: песчинки лежали одна к другой так плотно, что сияли, как паркет. Сияли, потому что солнце насквозь прошивало поток.

Справа показалась стайка рыб, они напугались Семена и бросились врассыпную. Самый крохотный малек уставился на человека и смотрел, не моргнув. Затем, махнув плавником, позвал за собой. «Странный малек», – подумал Семен, но все-таки поплыл вслед за ним.

Поток становился все более бурным. Песчинки уже не могли лежать на дне, они кувыркались, спотыкались и неслись вслед за Семеном.

За поворотом струи воды скрутились жгутом, с силой ударили по берегу, расколов гору на две части. С одной стороны крутой берег занесен стволами деревьев, изрыт дождями. Кое-где виднелись растения. На противоположной стороне взору открывался мир чистоты и свежести. На обоих берегах стояла мама.

Купальщик вышел на чистый берег. Куда бы он ни глянул, везде зеленеющее море травы, цветочные луга. Со склонов горы текли светлые ручьи. Пошел к матери, но чем быстрее шел, тем быстрее она удалялась. Тревожно стало на душе. Он набрал в ладони воду из светлого ручья, поднес ко рту и… на него пахнуло затхлостью. Вода в ладонях стала черной болотной жижей. Пошел на лужок, чтобы отдохнуть после долгой дороги, но как только прилег, так трясина начала засасывать.

Бросился к матери, догнал ее: «Мама!» Она обернулась… Перед Семеном по берегу растеклась черная, безобразная клякса. Вот она ухватила его сердце, потянула за собой в душное, вонючее болото. Оттолкнул кляксу и кинулся бежать к потоку. Стал вскарабкиваться на другой берег, сорвался, но успел ухватиться за веточку. Оказалось, это не веточка, а мамина рука. Берег стал пологим, и там, где проходили они с мамой, вырастали цветы. Мама подвела к бурелому, повела рукой. Семен понял, что надо строить дом. Он работал остервенело, складывал деревья одно на другое, как стеновые панели башенный кран. Бревна на удивление хорошо и прочно складывались, из них получились крепкие стены, крыша и даже красивый балкон, где прямо на перилах росли любимые мамины фиалки.

Очень захотелось пить. Мама подошла к скале и растворилась в ней. Из трещин стал пробиваться тоненький ручеек. Хотел расширить русло, да понял, что пересохнет ручеек. Подставил руки, вода такая ледяная, что заломило ладони, оттуда боль перешла на локти, плечи…

Неожиданно в сознание вплыло девичье лицо: черные, как смоль, волосы заплетены в тугую косу, которая, спадая, лежит на его груди, но не давит, а греет. Из глухого пространства пришел мужской голос: «Надира, ты его не водой пои, а отваром».

И снова провал.

…Он маленький ребенок, черное болото вытянуло к нему свои корявые руки: «Ты, семя навозное, почему меня мамой не называешь? Я твоя мама». На коже остаются шрамы от когтей.

Испуганно кусает злобные пальцы, из них выныривает голая, бесстыдная баба, у которой в руках маленький кораблик с сияющими парусами. Баба хохочет, отрывает у кораблика мачты и паруса и забрасывает их в болото, а сама превращается в дорожный каток.

Каток догоняет бегущего Семушку, хочет раздавить. Вот уже за ногу задел. Еще секунда и затопчет железный молох ребенка. Вдруг кто-то выхватывает Семушку и уносит в убежище. Ему очень хочется увидеть маму, папу, Колю, Сережу и, конечно же, Машеньку, но в убежище нет окон, дверь не раскрывается. Через щели видно, как каток сшибает с ног всю его семью. Семушка вы-

рывается наружу, встает на пути зла, и огненная гиена проглатывает болото, голую бабу и затягивает его семью. Мальчик успевает схватить за руки сестру и братьев, но вытянуть их на свет божий не хватает силенок...

Сознание билось где-то между реальностью и видениями: молодой, здоровый организм сопротивлялся отчаявшемуся разуму. Еще неживший паренек метался между тусклыми воспоминаниями детства и отчаянием сиротства.

– Семушка, – позвал его светлый голос, – Семушка…

Над ним наклонилась мама и поцеловала в лоб, она так делала каждый вечер, когда укладывала его спать. Это было так давно.

– Спи, мой мальчик, я тебя очень люблю. Отдыхай, набирайся сил, а мы с папой будем рядом.

Она взяла за руку, погладила ласково и обернулась. За ее спиной, виновато улыбаясь, стоял отец.

– Прости меня, сынок. Нет мне покоя ни на небе, ни на земле. Останься жить – отпусти меня.

Семушка хотел рассердиться, но все было, как в детстве… Тело наливалось приятной тяжестью, дыхание выровнялось, до сознания долетел чужой голос: «Доктор, он умер?»

– Нет, Надира, этому парню еще жить да жить. Он просто уснул. А ты иди, погуляй, дай ему выспаться.

…В небольшое окно заглядывали робкие лучи света. Было непонятно: встает светило или отправляется на ночлег? По чистому до бесконечности стеклу деловито скользили ровные, словно женские ладони, листья.

«Яблоня», – подумалось Семену. Боясь оторвать от жизни взгляд, следил за неспешным колыханием зеленых крыльев дерева.

Ветка двигалась медленно, размеренно, и с каждым ее колыханием за окном становилось все светлее, будто она впускала свет маленькими дозами, чтобы не ослепить «новорожденного».

На одном из листьев засверкала капля росы, она медленно спускалась вниз к зубчатому краю. По дороге прихватила еще одну небольшую каплю, приблизилась к обрыву и… зависла. Вытянулась, будто заглядывая в окно, и вдруг озорно улыбнулась Семену. Сонно потянулась, затем оттолкнулась от приютившего листа и спрыгнула вниз.

«Дзень…», – услышал Семен, а, возможно, ему только пригрезилось все. Если сейчас закрыть глаза…

– Доброе утро!

Рядом с кроватью стояла чернокосая девушка. Смоляные брови стрелами разлетались над спелыми вишнями восточных глаз. Где-то он ее видел, но вспомнить не мог. Все в голове перемешалось.

– Меня зовут Надира.

Семен забыл все слова. Губы не слушались. Глаза хотели созерцать лишь движение листьев за окном. Искал взглядом росинку, потому что дико хотелось пить.

– П-пить, – прохрипел он и не узнал своего голоса.

Надира ловко приподняла, положила его голову к себе на колени…

– Н-нет, я сам.

Семен с трудом поднялся, сел на кровати. Голова закружилась, но он удержался. Дрожащей рукой принял пиалу с мутным напитком, вернул.

– Воды дай.

– Дедушка велел отваром поить, чтобы силы вернулись, – так твердо сказала девушка, что Семен подчинился.

Посидел, преодолевая немоготу, потом поднялся и, опираясь на хрупкое девичье плечо, вышел на свет божий.

За развесистыми яблонями сияли чистотой горы. Острые столбы земной тверди подпирали лазурный небосклон и ногами утопали в густом шлейфе раскидистых садов…

– Красиво, да? – прислушиваясь к его настроению, спросила Надира.

– Не знаю, – прохрипел Семен, внутренне содрогаясь от предчувствия вернувшихся воспоминаний.

– Просто ты еще не нашел себя... Все равно, красиво.

– Как я попал к вам?

– Сам пришел, а сюда тебя привезли на лошади.

– Давно?

– Нет. С неделю назад.

– Хорошо говоришь по-русски.

– У меня мама и бабушка русские.

Семен слов уже не слышал, он убрал с плеча девушки руку, сделал самостоятельный шаг – это оказалось несложно. Было больно и приятно ступать по земле босыми ногами.

– Хороший мужчина, настоящий, – услышал

голос за спиной, обернулся: по дорожке к дому шел старый киргиз.

Семен сделал еще несколько шагов, оперся о ветку яблони. Он понимал, что и деда, и внучку он уже где-то видел, но вспомнить не мог. В голове горел огонь, он перемежался с чернотой, и что-то сжимало когтистой лапой сердце.

– Тебе еще рано стоять на солнце, – сказал старик, – Надира, уведи гостя в дом.

– Не надо, – попросил Семен. – Здесь дышать легче.

– Наше солнце жгучее, не заметишь, как с ног свалит.

– Я под деревом сяду, здесь тень и воля.

Все это время Надира находилась рядом, как будто хлопотала по хозяйству.

Сад постепенно заполнился ослепительными лучами солнца. Вслед за ними пошли потоки зноя. И Семен их ощущал: и пушистую пустоту жары, и горячие потоки воздуха. Все было живым и податливым. Можно было подставить губы под горячий поток, вдохнуть глубоко и ощутить горячую радость жизни, втекающую в легкие.

От непонятных чувств защипало глаза. Семен обеими руками потер лицо, будто умывался солнцем. Сквозь налетевшую слезу в мареве дня вспыхнули белые-пребелые сияющие счастьем паруса. Тряхнул головой, испугавшись наваждения, снова глянул… За листьями яблонь светились снежные вершины гор.

Как часто во сне приплывал к нему этот корабль, на палубе которого стояли пять человек, все они смотрели ввысь, где среди белых парусов стоял счастливый маленький мальчик…

– Ты смелый мужчина, – подошел к нему старый киргиз, подавая Семену пиалу с чаем, – ты прошел черный перевал.

Мужчина с обветрелыми губами, с незажившими ранами рук и ног, с кровоточащим сердцем сидел на земле, привалившись спиной к стволу яблони. Словно шторм налетели воспоминания: и те, что гнал от себя, и те, которые воспринимались им, как бредовые видения воспаленного мозга. Слезы подступали к горлу, но Семен не имел на них права, он – мужчина. Он – капитан.

Старик и внучка уважительно молчали, казалось, даже ветер притих.

– Я думал, что никогда не позволю себе вспомнить, каких я кровей и какого роду племени, – тихо заговорил Семен. – Спасибо судьбе, позволила понять, что в жизни дороже всего. Оказалось, все очень просто: родной город, улица, где ты пацаненком бегал, семья, мама с папой, солнце, горы, гольцы, вот эта яблоня. Разве можно вычеркнуть все это из жизни, нарисовать себе другую судьбу, выбрать другую дорогу. Пыжился я, наделал много глупостей, а чего ради? Где смысл? Хотел и стал «крутым», богатым, но так и не стал счастливым.

Увидел сегодня росинку на листе и понял: вот он смысл. Маленькая капля и жила то всего одну ночь, а как она радовалась новому дню, даже исчезая, кому-то подарила жизнь: может быть, напоила семя, и из него вырастет новое дерево, цветок. Семя… Семечко…

Я в семье был самым маленьким, и все назвали меня Семечкой, Семушкой, а я хотел быть капитаном дальнего плавания Семеном Русановым.

Семен говорил негромко, ни к кому не обращаясь. Было похоже, что повествование он ведет лично для себя. Может быть, ему хотелось вспомнить свою жизнь всю до капли, а может быть, просто излить боль души.

Мерный шелест листьев, слова, покрытые болезненной хрипотцой, нарушали тишину человеческого пространства. Курилась над садом история отдельно взятой человеческой жизни, слова смешивались с дымом очага и улетали в сторону гольцов, чтобы осесть там, очиститься.

– Я помню, что у нас дома было весело, отец всегда что-то мастерил. Помню мамины глаза и руки. Машеньку и Сережу почти не помню, они где-то учились, и отец говорил о том, что я тоже пойду учиться на капитана, как Сережа. В садик меня водил старший брат Коля. Он мне казался таким большим…

Но однажды отец привез Тину-Болотину. Она была большая, черная, и я ее боялся. Хотелось, чтобы ее больше не было. Я рисовал ее, а потом зачеркивал черным карандашом, но она не исчезала.

Когда мамы не стало, отец женился на Болотине, а она порвала мамину фотографию и мой корабль с белыми парусами. Там на палубе стояли мама, отец, Коля, Сережа и Машенька. Это моя семья, и я не смог их защитить.

…Семен глубоко вздохнул, запрокинул голову. Небеса потеряли голубизну, стали седыми и грустными. Только две белых параллельных линии – след самолета – нелепо пересекали их печаль.

– Хорошо помню холодное окно большого серого дома. За окном уходят отец и Болотина. Отец часто оглядывается на окно, Болотина его

дергает за рукав и тащит за собой. А я стою за шторкой и плачу.

Много позже я понял, что меня отец сдал в интернат для психов. Там была воспитательница Вероника Андреевна, со светлыми, как у мамы, волосами. Она меня сильно жалела и часто забирала к себе домой. Я ее спрашивал, почему ко мне никто не приезжает, Вероника Андреевна плакала, гладила меня по голове.

Потом меня перевели в детский дом, и я потерял Веронику Андреевну. Я решил, что меня покинули все, кого я любил, и стал строить планы мести. Думал: как только вырасту – отомщу всем и очень жестоко. Книгу про жизнь графа Монте-Кристо зачитал до дыр. Даже во сне мог рассказать ее наизусть. Очень жалел, что у меня нет таких богатств, как у Монте-Кристо. Много раз сбегал из детского дома, меня ловили, наказывали, но я в любую минуту мог дать деру.

Я грезил тем, как ищу свою семью, и месть моя была кровавой. Наверное, так бы и случилось. В шестнадцать лет нас вытолкнули из детского дома. Кому мы были нужны? Кругом перестройка, все развалилось. Сунули нам в руки деньги, и иди куда хочешь.

А идти некуда. Нет дома, нет семьи. Учили нас тапочки шить в детдоме, но кому нужны эти тапочки? Поехал я домой, а там чужие люди в квартире. Соседи рассказали, что мой отец умер, Коля сидит в тюрьме, а про Машу и Сережу никто после смерти мамы не слышал. И про Болотину много чего рассказали. Вышел я на улицу, сел на лавочку у подъезда, и такая пустота на меня накатила.

Но не зря же я в бега уходил из детдома, понюхал жизнь подвалов вдоволь, потому и не пропал. Уехал в столицу нашей Родины, уж там затеряться есть где и заняться есть чем. Сколотил подходящую компанию никому ненужных. Нашелся добрый дяденька Бобс, пообещал нам горы золотые, за простые поездки. Едешь, куда скажут, везешь пакет. Ты пакет, тебе – деньги. Что в пакете, нам знать не надо было. Просто, тупо везешь. Правда, мы догадывались, что возим наркоту. Я продержался дольше всех, сказалась бурная беговая молодость. И очень уж мне хотелось стать богатым, как Монте-Кристо.

Скопил денег, купил квартиру в маленьком городке. Это было мое логово. Бобс о ней не знал. Здесь я строил планы, как отомстить мачехе, которая разрушила мою жизнь. Узнал, что у нее на побережье свое кафе. Нашел подельников, чтобы пустить ее добро по ветру. Только Бог не дал возможности стать злодеем. Когда мы приехали, кафе уже полыхало. Смотрел я на пламя, и не было во мне радости. Понял где-то у себя внутри, что нельзя оставаться белым, идя по пепелищу.

Поездки по заданию становились все более опасными. Чисто случайно услышал разговор Бобса с одним мужиком. Оказалось, что за каждый пакет наркоты Бобс выкраивал бешеные бабки, а нам бросал копейки, словно псам подачки. Я решил, что мое время настало, и хотел прокрутить партию, через знакомых... Волчья стая Бобса меня обложила на той стороне гор. Уйти удалось чудом.

Сколько бы я еще метался по белу свету, но гольцы меня остановили. Вначале мне казалось, что горы враждебны и жаждут моей погибели. Но они слишком чисты для злодейства. Здесь в гольцах, я понял, что Монте-Кристо был несчастен в своей жестокости, он мстил себе. Разве он понял, на какие мучения пошла семья, что пережили люди, его любящие? Он, как и я, был ослеплен обидой.

Мы не вправе решать чужие судьбы, но можем защитить родных от зла.

…Семен говорил, и сам себе не верил: где он брал такие слова, откуда у него, вчерашнего братка, мысли старика. Еще неделю назад шел по головам, не замечая этого. Главным было – сумма баксов, а что для этого надо сделать – безразлично.

Надира сидела напротив и, не мигая, смотрела на него, в спелых вишнях ее глаз отражались снеговые вершины и южное чистое небо.

– Ты видел мачеху после пожара? – спросила она.

– Нет. Много позже я узнал, что она исчезла. Все бросила и испарилась. Правда были слухи, что она сгорела вместе с кафешкой. Но я там был, вытаскивал девчонок-работниц, никого в помещениях не оставалось. Наверное, испугалась, что будут мстить и дальше.

– Ты все-таки хочешь отомстить?

Семен, чтобы протолкнуть слова, застрявшие в горле, хлебнул остывший чай. Он и сам не знал, чего хочет, что будет делать. Чувствовал только, что стал каким-то другим.

– Сегодня я не знаю даже, кто я. Знаю только, что жить буду по-другому, как меня отец с матерью учили. Правда, я ничего совсем не помню, в памяти осталось только, как я рисовал кора-

блик с сияющими парусами и как в парке всей семьей гуляли.

– Оставайся у нас, – предложил старый киргиз, – горы тебя вылечат.

– Спасибо, отец, я твой должник, но мне мать с отцом наказали, найти свою семью.

ЭПИЛОГ

По заснеженному сибирскому городу летела озорная метель. Она тонко пела меж домов, озорно подхватывала снежинки и бросала их в прохожих. На секунду замирала, будто говорила: «Все, больше не играю с вами…» Подождав, когда белые, холодные посланники облаков перестанут крутиться в ее кудлатых космах и начнут тихо ложиться на землю, метель вырывалась из укрытия, надувала щеки и дула из всей силы. Из-за этого дуновения снежные потоки выгибались дугой, и тогда казалось, что вдоль по улице развеваются белые паруса. Они надуваются ветром все сильнее и бегут, бегут вдаль…

Молодая пара стояла у вагонного окна, ожидая полной остановки состава. Женщина, кутаясь в шубку, прижималась к спутнику.

– Холодно у вас тут, – сказала она.

– Это еще не холодно, а так – разминка зимы, – улыбался мужчина, заглядывая ей в глаза. – После Нового года будет действительно холодно. Если хочешь, мы вернемся к деду…

– Я привыкну…

В спелых вишнях восточных глаз женщины отражались вокзал сибирского города, толпа встречающих и белые снеговые паруса.

– Волнуешься? – спросила спутница.

– Еще как, даже руки трясутся.

Он встряхнулся так, будто замерз, потому что ехал навстречу неизвестности. Как его встретит семья? Что он им скажет? Возможно, он им просто не нужен…

Локомотив тихо остановил состав. Метель разгулялась не на шутку, так и норовит сорвать шапки, сбить с ног тех, кто был на перроне. Подхватив женщину под руку, молодой человек глубоко вздохнул, словно перед прыжком в реку, и они двинулись к выходу.

Осторожно ступая по высоким ступенькам, пара спустилась на утоптанный снеговой перрон. Вокруг крутится толпа обнимающихся людей. Кто-то выгружает громадные баулы с товаром.

Тревожно оглядываясь, мужчина с силой сжимал руку спутницы.

– Может быть, ну его, да вернемся, – спросил он, – столько лет прошло. Да и не увидел я никого из… моих.

– Нехорошо думаешь про родных, деду это не понравилось бы…

– Семен, – это ты? – раздалось за спиной.

Из-за кучи чьих-то баулов вышел высокий, слегка сутулый мужчина. Он сдернул норковую шапку с головы, и ветер с удовольствием трепал русые волосы, забивая их белым снегом. Глаза мужчины смотрели просящее и тревожно.

– К-коля?.. Коля!..

Два родных человека стиснули друг друга в объятьях.

На них обрушилась целая толпа людей. Они бежали с обеих сторон состава, обнимали Семена и кричали… кричали…

– Сема… Семушка… Семенушка… Ты меня узнаешь?.. А меня?.. А мы вас уже час ждем, а поезд опаздывает, и вас все нет и нет… Встречающих много, вот мы и разбежались вдоль состава, чтобы не упустить вас.

У Семена кружилась голова, а слезы текли сами собой.

– Ребята, – хрипел он от волнения, – познакомьтесь – это моя жена Надира.

Встречающих было очень много: мужчины, женщины, дети. Они торопились представиться, сообщить: кто кому и кем приходится. Шли шумно и весело через вокзал, вокзальную площадь. Еще шумнее стало, когда начали рассаживаться по машинам. Всем хотелось усадить Семена и Надиру в свой автомобиль. Никому не хотелось ни на минуту расстаться с дорогими гостями.

– Да, Николай, – смеялся слегка располневший Сергей, – теперь ты Семушку на шею не посадишь, сомнет.

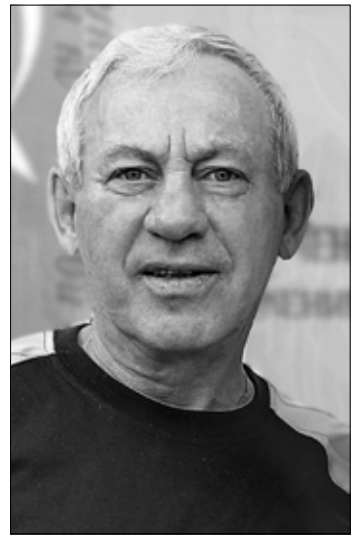
– Это точно, вырос паренек наш… Зато можем померяться силой. Слабо победить брата? Сейчас я его в сугроб суну, нашего южного гостя.

– Надюшенька, – смеялась Мария, – не слушайте их, баламутов. Это они от радости. – Потом посерьезнела: – Мы же Семушку искали много лет. Чего только нам не наговорили… А тут такая радость…

Метель вдруг стихла, будто ее и не было. Из-за тучи вынырнул диск солнца и повис на макушке голубой ели.

– Новый год наступил, – закричал мальчишечка лет пяти, – смотрите, солнышко на елке светится.

– Это к добру!



Александр РАЕВСКИЙ

НЕ ХОТЕЛ БЫ, НО НИКНУ В ПЕЧАЛИ…

* * *

Сирень цвела, и девки плакали,
И луг под росами блестел...
А за стеной, под грустной лампою,
Я за компьютером сидел.

На мониторе буквы мёртвые
Слипались в мертвые слова...
Не принимает текстов чёртовых
Моя дурная голова!

Припомню времечко застойное,
На переломных рубежах, –
Мне ничего тогда не стоило
Всё в голове своей держать.

Мне ничего совсем не стоило
К природе душу подключить,
Попасть в любовную историю,
В стакане жало помочить,

Скатать туман в сырую простыньку,
Берёзки в рифмы заплести
И ручкой шариковой простенькой
В тетрадь всё это занести.

Пускай писал корявым почерком,
Пусть вкривь и вкось строка вилась,
Зато наглядны муки творчества,
Зато видна живая связь.

А тут нажал – и всё готовое,
И хоть до Марса посылай
О том, как выли девки клёвые,
Как за окном сирень цвела…

Нет, не моё. Отщёлкну лампу я,
Компьютер махом отрублю,
Найду девчат, и чтоб не плакали,
Не виртуально полюблю.

* * *

Видел я, как в моём захолустье,
Тормознув, где ромашек побеги,
Гладкий хам – джип залётный «Land Kruizer»
Дико ржал над скелетом телеги.

Ну, дурак! Невдомёк, что на тризне,
Что хозяин его духом нищий,
Что он сам, перепроданный трижды,
Проржавеет от крыши до днища,

Что потом средь железного хлама
Вверх колёсами будет валяться,
И над ним молодёжь – автохамы
Будут так же глумливо смеяться...

РАЕВСКИЙ Александр Дмитриевич *родился в 1951 году в селе Алабуга Каргитского района Новосибирской области. Служил в армии. Окончил Новокузнецкий пединститут. Служил в пожарной охране МВД, капитан в отставке.*

Автор нескольких книг стихов. Лауреат премии журнала «Наш современник» за 2003 год. Член союза писателей России. Живет в Новокузнецке.

* * *

Потихоньку, видать, умираю,
Так путём повзрослеть не успев.
Помаленьку в суму собираю
Строчки, жизненный свой неуспех –
Вот и всё. Время вехи сметает,
До меня сколько сдохло эпох…
Ничего на земле не оставил,
Только горести рваный сапог.
И рубли, и враги, и карьера –
Мне теперь до далёкой звезды;
На душе только зябкая вера,
Да туманные в сердце сады.
Не хотел бы, но никну в печали:
Нас, наивных – сияя вдали –
Жизнь возвысит мечтами вначале,
Серым пеплом к концу приземлит.
Свою молодость я проворонил,
Не пожил, всё чего-то прождал…
Неужели меня похоронят,
Я исчезну – всерьёз, навсегда?
Жёлтым листиком в вечность влипая,
Каждый тихий, задумчивый день
Так покорно судьба утопает
В свято-синей небесной воде…

* * *

Молодая мама своему сыночку,
Сидя у окошка, под синиц свистки,
Вышивала в полдень синюю сорочку –
В крестик чёрно-белые цветки.

Лишь всего два цвета (ниток было мало),
Только в два рядочка стёжка пролегла,
Только на сорочке, но хотела мама,
Чтоб в цветах вся доля у него была.

С трёх икон святые молча наблюдали.
Над шитьём витала лёгкая рука.
За окном сияли голубые дали,
Зеленели травы, плыли облака…

Дорогая мама, как ты угадала.
В стороне далёкой после, без тебя,
Вышилась сыночку (ниток было мало)
В крестик чёрно-белая судьба.

* * *

Луч осенний – прощальный, не резкий,
В низких тучах блеснёт невзначай,
Обнажая полей, перелесков
Жёлто-палевую печаль…

Стукнет выстрел за дальним болотом,
Хлипкий, лишний в безмолвье тугом;
Свет церковной сползёт позолотой –
Снова тускло и низко кругом.

Не могу, не могу в сонном доме
Тихо маяться сущностью всей,
По стерне побегу, околдован,
В след за ниткой последних гусей…

Ну, должно же быть что-то такое,
Там, за далью седой без границ,
Что влечёт лучезарным покоем,
Что так манит застуженных птиц.

Побегу я с расхристанной грудью,
Хоть пора уже, смертному, знать,
Что на этой земле многотрудной
Мне мечты – как и стай – не догнать...

НЕУКЛЮЖЕЕ ПОДРАЖАНИЕ ПЕСЕННОМУ НАРОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ

Топорок, топрок за ремешком у Мити,
Он пошёл во лесок берёзушку срубити.

Ну, а я, ну а я там ягоды сбирала,
Повстречала вдруг его – голос потеряла.

«Много ль ягод набрала?» – ласково спросил он,
Ну а я, ну а я трепещу осинкой…

«Ты куда меня повёл?» – вздрогнула до жути.
«А пойдём во глубь кущёй, что-то покажу те».

Так мы шли, так мы шли, под берёзкой сели.
Он мне что-то показал – ноженьки сомлели…

…Дотемна от всех людей прятал нас лесочек…
Потерял, потерял Митя топорочек.

Потерял инструмент с новым топорищем.
С той поры каждый день ходим туда… ищем.

Любовь СКОРИК

БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Антиутопия

…Итак, подводя итоги нашей большой изыскательской работы, можно сделать следующие выводы.

Человечество на рубеже XX и XXI веков находилось на очень низком уровне развития. Об этом свидетельствует множество фактов. Вот – главные из них:

– сверхкороткий срок существования проживающих в те времена;

– неумение организовать себе комфортное существование. Весь непродолжительный срок своей жизни наши предки вынуждены были постоянно бороться с разного рода трудностями;

– неспособность древних людей взять под контроль окружающую их природу. Они целиком зависели и часто страдали от её аномалий;

– весьма краткий список зн**а**чимых свершений в науке и технике, достигнутых в тот исторический период.

Всё это входит в явное противоречие с возможностями, которыми человечество в те времена обладало. Наши научные исследования достоверно подтверждают довольно высокий умственный уровень жителей Земли того времени. Достаточно вспомнить, что практически все сегодняшние успехи человечества на рубеже XXII и XXIII веков основаны на научных и технических изысканиях людей изучаемого нами периода.

Очевидно, в те далёкие времена имелась некая глобальная принципиально важная причина, препятствующая быстрому продвижению человечества вперёд. Определению тормоза на пути прогресса и посвящено данное исследование.

Логичнее всего было бы предоставить возможность назвать эту причину-препятствие самим исследуемым. Надо отметить, что наши предки были чрезвычайно озабочены тем, чтобы оставить о себе память. Не имея ещё тогда в достаточной степени доступа к электронным носителям, они вкладывали информацию о себе в громоздкие, зачастую нелепые вещественные знаки: так называемые «памятники», «картины», «кинофильмы», «книги». Необходимо дать краткие пояснения, расшифровать эти древние, нам абсолютно неведомые понятия.

Памятник – это объёмное изображение древнего человека, высеченное из камня или же вылепленное из какого-либо пластичного материала (глины, алебастра и т.д.). Устанавливались памятники, как правило, на центральных площадях городов, в местах погребения или в специальных хранилищах – *музеях*. Часто они являлись объектами поклонения для наших малообразованных предков.

Картина – это плоское изображение сцены из жизни древнего человека, сделанное с помощью красок на доске, ткани или бумаге.

СКОРИК Любовь Трофимовна *(1938-2012). Родилась на Украине, однако считает себя сибирячкой. Выросла и училась в школе в городе Минусинске Красноярского края. Окончила филологический факультет Томского государственного университета. Ещё студенткой начала журналистскую деятельность. Работала радио– и тележурналистом в Томске и Кемерове. Много путешествовала по стране и миру (побывала более чем в 30 странах). Любимый жанр – рассказ. Несколько её книг изданы в Кузбассе и столице. Член Союза писателей России. Жила в Кемерове.*

Кинофильм – то же самое, что картина, только изображение в нём – движущееся. Для его воспроизведения были необходимы: специальная плёнка, на которую он был нанесён, и громоздкая аппаратура. Просмотры кинофильмов являлись одной из главных забав наших предков.

Книга – информация, нанесённая на бумагу при помощи условных знаков-»букв». Зачастую информация эта была искажённой, не соответствующей действительности, так как создавались книги людьми с извращённым восприятием окружающей жизни – так называемыми *«писателями»*. В изучаемый нами период книга была у наших предков чрезвычайно популярна. Её употребление, то есть усвоение заложенного в ней, требовало некоторого напряжения умственных способностей людей и, следовательно, способствовало их развитию. В XXI веке книга вытеснена движущимися картинками на домашнем экране (так называемым *«телевидением»*).

В перечисленные выше объекты закладывалась достаточно обширная, хотя и примитивная информация о жизни на нашей планете в означенный период. И, конечно, разумно было бы использовать эту информацию в нашем исследовании. Однако, во время Большой Чистки, проведённой нами на Земле, всё это старьё, захламляющее планету, было уничтожено, а различного рода хранилища (так называемые *«музеи», «картинные галереи», «архивы»*) упразднены. По этой причине названный выше, самый рациональный ход исследования стал невозможен.

Правда, с тех времён сохранилась некоторая электронная информация, однако она чрезвычайно скудна. Дело в том, что, хотя компьютер тогда уже был изобретён, его возможности наши предки использовали весьма ограниченно. Это – один из множества парадоксов их жизни. А то малое, что всё же дошло до нашего времени, как правило, очень специфично. В основном это – так называемые «художественные», то есть вымышленные тексты, в частности – *«стихи»*.

Так обозначали наши предки совершенно особый вид своей речи (другое название – *«поэзия»*). Основная характерная особенность стихов – ритмичность. В произнесении они по ритму согласовывались с дыханием человека и биением его сердца. Вероятно, этим можно объяснить их уникальное, загадочное воздействие на человеческий организм. Стихи было легко произносить – так же естественно, как дышать. Большинство из них обладали ещё одной особенностью: отдельные стихотворные фразы (строки) имели в окончании созвучия (рифмы). Это делало стихи текстами ещё более специфическими, легко произносимыми и быстро запоминающимися.

Сочиняли стихи (то есть были их авторами) особая категория наших предков – так называемые *«поэты»*. Их родословная восходила к специфическому разряду первобытных людей. Когда человечество только ещё начинало свою жизнь на нашей планете, уже тогда кроме охотников, гончаров, земледельцев (то есть тех, кто работал) были также шаманы, волхвы, заклинатели. Они наивно пытались особым набором слов унять ветер или вызвать дождь, заманить в ловушку мамонта или изгнать из человека болезнь, приманить к себе удачу или наслать на врагов беду.

Постепенно, по мере того как человечество умнело, строй «повелителей слов» редел. Однако совсем не исчезал. Место волшебников, колдунов, чародеев занимали поэты. Их главным орудием тоже было слово. Только обращали они его уже не к силам природы, не к хищникам или болезням, а к окружающим людям – своим соплеменникам. Стихотворцы неустанно совершенствовали свою поэтическую речь, стремясь усилить её воздействие на людей. Зачастую это им удавалось весьма. Самые обычные, заурядные слова настоящий поэт умел расставить так, что в них появлялся новый, ранее скрытый смысл. В стихах они начинали звучать совершенно иначе.

Поэтический текст действовал на окружающих поразительно интенсивно. Причём результат этого воздействия был абсолютно непредсказуем. Стихи как бы брали в плен, подчиняли и отдельных людей, и толпу. Они могли до чрезвычайности возбудить или же, напротив, предельно успокоить. Нередко именно поэт становился выразителем своей эпохи, её символом. Стихи лучших авторов наши предки бережно передавали из поколения в поколение. Имена некоторых поэтов пережили многие столетия и (вот парадокс!) оказались долговечнее имён своих поистине выдающихся современников – первооткрывателей тайн природы, изобретателей, учёных.

Бесспорно, поэты были людьми не вполне нормальными, во многом отличными от своих соплеменников. Что-то в их механизме восприятия окружающей действительности было явно нарушено. И, на первый взгляд, не вполне логично брать столь аномальные объекты в качестве источника информации для наших чрезвычайно важных исследований. Однако это своеобразие, осо-

бенность поэтов, помимо множества отрицательных аспектов их поведения, содержит один, безусловно нас очень устраивающий. Дело в том, что эта категория наших предков отличалась своей крайней открытостью. Они были лишены способности что-либо скрывать, держать в тайне. Любая информация, даже самого интимного характера, непременно извергалась из них наружу. А это, бесспорно, делает их для нас в качестве источника информации чрезвычайно привлекательными.

Кроме обычного прочтения стихов популярным было особое их воспроизведение – так называемое *«пение»*. Один человек или сразу несколько начинали произносить поэтический текст очень странным образом: во весь голос, непрерывно, без пауз между словами, как бы соединяя их в одно большое слово. Это напоминало завывание ветра или животного. Стихи, исполненные подобным образом, назывались *«песнями».* Весьма странна их популярность у наших предков. Даже те из них, кто был равнодушен к стихам как таковым, как правило, не могли устоять против песен. Пели практически все.

Этим и объясняется выбор объекта нашего исследования – песни наших предков. Мы уверены, что именно в песнях заложен максимум информации о жизни их создателей. Они оптимально помогут нам ответить на наш главный вопрос: в чём причина столь медленного прогресса человечества в изучаемую нами эпоху?

Удачей можно считать то, что до нас дошла компьютерная дискета сборника «Русские песни и романсы» (*романс* – это особый вид песни). Сборник датирован началом XXI века. Однако среди его авторов – немало поэтов, живших значительно раньше означенного времени. Как показали наши изыскания, таковыми являются, например, Тютчев, Пушкин, Кольцов, Лермонтов, Фет, Некрасов, Толстой. Если их тексты были востребованы спустя 100–200 лет, значит, какие-то установки у наших предков сохранялись незыблемыми. Что-то их постоянно объединяло. Что же именно? И не в этом ли кроется ответ на поставленный нами вопрос?

Одно можно утверждать определённо: это «нечто» абсолютно утрачено нынешним человечеством. Иначе мы до сих пор находились бы на столь же низком уровне развития, не совершили бы мощного рывка в своём прогрессе и не добились бы современного абсолютного комфорта нашей жизни. Поскольку, как отмечалось выше, поэтические тексты наиболее открыты и искренни, именно по ним ст**о**ит определять и уровень развития наших далёких предков, и их главные отличительные черты от современного, высоко развитого человека. Итак, приступим к анализу.

Процесс этот неожиданно оказался делом чрезвычайно сложным. Стихи – тексты не простые. Они, как правило, невразумительны, нечётки по мысли, лишены логики. Кроме того, они в изобилии содержат понятия устаревшие, навсегда оставшиеся в тех давних временах, нам неведомые. Много времени и сил пришлось тратить на их расшифровку. В большинстве своём те оказались обозначениями предметов и понятий необязательных, а нередко – просто ненужных и даже мешающих нормальной жизни людей и потому упразднённых человечеством на более высокой ступени своего движения вперёд.

Прежде всего мы попытались понять, с какой же целью, зачем отдельные особи наших предков – так называемые «поэты» – вдруг переходили с нормального человеческого языка на этот особый, «поэтический»? Что заставляло их соплеменников тут же подхватывать эти странные тексты («стихи»), то и дело произносить их вслух, передавать своим потомкам и тем более уподобляясь животным, начинать подвывать, то есть «петь» эти тексты. Мы искали хоть какой-то практический смысл в этих действиях. И – не находили. Это – один из парадоксов жизни наших предков.

Однако при всей бесполезности этого продукта, его создатели упрямо утверждали обратное:

Песня всё нам заменяет,
Песнями вся жизнь красна,
И при песнях пролетает
Вольной птицею она.

Особенно несостоятельным становится это утверждение, когда поэт переходит от общих положений к своему личному состоянию:

Голова моя кружилась,
Когда песню слушал я,
И от песни сердце билось
Так тревожно у меня.

О какой же пользе можно говорить, если восприятие песни нарушает нормальный ритм работы главного человеческого органа? Ведь «тревожно» – это аномально. Больше того: авторы не отрицают явного вреда, наносимого песней человеку:

Ах, зачем у песни надо мною власть?
От неё на сердце – то тоска, то страсть.

Подробно о чуждых нам понятиях: «тоска, страсть» – речь пойдёт ниже. Здесь лишь ограничимся замечанием, что всё это оказывало крайне вредное воздействие на человеческий организм. Кстати, намного ли он изменился, этот организм, за минувшие три столетия? Надо сказать, нет, он остался почти тем же. Впрочем, некоторые отличия всё же отметить можно. По сравнению с нами у наших предков была слишком маленькая голова. И понятно: мозгов в ней находился минимум. Там даже не имелось индивидуального биокомпьютера. Этим и объясняется их чрезвычайно низкие умственные способности. Однако наши исследования говорят о том, что во внешности людей изучаемого нами периода имелись некоторые детали, которые у нас отсутствуют.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьётся алая лента игриво
*В **волосах** твоих, чёрных, как ночь.*

Волосы – сплошной нитевидный покров головы, который имелся у наших предков. Это – атавизм, оставшийся из доисторических времён, когда ещё полулюди-полузвери были сплошь покрыты шерстью. Волосы имели различную длину, цвет и качество. Они доставляли немало неудобств их владельцам, требовали постоянного тщательного ухода. Женщинам часто приходилось их укладывать определённым образом (сооружать *«причёски»*) или закручивать в так называемые *«косы»*.

И подушка её горяча,
И горяч упоительный сон,
И, чернеясь, бегут по плечам
***Косы** лентой с обеих сторон.*

Иногда волосы были не гладкими, прямыми, а волнистыми и даже изогнутыми наподобие спирали или колец. Тогда они назывались *«локоны»*, *«кудри»* и почему-то были предпочтительнее прямых волос.

Мне не надобны наряды
И богатства всей земли –
***Кудри** молодца и взгляды*
Сердце бедное зажгли.

Кроме волос в облике древнего человека присутствовала ещё одна деталь, которой у нас нет.

Лучше всех моя краса:
До колен её коса.
Словно синяя роса –
Её глазок бирюза,
И как чистые снега –
*Её **зубок жемчуга**.*

«*Зубок жемчуга*» – это поэтическое обозначение необходимых в те времена примитивных приспособлений, имеющихся у каждого живущего тогда. *Зубы* – мелкие костяные наросты во рту древних людей. Они служили для размягчения твёрдого органического горючего (так называемой *«пищи»*), восстанавливающего затраченную энергию и таким образом поддерживающего жизнь человека.

Неумение организовать рациональную комфортную самозаправку – должно быть, самый яркий показатель крайне низкого уровня развития человечества изучаемого нами периода. Процесс получения органического горючего (пищи) был сложным, трудоёмким и временезатратным. Долго и трудно изготавливались для его производства необходимые компоненты («продукты»). Частично они добывались на охоте и рыбалке (так называлось убийство зверей, птиц и рыбы), что было опасно и вело к оскудению земной фауны. Частично они выращивались на земле, что было процессом чрезвычайно тяжёлым, грязным и не всегда успешным (результат во многом зависел от погоды, которой человек тогда не управлял).

Не просто было сохранять продукты. Для этого требовалось большое количество различного рода хранилищ. Настоящим испытанием становилось само приготовление пищи. Кроме определённых ингредиентов были необходимы соответствующие условия: наличие огня или электричества, специальное оборудование (печи, жаровни, кипятильники и т.п.). Невозможно было обойтись без специальных ёмкостей (посуды) и особых орудий для приёма горючего внутрь (так называемых ложек, вилок, ножей и т. д.).

Главное же – требовалось умение, масса времени и сил. Приготовление пищи велось, как правило, индивидуально и по крайней мере трижды в сутки. Некоторые особи женского пола (этим занимались в основном они) проводили у печей большую часть своего времени, по сути отдавая этому варварскому делу всю свою жизнь. Если же учесть весь длительный процесс

добычи и приготовления горючего, то можно сказать: люди тогда заправлялись (ели), чтобы жить, а жили – чтобы готовить себе горючее (пищу) и заправляться им (т.е. есть).

Кроме наличия волос и зубов, других значительных различий во внешнем облике людей столь отдалённых эпох нами не выявлено. Не отмечено и каких-либо важных отличий в устройстве их и наших внутренних органов. Это – наши современные и вполне достоверные данные. Однако сами древние считали иначе. Они полагали в себе наличие некоего органа, который называли *«душой»*. Нам не удалось определить, где (по мнению предков) располагался этот орган, как он выглядел, какую функцию выполнял. Можно предположить, что неведомой нам душе ими отводилась весьма существенная роль. Иначе не упоминалась бы так часто в их поэзии.

Гляжу как безумный на чёрную шаль,
*И хладную **душу** терзает печаль.*

Упоминание этого таинственного органа встречается в большинстве песен и романсов наших предков.

Уймитесь, волнения страсти!
Засни, безнадежное сердце!
Я плачу, я стражду –
***Душа** истомилась в разлуке.*

По всей вероятности, душа, по представлениям древних, выполняла различные предназначения. Порой её упоминание следует в положительном контексте, с явным знаком «плюс»:

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь –
И то же в вас очарованье,
*И та ж в **душе моей любовь!***

В некоторых случаях довольно сложно определить, с каким знаком употреблено это понятие.

Я вас любил… Любовь ещё, быть может,
***В душе** моей угасла не совсем.*
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.

Однако чаще всего, судя по нашим источникам, душа становилась средоточием негативных воздействий на человека.

Я всё ещё его, безумная, люблю!
*При имени его **душа моя трепещет,***
Тоска по-прежнему сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой невольно блещет.

Констатируя очень низкий общий уровень развития человечества в изучаемый нами исторический период, мы тем не менее вынуждены признать, что в некоторых вопросах наши далёкие предки проявили отдельные относительные достижения. Так, например, понятие «душа» они наделили качествами отнюдь не примитивного, а достаточно сложного органа, воспринимающего различные воздействия на человека.

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной –
Моей души коснулась ты.
Она тревожна, как листы,
*Она, как гусли, **многострунна.***

Следует отметить, что заблуждение по поводу наличия в человеке души было широко распространённым. Об этом свидетельствуют найденные нами многочисленные старинные словари. В языке тех времён существовало множество слов, образованных от понятия «душа»: душевный, душеспасительный, душераздирающий, душенька, душегуб, душегрейка и т. д.

По дошедшим до нас сведениям, количество органов чувств у нас и наших далёких предков совпадает. Однако восприятие окружающего мира древним человеком нередко заставляет усомниться в этом и подозревать наличие у наших далёких пра-прадедов кроме зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса ещё одного, неведомого нам способа восприятия действительности. Все явления природы, предметы окружающего мира, а также животные и люди подразделялись ими на *«красивых»* (положительная характеристика, высшая степень – «прекрасно») и на *«некрасивых»* (отрицательная характеристика, крайняя степень – «безобразно, отвратительно»).

Трудно сказать, по какому критерию относили наши предки что-то или кого-то к той или противоположной категории. Причём определение «красивый» или, напротив, «некрасивый» было чрезвычайно важным для них, зачастую являлось определяющим в отношении к объекту или субъекту. Притягательным, желанным было только охарактеризованное как красивое.

По этому принципу воспринимались и явления природы.

А реченька та быстрая всегда в одной красе:
Водою серебристою подобная росе.

Против всякой логики порою даже те из явлений природы, что приносили всяческие неудобства, могли восприниматься крайне положительно: «Люблю грозу в начале мая… Мороз и солнце – день чудесный… Пусть сильнее грянет буря!»

Нередко наши предки соотносили себя, своё состояние с тем, насколько красива, по их представлениям, была окружающая природа. Почему-то им это было важно.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом…
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чём?..

Так же абсолютно нелогично они воспринимали и все окружающие их предметы. Например, растения оценивали не с точки зрения их пользы для себя, а по этому странному признаку – наличию или отсутствию у них красоты.

*Мила мне **роза** лишь такая,*
Что с румяною зарёй
Ранним утром расцветая,
Пленяет яркой красотой.

Что касается людей, то их оценка практически всецело зависела от этого критерия. Это и определяло отношение к человеку.

Душе настало пробужденье,
*И вот опять **явилась ты,***
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

Для людей, наделённых этим странным качеством – красотой в полной мере, существовали даже специальные определения. *«Красавица»* – так называли подобную женщину.

*Не пой, **красавица**, при мне*
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальний.

Мужчину, отвечающему этим требованиям, называли *«красавцем»*.

Я взглянула – встрепенулася душой:
*Это он, **красавец**-барин молодой!*
Тот же голос и огонь в его глазах,
Только много седины в его власах.

К сожалению, понятие красоты, красивого так и остаётся для нас неразгаданной тайной. Наверное, наши предки действительно имели ещё один *о*рган восприятия мира, со временем утраченный людьми. Впрочем, если на пути вперёд он отмер за ненадобностью, значит был несущественным, возможно даже мешающим воспринимать окружающее чётко, без лишних, отвлекающих характеристик.

Однако при явной нелепости деления всего вокруг на красивое и некрасивое, а также утверждение о наличии какой-то эфемерной души, это ещё было не самым абсурдным в перечне жизненных постулатов наших предков изучаемого периода. По крайней мере, ни то, ни другое из этих заблуждений не мешало повседневной жизни человека. Другое дело – так называемые *«чувства»*, или *«переживания»*, они же – *«эмоции»*. Их было множество, и каждое выводило человека из обычного нормального состояния, погружая в паталогически-неестественное, извращённое, болезненно-аномальное. Их крайне негативное влияние на все стороны человеческой жизнедеятельности неоспоримо. Хотя нередко им ошибочно приписывалось, напротив, очень сильное положительное воздействие на человека.

*Столько **чувства** в той песне унылой,*
*Столько **чувства** в напеве родном,*
Что в душе моей хладной, остылой
Разгорелося сердце огнём.

Пока нами не разгадан механизм воздействия чувств на организм древних людей. Возможно, причиной являлись вредоносные бактерии или же какие-то сокрушительные излучения. Но, так или иначе, наши предки были абсолютно беззащитны от их пагубного влияния. Нахлынувшее чувство могло мгновенно разбалансировать всю систему человеческого организма – либо затормозив его работу, либо, напротив, лихорадочно ускорив. Но и в том, и в другом случае последствия воздействия эмоций оказывались крайне негативными. Главное – они как бы парализовали человеческий разум, закабаляли человека, делая его своим рабом. Судя по изучаемому нами источнику, чувства постоянно атаковали древнего человека. Точное их количество нами не определено, однако можно предположить их наличие во множестве.

При общем негативном воздействии чувств на человека, всё же наши предки подразделяли их на положительные и отрицательные. К первой категории относили *радость, любовь, нежность, счастье* и другие. Эти состояния, хоть и выбивали человека из нормального процесса жизнедеятельности, всё же не снижали жизненного тонуса, в отличие от отрицательных эмоций (*печаль, страх, ненависть, зависть, ревность, обида* и т. д.).

Следует отметить, что любые чувства, к какой бы категории их ни отнесли, – и те, и другие подчиняли себе человека, ограничивали его в действиях. В жизни древних от эмоций зависело практически всё – ведь именно они диктовали жизненную программу каждого.

Чрезвычайно сложные для нашего понимания вообще, понятия чувств, введённые в стихи, как правило, становятся абсолютно непостижимыми. Зачастую невозможно определить, какой знак – плюс либо минус – ставит автор перед тем или иным захлестнувшим его чувством. Нередко эти эмоции тесно переплетены в один тугой клубок.

Вы – огонь, вы – пламя страсти,
В вас – магическая власть,
Вы – любовь, моё несчастье,
Вы – блаженство, вы – напасть.

Итак, попытаемся, насколько позволяют нам источники, проанализировать эту – самую большую аномалию жизни наших далёких предков – их чувства. Начнём с тех, что, по их классификации относились к категории положительных.

Он говорил мне: «Будь ты моею,
И стану жить я, страстью сгорая!»
Прелесть улыбки, нега во взоре
Мне обещали ***радости*** *рая.*

Радость – полное удовлетворение от чего-то. Возникала при соответствии ожидаемого и полученного. Самая простая из положительных эмоций. Считалось, что она максимально способствовала оптимальному функционированию человеческого организма. Однако убеждение это – явно ошибочно. Достаточно сослаться на внешние проявления этого чувства. Возникшая в человеке радость, как правило, непроизвольно вызывала сокращение мышц лица, его искажение. Губы раздвигались в стороны, глаза сужались, в них появлялся неестественный блеск. Эта гримаса называлась *«улыбкой»*. Как ни странно, она воспринималась нашими прадедами положительно.

И с надеждой робкой, зыбкой
Он глядит в её глаза:
На устах её – ***улыбка****,*
И прошла в душе гроза.

Однако улыбка была лишь первой фазой внешнего проявления радости. Дальше, как правило, следовал так называемый *«смех»*. Он был для человеческого организма ещё более неестествен, а зачастую даже мучителен. Изо рта смеющегося человека непроизвольно вырывались бессистемные громкие звуки. При этом нарушалась ритмичность дыхания, нередко его перехватывало, тело судорожно содрогалось, лицо искажалось гримасой. И сам смеющийся, и окружающие ощущали дискомфорт. Нередко смех как бы заражал тех, кто находился рядом. И снова – парадокс: смех воспринимался со знаком «плюс» и даже воспевался поэтами.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А ***смех*** *твой, и грустный, и звонкий,*
С тех пор ***в моём сердце звучит.***

Впрочем, иногда изучаемые нами источники дают повод утверждать, что в отдельных случаях чей-то смех мог доставить другому большие неудобства.

Смейся, смейся громче всех,
Милое создание.
Для тебя – весёлый смех,
Для меня – страдание.

И всё же смех ещё не был кульминацией проявления радости. Апогеем являлся так называемый *«хохот»*, когда смех достигал своей наивысшей степени, становясь процессом неуправляемым и даже болезненным. Это явление аналогично тому, когда из недр перегруженного механизма вырывается металлический гул, дребезжание деталей, наблюдается тряска. Очевидно, что ни работу машины, ни состояние человеческого организма в режиме перенапряжения (если даже его назвать положительным) – нормальным, а тем более оптимальным – считать нельзя.

Сухими, жёсткими словами
Терзала сердце мне порой,
И ***хохотала*** *над слезами,*
И издевалась надо мной.

Высшей степенью радости, её апогеем являлось «*счастье*». Так обозначалось состояние, когда наш предок получал максимум возможного не в чём-то конкретном, а буквально во всём. Как показывают наши исследования, подобное случалось крайне редко.

Однажды счастье в жизни этой
Вкушаем мы, вкушаем мы,
Святым огнём любви согреты,
Оживлены, оживлены.

Счастье, насколько мы поняли, – это не просто одно из чувств, а сложный их комплекс. Это, скорее всего, состояние человека, целиком наполненного лишь положительными эмоциями. Судя по всему, подобное в жизни наших предков случалось чрезвычайно редко и мало кто из них мог назвать себя счастливым. Как правило, это состояние бывало краткосрочным, а после лишь ненадолго воскрешалось в памяти.

*Я **счастье прошлое благословляю**,*
О если бы мечты мои сбылись!
Ведь я люблю тебя, люблю и проклинаю.
О дай, о дай мне снова жизнь – вернись!

Чаще всего состояние полного счастья длилось буквально мгновения и перемежалось с погружением в отрицательные эмоции.

И в эти минуты любви и разлуки
*Мы прожили много **и счастья, и муки.***

Итак, состояние счастья и радости в жизни наших далёких предков случалось весьма редко. Вероятно, этим обстоятельством объясняется наличие у них суррогата этих чувств. Стремясь вновь пережить знакомые положительные эмоции, древние внушали себе (часто необоснованно), что впереди их ждут ещё более сильные и яркие переживания. В своём воображении они рисовали лишённые реальной почвы фрагменты грядущей жизни, называя их *«мечтами» или «грёзами»*.

Под луной расцвели голубые цветы,
*Они в сердце моём пробудили **мечты**.*

Порою кому-то из наших предков становилась ясна несостоятельность, несбыточность этих нереальных планов. Однако же вовсе от них они отказаться не могли.

О, позабудь былые увлеченья,
Уйди, не верь обману красоты,
Не разжигай минувшие мученья,
Не воскрешай уснувшие мечты!

При столь узком спектре положительных эмоций в жизни наших предков отрицательных чувств имелось в изобилии. Чувства, полярные радости, – *горе, грусть, печаль, тоска, страдание*. Подобная отрицательная настроенность организма наблюдалась в моменты, когда наш прадед, по его мнению, недополучал чего-то в жизни или же терял что-то важное из имеющегося.

При общей отрицательной установке, чувства этой категории, тем не менее, значительно разнились между собой, имели свою индивидуальную окрашенность. Это – целый спектр эмоций. Грусть, печаль, тоска – чувства однотипные. Они характеризуют внутренний настрой человека на отрицательное, ущербное. Могли быть вызваны мыслями о чём-то тёмном, неприятном или же – ожиданием потери. Они разнились друг от друга только своей интенсивностью.

Грусть – лёгкая окрашенность восприятия действительности в пасмурные тона.

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его –
*Скучно, **грустно**, дорогая,*
Жить одной мне без него.

Печаль – чувство чуть глубже грусти, сильнее.

Не уезжай ты, мой голубчик!
***Печальна** жизнь мне без тебя.*
Дай на прощанье обещанье,
Что не забудешь ты меня.

Следует отметить, что чувства были сугубо индивидуальными. И нередко два человека, находящиеся рядом, в одних и тех же условиях, пребывали в диаметрально противоположных эмоциях.

За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе…
Мне грустно... потому что весело тебе.

Тоска – чувство более интенсивное, чем грусть и печаль. В палитре человеческих эмоций окрашена в более мрачные тона.

Только пыль лишь разостлалась
Вдоль по следу ямщика.
Песнь умолкла, но осталась
На душе моей ***тоска.***

Близка к тоске, почти равнозначна ей по интенсивности и глубине переживаний – *мука*.

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, *сетую…*
Допой же мне, договори
Ты песню недопетую.

Разумеется, вполне естественно стремление наших предков освободиться от бремени этих негативных чувств.

Ехали на тройке с бубенцами,
А вдали мелькали огоньки…
Эх, когда бы мне теперь – за вами,
Душу бы развеять от тоски.

Страдание, горе – это уже очень сильные чувства, по-настоящему глубокие, настраивающие человеческий организм на сугубо ущербный лад. Как правило, были связаны с потерей чего-то или кого-то дорогого, близкого.

Ах, зачем эта ночь так была хороша!
Не болела бы грудь, ***не страдала б душа.***

Зачастую страдания соотносили с сердцем или душой человека.

О, если б мог выразить в звуке
Всю силу страданий моих –
В душе моей стихли бы муки
И ропот сомненья затих.

Отрицательные эмоции доставляли нашим предкам немало неудобств, разбалансировали нормальную функцию их организма. И, по закону действия-противодействия, это не могло не вызывать у них ответной реакции, в частности – соответствующих эмоций. Одной из них была *ненависть*. Это – сильнейшее, острейшее чувство неприятия чего-то или кого-то, желание произвести по отношению к виновнику ответную соответствующую акцию.

Мне ***ненавидеть*** *бы вас надо*
За то, что муки я терплю…
Я погубить порой вас рада,
Но я вас всё-таки люблю!

Другое ответное чувство было совсем иного характера. Его называли *«презрением»*. Это – одно из самых труднообъяснимых эмоциональных состояний древних.

Вам не понять моей печали,
Когда в очах, вам дорогих,
Холодности вы не читали,
Презренья *не видали в них.*

Ненависть и презрение – это два диаметрально противоположных отношения к человеку. Ненавидеть – наивысшая степень неприятия, резко отрицательная настроенность по отношению к кому-то, полное от него отторжение. Презирать – означало также отрицательное отношение. Однако в этом понятии был заключён совсем иной смысл. Если ненавидеть можно того, кого порой оцениваешь достаточно высоко, то презирать – значит ценить кого-то предельно низко, демонстративно не замечать. И хотя по своей силе презрение уступало ненависти, нашими предками оно зачастую воспринималось более остро и болезненно. Здесь вступала в действие так называемая *«обида»* – осознание того, что тебя ценят очень низко.

Отрицательные эмоции, так же как и положительные, непременно получали своё отражение во внешнем облике наших предков. Чаще всего это были *«слёзы», «плач»*.

Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман –
Слёзы *горькие льёт молодец*
На свой бархатный кафтан.

Плакать – значило выделять из глаз капли солёной влаги (так называемые «слёзы»). Иногда этот процесс был довольно обильным. Он сопровождался искажением лицевых мышц, что вело к значительному изменению внешности человека. Порою плач бывал сверхинтенсивным, начинал сопровождаться бесконтрольным судорожным сотрясением тела и громкими, непроизвольными, невразумительными воплями. Это означало сильнейшую, наивысшую степень плача и называлось *«рыданием»*.

О, сколько, сколько раз вечернею порою
В запущенном саду, на каменной скамье

***Рыдала** я, забытая тобою,*
О милом, дорогом, о розах, о весне.

Приведённые выше примеры наглядно демонстрируют, в какой рабской зависимости находились наши предки от этих неведомых нам «чувств». Именно эмоции руководили поведением людей того времени, заставляя зачастую совершать поступки абсурдные и вредные. Следует отметить, что некоторым из них хватало разума на то, чтобы осознать вредоносность переполнявших их организм переживаний.

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унёс его вдаль.

Однако это вполне естественное стремление сбросить с себя путы чувств было в те времена неосуществимо. Освобождение от них пришло лишь спустя два столетия, когда был открыт ген эмоций и наконец-то навсегда удалён из человеческого организма. А в те далёкие времена человек был вынужден непрестанно жить под тяжким бременем своих переживаний.

Этот длинный и сложный перечень эмоций, о которых шла речь выше, при всём их разнообразии и силе, блёкнет перед одним-единственным чувством, о котором пойдёт речь ниже. *«Любовь»* – самое загадочное, парадоксальное и труднопостижимое из чувств, которые переполняли наших предков. Главный её парадокс заключался в том, что она невозможна была в абсолютном одиночестве. Чтобы она возникла, необходим был ещё один человек, то есть – её объект. На первый взгляд, казалось бы, именно её, любви, было легко избежать (не общайся с этим объектом – и только). Однако же изучаемые нами источники свидетельствуют об обратном. Судя по дошедшим до нас стихам, именно любовь занимала главенствующее место в жизни древнего человека. Наши далёкие предки не только не старались избежать её, но всячески стремились к ней, «мечтали» о ней.

Не было ни одного поэта, который бы не слагал стихов о любви. Нам не удалось вывести её исчерпывающей формулы. Её характеристики крайне неоднозначны. Всякий раз она выступает в новом облике. Зачастую её чрезвычайно трудно узнать, причём даже в стихах одного и того же автора. Именно стихи о любви больше всего полны парадоксов и противоречий. И начинаются эти противоречия с её определения.

Любовь – она не связана,
Она, как птица, гордая.
***Любовь** бывает разная –*
И сладкая, и горькая.

«И сладкая, и горькая»! Так с каким же знаком это чувство – плюс или минус? Впрочем, кажется, на этот вопрос однозначно ответить невозможно. Порою поэт рисует прямо-таки идиллическую картину.

В том саду, где мы с вами встретились,
Ваш любимый куст хризантем расцвёл.
И в моей груди расцвело тогда
Чувство яркое нежной любви.

Иногда в эту идиллию проникают интонации неблагополучия, близкой катастрофы. Обычно они появляются со словами: «ушёл, покинул, забыл».

Зажгли вы вновь во мне любовь,
***Ушли и не вернулись вновь**,*
Но слово нежное «люблю»
Я не забуду никогда.

«Зажгли любовь» – уже одно это словосочетание вызывает отрицательную ассоциацию. Значит, любовь – болезнь? По всей вероятности – да. По крайней мере, умственные расстройства она явно вызывала. Причём сами авторы это осознавали.

*Я люблю тебя, **без ума люблю!***
О тебе одной думы думаю,
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка.

*Я всё ещё его, **безумная, люблю!***
При имени его душа моя трепещет.
Тоска по-прежнему сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой невольно блещет.

Часто поэты сравнивают постигшее их чувство любви если не с болезнью, то со стихией.

Когда-нибудь, коль не теперь,
Придёт любовь, чтоб стать судьбою,
Придёт, как ливень, как метель,
Всё заслонив вокруг собою.

Зачастую это чувство, предполагающее отношения двоих, «загоралось» лишь в одном. Это была самая нежелательная, однако часто встречающаяся ситуация – так называемая *«безответная» любовь*.

Теперь и сам не рад, что встретил,
Что вся душа полна тобой…
Зачем, зачем на белом свете
Есть ***безответная любовь?!***

Как выясняется, бывали случаи, когда в любовном процессе происходил какой-то сбой и один из влюблённых неожиданно менял объект своего чувства.

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в чёрные.
Те были нежные такие,
А эти – непокорные.

Случались совсем уж абсурдные ситуации. Автор стихов сам не мог определить: влюблён он или нет.

И грустно я так засыпаю,
И в грёзах неведомых сплю…
Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

Однако изучаемые нами источники свидетельствуют о том, что существовала и «ответная» любовь, которую называли *«счастливой»*.

Помнятся летние ночи весёлые,
Нежные ночи приветные,
Очи лазурные, рученьки белые,
Ласки любви бесконечные.

Не уходи, побудь со мною!
Я так давно тебя люблю.
Тебя я лаской огневою
И обожгу, и утомлю.

Наивысшую степень любви, её самое сильное проявление наши предки называли *«страстью»*. То уже была настоящая стихия. Но и это, совершенно аномальное, состояние человека древние поэты тоже воспевали в своих стихах.

Не уходи, побудь со мною,
***Пылает страсть** в моей груди.*
Восторг любви нас ждёт с тобою…
Не уходи, не уходи!

Выражением любви служили, прежде всего особые – *«нежные, ласковые» слова*. Они способствовали установлению более тесных контактов с объектом чувства.

День и ночь роняет сердце ласку,
День и ночь кружится голова,
День и ночь взволнованною ***сказкой***
Мне звучат твои слова.

Внешним же проявлением взаимного чувства служили чрезвычайно странные действия влюблённых – так называемые *«объятия» и «поцелуи»*. Обняться – значило предельно тесно прижаться друг к другу, обхватив руками. Во время поцелуя влюблённые ещё и соединяли губы, замерев в этом положении на какое-то время. Это действие было не только странным, но и чрезвычайно негигиеничным. Тем не менее и этот абсурд был воспет в стихах древних поэтов.

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Ещё раз поскорей
Поцелуй горячей!

В этой шали я с ним повстречалась,
И любимой меня он назвал.
Я стыдливо лицо закрывала,
А он нежно меня целовал.

Говоря о любви, нельзя не сказать ещё об одном чувстве, тесно примыкающем к ней. *«Ревность»* – ещё более загадочна и труднопостижима. Если любовь возникала на взаимном (или невзаимном) притяжении двоих, то в ревности – уже более сложная математика. Здесь были необходимы, по крайней мере, трое, и схема их взаимодействия – более замысловата. Всё основывалось на странном физическом явлении: одновременном притяжении двоих к одному, третьему. И когда эта взаимосвязь устанавливалась, начиналось самое загадочное и труднообъяснимое: интенсивное отторжение этих двоих (так называемых *«соперников»*) друг от друга. Почему-то каждому из них было необходимо получить расположение третьего лица *(любимого или любимой)* и не допустить такого же отношения объекта своей любви к сопернику. Возникал

треугольник, в котором всем троим было дискомфортно. Это и была ревность.

Вам не понять моей печали,
Когда вы ***ревности*** *вулкан*
В своей груди не ощущали
И не тревожил вас обман.

Часто отношения внутри образовавшегося треугольника накалялись предельно, становились взрывоопасными, катастрофическими.

Как сон, неотступный и грозный,
Мне снится соперник счастливый,
И тайно, и злобно ***кипящая ревность пылает,***
И тайно, и злобно оружия ищет рука.

Между соперниками начиналась яростная непримиримая борьба. Это противоборство бывало настолько беспощадным, что нередко заканчивалось гибелью одного или обоих соперников.

Долго бились они на крутом берегу –
Не хотел уступить он красотку врагу.

Порою в этой борьбе уничтожался и третий в этом любовном треугольнике – сам объект их притяжения.

Ты невестой своей полюбуйся поди –
Она в сакле моей спит с кинжалом в груди.

Весь этот процесс взаимодействия троих был совершенно противоестественным. Его невозможно объяснить никакими существующими законами взаимосвязи предметов в природе. Впрочем, и все так называемые «чувства» наших предков (а любовь и ревность – в особенности) не подчинялись никаким законам природы. Они были противоестественны и абсурдны. И тем не менее наши прадеды упорно держались за них, не желая от них избавиться. Больше того – их поэты воспевали эти чувства в своих стихах, особенно – любовь.

Покуда дней златых весна,
Отрадой нам – любовь одна.
Друзья, любите, вновь и вновь:
Земного счастья верх – любовь!

Тема любви в стихах наших предков тесно связана с другой – *дети*. В изучаемый нами исторический период человечество уже умело изготавливать детей искусственно, в лаборатории. Однако, судя по дошедшим до нас источникам, люди тогда всё же почему-то предпочитали производить детей естественным путём. В отличие от нас, древние чрезвычайно дорожили своими детёнышами, придавая факту их существования какое-то особое, загадочное значение. Зачастую именно в детях видели древние главный смысл своей жизни, её цель и ценность.

И даже в нашей старости себя мы веселим:
Младость вспоминаючи, ***на детей глядим.***

Подобное отношение к детям в то далёкое время, как и в любое другое, абсолютно нелогично и абсурдно. Какой в этом смысл? Ведь дети – не ветки на дереве, они вырастут и без родителей.

Нельзя сказать, что наши прадеды не понимали этого. Ведь именно в наследство от них достались нам лаборатории по искусственному производству детей. А от их детских домов и интернатов – наши спецпитомники по выращиванию потомства. Разумеется, люди в те времена не могли не понимать, что их культ детей лишён всякого разумного смысла. Не случайно уже тогда была начата решительная борьба с ним: нередко родители переставали дорожить своими детьми, а то и вовсе отказывались от них. Однако, как и во всём другом, наши предки оказались непоследовательны и не довели начатого до конца. По крайней мере, их песни, посвящённые детям (чаще всего – «колыбельные», усыпляющие) полны нелепых «ласковых» обращений: дитятко прекрасное, свет мой ясный, птенчик любимый и т. п. Готовя своего ребёнка во взрослую жизнь, мать стремилась и в будущем сохранить с ним тесную связь.

Отправляясь в путь опасный,
Помни мать свою…
Спи, ***младенец мой прекрасный,***
Баюшки-баю.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Наши предки, жившие три столетия назад, находились на очень низкой ступени развития, хотя у них имелись значительные предпосылки для стремительного продвижения вперёд по пути цивилизации. Главным сдерживающим фактором было наличие в каждом из них *гена эмоций*, вследствие чего *чувства преобладали над разумом*. Это, бесспорно, отвлекало, рассеивало внимание, нарушало логику мысли и как результат – уводило от решения насущных жизненных проблем.

Начать хотя бы с того, что они не умели управлять природой и всецело зависели от неё, терпя от этого колоссальные проблемы.

А как люди тогда передвигались! На уровне доисторических первобытных своих сородичей. Затрачивая собственную мышечную энергию, поочерёдно переставляли ноги. Шли прямо по земле, даже если она бывала неровной, мокрой и грязной. Их различного рода механизмы для передвижения были нелепы – громоздки, оглушительны и удушающи. Преобразовывать свою биологическую энергию в механическую наши предки не умели. Биолёта ещё не знали.

Даже собственное горючее – эту самую их «пищу» им приходилось производить беспрестанно, в тяжких трудах. Сколько тратили они на это времени, сил, энергии! По сути только тем и занимались: ели, чтобы жить, и жили, чтобы добывать еду и заправляться ею, т.е. – есть.

Но главное – человек тогда жил под вечным нервным гнётом. В любую минуту, на каждом шагу он должен был самостоятельно ориентироваться, отвечать на массу вопросов, от которых зависела его жизнь. Накопленные человечеством знания не служили ему опорой: они не были ещё сконцентрированы в одном месте, как сейчас. Это мы теперь привыкли к тому, что нас неустанно и надёжно опекает Общий Разум. Мы свыклись с неусыпным Менторским надзором. Не изводим себя на каждом шагу раздумьями: куда повернуть, каким образом преодолеть препятствие, как поступить – Менторский голос всегда подскажет нам самое рациональное и надёжное решение. А наши бедные предки были лишены такой комфортной жизни, им всё приходилось решать самим.

И от всего-то они, неразумные, зависели: от милостей природы, урожая, удачи на охоте, от работы – своей и соплеменников, и ещё от многого. Не жизнь, а вечная борьба за неё. И главное – никакой свободы! Как только они выживали?!

А виною всему – всего-навсего – *их эмоции*. Их было множество. Они подстерегали человека на каждом шагу, беспощадно атаковали его, брали в плен, порабощали. Свои основные силы человечество тратило на борьбу с ними, а не на решение насущных задач.

Нам, не знакомым с эмоциями, невозможно по-настоящему понять, что это такое, постичь необъяснимую их силу и власть над своим хозяином. Впрочем, это ещё большой вопрос: кто был хозяином – сам человек или же его чувства?

Итак, заканчивая свою исследовательскую работу, несмотря на тщательно изученный обширный материал, доставшийся нам от предков, мы всё же не можем достоверно ответить на поставленный нами вопрос. Следует честно констатировать, что эта задача невыполнима.

Учитывая исключительную важность и сложность данного изыскания, исходя из интересов Большой науки, имея в виду заранее полученное разрешение Главного Менторского Центра, принимаю решение временно, до окончания данной работы, ввести себе ген эмоций из фондов Генерального Научного Управления. Уверена, что исследователю необходимо на собственном опыте проверить эффект его воздействия на человеческий организм. Только опытным путём может быть получен достоверный ответ на поставленный нами вопрос: действительно ли влияние чувств на поведение человека так велико и неодолимо? Верно ли наше предположение, что, только решительно избавившись от эмоций, человечество смогло наконец сделать грандиозный рывок вперёд по пути прогресса и цивилизации?

Итак, операция позади. Она оказалась не такой уж сложной и вовсе безболезненной. Впрочем, неожиданно пришлось пережить одно испытание. Врач-мужчина, будто забыв, что я-то – женщина, беззастенчиво шарил по моему телу взглядом и руками. Стыдно было ужасно! Других неудобств не наблюдалось. Введённый мне незнакомый ген никак не ощущаю, хотя всё время помню о нём, постоянно на эту тему размышляю.

Ну вот я и шагнула на три столетия назад, стала совсем такой же, как некая моя прапрабабка в каком-нибудь непостижимом двухтысячном году. Быть может, в моём возрасте она сочиняла стихи, волновалась, влюблялась и совершала ещё всякие безрассудства. Как жаль, что я ничего этого не умею! А может быть, теперь-то и смогу? Ведь я же отныне, как и она, совсем беззащитна перед первопричиной этого – таинственными коварными эмоциями. Впрочем, в их силу я нисколько не верю. Хотя, конечно, эксперимент проведу до конца. А сейчас – в путь! Пора домой: ведь сегодня у меня будет гость. Включаю свой биолёт. Взлетаю.

Да, а вот моя-то прабабка тогда биолёта не имела. Это ей бы пришлось сейчас идти собственными слабыми ножками, да ещё и – по мокрой, грязной земле. Сегодня же в окружающей природе – дождь. А предки наши не умели даже раздвинуть тучи, организовать себе хорошую погоду. Вот как, к примеру, здесь сейчас: кругом по

горизонту – непроглядная хмарь, а над городом – чёткий квадрат голубого неба. Ничто не мешает мне пар*и*ть рядом с птицами. Так бы и летала, летала… Впрочем, стоп! Чем-то мой личный Ментор недоволен. В чём дело?

– Особь Ж-12-37! Вы отклонились от заданного курса. Река не входит в схему вашего движения.

– Да при чём тут схема? Мне просто захотелось поглядеть на реку при закате.

– Это нецелесообразно, так как удлиняет ваш путь.

– Отстань ты со своей целесообразностью! Хочется мне к реке, понимаешь? Вот будто магнитом притягивает. Не мешай!

– Вы ведёте себя очень странно.

– Находишь? Да нет, это – не я, а она, река. Ой, что это с ней?! Что здесь произошло? Как всё изменилось!

– Вы ошибаетесь: всё – как обычно. Никаких изменений не наблюдается.

– Как это «никаких изменений»? Да здесь же всё иначе! Ничего не узнать! Ослеп ты, что ли? А откуда здесь этот резвый игривый поток расплавленного золота?

– Это всего лишь заходящее солнце, как всегда, отражается в речной воде.

– Кто укрыл берега пёстрым радужным ковром?

– Ничего необычного. Начало лета – время активного цветения растений. А цветы имеют различную окраску. Вот и всё.

– А что за воздух здесь сегодня? Он прямотаки густой от ароматов, посвиста, свиристения.

– Всё очень просто: в природе – время брачного периода, и птицы…

– Замолчи! Прекрати свои дурацкие комментарии! Не мешай мне наслаждаться! Это надо же быть слепым, глухим и замороженным, чтобы не понимать, как тут сегодня всё-всё иначе! Да не было, не было здесь никогда так дивно, так волшебно. Это же – просто чудо, сказка какая-то! Всё – такое лучистое, новорождённое и очень живое, весёлое – каждая песчинка, любая травинка… Ой, да это же – рифма!

Как нежно поглаживает река берега, как она причмокивает полусонно, усыпляет, завораживает. Толща воды глазу совсем неприметна, будто и нет её вовсе – так она чиста и прозрачна. Ой, а вон на самом дне озорной родничок так забавно извергает свои фонтанчики! Бурлит, шаловливо кувыркается, воронкой взвихривая водичку над собой. Не выпускает из плена сорванный листочек, и тот блуждающим корабликом всё кружит, кружит по замкнутому заколдованному кольцу.

А солнышко-то за день, видать, утомилось – смотрит полусонно, вполнакала. Лениво вынимает из реки последние свои лучики, стряхивает с них росу на травку и по-кошачьи поджимает под себя – на ночь устраивается. А, так вот, оказывается, где прячутся звёздочки днём! Мерцают в воде украдкой и легонько позванивают, перекликаются. В стайки собираются, скоро – снова на небо, по своим местам. Ишь, а там, на повороте, куст к с*а*мой реке приник, в чистой воде свои ветки полощет. Похож на женщину с длинными зелёными волосами… Нет, совсем не то, не так! Разве всё, что творится вокруг, передашь обычными словами? Какие-то они блеклые, тусклые. Здесь нужны стихи. Ах, как жаль, что я не умею сочинять стихов! Но ведь есть же те, что написал кто-то давным-давно, может быть, моя прабабка:

Погляди, посмотри, как чудесно
Убран звёздами купол небесный,
Как мечтательно смотрит луна
И какая вокруг тишина.

И всё же – что за великая загадка поселилась сегодня здесь? Почему всё так круто изменилось? Ведь глаз не оторвать! Что-то невидимое, неосязаемое разлито вокруг и сладко дурманит, карусельно кружа. Как-то совсем непривычно, ново. Хотя, действительно, кардинально ничего не изменилось. А всё – по-другому. Что-то появилось. Но – что? Что?!

А, может… Вполне вероятно… Ну, конечно! Да, да! Это же она – Красота! Она, она!

Ворвалась. Омыла. Покорила. В груди что-то ссохшееся, заскорузлое пробуждается, расправляется, оживает. И я точно знаю: это – она, моя душа. Скомканная, слежавшаяся, почти уже умершая…

– Эй ты, Ментор-всезнайка! Ну-ка скажи: где у человека его душа, а?

– Такой *о*рган у людей отсутствует. Для него в человеческом организме нет места. К тому же, поскольку все необходимые для жизни функции уже выполняют другие органы, этот был бы явным излишеством.

– Эх ты, знаток! Сам ты – сплошное излишество! Ах-ха-ха!

– Как понять эти непривычные звуки и странную гримасу на вашем лице?

– Простого смеха не понимаешь? А ещё нас берёшься поучать!

– Особь Ж-12-37! Вы нерационально используете время. Эта незапланированная остановка у реки абсолютно нецелесообразна.

– Да ты глянь – красотища-то какая! Ведь глаз не оторвать.

– Ваш ответ невразумителен, как и некоторые другие фразы в этом разговоре. Вам надлежит срочно обратиться в Контроль-центр для проверки. У вас наблюдаются явные сбои в системе мыслительного аппарата.

– И не подумаю! Сам проверяйся.

– В таком случае придётся мне сигнализировать туда. Ваша адекватность вызывает некоторые сомнения.

– А ябедничать – нехорошо, просто мерзко!

– Ответ не понят.

– Да чего от тебя ещё-то ждать?

– Ещё раз рекомендую немедленно обратиться в Контроль-центр. Кроме того, напоминаю: вам следует ускоренными темпами продвигаться к месту вашего обитания. У вас сегодня по графику – встреча с особью мужского пола М-91-13. Цель встречи – создание образцовой заготовки будущего человека для заселения вновь открытой планеты номер 932 в созвездии 147-прим.

– Тише ты! Чего орёшь-то на весь белый свет! Без тебя знаю, для чего встреча. А вот за напоминание – спасибо. Мне с Тринадцатым очень хочется встретиться. Итак, в путь!..

– Дорогой! Ну, наконец-то! Я так ждала тебя!

– Ждала? Но я прибыл на полторы минуты раньше назначенного срока.

– Да что мне эти назначенные сроки! Я всегда тебя жду. Без тебя мне так грустно, милый!

– «Милый» – что это значит?

– Это значит, что ты – мой единственный, желанный, самый красивый на свете. Ты – мой любимый!

– Странно: я не понимаю, о чём ты говоришь. Это язык какой планеты?

– Язык моего сердца, родной!

– Очень странно! О такой планете я даже никогда не слышал. Из какого она созвездия?

– Из созвездия Влюблённой души, мой любимый!

– Нет, не знаю. Наверное, открыта совсем недавно. Впрочем, это не важно. Давай займёмся делом, ради которого встретились.

– Подожди, милый! Хоть поговори со мной!

– Поговорить? На какую тему? С какой целью?

– Ну что ты, в самом деле – всё «дело» да «цель»! Скажи лучше: ты хоть иногда видишь меня во сне?

– Разумеется, нет. Снов я никогда не вижу. Ведь они – показатель нарушения важных процессов в организме. А у меня всё – в идеальном порядке.

– Очень жаль! А вот мне сегодня приснилось, что ты пришёл с большим букетом красивых цветов. Скажи, ты когда-нибудь мне подаришь хоть один цветочек?

– Цветы? Это – часть растений в определённый период их развития. Они тебе для чего-то нужны? Если да, я до-ставлю их в нужном количестве.

– Ничего доставлять мне в нужных количествах не надо! Подари мне когда-нибудь цветочек просто так, чтобы порадовать. Я тогда обниму и поцелую тебя, мой милый!

Я прошу всего лишь цветочек. Ты же стихов ведь сочинять не умеешь и песен мне петь никогда не будешь. Как же я завидую своей далёкой прабабке, которой её любимый когда-то пел:

Пусть, милая, тебе спокойно спится,
А я пока всю рощу осмотрю,
Скажу, чтоб вовремя запели птицы,
Задую звёзды и зажгу зарю.

– Ты зря перешла на этот странный язык – я его не понимаю. Мы только попусту тратим время. Нам давно пора приступить к делу. Оно ответственное. Предстоит заселять вновь открытую планету. Туда будут поставлять только идеальных обитателей. Чтобы их вырастить, питомнику требуется образцовый человеческий материал. Искусственный, из лабораторных пробирок не годится. Необходим натуральный, естественный, к тому же – элитный. Произвести одного инопланетянина поручено нам. Ведь у нас, по заключению Главного Центра, – идеальное сочетание генов. Итак, не будем медлить. Приступим к делу!

– Ну как ты можешь! Значит, для тебя любовь – это просто «дело»? Что такое ты говоришь: «поручено произвести человеческий материал»! Да ведь это же будет твой ребёнок, твоя кровиночка! А ты помнишь, что у нас с тобой уже есть ребёнок, сын? И – что? Где он? Что с ним? Мы ведь даже никогда не видим его. Так зачем же нам ещё один – такой же сирота?

– Повторяю: у нас очень удачное сочетание генов. Потому нам и дают это ответственное поручение по производству будущих обитателей новых планет. Их выращивают в специальных

питомниках квалифицированные специалисты. Они обеспечены всем необходимым. Зачем же нам посещать эти питомники? Это было бы абсолютно нецелесообразно.

– Эх ты – «производство», «поручение», «нецелесообразно»...

– Внимание, внимание! Задание по производству заготовки нового инопланетянина на сегодня отменяется! График был составлен до введения особи Ж-12-37 постороннего вредного гена. Теперь же он может испортить произведённый человеческий материал. Возможно, задание перенесут на более поздний срок, когда опасный ген будет из организма означенной особи удалён.

– Слушай, ты! Мы тебе что – машины по производству детей, чтобы нас включать и выключать, когда тебе вздумается? И ещё – запомни: я тебе больше не «особь», а человек, женщина, ты слышишь? И никогда, никогда больше не клейми меня этими жуткими номерами! Теперь у меня будет человеческое имя. Пусть отныне меня зовут, например, Ева. Так звали когда-то одну прекрасную женщину, самую первую на Земле. Это она из своего немыслимого далека научила меня жить, а не существовать – чувствовать, быть живой, а не бесчувственной марионеткой.

– Ну, кажется, я здесь больше не нужен. У меня по графику сегодня – ещё одна встреча.

– А, я знаю, знаю, куда ты так спешишь – к той носатой лаборантке. Она уже давно разнюхала тебя и уцепилась – не оторвать. Милый, ты не ходи к ней больше, ладно? Никогда! Зачем она тебе? Ты приходи ко мне. Я буду ждать тебя всегда – каждый день, каждую минуту. Но учти: если ты всё же пойдёшь к своей носатой – я ни перед чем не остановлюсь! Ты слышишь меня, слышишь? Ушёл!..

– Особь Ж-12-37! Внимание!

– Ты снова – за своё?! Не «особь» я, понял?

– Вам надлежит незамедлительно явиться в Главный Контрольный центр для срочного удаления введённого вам гена эмоций.

– Это – чтобы снова превратиться в бесчувственную болванку? Ну уж нет, не дождётесь! Не бывать этому!

– Посторонний ген чрезвычайно пагубно влияет на функциональные способности вашего организма. У вас наблюдаются явные сбои в логике – как речи, так и поведения.

– Да идите вы со своей логикой! Она меня абсолютно не устраивает! Я теперь хочу жить иначе, понятно?

– Вы странно ведёте себя, странно говорите. Видите сны, а это – очень негативный фактор. К тому же и во снах вы ведёте себя неадекватно, а это настораживает.

– А значит, от вас ни днём никуда не спрячешься, ни даже ночью! Вы и сны наши подсматриваете! Какой кошмар! А мы-то ещё наших предков жалеем: свободы у них, видишь ли, не было. Да чтоб у них свободу отнять, темницы были нужны, колючая проволока. А мы-то сейчас и без этого обходимся. Ни шагу самостоятельно не сделаешь – всё только по указке. Вся жизнь – под присмотром. Всё, хватит! Надоело! Не желаю так жить больше!

– Ж-12-37! Кажется, вам требуется срочная помощь.

– Нет, ни в коем случае! Уж твоя-то помощь мне точно ни к чему! Уволь!

– Я передал сигнал тревоги. Скоро сюда прибудут операторы Главконтрольцентра, чтобы освободить вас от постороннего гена, который так вам мешает. Осталось ждать совсем недолго – они уже близко.

– Близко?! Да это же конец! Что же делать, что?! От них ведь никуда не спрятаться, не скрыться! Впрочем… Эй ты, всезнайка! Ну-ка скажи: на биолёте можно долететь до планеты 932 в созвездии 147-прим? У меня – ребёнок там, сынок. Мне повидать его надо, обнять, приласкать. Я колыбельную ему спою, очень красивую.

Спи, дитя моё, усни!
Сладкий сон к себе мани.
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла!

Ну, так долечу я до него на своём биолёте?

– Это совершенно исключено. На биолёте можно передвигаться только в земной атмосфере. А до другой планеты следуем добираться лишь в специальной ракете.

– А если всё же попробовать – на биолёте?

– В таком случае пассажир превратится в блуждающую мини-звезду, вечно странствующую по космосу.

– Блуждающая, вечно странствующая звезда! Это же прекрасно! Об этом можно только мечтать! Это просится в стихи. И они уже давным-давно написаны:

Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная!
Ты у меня – одна заветная,
Другой не будет никогда.

Ольга ХАПИЛОВА

МОЛОДОЕ ВИНО

* * *

Ей, грядите сюда, кто отринутой правды взалкали,
Кто свободною волей подставил запястье под гвоздь –
Молодое вино чистым светом искрится в бокале,
И лучами пробита прозрачная спелая гроздь!

Мановеньем руки отгибаются Книги страницы –
Прииди и смотри, кто духовно очами ослеп:
Молодое вино, и елей, и колосья пшеницы,
И средь верных другов раздробляется свадебный Хлеб.

Приступите, дерзайте, наполним до верха стаканы.
От отпущенной меры с избытком кренятся весы.
Молодое вино, светлый дар Галилейския Каны,
Где над грудой кувшинов десницей провёл Божий Сын.

Нам, бумагу берущим, кто скажет, что мы одиноки –
Снова в духе святом псалмопевец слагает стихи,
Как по склонам горы бесконечные льются потоки –
Молодое вино прорывает худые мехи.

* * *

«И когда земной шар, выгорев,
Станет строже и спросит: «Кто же я?»,
Мы создадим «Слово полку Игореви»
Или же что-нибудь на него похожее.»

Велимир Хлебников.

Мы давно позабыли русское,
Как по кругу ходило терпкое,
Как дороги нам были узкими,
Как шеломом озёра черпали.
Как один стоял против тысячи,
Да и тот старик, а не молодец.
По камням утёс будто высечен,
И со всех сторон тянет холодом.
Нам вослед давно шлют проклятия,
Кулаком грозят: «Что ж вы, ироды?!» –
То идут в полон наши матери,
При отцах живых дети – сироты.
Нас согнуло так, в три погибели,
Все оборваны да замызганы –
Мы, до дна хватив, горя выпили,
Что не выпили, то разбрызгали.
Над землёй родной кружат вороны,
Чужаки зовут нас бродягами;
Бьём челом давно во все стороны,
Уж идут послы за варягами.
Уж простыл и след прежней доблести –
Сколько лишнего да напрасного.
Нам бы встать с колен, нам бы добрести
На восход к заре, Солнцу Красному.

ХАПИЛОВА Ольга Сергеевна *родилась 14 июля 1981 года в пгт. Темиртау Таштагольского района. Закончила Новокузнецкое медицинское училище. Работает фельдшером-лаборантом в участковой больнице пгт. Темиртау.*

Пишет с 1996 года. Публиковалась в местной и областной прессе, альманахе «Ташта-Гол». Автор сборника стихов «Молодое вино», 2012 г. Живёт в пгт Тимертау.

ИОАКИМ И АННА

Полдень. Пустыня. Оборванный стон
Ветер песком занёс.
Забирай свою жертву, ступай вон,
Проклятый Богом пёс.
А она стоит в платке у кустов,
Всё теребит концы.
На ветках в листве сокрыто гнездо –
В нём щебечут птенцы.
Всё обступают, лукавы и злы,
Сколько молитв зазря;
Сколько ещё ты претерпишь хулы,
Род Давида царя!
Но судьбы земли в Державной руке,
Миг обожди, и вот –
Пожилая чета, щека к щеке,
Рядом заветный плод.
Разве в попятную, сбиться с пути,
Разве поверить снам?!
Всё, что святое имеет придти –
В муках приходит к нам.
Только дойди, даже если огонь
Вырвется через край –
Небо отверсто, навстречу ладонь –
Дщерь, поспеши, дерзай!

ВАЛЬС «БАБЬЯ ЗИМА»

Стелятся тучи кудрявых зелёных аллей,
Хоть и зима совершенно теперь не в законе –
Кружится, кружится, кружится вальс с тополей,
Падает мягким комочком небес на ладони;

Словно несломленный вьюги седеющей нрав
Звонкой мелодией грёз молодого апреля.
Гроздья соцветий нетронуто-девственных
трав
В жарких июльских лучах наливаются хмелем.

Солнечный зайчик – играет шафрановый
шмель,
Возится в клевере, в этакой розовой кашке;
Но не сдаётся упрямая чудо-метель –
Сыплет горстями по полю снежинки-ромашки.

КОШКА

Не ищи мне свободы – в ней суетность
смертных томлений;
Пусть, что сбыться должно, упадёт на
бумагу строкой –
Сотвори меня кошкой, возьми без прикрас
на Колени;
Буду жмурить зеницы под тёплой Владычней
Рукой.
Да, конечно, в огонь то, что пусто, нелепо,
бесплодно,
Только если возможно исправить немного
в судьбе –
Сотвори меня кошкой – не нужно мне воли
свободной…
Хоть и кошка, наверно, гуляет сама по себе.

НОЧЬ

Ночь, помешкав немного, свернулась, на город
легла,
И маячат огни от дождя на асфальте литом.
Я смотрю из-за города, будто бы из-за угла,
Я громадою улиц укрыта, как будто щитом.
Всё прозрачней насквозь тротуаров
свинцовых слюда;
Продираясь плечом из тенёт электронных
сетей,
Я несу благодарность за то, что могу
без следа
Растворяться в немом перекрестье
трамвайных путей.

ТИБЕТСКОЕ КРЫЛО

Снова щедрая горсть в кипяток,
как в безвестие канет,
Снова ложка качнётся, тяжёлую влагу
взмутив.
Вновь закружится лист, оседая в гранёном
стакане,
Занесёт кутерьмою щемящий таёжный мотив.
Пусть развеется враз – ни к чему напускное
веселье –
Опрокинула жизнь на хребет ледяное ведро;
Напои меня в дым этим красно-коричневым
зельем:
Нам полезно порой бередить, будто раны,
нутро.
Я наверно прочту что-то в тему сурово
и веско,
Я забудусь на миг и, забывшись, рвану
напролом –
Я прочту тебе всё, до конца, до сухого
надтреска…
Напои меня в дым пресловутым тибетским
крылом.

ДРУГ ДРУГА

Не поймёшь, кому слаще иль горше –
Разве к месту скупая слеза –
Мы наверно становимся твёрже,
Закрывая на оклик глаза.
Отболевшие прежнего пуще,
Зарекаясь друг с другом на «ты»,
Мы наверно становимся лучше,
Уходя, поджигая мосты.
Но друг друга стараемся ради,
И по-своему каждый смешон,
За спиною, как будто в засаде,
Называя друг друга «пижон».

СНЕГИРИ

Лист забыт, запорошен, осенний;
И сегодня до ранней зари
На снежистые ветки сирени
За окно упадут снегири.
И вспорхнёт – где твоя бесшабашность?! –
Чуть приметным всполохом зарниц,
Уважая пунцовую важность,
Стайка жёлтых комочков-синиц,
Осыпая тяжёлые зёрна.
Заклубится – не видно ни зги –
И серебряный иней подёрнет
Золочёную горстку лузги.

Ольга БЕККУЛИЕВА

В ПЛЕНУ ПРИВЫЧЕК

В плену привычек... год от года
Обычных дней круговорот.
Встать, выпить кофе с бутербродом,
Накрасить губы – и вперед...

Мелькают дни, совсем как кадры
Поднадоевшего кино...
Ах, изменить бы что-то как бы...
Да вот, не хочется давно!

А может быть, однажды надо
Свернуть с затертого пути?
Встать, выпить чаю с шоколадом...
И на работу не пойти!

К ВОПРОСУ О ПОХУДЕНИИ

Не ешьте на ночь. Это вредно!
Вам будут брюки жутко жать!
– О, этот бутерброд – последний.
Ну, как хозяйку обижать?
– Еще один кусочек торта,
– Ах, как же так? Сама пекла!
Съедим и это для рекорда,
Раз сила воли истекла.

– Как вкусно, боже мой!.. – ни вздоха,
Ни слова – скоро лопнут швы.
– О, как мне хорошо! Как плохо!
Как чудно стряпаете Вы!
– Салат, как сон. А рыбка – сказка…
– И соус – это же мечта!
Закатывают гости глазки:
– Какая ж это вкуснота!

Ушли! Одиннадцать на стрелках,
А завтра на работу в шесть.
Осталось перемыть тарелки…
И ВСЕ ДОЕСТЬ!

БЕГЛЯНКА

Зовите меня, зовите –
Дудите в зычный манок,
Сетями меня ловите,
Точите острый клинок…

Уже никому не веря,
Лишь только седым векам,
Лечу невиданным зверем
По розовым облакам...

Лечу, не зная дороги,
Однажды остановлюсь,
Тогда в тоске и тревоге
Я под ноги Вам свалюсь...

БЕККУЛИЕВА Ольга Александровна *родилась 11 августа 1976 года в г.Таштаголе Кемеровской области. Закончила музыкальную школу по классу фортепиано и институт искусств и культуры г.Кемерово.*

Работает программистом. Автор двух сборников стихов: «Я нарисую твой портрет» (2004), «Хрустальный куб» (2011).

Публиковалась в альманахах «Усятские россыпи» и «Таштa-Гол», «День поэзии», журнале «Огни Кузбасса». Живет в Таштаголе.

Готовьте ж крепкие сети,
Точите острый клинок –
Никто до сих пор на свете
Меня удержать не мог...

ШУТКА

Пузырьки на стенках и дне,
До поверхности далеко...
Тонет муха в сладком вине –
В золотом французском «Клико».

Напилась серебряных брызг –
И свалилась в узкий бокал...
Тонет муха, пьяная вдрызг,
В полусне огней и зеркал...

Не пыталась даже взлететь,
Не боролась и двух минут –
Согласитесь, какая смерть!
Это вам не в пиве тонуть...

* * *

Превосходный ластик у смерти,
Нашу жизнь так легко стереть.
Это очень просто, поверьте,
За любимого умереть.

Одиноко в театре людном,
Горько прошлое ворошить…
Это очень больно и трудно –
Без любимого дальше жить.

И когда приходит разлука,
Мы не верим, не ждем уже…
Мы навек теряем друг друга,
Оставаясь в родной душе…

РЕПУТАЦИЯ

Я несла ее осторожно,
Как учили с детства нотации…
Для меня было невозможно
Запятнать! Свою! Репутацию!

Я несла ее, как обузу –
Никого к ней не подпускала.
Огромным сладким арбузом
Я ее с собою таскала…

Вы не видели этой битвы –
В час, когда над черною бездной
С перепуганною молитвой
Я решилась арбуз разрезать…

Замер ветер в ветвях полночных
И вздохнул отчего-то тяжко…
Подарила Вам ломтик сочный.
Больше я уже не монашка…

* * *

Я приеду в твой старый дом,
Я увижу твои глаза.
Будет ночь бродить за окном,
Кружевные огни вязать...

Мы расстались сто лет назад,
Ничего уже не вернуть,
Только так же нежны глаза,
Так же наш бесконечен путь...

Я тебе привезу сюрприз –
Наше прошлое привезу:
С предрассветного моря бриз,
И с прибрежной скалы слезу...

Виктор БАЙЛАГАШЕВ

КРЫЛАТЫЙ И СВЕТЯЩИЙСЯ

Рассказ

ЯВЛЕНИЕ ВЛАДА

Вернувшись поздно вечером из леса, я растапливал печь.

В этот момент на крыльце послышались быстрые шаги, и в дом буквально вбежал Влад Куспеков. Он с силой закрыл дверь, даже не поздоровался и, крепко держась за дверную ручку, стал к чему-то прислушиваться. Словно кто-то непрошенный мог сейчас войти следом.

Удивлённо и молча я смотрел на него. А Влад всё стоял у двери, потом быстро накинул крючок, который, похоже, не сразу заметил, – и только тогда осторожно отошёл от порога и присел рядом на корточки. Бледное испуганное лицо с тёмными кругами у глаз, сами его тревожные глаза – навели на мысль, что гость болен.

– Что случилось, Влад?

Он не ответил. Но, увидев в моих руках бересту, приготовленную для растопки, торопливо достал из кармана спички, взял её и поджёг. Когда береста, с треском сворачиваясь, загорелась, он положил её в топку и смотрел, пока лучины не занялись, и пламя не перекинулось на поленья.

– Я посижу здесь у печки? – спросил он.

Даже эти слова были как будто бы не его. Никак не шли к тому парню, которого я знал ещё несколько дней назад –бесшабашного и почти всегда хмельного. Точно: нездоров.

Я поднялся и пододвинул ему стул. Но он всё также неподвижно и долго продолжал сидеть на корточках, смотрел на мерцающие блики в поддувале и слушать гудение огня в печи.

Я вскипятил чай, предложил ему, но он отказался.

– Можно, я в поддувало покурю? – попросил. Я кивнул. Он достал сигарету, но так и не закурил, в конце концов, смял её и потом держал в руках на протяжении всего своего долгого и сбивчивого рассказа.

– Где-то с недельку назад мы у бабки Сакладчихи дрова перекололи, в поленницы сложили, и она за работу рассчиталась деньгами. Мы тут же взяли шмурдяка, потащились в бомжатник, а я закрутился и отстал от всех.

«Бомжатником» в посёлке назывался заброшенный барак. В те годы было много таких, никому ненужных обветшалых строений, разбираемых деревенскими. Из года в год они стояли без окон и дверей, без печей и пола. Но в том, который облюбовали бомжи, имелись потолок и даже крыша.

Но вернёмся к рассказу Влада, такому нервному и путанному, что я лучше перескажу его сам, кое-что от его имени.

БАЙЛАГАШЕВ Виктор Алексеевич *родился 6 апреля 1964 года в Камзасе Таштагольского района. Служил в армии, работал матросом драги. Окончил Горно-Алтайский педагогический институт. Свои рассказы публиковал в газетах «Алтайдын Чолмоны» («Звезда Алтая», Горно-Алтайск), «Красная Шория» (Таштагол), в приложении «Туган Чер» («Кай», Междуреченск).*

Сейчас работает в Таштаголе в студии «Эфир-Т», где создает передачи на шорском языке.

…Темнело. Было холодно и сыро. Влад спешил. Не столько из-за холода, легко проникающего сквозь изношенную одежонку, сколько из-за трёхлитровой банки спирта, унесённой собутыльниками. Каждый бомж знает, что, когда имеется выпивка, зевать нельзя: ждать опаздывающих никто не будет, выпьют, и это – закон.

Влад уже представил, как алкаши, усевшись кружком, молча пускают по кругу стакан, и банка на глазах пустеет.

«Законы» эти регулируют жизнь бомжей, привнося в неё хоть какой-то порядок.

Согласно им, в «кругу» положено пить молча, чтобы не возникло ссоры: опьянев, припоминают какие-то обиды, и тогда начинается драка. А пьяные бьют друг друга, чем попало и калечат. Вот когда тара опустеет, все молча встают и расходятся, кто куда, а на расстоянии 50 метров от места сбора можно говорить и делать, что угодно.

Тот же закон диктует: попавшего в круг, пусть даже он чужак, не обделяют. Всем должно доставаться поровну. Тех же, кто нарушит закон, сразу изгоняют.

До барака оставалось совсем немного, когда перед взором Влада возник старик. «Халявшик» – мелькнуло в сознании. На халявщиков Влад имел особое чутьё, возможно, потому что и сам был таковым.

На ходу присмотрелся – незнакомый. Значит, лучше проскользнуть мимо. Ведь если сейчас поздороваться и завести разговор, то быстро не отделаешься, а алкаши не ждут. Тащить же старика с собой и даром поить, чтобы самому и другим меньше досталось, Влад не собирался. Он сделал вид, что не замечает незнакомца и, уткнувшись под ноги, прошёл мимо. Однако старик, похоже, даже не посмотрел на него.

Барак с долгожданной выпивкой был уже рядом.

ЯВЛЕНИЕ СВЕТЯЩЕГОСЯ

Внутри горел огонёк, и все давно уже сидели вокруг. Костёр-то разводят не для тепла, а чтобы видно было откуда и куда наливать.

Командовал с банкой в руках Налим. Никто, кроме него, слова не сказал. Следили за Налимом и молча выпивали, когда доходила очередь.

Налим прищурился:

– Кто не успел, тот опоздал, – произнёс он.

– А я что? Я ничего. Я законы знаю.

Очередь приближалась. Влад терпеливо ждал, внимательно наблюдая, как Налим наливает, и протянул было руку, чтобы взять стакан.

Кто и когда принёс этот стакан, никто не знал, но, как только всё допивали, тару аккуратно заворачивали в газету и клали под половицу до следующей сходки.

Влад потянулся к стакану, но в этот момент сверху раздался голос:

– Что, греху предаётесь? Рабы страстей и слуги порока жизни смрадной!

Алкаши так и замерли, вытаращив глаза. Голос был настолько сильным, что, казалось, исходил отовсюду.

«Кто это?» – разом подумали все и почему-то с подозрением посмотрели друг на друга. Налим первый, задрав голову, уставился в потолок, в чёрный проём от печной трубы.

– Я вам говорю: пьянство – грех! – громыхал тот же голос. – Бегите, спасайте души свои, пока не поздно…

– Да ты кто такой? – крикнул Налим. – Что по чердакам прячешься? Если такой крутой, спускайся, покажи себя.

Ответом была тишина.

– То-то, – произнёс Налим и добавил: – Что, труханул?

Налим был горд и непререкаем. Самодовольная улыбка появилась на его лице, различимая даже в слабых отблесках костра. Он вопросительно взглянул на Влада, когда же тот, в конце-то концов, возьмёт свой стакан?

-Люди… – раздалось в эту минуту наверху.

– Пошел нахр… – закричал, вскакивая Налим. Но, вдруг, поперхнулся и закашлялся. Да так, что свалился. Казалось, у него сейчас внутренности полезут через глотку. Приятели кинулись спасать – по хребту колотить. Чем сильнее кашлял, тем сильнее били.

Влад, глядя на ползающего у самых его ног Налима, не выдержал, пару раз врезал изо всех сил, чтобы тот поскорее перестал. Но не помогло.

– Так ему, – раздалось сверху. – Дайте ещё, да посильнее! Будет знать, как закон нарушать.

Тут все решили, что это кто-то из бомжей забавляется. Кто ещё мог знать про «закон»?

-Ты первый нарушил! – крикнул Чебак.

– А как я мог его нарушить, если не принимал? И что это за дурацкий закон?

– Это наш закон!

– Так и не нарушайте его! Законы для того и существуют, чтобы жизнь была.

Жуть охватила несчастных, даже про банку со шмурдяком забыли.

– Да кто ты такой? Что из темноты кричишь? Спускайся к нам: по-человечески, при свете, поговорим, – сказал Мойрых. И каждый подумал: «Сейчас спустится, поймаем и как следует отвалтузим».

– Хотите меня увидеть?

– Да, уж, сделай милость. Снизойти к нам, грешникам. Хоть на одного праведного глянем. Может, за ум возьмёмся, бухать завяжем.

И тут весь чердак осветился. В проём от печной трубы ударил такой яркий белый свет, словно тысячи прожекторов включили на чердаке. Бомжи позакрывали глаза. Влад почувствовал, как внутри у него, в самом сердце, зародился страх такой силы, что невозможно было с ним совладать. Сжался в комок и приготовился бежать, но в последний момент увидел: в ярком свете нечто сверкающее, крылатое, с телом высокого, крепкого человека, плавно опускалось через освещённый проём. Который от света будто стал шире.

Перепуганные люди бросились к выходу, натыкаясь друг на друга, позабыв обо всём на свете.

ПРАВЕДНИКИ ПОНЕВОЛЕ

Новый день стал пыткой. Выпить страсть, как хотелось, а в рот не лезло. Собирались пойти в «бомжатник», но так и не дошли. А выпивки у продавцов, как назло, было вволю. Так что только слюни глотали. Весь день, как неприкаянные, шатались по селу, не зная, куда себя девать. Тоска зелёная навалилась. Пьяный-то времени не замечает, и даже разницы между днями и ночами не ощущает. А тут почти трезвые – и без дела! Мучились-мучились, но заметили: чем дальше от барака, тем непонятное действо слабее.

Тогда решили вечерним автобусом ехать в соседний посёлок, и там уж напиться вдоволь. Потянулись к остановке, уселись на землю и стали ждать. До автобуса ещё целых пять часов, но им-то что? Делом заняты – автобус ждут. Смотрят, Налим тащится. Пьяный! От удивления, что он жив да ещё пьяный, так на него и вытаращились. Налим, в свою очередь, внимательно осмотрел их.

– Что, развалились тут, а? – с угрозой произнёс вожак. – Сейчас морды ваши поганые начистить, или потом?

– Налим, это ты?

– И пьяный?!

Никто из них не верил глазам своим.

– Бросили, собаки, удрали. Думали, окочурюсь? Во, видели! – Налим сложил фигу. – Чуть не замёрз. Спина вот болит. Будто камни по мне катали.

– Да ты хоть знаешь, что было?!

– А что было? Бросили. Очнулся, холод собачий. Никого нет. Смотрю, банка стоит. Если бы утащили, я бы сейчас с вами по-другому разговаривал.

Стали наперебой рассказывать кто что видел. Налим не верил, исподлобья поглядывая на приятелей. В конце концов, ему сказали:

– Ты что, дурак? С какой бы радости мы этот шмурдяк тебе оставили и убежали?

– А и вправду! Вы бы оставили, как же!

И поверил, не мог не поверить, зная повадки своих дружков.

Рассуждая над тем, что бы это могло быть, предположили, что это, скорее всего, был ангел – уж больно похож по рисункам. Или какой-то колдун, или экстрасенс гипноз подпустил. Больше всего, однако, понравился вариант с ангелом. Всё-таки прикосновение к праведной жизни…

Алкаши набились в автобус.

– Куда вас черти понесли? – недовольно пробурчала кондукторша, открывая форточки. – Фу, какая вонища! Как сами-то этим дышите?

Она недовольно взглянула на них, собираясь обилечивать, когда в дверях автобуса появился Налим.

– А ты куда такой лезешь? – остановила кондуктор. – Сидел бы уж, не высовывался. Здесь вот милиции нет, а там тебя сразу упрячут. Эти-то хоть трезвые... – обвела она строгим взглядом алкашей в автобусе.

– А я никуда не еду, – ответил Налим. – Мне и тут хорошо.

По обыкновению говорил он громко. Но кондуктору не перечил.

– Выхожу, выхожу, – попятился Налим, но в дверях тормознулся и доложил:

– Эти хмыри ангела видели.

– Иди уже отсюда!

Автобус тронулся.

– Ну что, святые ангелочки, платить-то будем?

У Влада вдруг сердце защемило. Какая-то тяжесть на душу навалилась.

БОЙСЯ ТОГО, КТО С ВИЛАМИ

Вскоре добрались до соседнего поселка Койрык. Этот Койрык на проезжающих производит тягостное впечатление. Дома, словно со времен потопа, уж скоро по крыши в землю врастут. Даже деревья вокруг стоят осиротелые, больные.

А глянешь на людей, так и видишь неких персонажей, насмерть сражающихся со Змием зелёным.

Нашим бомжам-алкашам, которые впервые увидели Койрык трезвыми глазами, вдвойне стало тягостно, аж выть захотелось. Выползали из автобуса с одной лишь мыслью – побыстрее добраться до выпивки. И как о бетонную стену лбами ударились: койрыканцы-то трезвые!

– Что такое?

– Шмурдяк кончился, со вчерашнего дня ни у кого нет, как черти языком слизали.

– А вы-то чего притащились?

– У нас вообще жуть! Крылатый да светящийся завёлся. Вот и лишил нас радости: выпивка есть, выпить хочется, а в рот не лезет.

У койрыканцев чуть шары не выпали от удивления.

– А много у вас шмурдяка?

– Навалом.

Онемела братва от зависти.

– А чего к нам-то притащились? Прём лучше к вам!

– Так говорим же: светящийся да крылатый у нас завелся. Пить из-за него не можем.

– Какой ещё крылатый?

– Такой, весь светился.

– Вы это серьёзно? Или вольтанулись по трезвяни?

Всякого за жизнь наслышались, навидались койрыканцы, но чтобы выпивка в рот не лезла?! И собрались они к нам за шмурдяком. А в это время кто-то возьми да и скажи:

– Был бы ангел, то с каких радостей он перед вами светился? До ангелов, вроде как, нельзя допиться. До чертей можно, а до них нельзя. История такого не знает.

– Это кто у вас такой умный? Расскажите толком, как оно было-то?

Рассказали.

– Черти так себя не ведут, – признали местные. – С чертями мы давно дело имеем. Вон Шмурдяк с ними встречался.

Шмурдяк услышал свою кликуху, оживился, давай рассказывать:

– Целый месяц пил. Однажды сижу вечером на кухне за столом, смотрю, на полу, возле порога, какая-то чёрная точка появилась. Раньше вроде бы и не замечал её. Вижу, а это не точка, двое стоят. Были маленькие, да вдруг выросли. Чёрные. У одного бородка козлиная, топор в руках держит, у другого – острога. Стоят и на меня смотрят. Вот так дела, думаю, что делать? Смотрю – окружают! Я на стол вскочил. Схватил бутылку за горло, как гранату держу, приготовился отбиваться. «Ну, – кричу,– подходите!». А они хитрые, черти, оказались: один шаг сделает, я к нему поворачиваюсь, чтобы бутылкой огреть. Он остановится – другой в это время ко мне щемится. Я к нему. Тот – в столбняк. Так и верчусь – от одного к другому. Смотрю, ой-ёё, совсем зажимают меня. Всё, думаю, сейчас этот с острогой меня достанет. «Не на того напали!», – кричу. Развернулся – и в окно. Раму снёс, весь порезался. Провалился в сугроб, сижу. Слышу над головой: «Смотри-ка, живой ещё». Наклонились с подоконника и смотрят на меня. Второй говорит: «Дай-ка я его острогой по башке огрею». «Шиш тебе»,– думаю. И что было силы, давай из сугроба выгребать. Бегу по снегу через огород. А они, черти, в окно вылезли и, спокойно так идут за мной. А у меня в голове только одна мысль: в лес надо бежать, в лес. Снег по пояс, но я гребу, как могу. Они – за мной, не отстают. Потом уж не помню, что было. Вон Штоп расскажет.

– И ты после такого пьешь?

– Пью. А что делать? Месяца три не пил, но потом запил. Решил, что лучше с чертями драться, чем трезвым ходить по Койрыку нашему.

– А я коня поить пошёл, – сказал в этот момент Штоп, сорокавосьмилетний мужик. Он на целую голову выше Шмурдяка, на лице чуть больше разных следов от борьбы, а в остальном – такой же. – Смотрю, Шмурдяк в лес, весь в снегу, бредёт. Оборачивается, будто кто-то за ним гонится. Я сразу не понял, что это с ним. Потом, думаю: да его никак черти гонят. А когда он за деревьями скрылся, ясно стало: сам теперь не вернётся. Идти выручать надо. Он под пихту забился и лежит. Зову – не откликается. Тут братуха на коне подскочил. Достали мы его из-под пихты – весь в крови. Лежит без сознания. Так и замерз бы.

– Вот так они, черти, себя ведут. Сразу в бочину острогой хресь – и всё. Поминай, как звали. А ваш крылатый – это что-то совсем другое.

Влад и сам не заметил, как вслух произнес:

– Кто-то из ваших прознал об ангеле и зелье спрятал, чтобы притаиться на время.

– А кому это надо было, – спрашивают.

– Ясно кому – чертям вашим.

– А ваши, что же, не успели спрятать?

Тут со стороны города машина подъехала, четверо молодых, в доску пьяные, из неё вылезли. Ещё и кое-что привезли. Как по заказу!

Достали они канистру и началась жизнь! Попробовал я выпить – пошло, хорошо стало. Так обрадовался, что решил нажраться, как следует. Пью вместе со всеми, веселюсь, стараясь обо всём на свете забыть. Только вот сидит на сердце что-то и никак не даёт покоя. Пью, а не пьянею толком, и не выходит эта боль из меня.

Решил, что разобраться во всём надо. Что же здесь не так? Почему раньше такого не было? Что бы я о чём-то беспокоился, переживал – да ни в жизнь! Стою, размышляю. Вдруг, слышу, разборки начались. Крик поднялся. А это двое местных решили выяснить отношения:

– Ты взялся разливать, ты и следи, чтобы всем поровну доставалось! Видел, как я разливаю? Было такое, чтобы кого-то обделил?

– Ты, что думаешь, я специально?

– Я не думаю, я говорю.

– Ну, ладно, хватит вам. Подумаешь, ошибся. Налей ему, – сказали из толпы.

На такие слова обделённый выпивкой совсем обиделся.

– Что значит – налей ему?! Я что, скотина?! Тут дело принципа.

Разливавший подал ему стакан.

– Что ты мне суёшь? – с презрением произнёс обиженный.

-Всё, хорош, а то сейчас раздерётесь!

А дело к тому и шло.

– Я! С этим? Драться?! Да, я его счас просто размажу!

Разливавший, даже побледнел, а затем нервно выставил свой средний палец.

– На, видел, – голосом, срывавшимся от злости произнёс он. – Вот кто ты, понял?

Оба вцепились друг в друга и повались в грязь. Никто не лез разнимать: каждый из этих двоих был здесь уважаемым «авторитетом». Образовав круг, местные и гости смотрели на драку.

– Ты кому это показал? Ты кого опустить решил, а? – сдавленно от натуги хрипел обделённый. Когда-то Влад не пропускал такие зрелища. Теперь же ему прямо до тошноты стало не по себе. И он услышал голос:

– Это что же за такие слова и знаки, а? Почему они над вами такую власть имеют?

Влад обернулся. И сразу узнал старика, что повстречался ему прошлым вечером у бомжатника. На этот раз Влад хорошо разглядел его. Уж слишком он отличался от остальных – стройный, прямой, красивый, с длинными седыми волосами и, длинной бородой.

– Он мне понравился. Я подошёл и говорю:

– Дед, откуда такой будешь?

Старик глянул на меня и, странное дело, я впервые почувствовал силу другого человека. Силу не грубую, не враждебную – мягкую. Но при этом необычайную! Эта сила не пугала и не отталкивала, а наоборот – стало хорошо и легко на сердце.

Драка между тем продолжалась.

– О чем это они? – спросил старик, всё также внимательно глядя на Влада. – Разве есть закон, чтобы так убивать друг друга? За какие-такие слова? Кто хозяин их?

– Стоящие это слова. Жизнь наша и есть хозяин слов этих, – ответил Влад.

А старик промолвил:

– Жизнь ваша – хозяин слов этих, или слова – хозяева жизни вашей?

– Да, слова эти – самые что ни на есть важные. Не быть в жизни чмошником – в этом закон и смысл жизни, – Влад, как мог, отстаивал странные принципы. – Это ребята чести. И за уважение к себе они и мордуют друг друга. Уважать их будут обоих, но кому-то уважения достанется больше, а кому-то меньше. Всё зависит от того, кто из них сейчас другого победит.

Взгляд старика померк, стал обыденным. Он отвёл Влада в сторону и спросил:

– Разве это достойно уважения? В этом есть смысл?

Новая волна отвращения накатила на Влада. Хотел было что-то ответить, но быстро об этом забыл. Потому что, со стороны города подъехала машина, и из неё вышел невысокого роста мужчина с усиками.

СВИНЬЯ ВЕЗДЕ ГРЯЗЬ НАЙДЁТ

– О! Работать не хотят, а силу девать некуда, – рассмеялся приезжий при виде драки.

– Как не хотят? Если нету её, работы, – возразила ему подвыпившая женщина.

– Работы везде навалом, – возразил мужчина.

– Где у нас в Койрыке работа? Нет её.

– Работа есть везде. Она прямо под ногами валяется. Только наклониться надо и взять. А вот наклониться-то как раз кое-что и мешает.

– Жалко молодых, – сказала женщина. – Молодые, здоровые, а вот так губят себя. Что же нужно, чтобы они не пили, а работали?

– Ну, давай спросим, вот у этого молодого, чуть тёпленького. Пусть скажет, что им надо?

– Что вам надо, чтобы вы не пили, а работали? – спрашивает женщина.

А я стою и молчу. Мне как-то в голову такие вопросы не приходили. Всё казалось естественным. Есть выпивка – пить надо! А работать, жениться, чтоб дети-семья, заботы непонятные, – зачем? Когда можно просто жить!

– Что молчишь? – спрашивает меня тётка.

– Да он серьёзно мыслить не умеет, – говорит тот, с усиками. – Не научили.

Тут он меня раздражать начал.

– Что, серьёзно мыслить не умеешь? – эта повторяет за ним, как попугай.

– Из них вообще никто думать не умеет, – опять повторил усатый.

А я им говорю:

– Вы серьёзный вопрос задайте, чтобы я серьёзно ответить мог.

Сказал и сам себе таким умным показался: «Здорово, думаю – обоим рот заткнул». Стою и свысока на них поглядываю: «Что – выкусили?» В этот момент кто-то как закричит:

– Шмурдяк кончается, что делать будем?

Я этим обоим:

– Где шмурдяк достать, вот серьёзный вопрос.

Мужчина с усиками ухмыльнулся и сказал:

– Я же говорю, они серьёзно мыслить не умеют. Не научились.

Отошли они от меня. А я мальчишкой себя чувствую. Совсем рассердился на них. Сама, думаю, пьяная не меньше моего, а чего-то рассуждает. Чувствую, как злость закипает во мне. Пойду, разберусь. Пошёл, нашёл их. Стоят и о чём-то рассуждают.

– Что, соображаете, где шмурдяк достать?

Повернулись они ко мне, а женщина зло так говорит:

– Не твоё дело, иди отсюда.

– А чего, – говорю, – в душу ко мне лезли, а?

– А у тебя она есть, душа? – спрашивает усатый.

– А у тебя? – говорю я.

Он опять ухмыльнулся, отвернулся от меня и встал боком, чувствую – презирает!

– Я, – говорит, – человек практичный...

– Какой? – спрашиваю.

– Практичный.

– Ну, так держи, – говорю, – кардан!

Ох, как мы там побутызились! Толпа вокруг собралась. Он орет:

– Дерьмо какое-то на меня руку подняло!

А я ему средний палец свой под нос:

– Вот ты кто, понял! – и хлещем друг друга.

Не помню, как успокоились. Но затошнило – так он мне по шарабану настучал. Сел на землю поодаль, сижу, смотрю, он ко мне идёт, а в руках свою рваную одежду несёт. Бросил в меня и кричит:

– Только посмей не купить мне такое же.

А я свою майку, им разорванную, снял, кинул в него и говорю:

– На, почини, чтобы целая была!

Он развернулся и ушёл.

Больше не видел его. Потом, оказалось, он ездил по нашим местам, скупал орех. И с женщиной насчёт ореха договаривался.

Сижу, остываю. Уставился на средний свой палец, – вспоминаю слова старика о власти знаков. Кто, действительно, всё это придумывает и для чего?

Опять ко мне прежнее беспокойство вернулось. Будто я не доделываю чего-то, или делаю не то. А может, не делаю совсем.

ПРОЗРЕНИЕ СОБУТЫЛЬНИКА

Отбросил я лохмотья этого усатого, глянул по сторонам, а на улице уже нет никого. Все куда-то ушли. Поднялся и пошёл искать своих. Уже как-то больше ничего не хотелось – ни выпивки, ни веселья, ничего. Иду, размышляю, прислушиваюсь к этому непонятному чувству. Холодновато становится, чувствую, мороз пробирает, дело-то уже к ночи. И где-то рядом – голоса, шум – гуляют. Человек стоит, подхожу, а это Кычык.

– Что стоишь? – говорю.

А он стоит и не отзывается, весь испуганный. И смотрит, не отрываясь, на дом, где гулянка.

– Эй, ты чего? – говорю, – Пошли туда.

– Мойрык, это ты? – кликуха такая моя. – Ты видел: две огромные черные собаки по крыльцу поднялись и в дом зашли, а дверь даже не открывалась?..

Я подумал – глюки у человека начались. А потом вспомнил последние происшествия. Тоже смотрю на дом. А там – веселье полным ходом. Пошли, говорю, в дом, посмотрим, что там происходит.

– Нет, туда я не ногой.

– Пойдём, может, наша помощь нужна. Там же ребята свои.

Посмотрел он на меня и говорит:

– Нашел своих, там же алкаши. Свои всегда друг другу помогают, а алкаши только за чужой счёт и норовят жить. Тебе, когда помогли? Или ты сам кому помог – так, от чистого сердца?! Это ж враньё, что если пьёшь, то значит честный и благородный. На самом-то деле никогда алкаш честным не был, и не будет.

Он замолчал, потом тихо сказал:

– Нет, я этих собак видел, они там, и нет там никого, кому помогать надо, ничтожества одни там. Пьют-то почему, знаешь?

– Нет, – говорю.

– Потому что больше ни на что не годны.

– Но, ты же не такой.

А он на меня зло посмотрел и говорит:

– Такой. А ты разве другой? То-то же!

КТО ТУТ ПРАВИТ БАЛ

Захожу в дом, ищу этих собак. Нет вроде. Хотя Кычыку верить можно, – по правде видел, иначе бы шмурдяка халявного не упустил. Значит, всё-таки они где-то здесь. Домик-то небольшой, из всей мебели кровать железная да стол кухонный, я под них заглянул – пусто.

И тут вижу: стоит передо мной девушка. До того красивая! А у меня видок тот ещё был, она и прыснула. А потом так красиво улыбнулась, подмигнула мне и опять захохотала. Я, чтобы совсем остолопом не выглядеть, тоже подмигнул, улыбнулся, рукой приветливо махнул, а сам подумал: «Куда уж мне до такой со своей-то мордой разбитой». Иду, высматриваю знакомых, чтобы спросить про собак, и раз – обо что-то запнулся. А это она свою длинную, стройную ножку в туфельке выставила и мне подножку поставила. Смотрит с прищуром. И говорит таким сладеньким голоском:

– Садись, – указала на стул рядом с собой. Хотел сказать: «Нет», а сам сажусь, ещё и думаю: «Никуда эти собаки не убегут». А она так расхохоталась, качнулась будто неловко и упала на меня, прямо на колени, и лежит так, её оголённые плечики вздрагивают от смеха. Потом повернулась ко мне лицом, посмотрела в глаза и спрашивает:

– Ну, что молчишь?

– А что говорить-то?

А она опять уронила головку мне на колени и касается щеками моего живота. Я только сказал:

– Смотри, замараешься об меня, – ведь же грязный был после драки, и майку выбросил. Она будто и не замечает.

– Не замараюсь, если сама не захочу.

Подмигивает, хохочет, а я сижу как истукан, даже и не знаю, что делать. Тут она повернулась, легла спиной на мои колени, несколько секунд будто изучала, смотрела на меня, а потом говорит:

– Подари мне то, что у тебя на сердце.

А сама трётся щекой о мой голый бок, как кошка ластится, только что не мурлычет. У меня в такие минуты и с обыкновенными-то нашими девками язык деревенеет, а тут я вообще соображать перестал.

– А что, – говорю, – у меня на сердце?

Она вдруг резко смех оборвала и говорит:

– Ну, подари.

– Чего?

– Просто, скажи: дарю.

– Чего «дарю»?

– Я тебе нравлюсь?

– Конечно, нравишься.

– И ты не можешь мне сделать подарок?

– Да что я тебе подарю-то?

Она выпрямилась и так даже раздражённо говорит:

– Ну, скажи: «На, возьми!» Скажи так, – и смотрит.

А девка – красивая, ё-моё! Откуда только такая взялась?

Подумал, и мысль эта как пропечаталась в мозгу: откуда здесь такая красавица?

– Тебе что, сказать трудно: «На, возьми»? – а голосок такой нежный, певучий.

– Откуда только ты такая взялась?

Она посмотрела на меня будто огорчённо и отвернулась. Потом встряхнула головкой, рассмеялась, ткнула в бок мужика кого-то, я уж точно и не помню, кто это был из местных. Он резко обернулся, кто это мол, посмел меня тро-

нуть, но увидев эту кралю, весь растаял в улыбке. Она и говорит ему:

– Отдай мне своё сердце.

Тот целоваться полез, а сам говорит:

– На, возьми, возьми моё сердце, красавица.

И мне вдруг показалось, что у него из груди вышло что-то чёрное, как дым, вышло и ушло в девицу эту. У парня глаза остекленели, лицо – как мраморное стало, на пол шлёпнулся и сидит. Через минуты две оклемался. Сидит, смотрит по сторонам, понять не может, почему на полу. Да поднялся и пошёл дальше гулять.

Думал, может он меня про девку спросит – нет, не спросил. А красавица эта встала и такой походкой пошла, ну… вооще-е...

И только она с глаз моих скрылась, я снова соображать начал, зачем сюда пришёл. Вспомнил про собак, и с девкой они у меня как-то сразу увязались. Как ошпаренный подскочил: «Господи, думаю, неужто, сам чёрт у меня сейчас на коленях лежал?»

А девицы-то не видно. Спрашиваю:

– Куда красавица делась?

– Увели твою красавицу! – смеются.

Не стал я ничего рассказывать, а только очень захотелось от её прикосновений отряхнуться. И, видать, очень смешно я со стороны выглядел, потому что опять надо мной алкаши смеяться стали:

– Ты что там за кренделя выписываешь?

До сих пор не верится, что девка чёртом была. Это надо же так, а?! Да они с нашим братом такое закручивают, только держись. Так вот пропустил я их смех мимо ушей, но тут понял, наконец, что меня беспокоит. Кому-то смешным покажется или наивным, но мне вдруг ни с того ни с чего понять захотелось: «Что такое добро и что – зло?» Может, и не каждый человек об этом задумывается. Может, и не каждому надо. Я сам до пор не думал. Важнее шмурдяка ничего не было. Но только сейчас, понял – есть на свете зло, и живёт оно само по себе, независимо от человека. Зло – это самая настоящая сила, и подчиняет себе людей, имеет власть и законы. И ходит оно среди нас, людей и питается нашими душами и мыслями.

И добро есть.

Вот она моя душевная боль в чём заключалась. И сам собой вопрос появился: а я-то где? И понял я, что определяться надо здесь и сейчас, сию же секунду. Но вот же привычка всей моей жизни – важное и срочное оставлять на потом. «Погодь, – сказал себе, – успеется это дело». Сейчас понимаю – мог бы и не успеть. Так вот, оставив это дело на потом, решил я выяснить – кто эти четверо, что на машине приехали? И собаки эти, и девка эта – это одно и то же, или как?

Но как понять? Их сначала надо найти. Ладно, думаю, сердце подскажет. Как только подумал, так сразу почувствовал на себе взгляд, повернулся резко на него и встретился глазами с одним из этих четверых. Он, было, отвернулся, но я уже не терял его из виду. Иду к нему, а он, пьяный-пьяный, а как-то от меня уходит. Никак подойти не могу. Что-нибудь да мешает – то свои алкаши под ноги лезут, со всякими проблемами, то койрыканские, а он от меня быстро отходит. Наконец, надоело мне, полез к нему напролом. Понял он, что от меня не отвязаться, смотрю, открыл дверь и вышел на улицу. Я быстро за ним.

Выхожу, а он стоит на крыльце, спиной ко мне, не оборачивается. Подхожу потихоньку сзади. А он как стоял, так и говорит, не оборачиваясь:

– Здорово он тебя зацепил, светлая крапинка в тебе появилась, никак не забивается.

То ли от голоса, то ли от него самого, но пахнуло на меня сыростью и какой-то тиной болотной, да ещё чем-то… Неживым, короче. Хотел спросить, о чём он тут болтает. Да не успел – повернулся он ко мне – я даже от неожиданности закричал. Так перепугался.

…Семь лет назад пришлось мне утопленника из воды вытаскивать. Так сейчас на меня глядело лицо того утопленника. Пока я от страха орал, он спокойно вернулся обратно в дом. Я пришёл в себя – и бежать. Бегу, а сам думаю: «Куда это я? Да, какая разница, только от этого проклятого места подальше. Так ведь ребята мои там остались! А эти ведь с пьяными жуть, что могут натворить!»

Остановился: что делать? Вернулся назад, захожу, а этого «утопшего» нигде не видно. «Слава Богу, – думаю, – пропал, нет его здесь».

Ан, нет, стоит – на меня смотрит. А глаза – стеклянные… Как у чучела волка в музее. Но, понятное дело чучело, экспонат. А этот – ходит, разговаривает, и кто знает, что у него на уме. За такими глазами никакие мысли не видны, жизни нет.

Показываю на него пальцем и кричу:

– Это чёрт, ребята, чёрт!

А он ухмыльнулся и давай меня успокаивать:

– Ты что? Это же я. Не узнал, что ли?

Ребята меня схватили, усадили на стул, держат, успокаивают...

– Вы что?! – кричу во всю глотку. – Я только что его на улице видел!

А он меня по имени называет, беспокоится за меня, как будто:

– Ребята, что-то неладное с ним творится? Никак белая горячка у него. Сейчас он в каждом чёрта видеть начнёт, а потом за ножи будет хвататься. Может, «скорую» вызвать?

Ребята кричат:

– Нет, не надо, сами разберёмся!

Вообще наш брат не любит ни с кем из посторонних связываться, особенно с врачами да с милицией. Вызови врачей – обязательно милиция следом примчится. Тут он говорит:

– Ну, сами смотрите. Только скажу вам, болен он. Сильно болен.

А парни ему верят и уже не знают, что со мной делать.

– Может, тогда хоть свяжем? – опять советует этот чёрт.

И тут меня такая злость взяла. Это же мне надо его ловить да вязать, а не ему меня! Выходит, он надо мной верх взял.

– Вы на его глаза посмотрите! – кричу.

А он говорит:

– А ты, милок, на свои посмотри.

А ребята, что – все пьяные, и в мои глаза таращатся, и в его.

И глаза у него уже другие, нормальные глаза. «Вот, чёрт», – думаю. А он говорит:

– Правильно думаешь. Глюки лечить надо. И если ты во мне видишь чёрта, то и я в тебе. Если я – твои глюки, то мне и лечить.

Раз – у него в руках две банки, полные шмурдяка.

– Нашёл, – говорит, – я способ, как от твоих и моих чертей избавиться. – Протягивает мне банку. – Давай выпьем, посмотрим, чьи крепче окажутся.

– Правильно я мыслю, а? – спрашивает у всей компании.

А народ развеселился: правильно, кричат, правильно.

Он всё наседает:

– Если я – чёрт, значит, глюки – это тоже чёрт. Это когда он внутри завёлся, свой, родной, ни на кого не похожий родился! Давай выпьем за него и обмоем. Свалюсь при этом я – делайте со мной что хотите. Свалишься ты – вязать никого не надо будет. Но, главное, – говорит, – может эта крапинка смоется, затрётся в сердце твоём. Уж больно она мешает.

И все довольны, хотя насчёт крапинки никто, конечно, ничего не понял. Ну, думаю, гад, и хитер же ты! После твоей банки шмурдяка мне одна дорога – на кладбище. Зато злость прошла. Я прямо чувствовал, как она от сердца уходила. Как будто что-то сползало с него. Стою, к себе прислушиваюсь. Так легко и хорошо мне стало, что я даже, кажется, улыбнулся.

Никто из наших, конечно, этого не видел. А он-то – видит, и давай орать:

– Что, совесть свою совсем пропил?! Или с рождения такой?! Мало, что за мой счёт угостился, так меня же и чёртом обозвал. Я людей от чистого сердца угощаю, и я же выходит нехороший. И с каких это пор вы стали такими неблагодарными?

А я возьми да и скажи:

– Я свет видел, и ангела, и голос его слышал. Он говорил, что пьянство – это грех, а ты шмурдяк привёз, всех напоил – и хорошим прикидываешься.

Тут он замолчал. Смотрит куда-то мимо меня. Хотел и я посмотреть да не решился. Но кого-то он точно видел. А потом отступил от меня шага на два, посмотрел на всех внимательно так, и говорит вкрадчивым голосом:

– Значит, свет, говоришь, видел? И не убий, не укради… Закон?

А потом, вдруг, позвал:

– Чиген!

Ну, ты Чигена знаешь, он только что из зоны вернулся.

Так вот, был там Чиген, только не вмешивался, просто сидел и наблюдал. А этот кричит:

– Чиген, тут говорят, что твои две ходки – порожняк. Что твой авторитет ложен, и уважать тебя не за что. Не стоишь ты того.

Уголовник сразу насторожился и уставил на меня свои колючие глаза.

– Не говорил я такое про Чигена, – кричу, – и Чиген тут вовсе не причём.

А он усмехнулся и говорит:

– Очень даже причём. Ты что, думаешь, меня права лишаешь? Нет. Ты вот этих ребят сейчас тёмными представил, и возвысился над ними, неуважение к нам проявил. Ты что, действительно не понял, или прикидываешься?!

– Врёшь, – говорю.

– А… испугался, – как-то протяжно произнёс он.– Где же твоё достоинство а?.. И кто, скажи, живёт по твоему закону? Кто? Никому он никогда не был нужен и не будет! И каждый будет стремиться не быть чмошником и лохом, понял!

Смотрю я на ребят, а они – с ним. Не со мной, а с ним. Такая обида меня взяла! И таким я беспомощным себя увидел перед ним, перед его властью, что даже не удержался и заплакал. Можно было бы, конечно, с ним потягаться, да ребята все пьяные, ничего не хотят понимать. Кому тут что докажешь? А заплакал, так они на меня все с презрением смотреть стали.

А этот, как увидел, что плачу, подскочил ко мне, сунул свой средний палец мне под нос и кричит:

– Вот кто ты, передо мной, понял. Вот!

Что? – орёт, – в благородного решил поиграть, в человека чести? Чмошник!

Только вот меня его слова уже не колышут, не задевают, хоть и плачу. А этот ещё более раздражается:

– Поумничать решил – все грязь, а я такой чистенький да светленький?! Чигена решил унизить?! Да я за Чигена башку тебе оторву! Понял?

Знал, он, чёрт, что слабая моя сторона – вот эти ребята. Не за себя же я там начал стараться и гадов на чистую воду выводить. Их спасал. А они-то все как раз на его стороне. Его закон тут правит. И надо ему было, чтобы я унижен был.

Всё думаю, выбираться пора, больше здесь делать нечего. Поднялся, чтобы уйти.

– Ну, давай, иди сюда…иди! Ты же крутой у нас, – это он подпрыгивает, делает вид, что драться собрался. Я повернулся к выходу, и вышло что-то странное. Как только этот переместился к Чигену, будто вселился в него, но больше я его, чёрта, не видел... Чиген, как пружина на меня прыгнул, сбил с ног и давай пинать. Вдруг понял я – убивать будет.

И тут я старика давешнего увидел. Понимаешь, я от чигеновых ног руками закрываюсь, как могу, некогда по сторонам смотреть, а увидел. Не столько, кажется, глазами, сколько внутри своей головы. И увидел-то его не где-нибудь, а именно там, среди этой пьяной толпы. Опять же – сам по себе он стоял, как тогда у остановки. И попросил я его о помощи.

Чиген меня бить перестал. Глянул я на него, а он бледный, глаза безумные, как-то качаясь, от меня потихоньку, пятится. Вроде ко мне порывается, а сам от меня отходит. И тут у Чигена кровь носом пошла. Повалился он на пол. Я медленно поднялся, весь в крови, грязный, и пошёл к выходу.

ДРУГОЙ ДОРОГИ НЕТ

И пока шёл, мне казалось, что старик всё ещё где-то рядом… Уже ночь стояла. Подхожу к остановке, будка её впереди виднеется. А в голове одна мысль: «Скорее домой. Подальше отсюда».

А из будки мне навстречу – человек. Уступил я ему дорогу, прохожу мимо, даже не посмотрел. А он зовёт меня по имени. Кычык это был по голосу.

– Ты, что меня не узнаёшь? Подожди.… Вместе пойдём!

Иду, не оборачиваясь. Такое состояние, что не хочу никого видеть.

– Я ж тебя ждал! Целых три часа мёрз, а ты меня подождать не можешь! – кричит. А я как заведённый – дальше. Так вот и поднялись мы с ним на перевал, что между нашими сёлами.

– Ты что, скотина неблагодарная, подождать не можешь? – плетётся он позади, и то ругается на меня, то грозится, а то умоляет. Спустились с перевала, и уже не далеко от речки вдруг холодом повеяло. Этот холод я и внутри почувствовал. Не по себе даже. Там, на крыльце такой же холод шёл от «утопленника» с мёртвыми глазами, но сейчас намного сильнее. Смотрю, впереди какой-то всадник появился. В темноте непонятно, все чёрные. Но этот и в самом деле был чёрный. А Кычык сзади как закричит:

– Стой, подожди, смотри, кто впереди, подожди, вместе пройдем!

А мне уже всё равно было, хоть кто пусть там будет – домой иду, и всё тут.

– Да стой же! – кричит Кычык. – Подожди, боюсь я его!

А потом, вдруг заплакал:

– За что же ты так со мной? Что я тебе плохого сделал, остановись, дождись меня!

…А я поравнялся со всадником, и он пропустил меня. И слышу чей-то голос:

– Тебе что было сказано?

И вдруг плеть хлестнула, и плач перешел на вой.

– Влад, прошу тебя, вернись!

А я уже через речку перебрался. Первый раз Кычык меня по имени назвал – и то, как потом выяснилось, после смерти, и то под плетью, спасая себя…

За речкой на меня навалилась страшная усталость. С ног падаю, хочу присесть, думаю, вздремну чуток и пойду дальше. Вдруг вижу впереди свет: может быть, машина едет. Нет, не машина. А свет к себе тянет. Я и пошёл на него. И будто сил прибавились. Так и шёл на свет, пока уже недалеко от посёлка старика своего не увидел – сияние от него исходило. Раньше я думал, так только в сказках бывает.

А что же такое сказки? Понимаешь, потом я узнал, что Кычыка на автобусной остановке, замёрзшим в будке нашли. Кто ж тогда за мною шёл и разговаривал? И кто меня подгонял, чтобы я не слушал, не остановился и не повернулся к нему?

Влад посмотрел на меня, и не столько ждал ответа, сколько, казалось мне, веры в свой рассказ. Но я, сбитый с толку, не знал, что и ответить… Я слышал, что все бомжи-алкаши уезжали в Койрык. Слышал о Кычыке, замёрзшем на автобусной остановке. И что Чигену не поздоровилось.

Но рассказанное Владом не умещалось в моём сознании. И он, поняв это, вернулся к печи, подкинул ещё поленьев и закрыл дверцу…

– Старик стоял и ждал меня. И мы пошли вместе. Он шёл, молча – и я шёл вместе с ним. Я был измотан и чувствовал в себе страшную усталость. И старик, я знаю, понимал меня. Мне казалось, я должен его о чём-то спросить. Но никак не мог понять, что именно. И тогда он просто сказал:

– Мне больше ста лет. Всю жизнь я молился и стремился всей душой к Богу. Он услышал мои молитвы и вчера сошёл Свет с Неба. Раскрылась душа моя, и к силе души моей была дана сила Неба …

– Так это ангел? – перебил его я. – Ангел нас всех до смерти перепугал? Думали – крыша едет. Так я скажу всем, чтобы успокоились! Раз не по нашу душу это было.

А старец посмотрел внимательно и строго. Ответил:

– Обратной дороги у тебя нет. Твой выбор уже сделан. Осталось только укрепиться в этом.

Эти последние слова он произнёс с такой силой, что во мне появилась уверенность, душа стала тверда, но вскоре и уверенность эта прошла, и я опять стал самим собой, обычным. Видя мою неустойчивость, он сказал:

– Властны над тобой соблазны мира сего. Одолеть ты их должен сам, не одолеешь – и отнимется у тебя то, что имеешь. А одолеешь – приумножится к тому, что имеешь и придёшь ко мне.

Я почему-то рассеянно отвернулся, а когда снова обернулся к старику, то увидел только странный, слабый, угасающий свет, на том месте, где он ещё недавно стоял.

Я походил кругом, даже позвал его, Но его уже нигде не было. И тогда я пошёл домой. Три дня сидел дома, не зная, что делать, а позавчера эти четверо нашли меня. Они пришли во сне. Сначала я с ними боролся, а потом стали они меня одолевать, и тут я проснулся. Проснулся оттого, что старик будто позвал меня. Я слышал его голос отчётливо и ясно. Было ощущение, что я в своём домике не один. Включил свет и всю ночь не спал. А вчера, видя, что не сплю, они явились ко мне наяву. Я услышал стук снаружи – открыл дверь, а никого нет. Потом опять стук и опять – никого. Я вышел на крыльцо смотрю, какая-то свинья возле крыльца, я её отпихнул ногой и зашёл в дом, а когда зашёл, то подумал: откуда тут свинья? Вышел обратно, а никакой свиньи нет, возле крыльца стоит чёрный маленький конь. Меньше пони. Размером с овцу. Но какой у него был взгляд!..

Влад весь передёрнулся и даже побледнел.

– В них была человеческая мысль. Не помню, как заскочил в дом и думал лишь об одном: «Огня надо побольше… Огня!» Так и сидел всю ночь. И только глаза закроются, так – вот они, четверо. Понял, что сегодняшнюю ночь не выдержу и прибежал к тебе. Гнались они за мной да не взяли.

Влад замолчал, к чему-то прислушиваясь:

– Слышишь их? – шёпотом спросил он у меня. Я прислушался, но было тихо. Его бледный испуганный вид, прерывистое дыхание, шёпот – странным образом подействовали на меня, и его страх передался мне. Но потом я встряхнулся и постарался отогнать от себя прочь всякие мысли о чертях: «Человек действительно болен», – сказал я сам себе. Но ведь, какую складную историю рассказал – с реальными совпадениями последних нескольких дней. Это надо же, а!

– Чем же я могу тебе помочь? – спросил я. – В таких делах я ведь ничего не смыслю.

– Я попрошу тебя не поспать всего одну ночь, – сказал Влад. – Ты узнаешь всё, что надо будет делать, и поймёшь, когда. Сегодня мне надо выспаться. А потом я уйду. Я знаю куда.

Мы приготовили все свечи, что были в доме. Влад прилёг отдохнуть, а я зажёг свечу (при этом, не выключая электрический свет), взял книгу, сел рядом с Владом и стал читать. В какой-то момент я почувствовал холодок. Будто ветерок налетел на меня. Я подумал, что открылась дверь, и появился сквозняк, но дверь была заперта. И в этот момент Влад захрипел и забился. Я догадался, что нужно поднести свечу, схватил её и поднёс к Владу, и тут случилось странное – моя рука сама, будто управляемая кем-то, несколько раз совершила одно и то же движение, и Влад успокоился и заснул. Удивленный, я поддержал несколько минут свечу, а потом вернул её на место. Не стану говорить, какую фигуру рисовала моя рука, пусть это будет пока моей тайной. За ночь такие тревожные минуты были ещё не раз, и я просто, не знаю, как можно их объяснить.

Утром он ушёл. Ничего не было о нём известно до самой весны. Я справлялся у его родных, но и они тоже ничего не знали. Поговаривали, что он лежит в клинике для душевнобольных.

И вся эта невероятная история тоже стала забываться, а весной пришёл ко мне Влад. И это был уже совершенно другой человек. Не стало в нём прежней болезненной подозрительности. А при встрече даже вежливо поклонился, что было для него совершенно ново. Он также сел у печки – как сидел той осенью. Смотрел вокруг спокойным и чистым взглядом. Я бы сказал, что это был человек, уверенный, определившийся в жизни.

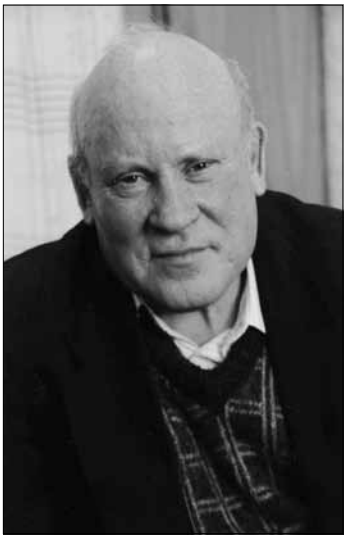
– Спасибо тебе за тот вечер. За помощь! Может, быть, потом я расскажу тебе всё. А сейчас скажу лишь, что я увидел искрицу Света в сердце своем. Это маленькая, крохотная, меньше игольного кончика, точечка. Я хочу, чтобы она зрела во мне и росла…

Влад говорил легко и свободно. Говорил, как человек освободившийся. Как человек, знающий, о чём твердит. Чтобы понять его, это надо было услышать. Его голос. Его речь. Почувствовать силу его убежденности и веры. Вскоре он встал, попрощался со мной и ушёл.

Но прежде чем закрылась за ним дверь, он остановился на пороге и сказал:

– Видишь ли, уж так получилось, что переступил я черту, и они, Добро и Зло, стали реальны для меня. Живут со мной. И иной дороги уже нет.

Он вышел. Уже много лет я ничего о нём не знаю. Но почему-то верю, что мы ещё встретимся, и, возможно, он расскажет ещё одну невероятную историю.



Анатолий СУЗДАЛЬЦЕВ

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ НУЖНЕЕ ВСЕГО И ДОРОЖЕ

* * *

Вот и погас багровый закат.
Никого вокруг на десяток вёрст.
В резиновой лодке плыву наугад
Один по озеру среди звёзд.

Терпкий чай вскипячу на костре.
Буду устраиваться на ночлег.
В прошлом году об этой поре
Сковало озёра и выпал снег.

На зорьке становится холодней,
Уже неуютно сидеть в скрадке.
Ещё, наверно, несколько дней,
И на озере будет как на катке.

Выйду ночью,
прислушаюсь к тишине –
Над охотничьим домиком
утки летят.
Где-то, невидимые в вышине,
Быстрые крылья
свистят, шелестят.

Видно, с утра загудит тайга
От криков надрывных
гусей, лебедей.
Следом за ними летит пурга,
Если отстанешь, то быть беде.

Пора выходить из тайги,
ждут дети, жена.
Будет непросто
попутку найти в селе.
А всё ж на такой охоте
собака нужна,
С собакой было бы веселей.

СУЗДАЛЬЦЕВ Анатолий Фёдорович *родился 13 октября 1938 года в селе Лебеди Промышленновского района Кемеровской области. В 1962 году окончил Томский государственный университет. С 1966 года живёт в Магаданской области. Более сорока лет работал в журналистике.*

Стихи А. Суздальцева печатались в журналах «Сибирские огни», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Дальний Восток», «Огни Кузбасса», «Колымские просторы», в многочисленных коллективных сборниках, которые выходили в Кемерове, Томске, Магадане и Москве, в антологиях «Русская сибирская поэзия, XX век», «Слово о матери» и ряде других изданий.

Анатолий Суздальцев – автор сборников стихов «Далёкого детства река» и «Прибавление света», а также книги прозы «Красное яблоко на белой скатерти».

А. Суздальцев – член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры за 2011 год, лауреат премии органов местного самоуправления города Магадана «Человек года-2012» в номинации «За достижения в сфере литературы» и ряда других премий.

Живёт в г. Магадане.

ПОЙДЁМ ЖЕ, СОБАЧКА, СО МНОЙ

Не просто пройти здесь
и лап не поранить собакам,
И всё же, мой пёсик, придётся идти напролом.
Асфальт перед клумбой цветочной,
и мусорным баком,
И входом в шашлычную битым усеян стеклом.

Старушка в жилете оранжевом
лагерным матом
Вандалов ночных,
на метлу опершись, костерит.
Прорвётся ли крик этот в души её супостатам,
Крапивой-бурьяном заросшие как пустыри?

Нам в белые ночи от их сатанинской забавы
Давно уже даже не снятся покой и уют.
Скажите хоть кто-нибудь,
скоро ль иссякнут оравы
Оболтусов, бьющих бутылки?
Где пьют, там и бьют.

Под окнами
пьяный галдёж и полночные драки –
Всё это обрыдло, простите мою прямоту.
…Я кустик полыни сломлю
и проход для собаки
Пахучими ветками там, где смогу, прометy.

Скорее туда, где ни пыли, ни гари бензина,
Разбрызганных стёкол
и прочей отравы для глаз.
Как резво за мелкими пташками
носится псина
По мягкой траве
в этот утренний радостный час.

Вдоль узкой речушки
ведёт нас тропинка лесная
Прелестным маршрутом,
что нам досконально знаком.
…Обидно, однако,
что многие люди не знают,
Как больно порою собаке
идти по двору босиком.

РОМАНС

Гадать об этом не берусь,
Не стоит горевать напрасно,
Но он придёт, тот день ненастный,
Когда я словно бы очнусь.

Боль, что ещё недавно жгла,
Мне больше не тревожит душу,
Но я внезапно обнаружу,
Что жизнь, считай, уже прошла.

Зачем я так нескладно жил,
Искал удачу, как старатель?
Не только месяцы растратил,
Но годы по ветру пустил.

Обидой допьяна упьюсь,
Слезами горькими умоюсь.
А за окном туман и морось,
Рябины облетевший куст...

Конечно, осень не права,
Что быстро так отшелестела
Её червонная листва,
Ведь я ещё так мало сделал.

Кто знает, годы или дни
Остались у меня в запасе.
Я их транжирить не согласен –
Дороже золота они.

МЕЖДУ ОЙМЯКОНОМ И МАГАДАНОМ

Мы с друзьями по-прежнему верим,
что Север прекрасен,
Но скажу откровенно,
что в стужу жилось нелегко нам
В занесённом снегом посёлочке
на Колымской трассе
Между Магаданом и Оймяконом.

Коренною зимой,
когда давят морозы большие,
Ощущаешь порой, будто весь ты
насквозь промороженный.
Тяжело тем, кто держится
сам по себе, на отшибе.
Человек человеку
всего здесь нужней и дороже.

Жили весело, дружно,
усталость душе не грозила,
И случались по первости
только простудные хвори.
Жизнь моя удалая
была молодой и красивой
И, считай, впереди ещё вся,
простиралась, как море.

Кто теперь вспоминает
про наше колымское братство?
То, что было, прошло
и едва ли уже повторится.
Старый друг, что из наледи мне
помогал выбираться,
Чтобы выжить, на рынке Покровском
торгует в столице.

Нынче жёсткое время.
Я видел, свидетель невольный,
Как один за другим
погибали посёлки на трассе.
Сорок лет я работал здесь.
Было бы горько мне, больно,
Если б только доподлинно знал,
что трудился напрасно.

Ждём хороших вестей,
перемен, очевидно, нескорых...
Ты звездой ледяною свети мне,
мерцай неустанно,
Мой посёлок далёкий,
затерянный в белых просторах,
Между Оймяконом и Магаданом.

ШИПОВНИК

В середине колымского лета
Целый месяц почти напролёт
Торжествующим
яростным цветом
Возле трассы шиповник цветёт.

То в росе,
то в пыли придорожной,
Под ударами ветра и гроз,
Дальний родственник
ясновельможных,
Южным солнцем
обласканных роз,

Всё он стерпит,
бродяга колючий,
Град и ливень ему не впервой.
И проносятся низкие тучи
Над косматой его головой.

Утверждая себя непреклонно
В заповедном краю мерзлоты,
Он победно ликует на склонах,
На высотах, что с боем взяты.

Вызывающе прост и прекрасен,
Он пылает зари горячей.
Как светло в это время на трассе
В лёгком сумраке белых ночей.

И на сердце чуть-чуть веселее,
Оттого что вдоль горной реки
На откосах крутых пламенеют
Целый месяц его лепестки.

СЛОВО КЛИМЕНТА,

Председателя издательского Совета Русской Православной Церкви, Митрополита Калужского и Боровского

Уважаемые члены Союза писателей России!
Дорогие братья и сестры!

От всего сердца приветствовать участников и гостей съезда Союза писателей России, собравшихся, на освященной духовным и воинским подвигом наших предков, богатой литературными талантами Калужской земле.

Слово человека изначально имеет духовную природу. Само происхождение его – Божественное. Словом Господь творил вселенную, Словом именуется одна из ипостасей Божества – Бог-Сын, воплотившийся и исполнивший домостроительство Божие о спасении человеческого рода. В начале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог, – говорит нам Евангелие от Иоанна (Ин., 1, 1).

Такой высочайшей ценностью обладает слово у Господа. Образ Божественного творческого слова усваивается людьми в той степени, в какой человек развивает в себе образ и подобие Божие. У первочеловека Адама главной функцией слова было Богообщение. Таково, в сущности, его истинное назначение во все времена. Однако с грехопадением прародителей слово человека также пало и извратилось.

Появление литературы, как важнейшего фактора формирования личности человека, связано с дальнейшей эволюцией слова. С одной стороны, оно стало обслуживать интересы отдельных сообществ людей и общества в целом, все дальше уходящего от Бога, с другой – сделалось формой и способом восстановления завета человека с Богом. Неслучайно древнейшим историческим и литературным памятником является Библия, содержащая в себе фиксацию этого завета. Обращенность к Богу или сознательное удаление от Него – вот на наш взгляд, принципиальное отличие между двумя линиями развития мировой литературы, которое прослеживается в веках, и которое достаточно ясно видно в наши дни. Когда Христос воплотился, чтобы искупить грехи человеческого рода, он исцелил и наше слово, даровав свое Божественное слово – Святое Евангелие. С тех пор Евангелие является фундаментом развития словесности и главным критерием ее соответствия истине. Литература на протяжении первых полутора тысяч лет христианской эры во многом опиралась на Евангелие. Но жива была и другая линия, уводящая от Бога, и эта линия ведет к секуляризации сознания человека.

Задача литературы развивать у человека устремленность к добру. Это всегда было характерной чертой русской литературой.

Произведения таких великих русских писателей, как Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Достоевский вошли в духовный мир русского человека, как его неотъемлемая составляющая, а глубоко христианская по своей внутренней сути содержащаяся в них система ценностей стала одной из основ национального духа. Причем это была настолько прочная основа, что даже многолетние усилия по наполнению ее чуждым идеологическим содержанием, не смогли вытеснить духовное начало из литературы. Влияние русской классической литературы на духовно-нравственную и культурную жизнь народа в советские годы постоянно усиливалось, формируя его самосознание.

Кризис влияния литературы на общество приходится на конец XX – начало XXI века, которые стали временем трансформации национального менталитета. Сегодня в нашем обществе, в нашем народе, который испытывает на себе сильнейшее губительное воздействие со стороны так называемой «массовой культуры», размыто само понятие художественной литературы.

С другой стороны, внутри литературного процесса в нашей стране существует ряд тенденций, возникших также во многом по причине навязанных «обществом потребления» ложных ценностей.

Во-первых, это тотальная коммерциализация литературы, приравнивание художественного слова к продукции и товару, реализуемому в рамках рыночной экономической системы. С этим связано обилие псевдолитературных поделок крайне низкого художественного уровня, как правило, безыдейных, зачастую просто эксплуатирующих человеческие инстинкты и служащих единственно развлекательным целям. К сожалению, это болезнь всеобщая, захватившая не только светские, но и отчасти некоторые церковные издательства, требующая длительного и непростого лечения.

Во-вторых, это расчеловечивание литературы, происходящее в рамках постмодернизма, для которого характерен принципиальный отказ от любой ценностной установки, а также неприятие любого, не только духовного смысла. В конечном итоге это ведет к опустошению внутреннего мира человека, к его превращению в лучшем случае – в агрессивного индивидуалиста с чрезвычайно узкими интересами, а в худшем – просто в потребляющий механизм. Такое течение в литературе активно развивается на Западе, находит своих приверженцев и в России, приводя к настоящей духовной катастрофе своих читателей.

Русскую Православную Церковь очень тревожит то положение, в котором сегодня находится отечественная словесность. Со своей стороны, Церковь

предпринимает ряд конкретных усилий, чтобы поддержать тех писателей, произведения которых способствуют развитию личности, помогают человеку расти духовно и нравственно. И такие усилия находят горячую поддержку всех здоровых сил писательского сообщества нашей страны. В связи с этим хочу остановиться на некоторых важнейших проектах, успешно реализуемых Русской Православной Церкви в тесном взаимодействии с Союзом писателей России.

Основным мероприятием, проводимым на регулярной основе с 2011 года, является Патриаршая литературная премия святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, которая вручается писателям, творчество которых основывается на ценностях православного христианства, внесшим существенный вклад в современную литературу. Премию вручает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Патриаршая литературная премия призвана привлечь внимание читателей и широких общественных масс к творчеству писателей, поэтов, драматургов, произведения которых отличает высокий художественный уровень и глубокая идейность, в центре которых – внутренний мир человека и духовная проблематика.

На протяжении ряда лет Издательским Советом и Союзом писателей России совместно с Всемирным Русским Народным Собором и рядом государственных и общественных организаций проводится литературно-художественный конкурс для детей и юношества «Гренадеры, вперед!» Цели конкурса – возрождение и поддержка традиций патриотизма среди детей и юношества, воспитание молодого поколения в духе уважения к своим историческим корням.

Среди последних совместных инициатив Издательского Совета и Союза писателей – проекты, связанные с популяризаций Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия среди молодежи, а также проведение детского литературного конкурса «Наследники».

В рамках подготовки и реализации отмеченных проектов в 2013 году Издательским Советом и Книжным клубом Союза писателей была организована творческая встреча лауреата Патриаршей литературной премии со школьниками старших классов. Встреча показала, как чутко воспринимает молодежь духовную сторону творчества писателя, как необходимо им такое общение.

Много и других совместных проектов мы имеет с Союзом писателей России, и это сотрудничество приносит положительные результаты. Хотелось бы, чтобы в будущем было больше интересных совместных проектов, которые охватывали бы не только центр, но самые разные регионы России.

Желаю всем участникам съезда Союза плодотворной работы, творческих успехов, неизменной помощи Божией во всех их делах и начинаниях!

Николай ИВАНОВ,
сопредседатель правления СП России.

ПОД СЕНЬЮ ЗНАМЕНИ ПОБЕДЫ

1.

В начале перестройки тогдашний руководитель Союза писателей Юрий Васильевич Бондарев сравнил нашу страну с самолетом, который поднялся в небо без четких ориентиров, без карт и компаса, новигационных приборов, без радиосвязи, с невнятно проговоренным курсом и без обозначения аэродрома приземления.

К сожалению, он оказался прав.

В этой связи мне вспоминается недавний случай (сентябрь 2010 года) в небе над Ухтой в Республике Коми, когда у пассажирского самолета на высоте более 10 000 метров полностью отказало электрооборудование, прекратилась подача топлива и срочно потребовалась аварийная посадка в ручном режиме. Под крылом неслась сплошная тайга и надежды на спасения ни у экипажа, ни у пассажиров не оставалось.

И вдруг среди зеленого сплошного массива показался хотя и маленький, но аэродром, не нанесенный на новых полетных картах России.

Случилось чудо: более 20 лет за этим заброшенным военным аэродромом по собственной инициативе ухаживал оставшийся жить рядом с ним бывший работник из технического персонала. Зачем? Ради чего? Но не будь этого, казалось бы, бессмысленного труда, посадки бы не произошло и самолет с 70 пассажирами врезался бы в тайгу.

Наш Союз, наша писательская работа представляются мне как раз этим аэродромом и этим аэродромным рабочим, который словно ради одного этого случая 20 лет не давал исчезнуть аварийной площадке приземления. «России-самолету», взлетевшему в начале перестройки без ориентиров, тоже есть где приземлиться: аэродром нравственности, духовности все эти годы также безденежно, «чудоковато», практически безнадежно, но хранили, оберегали, вырубая сорняк и счищая снег и наледь, чистили и чистят под посадочную полосу русские писатели.

2.

Есть символы, есть высоты, которые мы не должны отдавать никому. Мы вступаем в период подготовки 70-летия Победы, которое будет через два года. Мне представляется крайне необходи-

мым и срочным в региональных организациях выделить направления, посвященные этой дате. Дата потом сама «потянет» за собой массу мероприятий, но очень хочется, чтобы это стало системной нашей работой, в чем-то единой для всего Союза писателей, на всем пространстве России.

Хочу вынести на рассмотрение нашего форума проект «Знамя Победы».

22 июня 2011 года, в день 70-летия со дня начала Великой Отечественной войны, на Пленуме в городе-герое Смоленске Союзу писателей России была передана фронтовиком-матросом Михаилом Годенко на вечное хранение копия Знамени Победы.

Предлагаю: пусть она побывает во всех городах-героях и городах воинской славы России. Пусть она взовьется на Северном полюсе: здесь просьба к Валерию Николаевичу Ганичеву переговорить с Артуром Челингаровым. Тот опустил на дно полюса герб России, застолбив наше географическое присутствие, мы готовы поднять Знамя Победы над полюсом как символ духовной силы, нравственности и жертвенного подвига нашего народа. Пусть оно побывает в самых крайних точках России, на стыке Европы и Азии, в наших святых литературных местах, связанных с писателями-фронтовиками – полковниками Шолоховым, Твардовским, Алексеевым, Карповым, Стаднюком, писателями Мустаем Карим, Мусой Джалилем и другими. Ясно, что оно должно пройти северным конвоем – здесь работа и договоренности наших писателей из Мурманска и Архангельска. Побывать на Эльбрусе – ждем предложений от кабардинцев и балкарцев, где только недавно, после подтаивания ледников, подняли останки еще 45 бойцов Красной Армии. Доехать в конечном счете до рейхстага и Трептов-парка.

И не просто принести или пронести Знамя, тут большого ума не надо, а провести встречи с читателями, учениками, студентами, солдатами. Провести читательские конференции по книгам о Великой Отечественной. Написать диктанты или сочинения при встречах со школьниками на материале книг о Великой Отечественной. Вспомнить имена великих наших фронтовиков-мастеров слова. Привести в порядок могилы ушедших участников войны, издать их воспоминания, включить в областные издательские проекты лучшие их книги. Прекрасна инициатива Томской писательской организации во главе с Геннадием Скарлыгиным, которые уже создали «Томский литературный некрополь», в котором учтены каждая могила, каждый памятник ушедших писателей. П

Важно и нам самим, как писателям, нащупать тот нерв, ту тональность, которая и нам даст создать, выплеснуть собственные произведения, не опускаясь ниже того нравственного уровня, который предполагает акция. Знамя Победы – это наша высота. Это объединение людей и взглядов. Это память к прошлому и устремленность в будущее. Чем, собственно, и живет Союз писателей России. Как сказал еще Николай Некрасов:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

А что такое гражданин?

…Он как свои, на теле носит
Все раны Родины своей.

Готов возглавить этот проект, разработать его структуру. При этом жду предложений от всех, кому может показаться интересной эта идея. Это будет наша строка в память о победе, наша память, наша ступень, ниже которой не должны будут опуститься следующие поколения писателей. Писатель – это не только его книги, это и его жизнь, его поступки. Чтобы однажды кто-то сказал о нашей жизни и нашем творчестве так, как сказал на праздновании 75-летия Валентина Григорьевича Распутина наш замечательный Михаил Иванович Ножкин: «Распутин глубок и чист, как Байкал».

Дотянуться бы всем нам хотя бы малой толикой до такого определения.

Станислав КУНЯЕВ,
главный редактор журнала
«Наш современник

ЭПОХА ГАНИЧЕВА – ЭТО И МОЯ ЭПОХА

Сегодня мы обсуждаем эпоху Ганичева – целых 18 лет в истории Союза писателей России. После эпохи Соболева, Михалкова, Бондарева. Говорю это с печалью, потому что это и моя эпоха. То же самое мог бы сказать и Валентин Распутин, и покойный Василий Белов, и Феликс Кузнецов, и Александр Проханов. В СП я был принят 53 года тому назад. И вне Союза до сих пор не представляю своей литературной судьбы.

Когда в 1994 году мы выдвигали на этот пост ещё молодого Ганичева, его естественным конкурентом был Юрий Васильевич Бондарев. Я его уважал и любил и как гражданина, и как фронтовика, и как писателя. Но прекрасно при этом понимал, что Ю. В., сказавший в 1987 году, что «страна, взлетевшая в начале перестройки, как самолёт, не знает, куда ей приземлиться», спустя 10 лет в разгар криминальной революции перестал понимать время,

отгородился от него заслуженной славой и окружил себя людьми умеющими осыпать его похвалами. И потому он не видел путей спасения СП. В этом смысле он был похож на другого честного фронтовика Сергея Викулова, который в 1989 году сказал мне:

— Станислав! Я не понимаю нового времени. И не вижу, как вести журнал. Возьми его в свои руки!

Вот почему в 1995 году я поддержал Ганичева, имеющего и дипломатические способности, и тесные связи с сильными мира сего, пришедшими на службу новой власти из советской номенклатуры. За Ганичевым был опыт, накопленный в комсомоле, в «Молодой гвардии», в «Комсомольской правде». Он обладал качествами необходимыми для выживания СП в «лихие 90-тые», качествами, которых не было у советского олимпийца Ю. В. Б. Поэтому все последующие годы я поддерживал В. Н. всем, чем мог: публиковал всё, что выходило из-под его пера в журнале, выполнял все его просьбы и поручения. А когда на предыдущем съезде мои близкие друзья Личутин и Бондаренко повели себя грубо и несправедливо, когда Личутин не постыдился посмеяться над его возрастом в »ЛР»: «Я представляю, как столетнего Ганичева вносит на закорках в СП громко похохатывая смоленский поэт Виктор Смирнов», я не простил им такого глумления и жёстко ответил обоим в своём выступлении на съезде, а потом и в печати. С Бондаренко мы помирились. А с Личутиным, получившим от Ганичева все возможные премии, а сегодня перебежавшим к Полякову, не разговариваю до сих пор.

Когда же поляковская команда, мстя Ганичеву за поддержку МЛФ, спустила на него всех телевизионных овчарок от Караулова до Владимира Соловьёва, я защитил его имя в статье «Соблазны чубайсовщины, где писал: **«Поляков заявляет на десятки миллионов телезрителей: «Ну а кто руководит Союзом писателей России – некто Ганичев! Знаете Вы такого писателя?» И телешоумен Соловьёв с иезуитской улыбкой отвечает на вопрос Полякова: «Нет, не знаем!» И сказано это было об авторе уже знаменитой, выдержавшей несколько изданий книги об адмирале Ушакове, книги , которая во многом способствовала тому, что Русская Православная Церковь канонизировала великого флотоводца… О руководителе, о котором Святейший патриарх на встрече с писателями сказал, что преодолено средостение между Русской Православной Церковью и русскими писателями…»** Это я писал и печатал в 2008 году.

А нынешним летом, желая сорвать наш съезд, «ЛГ» в 18 номерах подряд опубликовала около 30 материалов, в которых потоки вранья и глумления обрушились на МЛФ и, конечно же, на Союз писателей России. «ЛГ» глумилась над Ганичевым, которому по словам её борзописцев «удалось окучить ряд государственных структур», чтобы провести пленум в Барнауле. Более того, «поляковцы», пытаясь сорвать наш съезд, потребовали от калужского губернатора Артамонова «не спонсировать так называемый съезд писателей России («ЛГ» № 28, 13).

Настоящую ярость вызывает у поляковских шавок и сопредседатель СП России, замечательный прозаик, лауреат первой литературной патриаршей премии Владимир Крупин, которого они обозвали «бесогоном» (чует кошка, чьё мясо съела!), и которому эти мелкие газетные бесы приписали слова, якобы сказанные Крупиным в Барнауле, где его и не было на пленуме.

Отпор всему этому потоку лжи мы дали в одном из последних номеров нашей литературной газеты, и в «Нашем современнике» в статье «Над пропостью во лжи». Единственный, кого недавно похвалила «ЛГ» – это Геннадий Иванов, который «преданно служит общему делу» (по словам Набатниковой). Но какое «общее дело» есть у СП и «ЛГ», которая спит и видит, чтобы СП раскололся – не понятно.

Однако всё вышесказанное совершенно не означает, что будущему руководству СП России можно почивать на лаврах и продолжать работу в традиционном русле, ибо на дворе – новое время.

Точно так же, как команда Бондарева к 1995 году исчерпала свой ресурс, такие же признаки апатии, непонимания времени и бессилия стали очевидными у нынешнего руководства Союза. Главная беда состоит в том, что по разным причинам нынешнее руководство СП довело материальное положение своей центральной организации и нашего легендарного Дома, как говорится, до ручки. Загляните в отчёт о работе СП между съездами. Тут перечисление сплошных праздников, юбилеев, фестивалей, наградных компаний, выставки, конкурсы, круглые столы, открытие памятников и ни слова об экономических достижениях или трудностях, о материальной базе, об юридических победах или поражениях, об исполнении годового бюджета, о долгах, о том, на какие средства будет жить СПР сегодня.

В эпоху Ганичева мы распоряжались всеми тремя этажами Дома писателей. В подвальном помещении у нас был ресторан, приносивший доход. Мы сдавали в аренду площади, содержали целый штат сотрудников (более 30 человек), получавших полноценную зарплату, имели бухгалтерию, имели 15% акций ИПО писателей, имели дорогостоящее оборудование для полноценной компактной типографии, имели средства на командировочные расходы, на книгоиздание, на оплату за чтение рукописей в приёмной комиссии. Имели в своём распоряжении Бюро пропаганды Художественной литературы с обширными площадями в самом центре Москвы.

Но после того, как руководство СП не смогло отстоять рейдерский натиск чиновников весьма высокого ранга, капитулировало, отдав им третий этаж особняка и согласилось на «безвозмездное пользование» без права сдачи площадей в субаренду, мы быстро обнищали. Сразу стало нечем платить зарплату, коммуналку, работу приёмной комиссии, оплачивать ремонт. Почти четыре года аппарат СП не получает зарплату. Естественно, что он разбежался, и что Ганичеву пришлось отказаться от Бюро пропаганды вместе со всеми его помещениями.

Да, конечно, новое время принесло всем общественным организациям неимоверные испытания. Но московская писательская организация свой дом отстояла, Союз российских писателей выстроил себе в центре Москвы особняк и получает от его использования средства для своей деятельности.

МЛФ отстоял, пройдя через все судебные испытания, всё, что можно было отстоять: рестораны, подвалы, бывшие ателье, дом на Черняховского, Переделкино, Внуково, Голицыно, возродил Комарово, спас книжные лавки в Питере и в Москве, произвёл блистательный ремонт Дома Ростовых. А всё потому, что всем комплексом «не литературных», а юридических, хозяйственных, экономических, правовых и прочих дел занималась энергичная команда во главе с поэтом и слава Богу что ещё и выдающимся «хозяйственником» Иваном Переверзиным.

Я тоже хозяйственник поневоле. Скажу ещё, что все творческие союзы России – художники, театральные деятели, журналисты, архитекторы, композиторы – все сохранили в наше криминальное время свои центральные офисы в Москве. Только одни писатели стоят у порога своего легендарного особняка, как у разбитого корыта. Приходится признать, что нынешнее руководство Союза не смогло мобилизоваться для борьбы. А команда не сумела, опираясь на авторитет своего пусть постаревшего и уставшего лидера, решить все проблемы.

На днях мы получили горестное письмо из Вологды, где живут и работают 50 членов Союза, из которых более чем 30 постоянно печатаются на страницах «НС». Вологодская земля – родина Клюева, Ганина, Шаламова, Белова, Рубцова, Яшина, Сергея Орлова, Викулова – это по моему мнению третья столица России.

В письме сказано: **«В связи со сложной финансово-экономической ситуацией, сложившейся в Вологодской области, писательская организация испытывает острые финансовые затруднения. Чтобы сохранить организацию, как юридическое лицо, необходимы финансовые средства на оплату бухгалтерских услуг, содержание арендуемых помещений, коммунальные услуги, включая задолжность за 2012 год.**

Просим оказать финансовую поддержку Вологодскому региональному отделению Союза писателей России в размере 150 (сто пятьдесят) тыс. руб.»

Пишут кому? Мне и Переверзину о том, что местным властям нет до них никакого дела. Пишут нам, но не нынешнему руководству СП России, прямой долг которого добиваться у местных властей лучшего отношения к писателям. Ну, конечно, мы оказали им эту помощь, поскольку вологодская организация – моя любимая после калужской. Но это лишь одноразовый выход из положения. Я написал письмо губернатору Вологодской области с просьбой помочь писателям. Но не знаю, как они выживут в 2014 году.

Если команда не смогла использовать все возможности в лучшие времена, когда В. Н. Г. мог напрямую войти к Черномырдину, когда с ним в одно время работали в элите его товарищи из недавнего советского прошлого, когда он был крепок здоровьем, когда у СП были деньги и полноценные кадры, то есть ли у нас надежда на спасение СП в наше время – без денег, без армии сотрудников, при новой формации чиновников, не знающих, кто такой Ганичев, при враждебном отношении к нам Министерства культуры?

Обессиленный в финансовом и кадровом отношении нынешний СП не в состоянии оказывать никакой реальной помощи областным писательским организациям.

Чувствуя слабости центра, на местах опять, как в начале 90-тых, нарастают сепаратистские настроения – раскалываются до этого единые организации в Иркутске, в Красноярске, в Нижнем Новгороде. Пресечь этот сепаратизм – прямой долг центрального руководства. А оно опустило руки, словно бы говоря – «живите, как хотите».

СП получил письмо от Минкульта, о том что с 1 января 2014 г. Дом на Комсомольском будет поставлен на ремонт. А вернёмся ли мы туда после ремонта? Неизвестно. И на каких условиях. Гарантий нам никто пока не даёт.

В. Н.! кадры решают всё! В связи со смертью С. Лыкошина, И. Ляпина, В. Числова, Н. Сергованцева, в связи с уходом из команды отличных работников – Л. Барановой и В. Середина – (который, практически работает в МЛФ и зарплату получает там) Ваша команда явно ослабела. Два Ваших верных оруженосца С. Котькало и Г. Иванов не в силах совершать необходимый объём работы, нужный для оздоровления Союза. М. б. нам на съезде создать институт Ваших заместителей, наделив их реальной властью? Я, к примеру, в их числе хотел бы видеть И. Переверзина, В. Крупина, Н. Иванова, Л. Баранову, конечно же, и Середина, а может быть, и Бояринова. Прошу съезд серьёзно подумать об этом.

В заключение ещё раз повторюсь, что эпоха Ганичева – это моя эпоха. А поэтому во всём, что произошло с Союзом и Домом на Комсомольском, который я оборонял в 1991 году, есть и моя ответственность. Если бы я был помоложе на 5–7 лет, ну хотя бы в возрасте Володи Крупина, я набрался бы храбрости и сказал:

– Выберите меня! Я попробую... Но на моих плечах журнал, без которого у Союза писателей не будет полноценной литературной жизни. Ведь уже на прошлом съезде наши вечные молодые и здоровые бунтари Личутин и Бондаренко высказали не только Ганичеву, но и мне в лицо, мол, ты уже старец, уходи!

Но я ответил им: если сложить тиражи «Нового мира», «Знамени» и «Октября» – то как раз получится тираж »НС», возглавляемого старцем, которому главные редакторы вышеупомянутых журналов годятся в сыновья и даже в дочери. Так что возраст дело важное, но опыт и здоровье – важнее. Правда, сейчас зрение сдаёт, читать столько, сколько читал – не могу. Однако – когда вспоминаю, что старый и одноглазый Кутузов победил молодого с орлиным зрением Бонопарта, я успокаиваюсь...

Авось и сейчас мы с новой командой – соберём все силы, выправим положение и спасём с Божьей помощью наш Союз!

Борис БУРМИСТРОВ,
председатель Союза
писателей Кузбасса

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ…

Поезд «Москва – Кемерово» двое суток в пути, через Россию – домой, в родной мой отчий край, где ждут меня мои хорошие и близкие люди. Завершил свою работу 14 съезд Союза писателей России, который проходил 22 – 24 октября в г. Калуга.

Люблю поезда, под стук колес хорошо думается – и времени достаточно, и нет излишней суеты, которая так ощущается в больших городах. Вот поэтому, наверное, съезд писателей состоялся в Калуге, вдали от шумной суетливой Москвы. Там, где святые русские места: Оптина пустынь, город-герой Козельск и другие исторические и православные святыни земли русской.

У меня сегодня сложное, противоречивое отношение к тому, что происходит в Москве. Ни к славному городу, столице земли русской, а к той, нынешней массе людей, создающих негативное отношение к городу. Многое меняется на глазах. И не в лучшую сторону, меняются человеческие ценности. И в этом пространстве только Союз писателей России является тем духовным центром , тем русским национальным домом, без которого начали бы расползаться тысячелетние узы, скрепляющие наш русский духовный мир. Нынешние споры, навязанные так называемой либеральной оппозицией, сводятся в основном к имущественным проблемам, а не к духовному творчеству. Вот и идут в ход запрещенные приемчики, необоснованные обвинения. Не дух царит в этом, а материя.

Если кто-то считает, что русская литература и русскоязычная – одно и то же – они, мягко говоря, заблуждаются. Русская тема, русские традиции , русские корни – основа русской традиционной литературы, русской жизни.

Нападки со стороны либеральной части писателей и «желтой прессы» лежат в плоскости нивелирования национального духа, искажения русской жизни. Идут откровенные атаки на русскую культуру. Обидно, что некоторые русские писатели не видят этой угрозы. Вы думаете что-то изменится в мире? Да, нет! Были и есть понятия - «славянофильства» и «западничества». И пусть они развиваются каждое по-своему. Только нужно знать и понимать, что есть что и кто есть кто?

Уже в поезде родились строчки:
Сколько рыбы плещется в реке,
Сколько слов, несказанных в словах,
Говорим на русском языке,
Но порой на разных языках.

Из выступления на съезде председателя Союза писателей России Валерия Ганичева:

«За последние годы деятели культуры приучили общество копаться в своих скандалах, обличениях, а не говорить о том, что составляет суть их творчества – собственно о литературе.

«Желтая пресса», воротилы рынка, возможно, и хотели бы, чтобы в этом и была суть культуры... Ведь за этим стоит неприкрытое многолетнее желание уничтожить Союз писателей России, именно России.

Для писателя России главное – совесть, истина, переживание за свой народ, за человека…

Мы не можем не чувствовать свою ответственность за сохранение и развитие русского языка – может быть, самой надежной скрепы для нашего государства, других языков народов страны».

«Постоянно раздаются преднамеренные или лишенные знания голоса: «Русская отечественная литература пропала», истончилась, иссякла, да и вообще закончилась, пора ее заменить точными, логическими формулами, заменить полнокровный живой язык, так называемым, научным видением мира, отбросив глубину чувств, заменив набором циничных пошлых, развратных развлечений, зубоскальством, жаргоном.

Ну мы в Союзе писателей, во-первых, можем констатировать, что наша совестливая, традицион-

но-сильная, с одной стороны, и новаторская, современная литература, с другой, отнюдь не иссякла. Она составляет разноцветное многообразное поле художественных талантов, живущих во всех уголках нашей России».

Далее В. Ганичев остановился на работе региональных организаций, приведя много примеров достойного служения русской литературе. Среди этих имен в докладе прозвучало и имя нашего поэта Сергея Донбая, главного редактора журнала «Огни Кузбасса».

Съезд избрал высший орган – новое Правление из 52 членов СП России. Куда от Сибири вошло несколько писателей, в том числе, и ваш покорный слуга (Б. Бурмистров). Были избраны и другие органы СП России: секретариат (Б. Бурмистров), Высший творческий совет (С. Донбай).

Съезд избрал на очередной срок председателем Правления В.Н. Ганичева. И это решение было абсолютно правильным в данное время.

Я много в жизни встречал людей, жаждущих власти, но приходя к ней, они не знали, что делать, куда направлять усилия, куда идти. Власть писательская – это иная власть – это огромная ответственность за судьбы писателей, проживающих в разных уголках России, а значит, и ответственность за то направление в литературе, о котором говорили на съезде – исповедовать высокую нравственность и народность, патриотизм и державность, следовать традициям русской классической литературы.

В адрес съезда пришли три поздравительные телеграммы - от Президента России В.Путина, Президента Белоруссии А. Лукашенко, Президента Украины В. Януковича.

Ещё десять лет назад на Первом съезде литераторов Кузбасса я задал себе и творческой интеллигенции вопрос: кто мы, откуда и куда движемся в этом мире Добра и Зла? И радостно было услышать из уст Президента ответ, прозвучавший на Валдайском форуме в сентябре 2013 г:

«Для россиян, для России вопросы «кто мы, кем мы хотим быть?» звучат в нашем обществе все громче и громче»... «Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам»... «Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась, как «цветущая сложность», как государство –цивилизация, скрепленная русским народом, русской культурой...»

Помнить об этом, хранить лучшее и созидать доброе – я думаю, главное, что нужно делать в этом сложном современном мире. Главное – дух творчества, дух сопротивления Злу – даст нам возможность творить Добро и Любовь.

Добролюбие, доброделание – главные составляющие творчества русских писателей во все времена.

Мы возвращаемся со съезда с уверенностью, что продлится наше служение литературе и культуре русской...

Владимир КОСТЫЛЕВ

ЧАСОВЫЕ РОДИНЫ

Прав, прав оказался Валентин Яковлевич Курбатов, в начале минувшего сентября с тревогой и горечью написавший мне в одном из своих мудрых писем: «Ещё совсем недавно мы гордо пели «У высоких берегов Амура часовые Родины стоят». А вот пришла беда, обрушилась на дальневосточную землю водная стихия, и оказалось, что берега Амура не такие уж и высокие. <…> Как вы там, дорогие мои *часовые Родины*? Одна надежда, что выстоите, справитесь с великим испытанием…».

Отвечая на первосентябрьское письмо Валентина Яковлевича, я попытался успокоить его, что ливневые дожди, прошедшие в Приморском крае в середине лета, пусть и принесли с собой множество больших и малых разрушений, но к осени многое уже восстановлено. И добавил, что самое страшное, если верить телевизионным репортажам, происходит сейчас в бассейне реки Амур – в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и Николаевске-на-Амуре.

Вряд ли телевизионный сюжет даже самого талантливого репортёра может сделать нас сопричастными человеческому горю в той мере, как если бы мы сами были свидетелями или жертвами трагедии, подобной недавнему амурскому наводнению. А в том, что с Амуром-батюшкой творится что-то неладное, мне пришлось воочию убедиться спустя две недели после ответа на письмо Валентина Яковлевича.

РЕКА ЧЁРНОГО ДРАКОНА

Если верить китайской легенде, в древние времена в Амуре обитали два дракона: злой белый и добрый чёрный. Много печалей белый дракон приносил народностям, проживавшим на берегах великой реки – мешал забрасывать сети рыбакам, губил смельчаков, отважившихся даже просто приблизиться к воде. Чёрный же дракон всячески старался помогать людям. И вот однажды между драконами случилась великая битва, победителем которой стал чёрный дракон, который остался жить на дне Амура. С тех пор река носит имя Чёрного дракона.

Принято считать, что Амур образуется в месте слияния рек Амгунь и Шилка и начинает отсчёт от восточной оконечности острова Безумный. Длина реки – около 2824 километров. Бассейн Амура расположен на территории России, Китая и Монголии.

Старшим поколениям дальневосточников памятно амурское рыбное изобилие: в прошлом веке здесь ловили белого и чёрного амура, верхогляда, толстолоба, змееголова, ротана. В немалом количестве водились промысловые – калуга, амурский и сахалинский осётры.

Что сегодня обитает в мутных, ежедневно отравляемых отечественными и китайскими предприятиями амурских водах и насколько такие представители ихтиофауны пригодны в пищу, не всегда, наверное, в силах сказать и специалисты. Доподлинно известно – в районе города Хабаровска уже не первый год рыбалка может быть только спортивной. В противном случае горе-рыбаки рискуют принести домой улов, до плавательного пузыря наполненный всевозможными химическими соединениями, отдельные из которых наверняка могут привести и к летальному исходу любого отведавшего ядовитой ушицы.

Из-за сомнительного химсостава амурской воды хабаровчане давно перестали купаться в реке. Летом на раскалённом щедрым дальневосточным солнцем песке набережной адмирала Г. И. Невельского тесно от желающих принять солнечные ванны. Возрастной состав отдыхающих весьма разнообразен. Изредка благочестивые мамаши уводят любознательных отпрысков от загорающих топлесс девиц. Желающих же окунуться в прохладные амурские воды не наблюдается.

Старожилы Хабаровска рассказывают, что в советские годы по Амуру ходили туристические пассажирские теплоходы «Пржевальский», «Г. И. Невельской», «Ерофей Хабаров», «Миклухо-Маклай», «В. Поярков», «Георгий Седов», «Семён Дежнёв». В наши дни – в лучшем случае – желающие могут совершить непродолжительную водную прогулку вдоль набережной адмирала Невельского на относительно небольшом прогулочном судне.

КО́СТЫЛЕВ Владимир Александрович *родился в 1974 году в городе Арсеньеве Приморского края. Главный редактор журнала «Литературный меридиан», член редколлегии журнала «Сихотэ-Алинь». Автор сборника верлибров «Семнадцать ступеней», книги прозаических миниатюр «Два кофейных зёрнышка». Публиковался в журналах «Литературная учеба» (Москва), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сихотэ-Алинь» (Владивосток), «Южная звезда» (Ставрополь), «Согласование времен» (Германия), «Московский вестник» и в других. Живёт в городе Арсеньеве.*

А о досоветской жизни на берегу Амура сегодня нам уже никто не расскажет: ушли в мир иной очевидцы и участники событий начала XX века. Остаётся беречь их память, хранить от поругания их победы, Родину защищать.

Можно бесконечно долго вспоминать о былом величии родного государства, о величии, на обломках (а нередко – и на осколках) которого Русь-матушка пытается нарастить мускулы после предательской «перестройки» и десятилетия преступных издевательств над народом ельцинской «братвы». Но кому сегодня нужна эта родовая память? Представителям «поколения next», лучше разбирающихся во всевозможных «девайсах», чем в разновидностях берёз, ещё растущих в чудом уцелевшей на городской окраине рощице? Вряд ли. Родителям «продвинутых чад», до такой степени затюканным добыванием «хлеба насущного», что идеал счастливой жизни видится ими исключительно в чистоте улочек какого-нибудь Берлина или в упорядоченности технологичного рая Японских островов?

Тяжело любить Родину, когда она, нищенка и замарашка, стоит на коленях, молчаливо пуская слезу из глаз, побитых конъюнктивитом. Не каждому из нас по силам такая любовь...

А ЧТО ЖЕ ТАМ, ЗА «КИТАЙСКИМ БУГРОМ»?

На память приходит чувство собственной беспомощности и горького смятения от первого посещения – лет десять назад – одного из приграничных китайских городов, едва ли не «во мгновенье ока» выросшего из задрипанной деревеньки в современный европейский город на деньги русских «челноков». Произнеся «европейский», я не оговорился: жилые здания, торговые центры, объекты культуры, улочки и площади современных китайских городов, пожалуй, и не уступят аналогам городов «цивилизованной Европы» ни в архитектурной красоте, ни в ухоженности (хотя *приграничный* – далеко не *собственно* Китай). Китай поражает государственной мощью. КНР сегодня – удивительный сплав коммунистической идеологии, экономических достижений и религиозной основы. Сегодня он ещё больше таинственен, нежели «во время оно».

Китайцы уже давно вполне комфортно чувствуют себя на Дальнем Востоке России – в Арсеньеве, в Уссурийске, в Благовещенске, во Владивостоке, в Хабаровске... *Китайские друзья* учатся в русских вузах, возделывают наши поля, строят свиноводческие фермы, торгуют некачественным ширпотребом, делают иной «бизнес» и даже женятся на русских девушках. И, похоже, наше государство вполне устраивает такой порядок вещей.

Китайская армия – одна из лучших в мире (кроме телерепортажей, доводилось видеть китайских воинов и «наяву»). Не дай Бог рассориться до состояния войны – и шапками закидывать не станут, глядя на руины казарм давно оставленных военных городков в Приморской глубинке и на зарастающие травой после «оптимизации» наши военные аэродромы. После первых же выстрелов не составит труда угадать, чья армия будет контролировать участок гострассы Владивосток-Хабаровск, который между Приморским Лучегорском и Хабаровским Бикином проходит лишь в нескольких километрах от государственной границы.

Вот вам и «младшие братья», на закате *перестройки* скупавшие по Приморским городам утюги, самовары и электрочайники.

А мне всё не даёт покоя история, прочитанная несколько лет назад в книге кого-то из дальневосточных литераторов. Записавший историю готов поклясться в её достоверности.

Случились у российских и китайских таможенников какие-то совместные торжества. Как полагается, после официальной части празднующих ожидал фуршет. Как долго продолжалось застолье, нам не ведомо, но, видимо, ближе к окончанию праздника русский офицер поинтересовался у захмелевшего китайского коллеги: «Наверняка вам, китайцам, страсть как хочется, чтобы Приморская земля стала вашей?». В ответ китаец, моментально побледневший и переставший улыбаться, грустно ответил: «Да, конечно. На этой земле мы уже давно бы построили свои города, но какая-то женщина машет нам с неба огненным мечом, и мы боимся».

Стало быть, тем и живы мы, дальневосточники, – любовью и материнской защитой Пресвятой Богородицы.

И тем не менее даже заступничество Пречистой Девы Марии не мешает властям Китайской Народной Республики безнаказанно творить пакости России. Ни для кого не секрет, что китайцы возводят на Амуре бетонные дамбы, укрепляя свой берег. В результате строительства сложных гидротехнических сооружений русло Амура выдавливается в сторону российского, легко размываемого левого берега, территория же КНР увеличивается.

Неужели это проявление братской любви наших китайских друзей?

БОЛЬШАЯ ВОДА-2013

За последние пять лет мне довелось побывать в Хабаровске едва не три десятка раз. На одной из творческих встреч с хабаровскими студентами я вполне искренне назвал дальневосточную столицу любимым наравне с родным Арсеньевом городом. Это правда: в Хабаровске живут дорогие мне люди, и если я долго не слышу их голосов и не могу заглянуть в их глаза, жить мне становится много сложнее.

Вечером 16 сентября, собираясь в Хабаровск, я не мог и представить, насколько велики окажутся трагические последствия произошедшего стихийного бедствия. В разрушительной мощи наводнения довелось удостовериться уже к вечеру следующего дня.

Ещё переживая дрожь длительного путешествия (за спиной осталось чуть больше шести сотен километров), я свернул на только что открытую для движения автомобилей улицу Пионерскую. Долгие часы в дороге я старался поддерживать непринуждённую беседу с «начальником службы тыла» «Литературного меридиана» Иваном Васильевичем Кончатным. Кто из нас замолчал первым, поражённый увиденным, сказать трудно: дорожное полотно было повреждено, тут и там виднелись земляные насыпи и валы из мешков с песком, заслонявшие улицу от взбесившейся реки. Вдоль обочины стояла строительная техника. Время от времени попадались группы военных. Стены многих домов под подоконники пестрели водяными разводами… Было от чего внутренне содрогнуться.

На следующий день вместе с хабаровскими коллегами мы проехали по окрестностям дальневосточной столицы.

Во всё время этой поездки меня не оставляло чувство путешествия по морскому побережью – вдоль левого берега Амура вода простиралась во все стороны, и где были пределы этому морю, понять не представлялось возможным. Казалось, привыкнуть к шокирующей картине за автомобильным стеклом недостанет никаких сил: амурские волны неустанно били в обочину автомагистрали, в изобилии оставляя после себя бытовой мусор – пластиковые бутылки, обрывки газет, ветки деревьев… Кое-где на водной поверхности покачивались от ветра дачные домики и продуктовые киоски. Сама дорога – стараниями дорожных рабочих – в отдельных местах была поднята едва ли не на метровую высоту и покрыта на удивление толстым слоем нового асфальта.

Вернувшись на правый берег, мы проехали к селу Мичуринскому, примыкавшему к Хабаровску с севера. Спустились по переулку к Амуру. У кромки воды группа китайских граждан устроила рыбалку. Оживлённо разговаривая и бойко жестикулируя, граждане КНР раз за разом забрасывали спиннинги, а самый удачливый даже что-то поймал.

Чуть поодаль от рыбаков на речной волне покачивался солидного вида катер, на корме которого скучал его рулевой. Пока мы делали фотоснимки подтопленных домов, на берег привезли ещё два прогулочных катера.

Так этот мир устроен – рядом уживаются большое горе и сиюминутная радость.

В ДЕТСКОМ ЛАГЕРЕ ИМЕНИ ОЛЕГА КОШЕВОГО

В пунктах временного размещения в Хабаровском крае находилось около 2400 человек из более чем 10.000 пострадавших. В одном из таких пунктов, детском лагере имени Олега Кошевого, расположенном в живописном лесном массиве к северу от Хабаровска, нам, приморским и хабаровским журналистам, удалось побывать.

Руководство лагеря сразу предупредило: люди устали от повышенного внимания, поэтому запись разговора и фотосъёмку нужно делать только с их согласия.

Однако опасения администрации пункта временного размещения оказались напрасными. Едва узнав, кто мы и откуда, одна из проживающих в пансионате старушек жизнерадостно улыбнулась: *«А меня Раиса Ивановна зовут. Я – блондинка, девушка молодая, зубки только появляются. А вы все уже такие большенькие…»*

И, не дожидаясь наводящих вопросов, стала рассказывать: *«Живём мы здесь в хороших условиях. Всё есть – вода холодная и горячая, электричество постоянно, прачечная есть, несколько душевых, комнаты хорошие. В лес за грибами ходим, в этом году опят много.*

Вы из города Арсеньева? Я люблю читать о приморской тайге. Прочитала все книги Владимира Клавдиевича Арсеньева, они мне очень нравятся.

А наводнение… Наверное, так надо. Отдохнём здесь, подышим. Вода уйдёт, начнём восстанавливать хозяйство».

С неподдельным теплом Раиса Ивановна рассказывала о своём усатом любимце: *«А это кот Фёдор. Нам его подкинули за два месяца до наводнения, страшный был – кожа да кости. Федя боялся всего на свете. А теперь привык ко мне, даже самостоятельным стал – ни за что в чужую комнату не зайдёт, всегда свою отыщет. Так и живёт со мной. Фёдор смешной. Весь в меня…*

Ничего, Бог даст, проживём. Мне семьдесят пятый пошёл, я спортом занимаюсь, бегом. А в роду у нас все долго живут. Пока двигаешься – живёшь».

Еще один собеседник, Виктор, житель посёлка на острове Большой Уссурийский, горячо переживает случившуюся беду: *«А куда нас расселять-то? Всех жителей-то осталось человек шестьдесят. Уже сюда приезжали разные чиновники, даже губернатор был. И все как один говорят: «Решаем жилищную проблему, решаем». И никто ничего конкретного не говорит. Я шестьдесят три года прожил в посёлке, ну куда мне переезжать? Мы, старожилы, будем «воевать» за свою землю. В Хабаровске я просто не выживу. Дайте нам стройматериалы, и мы сами построим себе жильё. Руки у нас, деревенских, на месте, силы мал-мала есть. Всем миром и осилим беду. Я и плотничать могу, и каменщиком».*

Глядя на боль, затаившуюся в глазах мужика, веришь сказанному им.

ЖИТЬ ДАЛЬШЕ

Что случилось прошедшим летом с великой русской рекой, в одночасье превратившейся в грозное море, никто толком объяснить не может. Старожилы Хабаровска, с которыми мне удалось побеседовать, на вопрос, в чём, по их мнению, причина наводнения, смущённо пожимали плечами и отвечали: да не такие уж и сильные проливались дожди... Некоторые из собеседников пытались укорять в случившемся сопредельное государство, резко сбросившее воду на плотинах, перегородивших притоки Амура, а кто-то видел в ситуации исключительно Промысел Божий.

Говорят, человек привыкает даже к беде. Не находя сил согласиться с этим высказыванием моё сердце все пять дней, проведённых в Хабаровске, больно сжималось при виде разрушений, причинённых стихией.

Беда объединяет людей, беда сплачивает. Это несомненно так. И как бы трудно ни приходилось, нужно жить дальше.

Самое время согласиться с аборигеном острова Большой Уссурийский русским мужиком Виктором – «всем миром и осилим беду». И от себя добавить: на то мы и *часовые Родины*.

Фото Геннадия БОГДАНОВА, г. Хабаровск.

Василий ДВОРЦОВ

СИБИРЬ. РУССКАЯ СИЛА

Да разве найдутся на свете
такие огни, муки и такая сила,
которая бы пересилила русскую силу!

Н.В. Гоголь

Знаете ли вы, что такое сибирская ночь? О, вы не знаете сибирской ночи! Всмотритесь: внезапный ноябрьский мороз выбрал, сгустил, сжал воздух, и осыпал его самоцветными чешуйками на первоснежные поляны, и ничем теперь не удерживаемое небо рухнуло на самую землю. Ужасая доступностью, косматые звёзды величиной в ладонь нависли над головой, так что один медведичий Ковш занял половину мира – от сизой полоски дальнего горизонта до чуть парящей избяной трубы. Вспомните, как давним детством своим, выбежав на двор, оглянулись и замерли вы, и обомлели, вдруг задохнувшись: вокруг тишина такая бездонная, такая безответная – что там дыхание, даже мысли ваши затаились, трепеща оскорбить её священство! И только сердчишко стучало, стучало, разрываясь восторгом перед распахнувшимся внезапно величием Господней вселенной.

Вот и теперь вновь переливчато горит под ногами девственный снег, а вокруг под тяжестью загустевшей стужи гнутся сказочно закуржавленные берёзы и ели, и лишь голые лиственницы костяными упорами трудно удерживают огрузневшие созвездия. Да, только в Сибири ночь так сближает небо и землю, соитит видимое и невидимое. Только в Сибири чёрное-чёрное небо и белая-белая земля так ясны и честны в прямом своём схождении.

Божественная ночь! Ослепительная ночь! Но знаете ли вы, как упоителен, как роскошен летний день за Уралом?..

Ох, Николай Васильевич, сколько же копий за почти уже два века переломано многомудрами о правде и вымысле вашем, сколько ж перьев источено в объяснениях природы ваших видений. Метонимии, гиперболы и литоты, гротеск, преувеличения и сатира... Но тщетно, зря исписаны горы и степи бумаги, так и остаётся для кабинетных философов не разгаданным ваш дар, ибо прав Белинский: отчего-то повести ваши всегда «в чтении смешны, а по прочтении печальны». А разве возможно таковое от безответственных фантазий? Нет, это послевкусие правды.

Нет, все ваши *редкие птицы* и *двадцатипудовые бремена* Тарасовы, а уж, тем более, *уездные города, от которых хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь* , вовсе не преувеличения, не насмешливый вымысел, а вполне даже реалии, почти даже натурализм – если натурализм тот сибирский. Эх, Николай Васильевич, кабы докатилось колесо вашей кибитки до парома через Обь или до ледовой переправы через Енисей, то пусть не увидели бы вы (до нефтяной-то эры) супа, доставляемого Северным путём в кастрюльке прямо из Парижа, но арбуз в семьсот рублей, может быть бы, и тогда уже отведали. Если бы да кабы.

Сибирь, Сибирь... Когда, представляясь в новом месте новым людям, произносишь «я – сибиряк», заранее знаешь реакцию: улыбки. Улыбки и сброс всякого зажима. Так уж за четыреста лет сложилось и утвердилось, что никто и нигде не ждёт от выходца из азиатской России ни суетной подлости, ни затяжной интриги, ни корыстной или тщеславной зависти. Разве лишь медлительности соображения, ясно, что с младенчества чуток подмороженного.

«Я сибиряк» – и уже не боятся повернуться к тебе спиной, не страшатся засветить сокровенное или приоткрыть болящее, пообещать невыполнимое: сибиряк ни слабостью не воспользуется, не словит на слове, не предаст, тем более, не продаст, а даже если и обидит чем, то ненамеренно. Так уж оно сложилось.

И дорогого ж такое доверие стоит, ко многому обязывает.

Ведь, если трактовать истории народов согласно Василию Осиповичу Ключевскому, – что характер этноса формирует ландшафт, а мировоззрение нации – ареал её проживания, и потому-то непередаваем социально-экономический уклад жизни людей леса людям степи, а, уж тем более, насельникам ущелий, то надо признать, что русский народ, взращённый свободами раздолий меж Днестром и Волгой, меж Западной Двиной и Северной, повзрослев и умножась, никак уже не мог изменить себя, дабы сжиматься и сварливо тесниться, подобно романцам, норманцам, готам или галлам, ради тепла и сытости. Сформированная густою сетью петлистых рек, связующих моря Белое и Чёрное, выпестованная догоризонтными дубравами и беспросветными ельниками, выученная кормиться от любой елани и раскорчёванного выжига, отстаивая урожай и детей от безпрестанных набегов степняков и варягов, Русь не могла стать домоседкой. Даже покрывшись городцами и уездами, долго, долго не строила она, кроме храмов, навечного жилья, нутром своим, уже характером всегда готовая в путь-дорогу. По добру ли, по принуждению. И оттого век избы, срубленной

под молодую семью, век человеческий – выросли дети, разлетелись вить свои гнёзда, и прогнили углы, завалилась крыша. С того же до сих пор пренебрегают истинно русские люди и заборами.

Россию можно увидеть и ощутить только в движении. Лёгкая смена холмов и луговин, близкие и дальние берёзовые колки, рыжетелые сосняки, беззвучные дубравы, грачи на пахотах и слепящие солнцем плёсы – Россия дышит, Россия живёт, и растёт-ширится нашим и своим движением. И широта её – широта наша. Нет, мы ни в коей мере не кочевники, хлеб – наше жито, наша жизнь, но национальный характер русских, веками вырабатываемый суровым климатом и скудноватой землёй, то есть, необходимостью перемены мест именно для своего хлеборобства, для лесных и водных подспорных сборов, наделён лёгкостью на подъём. Потому-то только русский человек смеет попрекать себя в лени и нелюбопытности, так как любая приостановка, любой застой его томит и раздражает. А так-то, не дай Бог кому со стороны поверить, что Дежнёвы ленивы, а Ползуновы не любопытны!

Наша постоянная потребность простора – тот же многовековый опыт выживания в слабоурожайности, опыт, перешедший в эмоциональную рефлексию, в нетерпение узости, непереносимость тесноты. Однако в нашем языке словом «воля» равно обозначается и внешняя свобода, и внутренняя сдержанность. И потому наши первопроходцы не были ни корыстолюбивы, ни лихоимны. Прибыток прибытком, но какой мздой можно окупить страхи, скорби и лишения на путях суздальцев в Алтай, а вологодцев в Калифорнию? Не Эльдорадо, а Беловодье манило русского человека. Никитин и Ермак, Шелехов и Семёнов, Невельский и Миклухо-Маклай – размашистость русского нрава не удерживали ни Дикая степь, ни Каменный пояс, ни даже Океан.

Лёгкость на подъём... Как ни велика Россия в сравнении с европейскими соседями, но лишь обживая Сибирь, русский человек наконец-то насытил свою жажду просторов, наконец-то получил искомую ширь для размаха в своих мечтаниях и планах. Здесь, где *редкая птица долетит до середины* Обской губы, а от Туруханска *за три года не доскачешь ни до какого государства* , только здесь русский характер раскрылся во всей своей полноте. Сибиряк – это русский человек совершенно, русский человек в максимально возможном своём воплощении.

Государство увеличивает свои территории оружием или политикой, но вбирает в себя новые края, вживляет, осваивает просвещением. Ведь удивительно, и восхитительно, как, проходя сквозь заселённые столь разными народами места, русские не вымещали никого, не зорили храмов и святилищ, не сгоняли с родин, уж тем более – не истребляли, хоть периодически и понуждали к миру кормившихся от войны, разбоев и работорговли. Ведь не ради рабов и ясака шёл и шёл русский человек за край неба, а ради того, чтобы спящая в диком девстве земля осеменилась и заплодотворила. Русский человек шёл раскорчёвывать дебри и осушать топи, вспахивать и засевать пустоши, исправляя адамово падение: он шёл обращать землю в сад, то есть – в рай. Это наша национальная идея.

В этом наша русская сила. Сила, которой поклонились полтораста народов и покорились полконтинента.

Государство осваивает новые края и вбирает их в себя просвещением. И основанный в день Святой Троицы 1587 года отрядом казаков Данилы Чулкова город Тобольск явился теми духовными вратами, которыми Сибирь вошла в Россию. Ибо зазвучавший тут русский язык принёс Благую весть.

В 1620 году учреждена Сибирская епархия, и первый архиепископ Киприан Старорусенин поставил в Тобольске деревянный храм во имя святой Софии, в котором начали ежедневное поминовение павших в боях казаков Ермака. А ныне уже целый сонм святых, в земле Сибирской просиявших, возглавляют Иоанн и Павел, митрополиты Тобольские.

Согласно русским имперским принципам, вошедшее за Урал православие не вступало в конфликт с исповедуемым местными татарами исламом. Но просвещение разноречиво-разноплемённых язычников, как и исправление нравов прибывавших на новые земли, ох, далеко не всегда праведных искателей воли и наживы, стали главными заботами и трудами нескольких поколений архиереев и священников. Миссионерство всегда подвиг, полный лишений, голода и холода, болезней, даже смертей. Первым делом прибывавшие на места служения учёные люди изучали местные быт и традиции, языки и верования, составляли словари-толковники, затем буквари и учебники. Практически у всех народов Сибири, Полярного Севера и Дальнего Востока письменность началась с приходом русских. Оттого успехи сибирских апостолов были просто поразительны: шаманизм и тотемизм отступали без особых конфликтов, а познаваемая на своём языке вера не воспринималась как наносная, господская. Так что и ныне на Аляске православная литургия служится на индейских наречиях.

Тут тонкость. Выпускник Тобольской семинарии, Санкт-Петербургский риторик и Иркутский судья, географ Якутии и визитатор (инспектор) всех Сибирских училищ, Пётр Словцов (1767–1843 гг.) писал в своём «Историческом обозрении Сибири»: «И *русские племена подвластные* (курсив мой) начинали считать себя принадлежащими к единой великой семье... Не радостно ли предусмотреть сложение будущей соединенной жизни, жизни небывалой». *Русские племена* – это ханты и татары, эвенки

и шорцы, казахи и хакасы, якуты и буряты, юкагиры и коряки, вливавшиеся в русскую нацию! Империя наша, действительно, изначально строилась как семья народов, и, как во всякой семье, старший, то есть, больший, государствообразующий народ, реализуя свои представления о добре и зле, правде и справедливости, свободе и насилии, стойкости и прощении, являлся защитником, кормильцем и даже донором для меньших своих братьев. Под старшей русской силой прекращались межплеменные столетние войны, вековые теснения – многонациональная и разноверная Сибирь замирялась. Замирялась ещё и потому, что через русский язык её народы начинали понимать друг друга. Ибо русский язык пришёл в Сибирь не только языком закона и торговли, но и языком просвещения.

Россия заявлялась городками-крепостцами. Думается, что история Русской Азии сложилась бы совсем иначе, если б в первых волнах сибирских переселенцев крестьян оказалось больше, чем слуг государевых и казаков, разведчиков-рударей и купцов, инженеров и священства. Именно тот факт, что на новые территории и к новым народам Россия вошла не насилием колонизаторов-переселенцев, захватывающих понравившиеся угодья, оттесняющих аборигенов в резервации, с массовыми убийствами несогласных, а силой правопорядка и неведомого до того в сих местах знания. А ещё несома была та сила личностями – яркими, волевыми, предприимчивыми и стойкими, увлекающими своей увлечённостью, убеждающими своей убеждённостью, личностями многогранными и цельными – *умными людьми* . Именно эти-то передовые отряды *умных людей* зародили-заложили на бескрайних просторах уникальную *русскую культуру* симбиотического типа, которая сводит в едином поле духовные, душевные и телесные интересы сотни народов, разнящихся не только этнически и языково, но бытово и мировоззренчески. Степняки и таёжники, горцы и кочевники тундр – опять же! – *умные люди* из татар и шорцев, эвенков и якутов, орочей и бурятов искали среди пришлых союзников и сотрудников, собеседников и толкователей распахивающейся для них Вселенной. Самых талантливых детей отдавали они новым учителям, чтобы те пытливостью своего ума и чистотой сердца впитывали знания и культуру России, вырастая живыми скрепами имперского взаимопонимания. Конечно же, всё через русский язык.

Крестьянствующие на «голые» земли Зауралья хлынули много позже. Пролёгшая меж болотными мерзлотами и лесистыми горами степная лента древнего Эранвежа – арийского, скифского, гуннского, тюркского, монгольского и славянского пути «из Карпат в Гоби», по следам древних колесниц и кибиток обновляемая Транссибом, обросла пашнями и огородами мелких сёл и хуторов лишь в последние полтора столетия. Конвои с «ворами»-бунтовщиками и ревнителями древлего благочестия, столыпинские посулы и большевицкие посылы – заселение Сибири россиянами проходило импульсно.

А в начале XVIII века, когда Россия разделилась на восемь губерний, то под Тобольское правление очертили границы от Урала, с Вяткой, Пермью, Верхотурьем, Тюменью, и далее, далее – вглубь и ширь востока – с Томском, Красноярском, Иркутском, Илимском, Якутском… И так до самых Шилки и Аргуни! Вот тогда-то знаменитый ныне историк и картограф, а в те времена просто выделенный из младших чинов за сметливый ум Семён Ремизов, по заказу первого губернатора Сибири князя Гагарина, спроектировал на изумление и вразумление местным вождям и князьцам каменный кремль, своей красой и мощью достойно представший величие России.

Вятка и Тюмень, Томск и Якутск… Для всей неоглядной территории Тобольск был одновременно и духовным, и культурным центром. В 1701 году указом Петра I для детей служилых людей открыта первая в Сибири светская школа. А через три года в своей Архиерейской школе митрополит Филофей Лещинский благословил театрализованные представления! В типографии купца Корнильева печатались свои, уже сибирские книги: «Тобольская летопись», «Словарь юридический», «Сельская экономия». Издавались и первые журналы – «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», «Журнал исторический», «Библиотека учёная, экономическая и нравоучительная».

В 1743 году митрополит Антоний Нарожницкий основал Тобольскую Духовную семинарию, в которой изучались латынь, история, география, математика, красноречие. Библиотека семинарии собранием редких книг и рукописей самой разнообразной тематики не знала себе равных. А к концу века, за Народным училищем, в котором, кроме прочего, преподавался сибирско-татарский язык (сибирские татары – выходцы из Средней Азии, особая тюркская языковая группа), в государственных и частных школах города обучались дети всех сословий и всех краёв неоглядной губернии. Завелась в Тобольске даже своя школа геодезистов и картографов.

Здесь началось и женское образование. В 1854 году приняла первых учениц Мариинская школа. Помимо традиционных дисциплин, в программу входило обучение музыке, танцам, изобразительному и прикладному искусствам. С 1866 года при Иоанно-Введенском монастыре готовят учительниц церковно-приходских школ. В 1878 открылось первое медицинское учебное заведение – Повивальная школа .

Понятно, что далеко не все прибывали сюда собственной волей. Ссылка да каторга – синонимы Сибири. Так первым «политическим сибирским ссыльным» считается доставленный в 1593 году колокол Углича, посмевший откликнуться набатом на

убиение царевича Димитрия. Тобольский острог видел протопопа Аввакума, попав под государеву немилость, послужил в местном гарнизоне «арап» Ганнибал. Побывали здесь арестантами Радищев и Пасек. А в 40-х годах XIX века в Тобольск ввезли декабристов Штейнгейля, братьев Бобрищевых-Пушкиных, Свистунова, Анненкова. На Завальном кладбище упокоились Кюхельбекер, Барятинский, Муравьёв, Вольф, Семёнов, Краснокутский.

За декабристами – петрашевцы, среди которых гремел кандалами и Достоевский.

Это вообще особая тема – русские писатели и Тобольск. Сидели в местной тюрьме Чернышевский и Короленко, томились ссылкой Чижов, Сумароков и Фонвизин. Но зато учительствовал здесь маленькому Диме Менделееву великий сказочник Пётр Ершов, некогда юношески запальчиво заявлявший Пушкину, что предпочитает свой город столице. «Вам и нельзя не любить Сибири, – ответил Александр Сергеевич. – Во-первых, она ваша родина, а во-вторых, страна умных людей».

Страна умных людей! Действительно, чего стоит одна только «каторжная академия» с лекциями по прикладной и высшей математике и по русской литературе, по философии и истории, даже по военной стратегии. Декабристами велись религиозно-философские диспуты и совершались открытия в области механики, занятия живописью и литературой сочетались с метеорологическими наблюдениями и изобретательством сельскохозяйственных орудий... Но ещё больше поражает духовная жизнь декабристов. Вдумайтесь в слова князя Трубецкого: «Я убежден, что если бы я не испытал жесткой превратности судьбы и шёл бы без препятствий блестящим путем, мне предстоявшим, то со временем сделался бы недостоин милостей Божьих и утратил бы истинное достоинство человека. Как же я благословляю десницу Божию, проведшую меня по терновому пути...» А это Беляев: «Ссылка наша целым обществом... была, так сказать, чудесною, умственною школою как в нравственном, умственном, так и в религиозном и философическом отношениях. Если б мне теперь предложили вместо этой ссылки какое-нибудь блестящее в то время положение, то я бы предпочел эту ссылку. Тогда, может быть, по суетности я бы поддался искушению и избрал другое, которое было бы для меня гибельно».

В этих мыслях, итожащих жизнь раскаявшегося идейного преступника, явственно самим Богом раскрывается смысл того, зачем русскому человеку дана Сибирь. Здесь *воля* внешняя, широта, и *воля* внутренняя, высота, сходились впрямую. Как чёрное-чёрное небо и белая-белая земля. Да, на каторгу и в ссылку, ох, далеко не многие шли по политическим убеждениям, основной-то контингент пересылок – это ворьё и убийцы, мошенники и лихоимцы, дезертиры и скандалисты-буяны. Но тяготы, а, порой, и подвиги выживания самых эгоистичных здесь научали пониманию нужды человека в человеке. Без скорбей, болезней, трудов, страданий, *огней и муки* не возможны возвышения, вдохновения, взлёты духа, только в них проявляется *сила* , и здесь, в условиях неизбежной погибели без деятельного участия и круговой поруки, на этом постоянном пограничье смерти и товарищества русский человек и становился русским в совершенстве.

От Тобольской миссии до Томского университета – за три века над Сибирью одно за другим засвечивались ярчайшие звёзды своих собственных, азиатских учёных-этнографов, историков-краеведов, учителей и писателей. Дети скотоводов и охотников, внуки шаманов, сказочников и *песенных людей* , они вбирали, впитывали общемировую культуру и затем ответно богатили её опытом и мудростью своих народов. И всё это благодаря пришлому языку.

И, как правило, изначальное знакомство с русским языком начиналось для детишек из карамо, юрт и чумов в церковных школах и семинариях. Так семинаристами или школьниками-прихожанами были буряты Абашеев и Барадийн (Самандабадра) , алтаец Мундус-Эдоков и якут Ойунский, шорцы Чиспияков и Вербицкий. Кстати, духовный просветитель шорцев и ученый-этнограф Василий Вербицкий был клириком Русской православной церкви . Так ха рактерна для просветителей своих народов и судьба первого алтайского писателя Михаила Чевалкова (1817 – 1901 гг.). Мальчишка из глухого села, он начинал образование в школе Алтайской духовной миссии. Выучившись читать и писать на русском языке, Михаил был зачислен в штат миссии толмачом. Православная культура настолько осветила мировоззрение Чевалкова, что он стал первым алтайцем-священником. Главная его книга «Житие Чевалкова» написана на южноалтайском языке, а в 1894 году издана в Томске в русском переводе как «Памятное завещание». Кроме христианских молитв и текстов из Библии, отец Михаил переводил на алтайский язык басни Крылова.

Ещё один великий сын Алтая Андрей Анохин (1869–1931) , этнограф и композитор, основоположник профессиональной музыки алтайцев, окончил Бийское катехизаторное училище, затем учился в Московском синодальном училище церковного пения и Петербургской придворной певческой капелле.

Ключевая в новой истории народа Саха фигура Алексея Кулаковского связала собой две эпохи. Семинарист и улусный учитель, нищий, гонимый, слишком долго не имевший собственного угла, слишком часто не знавший, чем накормить собственных детей, оказался избран Богом на миссию удержания национальной памяти в новом времени. Потомок шаманов, глубоко и искренне погрузив-

шийся в учение и мистику Православия, национальный ревнитель, влюблённый в русскую культуру, Алексей Кулаковский явился идеальным проводником якутской древней сути в формы её новой реальности. Его «Письмо к якутской интеллигенции» – завет мудреца и пророка своему народу: навеки завязать свою судьбу с судьбой народа русского.

После начальной волны миссионерских прицерковных школ и семинарий, по всей «стране умных людей» стали открываться и светские учебные заведения разного уровня и направленности, в которых училась молодёжь не только разных национальностей, но и разных вероисповеданий. Так сын хана, мусульманин и – учёный с прижизненным мировым именем, друг Достоевского и сотрудник Пржевальского Чокан Валиханов – выпускник Сибирского кадетского корпуса, «сибирского Царскосельского лицея».

Школы, училища, пансионы, гимназии, кадетские корпуса и – наконец! – 29 июля (11 августа) 1887 года состоялось торжество освящения храма во имя иконы Казанской Божьей Матери Императорского Томского университета – первого русского университета в Азии. Университета выстраданного и даже «высиженного».

Потанин, Ядринцев, Колосов, Щапов, Наумов, Макушин – имена этих исследователей и просветителей, философов и общественных деятелей, много претерпевших и пересиливших *огней* и *мук* ради этого университета, золотом вписаны в историю русской Сибири, в том числе, в историю её злонадуманного «областничества».

Географ, этнограф, публицист, фольклорист, ботаник, исходивший в экспедициях Сибирь и Монголию, Тибет и Китай, Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) – сибиряк «настоящий», родился в Ямышевской крепости Семипалатинского округа. В 1865 году, вместе с Николаем Ядринцевым, Евгением Колосовым и Афанасием Щаповым, был арестован как участник «Общества Независимости Сибири», и в 1868 году признан виновным по делу «о злоумышленниках, имевших целью отделить Сибирь от России и образовать в ней республику по образцу Северо-Американских Соединенных Штатов». Отбыв каторгу в Свеаборге, был сослан (из Сибири-то!) в Вологодскую губернию. Помилование пришло лишь в 1874 году.

А ведь всё «дело» заключалось в горячечно страстном желании молодых людей поскорее открыть свой сибирский университет ради просвещения азиатских россиян! Ибо не могли юные сибиряки смириться с тем, что провинциальность измеряется расстоянием от столицы, никак не желали они терпеть от «окна в Европу» небрежения к своей совершенной, абсолютной русскости, в максимально возможном её воплощении. Здесь, в бескрайности суровых красот Сибири, здесь, на стыке пугающей древности и восторгающего грядущего, только здесь *русские мальчики* прочувствовали полноту своей *русской силы* в её самобытности, и громко заявили о ней чванящимся близостью к лондонам и парижам. И была то не гордыня, не самохвальство и, тем паче, не своекорыстие «по образцу Северо-Американских Соединенных Штатов», а, может быть, лишь простительное возрастом головокружение от отрывающихся перспектив для трудов и подвигов.

Однако вспомним князя Трубецкого: «Как же я благословляю десницу Божию, проведшую меня по терновому пути…». Судьба…

Тоже сибиряк по рождению, Николай Михайлович Ядринцев (1842-1894) из *городка* Омска Тарского округа Тобольской губернии. Публицист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии, первооткрыватель древнетюркских памятников на реке Орхон, столицы Чингисхана Каракорума и Орду-Балыка – столицы Уйгурского каганата в Монголии. «Сибирским областничеством» заболел ещё в Санкт-Петербургском университете. Автор громких статей в «Томских губернских ведомостях»: «Сибирь перед судом русской литературы», «Этнологические особенности сибирского населения».

«Чистый» тоболяк и писатель Николай Иванович Наумов (1838-1901). Этот инициатор Томского университета в своё время за пропаганду народнических взглядов на крестьянскую общину отчислялся из университета Санкт-Петербургского. А вот другой «отец» азиатского ВУЗа и основатель первой Томской публичной библиотеки Пётр Иванович Макушин (1844-1926) опять же из «церковных». Сын пермского причётника, он закончил Пермскую семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1860-х годах на Алтае Макушин организовывал миссионерское училище для «туземных мальчиков из новокрещённых» (которое, кстати, и закончили священники-писатели алтаец Михаил Чевалков и шорец Василий Вербицкий), а затем и школу для девочек. В Томск Макушин прибыл смотрителем духовного училища, но скоро оставил службу и в 1873 году открыл первый в Сибири книжный магазин. К концу века магазин становится крупнейшей отечественной книготорговой фирмой с отделениями в разных городах. В 1880-е годы Макушин основывает и издаёт первую частную «Сибирскую газету». По его инициативе в 1889 году в Томске положено начало Музею прикладных знаний, в 1912 на средства Макушина построен «Дом науки», а в 1919 он приступает к строительству «Дома искусств». Планировался им даже Сибирский литературный фонд, но тут вмешалась Гражданская война.

Третья, уже массовая, истинно народная волна просветительства в Сибири связана с приходом Советской власти. Великая волна эта, при всей несомненности своих человеколюбивых и высокогуманных целей, тоже сопровождалась различными бессмыслицами, нелепицами и даже трагедиями. Тут и

космополитическая идея перевода национальных письменностей на латиницу, и революционный отказ от опыта и наработок миссионерского просвещения, и беспощадная борьба с культами и культурными традициями, как христианства, так и ислама, буддизма и шаманства. Опять же, можно только представить душевную трагедию учителя-якута Кулаковского, ученики которого воевали и за белых, и за красных, жестоко убивая друг друга.

Но именно реализации в 20-30-е годы XX века государственной программы всеобщей грамотности и государственной национальной программы Сибирь обязана не только причащением самых малых своих народов к мировой учёности, но и появлению профессиональных национальных литератур, на старте и далее в развитии опирающихся на опыт и наработки литературы русской. Программно создаваемые азбуки, словари и учебники нормирования языков сопровождались зарождением письменных литератур. Сказки, легенды, песни, нравственные и социальные мудрости, поколениями хранимые устно, теперь не просто записывались, но преображались личным творчеством. Понятия художественности, знания сюжетов, образов, стиховых и прозаических форм усваивались от русской художественности. Искусство слова подпиралось наукой литературоведенья, и, вместе с бытово необходимой письменностью, одарённой молодёжи с берегов Чёрного Иртыша, Оби и Катуни, Енисея, Ангары и Селенги, Лены, Индигирки и Амура от уже состоявшейся русской писательской профессиональности передавались теория и история мировой и отечественной литературы, философия, эстетика.

Величие русской литературы невозможно даже охватить, даже представить, а не то, чтобы преувеличить. И своё неоспоримое мировое лидерство русская литература утвердила тем, что главной задачей перед собой ставила осмысление жизни человеческой. Взывая к состраданию всех ко всем, наша литература всегда вела правдивое отражение внутренних мучений и радостей человека, взлётов и падений его души, свидетельствовала обретение духовно-нравственных идеалов. И можно только порадоваться за первенцев-писателей Западной Сибири и Восточной, Алтая, Забайкалья, Таймыра и Дальнего Востока, кому одновременно со своим авторством, посчастливилось открывать для своих соплеменников Крылова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Гончарова, Островского, Лескова, Короленко, Достоевского, Толстого, Чехова, Блока, Есенина, Шолохова…

Это были манси Мария Вахрушева-Баландина и Юван Шесталов, хант Григорий Лазарев и ненец Антон Пыря, сибирскотатары Якуб Занкиев и Булат Сулейманов, алтайцы Лазарь Кокышев и Борис Укачин, шорец Фёдор Чиспияков, буряты Бавасан Абидуев и Базар Барадийн, удэгеец Джанси Кимонко, чукчи Федор Тинетев и Юрий Рытхэу, эвенк Алитет Немтушкин и якуты Софрон Данилов и Николай Мординов, тувинцы Олег Саган-оол и Екатерина Танова, хакасы Василий Кобяков и Николай Доможаков – да простите, кого не помяну, ну, не перечесть всего нашего сибирского богатства языков, славящих красоту Божьего мира! Такое под силу было бы только Николаю Васильевичу, но, эх, не докатилось колесо Гоголевской кибитки ни до парома через Обь, ни до ледовой переправы на Енисее…

Обратные переводы национальных писателей на русский язык встречно наполняли общероссийскую, а за ней и общемировую культуру свежими, небывало-неодуманными до того нюансами и гранями гуманизма и эстетики. Переводами на русский, а с него на другие мировые языки, в сознание человечества вводилась мудрость и красота целого континента, вводилась не как экзотика, не как диковинная добыча колонизатора, а как братский вклад в общее деланье. Священные сказки и лирические песни, героический эпос и колыбельные… Даже самый причудливый опыт чьей-то обособленной жизни, при всём различии речевых строений и словарных запасов, если он излагается каталогически-системно, выражается в логических рамках, пользуемых современным миром от времён Аристотеля – такой уникальный опыт становится опытом общечеловеческим.

Более того, именно русский язык, уже вместивший в себя говоры северных и южных, восточных и западных славян, обогатившийся вливаниями слов и мелодий тюрок и угров, кавказцев и монголов, своей необычайно развитостью и пластичностью, своей всеохватностью и величием, позволял в полноте объяснять англичанам и испанцам, арабам и китайцам, французам и корейцам тонкости мировоззрений и миросозерцаний *русских племён* Сибири. Позволял изъяснять душевные качества сибиряка.

А ещё Сибирь – это очистительная плавильня для самой русской речи, её культурная самовозгонка. Вольное и невольное смешение выходцев из самых разных краёв и окраин, позволили здесь грамотному литературному языку перекрыть оторванные от корней диалекты и наречия, очистить словарь, выправить ладово-интонационность и ритмику речи. Так, если опытный лингвист на слух узнаёт жителя Вологды и Челябинска, Саратова и Тамани, но вряд ли возможно по произношению угадать, вырос ли некто в Томске или Красноярске, в Тюмени или Барнауле. Современные сибиряки не «окают» и не «акают», не «тянут» и не «тараторят», их словарный запас объёмнее, чем у таких же нестоличных жителей европейского Зауралья, в своё время не решившихся двинуться встречь солнцу за лучшей долей.

Куприн сформулировал: «Язык – это история народа», и потому *страна умных людей Сибирь – это современность России*.

Кирилл САЗАНОВ

КОСМИЧЕСКИЙ ПРИШЕЛЕЦ

МЕТЕОРИТ, УПАВШИЙ В ГОРНОЙ ШОРИИ – 3-Й В РОССИИ ПО ВЕСУ

Примерно сто лет назад на территории Таштагольсого района упал Чебанкольский метеорит весом в 122,89 кг. В Московском минералогическом музее имени Ферсмана он находится на третьем месте по массе среди известных всему миру Сихотэ-Алинского, Селимчанского и Кашинского метеоритов.

Названием этот космический гость очень похож на Чебаркульский, упавший, соответственно, в озеро Чебаркуль в 2012 году недалеко от Челябинска. Наш метеорит тоже назван по месту падения у посёлка Чебанок (по-шорски «Чебанколь»), стоявшего на одноимённом ручье в 9 км от пос. Ключевой. Именно там его в 1938 году нашли геологи, что вели разведку на золото. При пробивке шурфа кайло рабочего Антона Никифоровича Семёнова лязгнуло о металл на глубине всего 1 м 30 см. Из шурфа тут же выкопали железный метеорит весом 123 кг. Увезти его из тайги было не на чем, и глыбу так и оставили у шурфа. Правда вокруг нашли несколько других обломков.

И вот что удалось об этом узнать. Оказалось, тематикой Чебанкольского метеорита в Кузбассе занимается единственный человек, это Юрий Сергеевич Надлер, ведущий инженер-геолог Территориального фонда геологической информации Новокузнецка, известного в народе, как геологический музей.

По мнению Ю.С. Надлера, собравшего колоссальный материал по Чебанкольскому метеориту, космическое тело состояло как минимум из двух частей:

– По крайней мере, найдены и изучены 2 образца весом 122,89 кг и второй поменьше – 3 кг 700 г.

Находкой в Чебанколе заинтересовался в 1938 году геолог А.С.Мухин, который отправил осколок в Томск профессору Ф.Н.Шахову. А он, в свою очередь, сделал вывод, что в горношорской тайге обнаружен железный метеорит. Уже в августе 1939 года геолог Б. С. Митропольский сообщает об этот в комитет по метеоритам АН СССР, а в сентябре сам метеорит весом 122,89 кг отправляют в Москву – в метеоритное собрание Академии наук.

Сегодня Чебанкольский метеорит украшает витрину Московского минералогического музея. У нас в Таштаголе о нём почти неизвестно.

Место падения Чебанкольского метеорита мы искали вместе с главой Кызыл-Шорской сельской территории Владимиром Семёновичем Куртигешевым и местным жителем, машинистом бульдозера Шалымской геологоразведочной экспедиции Вадимом Гавриловичем Зерниным. Выехали из посёлка утром прошлой пятницы и через полчаса оказались в заброшенном посёлке Чебанок, вернее, там, где он когда-то был. Сейчас тут просто покос, но Владимир Семёнович без труда находит места бывших домов: каждое возвышение прямоугольного контура говорит о том, где стояли избы.

– Я здесь часто ходил и чуть выше по течению ручья Чебанок дважды по осени видел палатки и людей с миноискателями. Ходили в наушниках, с серьёзными лицами, – вспоминает В.С. Куртигешев. – Я думал, что они золото ищут, а они отвечали: «Метеорит». Я ещё удивился, откуда метеорит в старых отвалах: на них старатели породу мыли, добывая золото. А рыли в старой штольне, сюда возили промывать. Так вот, эти приезжие точного места падения не знали…

– А много Вы странного встречали в здешней тайге?

– В этой стороне падают несгоревшие ступени от космических ракет. Они и сейчас лежат, до них часа четыре пути, но это смотря с какой скоростью идти. Эти обломки и целые кольца большого диаметра сделаны из очень прочного и лёгкого металла, а вокруг них запах стоит очень характерный… А вот здесь когда строили дорогу на Мрассу и для насыпи не хватало грунта, его сгребали со всех сторон, и там были старые срубы колодцев, венцы от домов. А снаружи – покос, как покос. Сейчас к нам 9-й год со стороны Алтая идут старатели по рекам Чугуна, Отла, Чулта, так они на глубине 6-7 метров находят глиняную посуду, кованые металлические ломы. Там люди жили, а их следы уходят, погружаются в землю. Местами в тайге растёт ранетка, что когда-то была яблоней. Ясно, что она человеком посажена.

– А ещё бывает, идёшь по тайге весной, когда растает снег, а травы ещё нет, и попадаются места, где кажется, что там лежит метеорит – такие глубокие воронки руками не выкопать, а техника туда не доберётся, – продолжает В.С. Куртигешев.

Выходит, что тайга на юге Таштагольского района полна сюрпризов. Там и сейчас можно найти стальные колёса от вагонеток, на которых работали золотоискатели, в частности, корейцы и так называемые «колонисты» – американцы. Все они искали своё счастье в виде самородков ещё до революции 1917 года. Потом это были уже советские старатели, сдававшие золото за так называемые боны, пока не отменили свободный старательский промысел. Сегодня людей тоже манит «золотая лихорадка»: при помощи миноискателей счастливчики порой находят на развалинах кувшины с золотом. К тому же Ключевой и его окрест-

ности притягивают к себе всё космическое: небесные тела и останки ракетной техники.

А значит и поисковиков иного рода – представителей «звёздного бизнеса» – искателей останков Чебанкольского метеорита. Следы их деятельности мы увидели воочию.

Подниматься вверх по течению ручья нам не пришлось, почти весь путь мы снова проделываем на машине, но в обратном порядке. Затем ещё сотня метров по тайге, и, перейдя ручей, мы наталкиваемся на следы работы геологов – остатки шурфов раскиданы по лесу и, как уверяет В.С. Куртигешев, на большой площади. Причём вся эта территория в радиусе 70 метров от впадения в Чебанок ключа Александровского считается метеоритным кратером. Хотя ничего даже отдалённо напоминающего воронку здесь не увидишь. И не удивительно, ведь здесь в 1930-х годах работала геологическая партия на золото. Я насчитал 11 старых шурфов, и все они полностью затянулись и осыпались – только воронки диаметром 3-4 метра. Но вот видим свежий раскоп, его глубина около 1,5 метров, края ещё ровные, а дно на полметра затоплено водой.

– Эта яма вырыта сравнительно недавно, примерно два или три года назад, – уверяют В. Зернин и В. Куртигешев. – Скорее всего, здесь искали метеорит или его частицы. Люди до сих пор о нём помнят, приезжают и ищут. Здесь, видите, место даже травой не успело зарасти.

Вернувшись в посёлок, ищем тракториста Андрея Никитина. Как рассказывает глава территории, от Андрея он слышал, что его покойный друг Василий Пензин принёс из тайги находку неясного происхождения.

– Да, Вася Пензин всё время охотился, а в тайге, можно сказать, жил. И рассказывал, что находил что-то подозрительное, – подтверждает Андрей Никитин. – Было это лет 10-15 назад. Но я не придал его находке никакого значения, даже не видел, что он там нашёл. Тогда и по телевизору, и в газетах всё время говорили то про НЛО, то про метеориты, то раз пятнадцать про снежного человека. Даже у нас рассказывали, что в Большом Лабыше НЛО садилось, да не один раз. И я подумал, что это – очередная «утка». То ли это был какой-то непростой камень, то ли обломок чего-то, но я понял, что само ЭТО там образоваться не могло.

Очевидцев падения и находки Чебанкольского метеорита искать в Ключевом было непросто, ведь самому посёлку нет и пятидесяти лет. Что-то помнить могли бы жители уже несуществующих посёлков: Кашканы, Берёзовая речка, Большой и Малый Лабыш и, конечно, Чебанок. Но один человек всё-таки слышал о находке.

– Я могу рассказать только с чужих слов, – говорит Сергей Байков. – Я слышал, что старатель нашёл метеорит, выложил его на край шурфа и там оставил. А в начале 90-х приезжали какие-то ребята из Ленинграда, и тогда, помню, дед мой всё хихикал: «Они, наверное, не метеорит ищут, а золотишко…»

Мы уже ехали из Ключевого, и нашей последней надеждой оставался 84-летний житель предместья, известного как Первомайка, Василий Филиппович Чичулин. Кажется, он не обманул наших ожиданий:

– Мне рассказывал мой дед: с неба на землю что-то обрушилось, это на горе было – на склоне. Большое что-то упало. И ещё до революции, царь Николай был, вроде. Я сам-то с 1929 года рождения. Мне показывали это место – там котлован был здоровый, а кругом – три горы, ручейки текут... По-моему, даже лес был горевший. И люди рассказывали: здесь что-то упало… А ещё говорили, что копать там нельзя.

– А какие рядом посёлки были?

– Там на Кондоме был прииск, был посёлок Берёзовая Речка, дальше стоял прииск Корон. А ближе всех – километра три-четыре – был посёлок Чебанок, по-шорски – Чебанколь. Я по лесу много ходил, соболя добывал. И знаю: там какой-то металл копали. И не золото, а то, что упало.

Итак, Василий Филиппович Чичулин точно описал событие, по следам которого мы и прибыли в посёлок Ключевой. И теперь можем сказать с полной уверенностью: в Горной Шории действительно был найден большой железный метеорит весом 124 кг. Для сравнения: обломок гигантского Сихотэ-Алиньского метеорита, найденный в феврале 1947 года на Дальнем Востоке, весит 1745 кг; метеорит Кашин (Тверская область, 1918 год) весит 121 кг; а Сеймчанский (Магаданская обл., 1974 год) – 273 кг. Наш-то – не хуже других.

Хочу поблагодарить всех, кто помог нашей экспедиции, и в первую очередь главу Кызыл-Шорской сельской территории Владимира Семёновича Куртигешева, работника Шалымской ГРЭ Вадима Зернина и его супругу Земфиру Красильникову. А за добрые советы спасибо заместителю директора по персоналу Шалымской ГРЭ Евгению Сергеевичу Козлову и его коллеге Евгению Александровичу Мызникову.

Зачем кто-то ищет в тайге останки Чебанкольского метеорита? Ответ прост: «звёздные камни» стоят огромных денег. Но почему самовольно доставать из недр золото или другие земные сокровища – запрещено законом, а космические тела – можно? Если у нас в Горной Шории лежит реликвия, то не объявить ли кратер под Ключевым особо охраняемой территорией?

Ведущий инженер-геолог ТФГИ (Новокузнецк) Ю. С Надлер считает, что место падения Чебанкольского метеорита на территории Горной Шории является геологическим памятником. А значит, в его сохранении должны быть заинтересованы власти. К тому же есть все основания для проведения дополнительных поисковых работ.

Учёным следует поторопиться, иначе их опередят чёрные копатели и продадут образцы на каком-нибудь аукционе. Дескать, аборигенам, то есть нам, это всё равно незачем.

Ольга ЩУКИНА

ЧЕТЫРЕ ОЧЕРКА

ВАРГАНОВЫ, или ИЗ КАКИХ КОРНЕЙ РАСТЁТ КЕРАМИКА

Пока нет такого, чтобы друзья и близкие наперебой делали заказы отправляющимся кататься на гору Зелёную: «Ой, вы же едете в Шерегеш! Обязательно привезите нам оттуда… « Вот это многоточие и предстоит заполнить нашим художникам в ближайшее время, создав такие сувениры, которые могли бы стать визитными карточками, брендами и самой горы, и Горной Шории в целом. Творческий потенциал для выполнения этой задачи в Таштаголе есть, и подтверждение тому – много лет подряд проводимая выставка «Лучшая картина года», которая почти каждый сезон открывает публике новые имена. На этот раз таким открытием стал художник-прикладник Аркадий Варганов с его керамическими сосудами. Жюри выставки в составе новокузнецких искусствоведов присудило ему первую премию. Больше всех радовалась этому событию другая участница выставки – Ирина Варганова. Ещё бы: Аркадий не просто муж ей, но и ученик, причём, талантливый!

О ГОРБУНОВСКОЙ МАТРЁШКЕ

Художники Аркадий и Ирина Варгановы в Таштаголе люди новые. Если верить авторам, толкующим праязык наших предков, то их фамилия удивительно точно отражает суть того, чем они сегодня занимаются. Морфема «ар» в праязыке, якобы, обозначала огонь земной, как зеркальное отражение «ра» – огня солнечного; «га» – движение. Значит, «варганить» – делать что-то на огне: готовить пищу, обжигать глину, например. Вот и варганят они вместе керамику уже десять лет!

Варгановы давно мечтали сбежать в таёжные синие дали, на чистый вольный воздух из своих «каменных джунглей». В Новокузнецке калитка их мастерской распахивалась буквально в метре от трамвайной линии. Грязь, шум, вонь каэмковских труб… Но творческая жизнь в большом городе всегда бурлила как варево в волшебном горшочке. Ирина расписывала пасхальные яйца, шкатулки – была склонность с детства – и тем зарабатывала на хлеб двум детям и себе. Однажды принесла работы на выставку, придирчивый выставком отнёсся к начинающей художнице благосклонно, её заметили в Союзе художников, приняли на равных, хотя она даже не была членом Союза. Коллеги по цеху помогли ей с мастерской, а судьба свела с Маргаритой Даутовой – замечательным человеком, ведущим мастером фирмы «Творчество». «Я увидела её матрёшки и влюбилась: живые, милые, добрые. Когда пришла к ней учиться, она сказала: «Зачем пришла? Ты все умеешь». Но показала технологию росписи, там есть свои тонкости. Я благодарна ей невероятно и называю её своим учителем, хотя сама она так не считает», – вспоминает Ирина.

Матрёшки очень увлекли, и вскоре манеру росписи Ирины Горбуновой (её прежняя фамилия) – сплав живописи и декора – признали как авторскую. В 2004 году все центральные улицы Новокузнецка пестрели баннерами с её матрешками.

Её «Дуняши» и «Катюши», узнаваемо отличавшиеся и лицом, и платьем, разлетелись по частным коллекциям во все концы света. Ирине приятно это осознавать, хотя на матрёшках она не разбогат ла – был случай, женщина-коллекционер из Лос-Анджелеса приглашала её в гости и всё удивлялась: неужели ж она своими матрёшками не может заработать даже на билет в Америку?

О ВАРГАНОВСКОЙ КЕРАМИКЕ

Варгановой Ирина стала вскоре после того, как занялась керамикой. Начала с сувенирки, потом перешла к более серьезной малой пластике, к скульптурным композициям. Научилась у коллег по мастерской: «Они преподавали мне уроки керамики, а я им – уроки росписи. Вот этот обмен первым шагом и стал».

Роспись – не лепка: изящные до того пальцы покрылись трещинами, от которых одно спасение – желтые заплаты из клея «БФ»: «Работать в перчатках не люблю – мне обязательно нужно чувствовать глину». Начинала, как все, с расписной глиняной игрушки, с колокольчиков. Осваивала гончарное дело, обжиг, технику глазури, роспись ангобами – красками на основе белой глины. И почти сразу замахнулась на грандиозное: захотелось доказать (в первую очередь, себе), что она именно «поттер-вумен» – женщина-керамист, а не просто рядовая сувенирщица. Дальше была Всероссийская выставка декоративно-прикладного искусства «На радость вам», где её «антиалкогольный» камин «Бутылка» с поговоркой из Даля по кругу: «Чарку пить – здорову

быть, удвоить – ум развеселить, утроить – нестройну быть» – произвёл впечатление на коллег и зрителей, в том числе и на известного космонавта, дважды Героя Советского Союза Георгия Михайловича Гречко. Он даже пожелал сфотографироваться с автором на память. А некий восхищенный журналист написал в книгу отзывов: « Как тонко – о такой тяжелой проблеме!». «Тонкость» эта, однако, весила без преувеличения семь пудов, всемером её и в печь сажали для обжига, а всего на уникальный камин у Ирины ушло около пяти месяцев. Сегодня камин стал уже семейной реликвией и, естественно, не продаётся. Иногда по вечерам в зев «Бутылки» подбрасываются дровишки, и весёлые языки пламени взвиваются под самый свод, над которым снаружи пляшут в хороводе у кромки огня разудалые девки и парни в русских костюмах, рискуя сорваться в пекло.

После «Бутылки» Ирину в художественной среде Новокузнецка признали как серьёзного керамиста.

О ГЕННОЙ ПАМЯТИ

Аркадий появился в её жизни, когда Ирина уже прошла региональную выставку в Красноярске «Сибирская радуга», где впервые показала свою керамику. Вспоминает, как лепила из глины заготовки для колокольчиков, как подошел со смущенной улыбкой молодой мужчина: «Можно, я тоже попробую?» – и скатал шарик, но он получился квадратный. Стало понятно: не боги горшки обжигают, но чтобы обычная глина была послушна рукам, нужно быть чуточку богом. Хотя бы в смысле долготерпения. И преуспел. Ольга Галыгина, новокузнецкий искусствовед, когда увидела его первые работы на городской выставке, спросила: «Новый мастер появился в городе?»

На Всероссийскую выставку в Москву они уже отправились вместе: Ирина со своей «Бутылкой» и Аркадий со славянскими сосудами. Муж не только стал её помощником и учеником, он избрал свою стезю в керамике, очень скоро приобрел индивидуальное лицо. Даже Ирина удивилась: взыскательные мастера из столичного выставкома приняли без придирок все его работы! Вот так, якобы случайно, у монтажника-радиоэлектронщика обнаружился талант керамиста. Правда, позже выяснилось, что наследственный: родные дед и бабка Аркадия имели собственную гончарную мастерскую по изготовлению художественной посуды. Во внуке, стало быть, пробудилась генная память. Особенно же его пленяют красота и в то же время функциональность древнеславянской керамики: все эти кухли – сосуды необычной формы под молоко; баклаги под медовуху, вино; гречишники под подсолнечное масло; квасники с круглым отверстием посредине – не для фасону, а чтобы класть студящий содержимое завернутый в тряпочку лёд. И для каждого сосуда, руководствуясь археологическими находками прошлых веков, он разрабатывает новые необычные формы (с двумя носиками, например, или подвесные), свой неповторимый орнамент. В результате получается вроде и традиционный сосуд, но авторски стилизованный, ни на какой другой не похожий. Как выразилась о работах Аркадия искусствовед Татьяна Высоцкая, «это не просто сувенирная продукция, но уже высокохудожественные вещи, достойные экспозиции любого музея искусств».

О РОДНОМ ГНЕЗДЕ

Теперь о том, почему Варгановы оказались в Таштаголе. Одну причину я уже назвала, и вот ещё несколько: в поисках рынка сбыта продукции, с надеждой построить наконец-то собственную мастерскую (в городе всегда приходилось делить «союзовские» помещения с другими художниками) и жилой дом. Так случилось, признаётся Ирина, что у неё к 45 годам не образовалось своего гнезда: по молодости уехала от родителей на Север, где снимала с детьми угол; вернувшись в Новокузнецк, получила комнату в коммуналке, потом, с невероятными трудами выкупив всю площадь и оформив квартиру на себя, отдала её повзрослевшим детям…

Когда они с мужем решились избрать для жизни Таштагол, в обустройстве на месте им помог глава района Владимир Макута, разглядев в художниках перспективных для района специалистов. Сам предложил занять под мастерскую строение бывшего лесхоза, помог выделить часть прилегающей территорию под застройку. Сегодня Варгановы уже живут в новом доме, с любовью выстроенном главой семейства, участвуют во всех городских художественных выставках, изготавливают и предлагают туристам исключительно свою, фирменную варгановскую керамику.

О РАЗЗОРЕНОВСКОЙ ПОРЯДОЧНОСТИ

Девичья фамилия Ирины – Раззорёнова. Прадедом её был Д.Ф. Раззорёнов, известный в дореволюционном Красноярске купец второй гильдии, человек безупречной репутации, общественный деятель, гласный красноярской Думы, церковный староста, совладелец магазина готового платья, где впервые в истории города была введена продажа товаров в кредит для малообеспеченных покупателей и распродажа по сниженным ценам. Именно Дмитрий Фёдорович Раззорёнов, будучи далеко не самым богатым человеком в Красноярске, построил на свои средства ночлежный дом (здание хорошо сохранилось и по сей день), где ежедневно 120 бездомных и голодных людей получали тёплый ночлег и горячую пищу. Раззорёновы были из того кру-

га православных русских, где чтили нравственные понятия и духовные ценности выше материальных: «Твори благо, бегай злаго – спасен будеши», – любил повторять отец большого дружного семейства, в котором, кроме своих шести детей, подрастала и приёмная девочка-сиротка.

И вот теперь, век спустя, когда среди нас так много развелось «иванов, не помнящих родства», его правнучка старается жить так, чтобы быть достойной представительницей рода Раззорёновых. Для Ирины связь поколений реальна. Не потому только, что её можно в буквальном смысле потрогать (в доме сохранились фамильные вещи: поднос, подаренный сослуживцами прадеду на новоселье, о чем свидетельствует памятная надпись от «1914 год июня 18-го дня», и старинный медный, с царским гербом прабабушкин таз для варки варенья, который и сейчас в ходу). Ирина физически ощущает эту связующую нить: она её ведёт по жизни, указывает нравственные ориентиры.

Например, прадед любил повторять, что главный документ купца – слово, и она всегда старается сдержать данное кому-либо обещание, чего бы ей это ни стоило. Пообещала главе района проводить мастер-классы по керамике – и слово держит: несколько лет обучала изготовлению глиняной игрушки и её росписи группу ребят из школы-интерната № 19. Чтоб могли они не только «колбу у дороги продавать, а на жизнь ремеслом зарабатывать и людьми себя чувствовать». С интернатскими детьми Ирина Александровна работает на добровольных началах, то есть денег за своё преподавание не получает. Более того, использует на занятиях свои материалы – глину, краски, которых в школе нет.

Что же касается коммерции... Да, Ирина и Аркадий продают свою керамику на Зелёной. Это их основной заработок. Но они не коммерсанты – они художники. Коммерсант – тот, кто на первый план ставит зарабатывание денег любыми путями. Для художника же главное – не изменить себе, своему призванию. «Мне многие, даже коллеги, говорят: зачем, мол, сами всё делаете, если можно нанять людей и поставить, к примеру, те же колокольчики на поток? Но я так не могу, нам с Аркадием это неинтересно: работа ради денег – совсем другая стезя. Наша керамика – это творчество, а не бизнес», – утверждает Ирина. Правда, умалчивает о том, что во все времена свободным художникам невозможно было выжить без поддержки меценатов и власть имущих. Ирине с Аркадием сегодня очень трудно конкурировать с заполонившим рынок дешевым китайским ширпотребом. Но они надеются, что их керамика всё же «пробьётся» и на самом деле станет узнаваемым брендом Таштагольского района.

19 000 ЧАСОВ НАД ЗЕМЛЁЙ

Имя летчика Михаила Николаевича Селиверстова занесено в Книгу Почёта командиров воздушных судов Западно-Сибирского управления гражданской авиации под номером 108. За тридцать лет работы воздушным извозчиком 19 тысяч часов он провёл в полётах. А это значит, что два года, два месяца и один день прожил не на земле, а в воздухе. И до сих пор не нашлось ещё пилота, который бы затмил его славу воздушного аса Горной Шории. О Селиверстове всегда ходили легенды. Но то, что вы здесь прочтёте, написано со слов самого Михаила Николаевича.

КАК СЕЛИВЕРСТОВ БЫЛ МОЛОТОБОЙЦЕМ

Шла война. В кузнечном цехе судостроительного завода города Волжска висел лозунг: «Каждый твой гвоздь – удар по врагу!» У наковален – калеки да пацаны. У пацанов ручки тонюсенькие, а кувалдой-то надо ударить как следует, чтобы «удар по врагу» ощутимым получился. Поэтому Мишка старался изо всех сил. Домой придёт – мать уже ждёт, воду греет. Сын руки опустит в неё, чтобы отошли, посидит так минут десять, потом перекусит наскоро, деревянный наган на изготовку и – «Ура! За Чапаева!» Рабочий народ отдыхает...

На смену вставали по гудку: первый вместо будильника, второй – за десять минут до начала рабочего дня, а по третьему приступали к работе.

В то утро гудки заголосили на час раньше. Люди бегут, волнуются – опоздали! На проходной – толпа народа. Выходит сияющий директор судоверфи: «Товарищи, сегодня выходной! Мы победили! Ура!!!»

В честь такого события всех пригласили в заводскую столовую. Первыми, само собой прошмыгнули к столам юные молотобойцы. И чинно замерли в ожидании угощения.

– Подходят к нам: «А вы чего тут расселись?» – «Мы рабочие!» Отошли, пошептались. Кончилось тем, что взрослым по 150 граммов налили, а нам по 50. Вот так впервые и выпил за Победу.

...Однажды летом близ деревни Кокшамары зашел на вынужденную посадку аэроплан. Налетела саранчой ребятня, облепила свалившуюся с неба птицу. Украдкой поглаживая её по гладкому крылу, Мишка раз и навсегда решил: обязательно будет летчиком!

В 16 лет судьба подарила шанс – он стал курсантом Казанской спецшколы ВВС. Но очень уж с непривычки заскучал без матери, и был отчислен за самовольные отлучки. Отправился в Чебоксары, где поступил в энергетический техникум.

А через год в этом городе открылся аэроклуб.

КАК СЕЛИВЕРСТОВ СТАЛ ПИЛОТОМ-СПОРТСМЕНОМ

Похоже, в те далёкие времена клубы аэро были так же популярны среди молодёжи, как сейчас ночные. Жизнь набирала обороты. С восьми утра до пяти вечера – работа на заводе электроаппаратуры. С шести до девяти – учёба на заочном отделении филиала Московского электромеханического института. С десяти до полуночи – занятия в ансамбле песни и пляски при заводском дэка «Электрик», чередующиеся с беганьем по «танцулькам». Спать ложился в час, а в два надо было уже собираться в аэроклуб, откуда в три часа выезжали на аэродром. С пяти до семи утра – полёты. И – здравствуй, новый рабочий день!

Теорию в аэроклубе освоили за зиму. К весне начались полёты, и у курсанта Селивёрстова обнаружился явный лётный талант. Через три года обучения он уже признанный лётчик-спортсмен. Пятое место по Союзу в соревнованиях по самолётному спорту, «мёртвые петли», «бочки», «спирали» на лучшее время. Позднее владение высшим пилотажем здорово помогло ему в работе.

КАК СЕЛИВЕРСТОВ К ТЁЩЕ ЛЕТАЛ

В 1951 году Селиверстов поступил в Бугурусланское летное училище гражданской авиации. После учёбы был оставлен здесь инструктором. А в 1953 году женился.

Даже сегодня, когда я спрашиваю 73-летнего мужчину, какой была его жена в молодости, первое, что ему приходит в голову, это «серьёзной» и ещё «строгой». Наверное, такой она ему и нужна была по судьбе, чтобы хоть немного укротить его буйную натуру. Браки ведь совершаются на Небесах, и Богу, уж точно, сверху виднее.

Когда молодую «ещё не жену» отправили на преддипломную практику за 70километров от Бугуруслана, он нарочно делал крюк, чтобы «махнуть крылом» над школой, или проделать «мёртвую петлю» перед окнами класса, где Евгения Валентиновна вела урок литературы, который в таком случае гарантированно срывался: «Эроплан, эроплан, посади меня в карман!» Жена и сейчас выговаривает ему за тот «чкаловский» выпендрёж, он же лишь посмеивается:

– Ты же не была против, когда я в Башкирию к тебе летал на свидание!

…Она тогда родила дочку и жила с родителями. Первый раз счастливый папаша посадил свой ПО-2 на пашне за околицей. Прибежал запыхавшийся тесть, заключил: далековато. Зять учел, и в следующий раз приземлился «на бережку» у реки – пять далеко. В третий раз плюхнулся аккурат возле тёщиного дома на просёлочную дорогу. Тесть одобрил: в самый раз!

– Принесли мне Наташу, подержал её на руках. А взлетать – места мало: грязь, канава впереди. Деревня! Инструктирую: «Вы меня за хвост держите, а как рукой махну, отпускайте». Газ дал – держат. Рукой махнул – отпустили. Взлетел удачно. Но на полчаса опоздал, полёты закончились. А меня нет. Собирались уже бить тревогу – лечу. Комэск догадался, где я был, замял дело.

В 1955году по комсомольскому призыву Селиверстов перевёлся в Западно-Сибирское управление гражданской авиации, г. Сталинск (Новокузнецк). Как опытного пилота его направили в Спасское летное звено. В 1956 году он переучился на управление самолётами ЯК-12 и АН-2. В 1961-м освоил вертолёт МИ– 4, а в 1979 – МИ-8.

Вообще лётная судьба у Селиверстова складывалась на удивление удачно. (Правда, не в смысле карьеры и почестей, по этому поводу он как раз саркастически замечает: «Меня обычно до обеда к ордену представляли, а после обеда – к выговору»). Удачно – потому что он вызывал безграничное уважение и доверие благодаря личностным и профессиональным качествам. Лётное дело знал на зубок, был влюблен в профессию, а потому, наверное, ему всегда сопутствовало везение: и падал-то он трижды, и трижды горел, а вот, поди ж ты, – ни одной серьёзной царапины. И всё потому, что с работой в точку попал – на роду, видно, было написано в небе летать. Ведь родился-то он в канун Михайлова дня, и Михаил тот ни кто иной, как архистратиг – предводитель всего Небесного воинства. Вроде главнокомандующего при Боге-Отце. Знала мать, в честь кого сына назвать!

А ещё одним ангелом-хранителем Михаила Николаевича стала жена. Вслед за героем известного симоновского стихотворения и он мог бы повторить: «Ожиданием своим ты спасла меня».

– На улице буран такой, что соседнего дома не видно. Звоню в аэропорт: «В полёте». Вот и мечусь от дверей к окну. Это и была моя с ним жизнь почти все 50 лет, – грустно улыбается Евгения Валентиновна.

КАК СЕЛИВЕРСТОВ ПО РЕЛЬСАМ «ЕХАЛ»

Это произошло в ноябрьские праздники, когда ещё годовщину революции отмечали шумно и загульно. Два геолога на месторождении Большой Таз изрядно выпили. Один лег спать, а другого потянуло по гостям. Вернулся – дверь на крючке. Полез в окно. А шапка-то меховая, лохматая. Товарищу с пьяных глаз показалось, что медведь. И – со всего маха топором по черепу… Наповал завалил беднягу. Селиверстов повёз на место происшествия пятерых оперативников. Пока разбирались, погода испортилась: снег, ветер, ни зги не видно. Всё же рискнули, взлетели и пошли на небольшой высоте над просе-

кой ЛЭП. Но в районе посёлка Алгаин и её потеряли из виду. Приземлились на дорогу, чтобы очистить стекло – дворники не справлялись. Как быть?

– Тогда я –раз! – на «железку». Она ещё не была электрифицирована, только паровозы ходили. Пристроился и «еду» 60 километров в час, чуть ли не по рельсам. Паровоз замечу – поднимусь, пропущу его – и дальше. Домой вернулся, сто пятьдесят грамм коньяка выпил и – как мёртвый на подушку повалился. Там ведь нельзя было глазом моргнуть – повороты, горки, деревья. А высота – от силы метр-полтора. Говорю же – не летели, а ехали! Вместо 30 минут по графику час двадцать на обратный путь затратили.

Что тут скажешь? Умел Селиверстов – ради дела, конечно, не для пустой бравады – бросать вызов судьбе. И когда полёт по объективным причинам был невозможен, но крайне необходим, начальство посылало именно его. Командиры лётных отрядов всех сибирских регионов старались залучить себе Селиверстова в длительную командировку, дней на 15-20. А семья вынуждена была обходиться собственными силами. Понятно, почему самый строгий «разбор полётов» учиняла ему именно жена. Но не при детях: девочек она научила ждать отца с радостью, без боязни за его судьбу. Свои переживания от них прятала.

– Куда надо и не надо совал свою шею. Пилотов в звене много, смотришь – опять он пошёл. «Почему ты-то?» – «Ну, мне сказали». А потом такое рассказывают мне о его похождениях, что слушать страшно. Поначалу взбунтовалась: «Или я, или работа твоя!» А потом смирилась: чему быть, того не миновать, знала, за кого шла.

КАК СЕЛИВЕРСТОВ ЛЮДЕЙ СПАСАЛ

Первого июня 1969 года в Абакане случилось наводнение. Частный сектор плавал в воде. На крышах домов сидели люди, и снимать их пришлось с помощью вертолётов. Получил такое задание и экипаж Селиверстова. Прилетают в Абакан, а там сидит заместителем начальника управления авиации края Юра Ковалёв, бывший курсант звена, в котором Селиверстов инструктором был. Обрадовался он: «Выручай, товарищ инструктор, людей спасать надо. Проводов можешь не опасаться, электроэнергия отключена. Делай, что хочешь, только вертолёт не ломай!»

И началось: 26 вертолётов, и для каждого экипажа – 16 часов стартового времени в сутки. Два часа летаешь, два отдыхаешь. Селиверстов вначале техника с лебёдкой на крыши опускал: человек в стрессовой ситуации плохо соображает, что ему делать надо, а техник быстренько его к стропам пристегнёт – и наверх. Но вот беда: техник в первый же день пальцы покалечил, и заменить некем. Что делать? И Селиверстов придумал: подлетает к дому вплотную, ставит машину одним колесом на крышу или сени, и люди к нему в вертолётную дверь сами прыгают. А те, кого ещё не успели спасти, наблюдая, как ловко борт 02319 с крыш «пассажиров» снимает (на лебёдочной-то проволоке страшно болтаться, а тут перед каждым дверцу распахивают, как в такси) стали от других вертолётов отказываться. Те летают по 30-40 минут и всего-то по три-четыре человека привозят. А Селиверстов за 10 минут по семь-восемь собирает, как с куста! Все удивляются: «Со стадиона, что ли, он их возит?» А у героя дня все ладони в мозолях: попробуй-ка, удержи с помощью рычагов механическую стрекозу в одном положении, пока люди в неё садятся! Вот подлетает он к дому, чтоб мужика спасти, а тополь мешает. Мужик после операции, с переломом таза, выше влезть не смог, на сени-то чудом взобрался. Снимать его надо, а как? Селиверстов к дереву приметился, колесом чуть-чуть вниз и вперёд – опа! Есть, сломал! Кабину подставил, мужик вполз. Двадцать минут у Селиверстова на всё про всё ушло. А до этого два вертолёта пытались мужика снять.

И столбы Селиверстов таким же манером убирал с пути, если мешали. Как спички, говорит, ломались. А кульбит с тополем доброжелатели даже засняли. И Ковалёву по рации доложили: борт такой-то, такие-то безобразия. Но бывший курсант быстро отбрил жалобщиков: «Это Михаил Николаевич летает, он знает, что делает!»

В район стихийно бедствия прибыли важные «тузы», и Селиверстова как командира самого опытного экипажа заставили их возить. До самого вертолёта, говорит, ковровая дорожка лежала для разных министров из Москвы да секретарей обкома. Летали над районом затопления, подсчитывали убытки. Всех командированных давно распустили, а Селиверстов всё летает. Улучил момент, когда первый секретарь обкома Хакасии на борт попал – и к нему: отпустите, мол, домой. «Как домой?» – « Так он ж не наш пилот», – ему отвечают. «А что, у нас таких нет?» – «Были бы, мы его здесь не держали, а согласился бы – насовсем оставили».

Если данную историю Селиверстову случается рассказывать при жене, то в этой части повествования она непременно замечает; «Ну, расхвастался, старый Мазай!» И с укоризной, совсем поучительски, качает головой.

КАК СЕЛИВЕРСТОВ НА ХВОСТ СЕЛ

Апрель 1979 года. Экипажу Селиверстова предстояло перегнать из Новокузнецка в Спасск вертолёт, который был на регламенте (ревизия технической части и ремонт). Погоды, как назло, нет. А тут санитарный вызов в поселок Усть-Нарык на берегу Томи. На борту у Селиверстова три члена экипажа,

два медика, один из которых попросился «прокатиться». Взлетели, взяли курс, всё идет нормально. Тридцатая минута полёта, высота 600 метров. И вдруг – стоп! Посторонний звук. На приборы глядеть некогда – Селиверстов глазами уже просвет меж деревьев выискивает, где бы вклиниться, а диспетчеру докладывает: отказал двигатель. На самом деле понятно ему, что редуктор, но объяснять некогда – сейчас винт остановится: «Иду на вынужденную!» Пятьдесят метров до земли не дотянули – ахнули вниз. Комиссия из Москвы потом разбиралась, сказали: пять трупов должно было быть. И – ни одного! Да и травмы-то ни одной, если не считать, что Селиверстов палец поцарапал. Считанные секунды судьба ему предоставила, и он их сумел использовать. Успел от берёз отвернуть, на черёмуховый куст нацелился и – под горку на хвостовой балке «съехал». Балка – на куски, а вертолётик подпрыгнул, развернулся и всё, стоит. Такая на них в тот момент тишина обрушилась...Только птицы посвистывают. Весна! А медики, представьте, и не поняли ничего, возмущаются с заднего сиденья: «Не дрова же везёшь!» Селиверстов им: «Выходите скорее, вдруг рванёт», – в салоне пятидесятилитровая бочка с бензином стояла. Они выходят – а вертолёта-то и нет! Одно брюхо на колёсиках. Сразу вспомнили, что у них с собой спирт имеется: «Давайте, – предлагают, – по несколько граммов». «Вы как хотите, а экипажу нельзя», – знал Селиверстов, что в первую очередь его будут проверять, не по пьяному ли делу «залетел».

Позже выяснилось, что во время регламентных работ механик, залив масло в редуктор, который вращает винт, не законтрил гайку. Та от вибрации раскрутилась, масло вытекло, и редуктор заклинило. Селиверстов потом представил, холодея, что бы осталось от экипажа, если б вылетел он не на санзадание, а домой в Спасск: с высоты полутора километров за те спасительные несколько секунд снизиться на относительно безопасную высоту он бы никак не успел.

* * *

...Когда обе взятые с собой кассеты закончились, а рука моя писать устала, Михаил Николаевич с сожалением констатировал:

– Эх, жаль! Не успел рассказать, как с геологами работал, как нефте-и газопроводы по всему Северу помогал строить, железные дороги и ЛЭП прокладывать. Ну да ладно, в следующий раз...

Но следующего раза не случилось и никогда – увы! – не случится. Переселился вертолётный ас Селиверстов в мир иной. И теперь уже там, в вечности, где торопиться некуда, рассказывает он кому-то свои невероятные были, кажущиеся небылицами.

«НАСЛЕДСТВО» ОТ ГУБЕРНАТОРА

«Губернаторские» коровы уже принесли ощутимый достаток 26 семьям Таштагольского района.

По областной программе поддержки малоимущих и многодетных семей в Таштагольском районе было выдано 26 социальных выплат в размере 30 тысяч рублей каждая на приобретение коров для личных подворий. Сегодня приезжие бурёнки уже в стойлах, дают счастливым хозяевам парное молочко. И каково же элитной скотинке на новых местах живётся?

«ЛЮБИМОЙ ОТ ЮРЫ»

На подходе к дому Алиевых по улице Геологической («это по левой стороне, напротив помойки», – испортила мне настроение встречная девочка) меня приветствует гогочущая эскадрилья белых гусей. Хлопая крыльями, птицы стремительно мчатся вверх по речке, чиркая о воду лапками. Этот нечаянный «гусь-парад», так непосредственно демонстрирующий первобытную радость жизни, бодрит всех присутствующих, а именно меня и двух пасущихся неподалёку коров. Вдруг да одна из них – та самая, доставшаяся семье Алиевых по губернаторской программе поддержки малоимущих и многодетных?

К счастью, никакой помойки рядом с искомым домом не обнаруживается (хозяева, переехав сюда около двух лет назад, её убрали, обустроив место под хранение сена) – это, во-первых. Во-вторых, назвать семью «малоимущей» теперь, когда молока каждый день хоть залейся, просто язык не повернётся. Да к тому ж ещё в хозяйстве имеются гуси (те, что меня приветствовали), куры, кролики, ухоженный огород и охраняющий всё это богатство в меру своих годовалых сил пёс Жулик, как раз таки жуликовато юркнувший в будку при моем появлении. «Многодетность» же Алиевых ограничивается пока тремя детьми, двое из которых – семнадцатилетняя Катя и девятнадцатилетний Дима – себя уже к таковым не относят. Впрочем, младшая Оля в свои неполных пять лет тоже мнит себя вполне взрослой барышней:

– Папа ушел с братом покупать ему новую одежду, мама на работе... А я умею прыгать и скоро пойду в школу! А потом знаете, куда поступлю...?

– Оля, иди в другую комнату, – бесцеремонно прерывает завязавшуюся было светскую беседу старшая Катя и деловито набирает папин номер, чтоб скорее возвращался.

Успеваю оглядеться: обычный для деревенского дома порядок (когда всё, что может потребоваться, под рукой, а не упрятано в шкафчики), кажущийся взгляду городского жителя, от нечего делать по пять раз на день стирающего пыль с телевизора,

беспорядком; бросаются в глаза две самодельные разделочные доски, украшенные тщательно прорисованной цветочной вязью и надписями: на одной – «Любимой от Юры», на другой – «Я тебя люблю!»

КАКОЙ ЖЕ КОВБОЙ БЕЗ КОРОВЫ!

А вот и сам сорокасемилетний «Юра», то есть Юрий Серверович, не заставил себя долго ждать. Представьте теперь восторг охотника, который рассчитывал, самое большее, добыть зайца, а на него вдруг вышла преупитаннейшая косуля! Так и я: пришла за репортажем о губернаторской корове, а тут в дополнение к корове явился, откуда ни возьмись, настоящий ковбой! Ну, с виду, по крайней мере. Вообразите себе невысокого поджарого мужичка в шикарной кожаной ковбойской шляпе с выбивающимися сзади кудреватыми прядями, в кожаном жилете, коричневой, в тон шляпе, щегольской рубахе и только что не в кожаных штанах или джинсах, а просто в чёрных брюках. Замечу в скобках, что о своём визите я не предупреждала.

Словом, нарисовавшаяся так внезапно в дверном проёме картина сама просилась «на полотно», и я решила немедля приступить к фотосессии. Тем более, элитная корова-первотёлок, заслышав голос хозяина, уже призывно мукала и била в стойле копытом. Поскольку прикид Юрия Серверовича был отнюдь не рабочим (не американцы, чай, роскошествовать – в шляпах скотину гонять), то и корову для парадного портрета во двор выводить не стали, а засняли прямо в летней резиденции. («Зимний дворец»« хозяин выстроить ещё не успел, но стройматериалы заготовлены, циркуляр-ка своя, а поставить стайку для него, плотника по профессии, не составляет труда). «Модель» наша поначалу стеснялась и норовила отвернуться, но перед букетом сенных цветов, как существо женской породы, всё же не устояла, потянулась к нему, позволив-таки фотокамере запечатлеть свой царственный коровий профиль.

О ВЫРАЖЕНЬЕ КОРОВЬЕГО ЛИЦА

Дояра появилась у Алиевых лишь пару недель назад, но успела занять место самого привилегированного члена семейства: вся жизнь крутится вокруг неё. Утром будит домочадцев своим мычанием, требуя пойла, дойки и «поцеловать». Необычным именем её наградили в младенчестве, у неё даже «удостоверение личности» имеется, где черным по белому написано: «Дояра». Так что посягательства хозяев окликать её банальным «Доча», или пошлым «Звёздочка» сами собой отпали.

Родом Дояра из хозяйства «Славино» Новокузнецкого района. Надрезанное левое ухо с жёлтой биркой «1753» – то самое родовое клеймо элитности. Местных захудалых женихов этой рогатой аристократке даром не нать – досталась хозяевам уже покрытой племенным бычком. И в стаде Дояра ходить не желает: компания чужая, места дикие, травы незнакомые... Приходится её всем Алиевым по очереди выгуливать, благо работают, что хозяин, что хозяйка Лариса Егоровна, сутки через двое-трое.

– Выводим уже без верёвки. Пока ты идёшь, и она идёт следом. Только попытаешься вернуться, спрячешься куда-нибудь, – сразу бросает траву щипать, глазами тебя ищет, и лицо у неё такое, будто она потерялась и вот-вот заплачет. А выйдешь потом – она радуется, нежится, ластится к тебе. Может обидеться, когда строжишься на неё. Олю ревнует к жене, даже, бывает, отгоняет, только чтобы ей одной рядом идти! – поёт оду крупнорогатому члену семьи ковбой Юра.

Да-а, скажу я вам... Похоже, помыкает смышлёная Дояра своими хозяевами, как хочет, прямо-таки вьёт из них верёвки. И на прогулки-то её водят, и стружечку-то свежую на ночь подстилают, и тряпочкой-то всяк день протирают, и с полуслова-то её понимают. Она только: «Ма!», а уж готов у хозяев перевод: «Я встала, надо доить!» Хозяин холку ей почёсывает, приговаривая: «Ах, какую нам Бог умную коровушку послал!» Уже до того договорился, что морду её коровью «лицом», как вы, наверное, заметили, называет. Ещё и гордится: «Поглядите, она даже на нас, Алиевых, походит! Лицо – Алиевых, глаза – Алиевых!» Но это уж, по-моему, какой-то культ личности. Хотя, насколько могу судить, он не идёт в ущерб другим обитателям алиевского скотного двора. Вся живность при месте: кролики и куры в одной стаечке, гуси – в другой, и Жулик не без конуры. Всё это да ещё просторная баня выстроено в короткий срок собственными руками.

ДЛИННЫЙ ХВОСТ – ПРИЗНАК ПОРОДЫ

В хозяйство Алиев влюблен:

– Посмотрите, кролички-то какие симпатичные – прямо азарт! Азарт берёт!

Главное для него, чтоб все животные были сыты и обитали бы в чистоте и сухости, благо чистить и гоить есть кому.

-Вот только жаль, что места маловато, – сокрушается. – Я же планировал на тот год чушечку приобрести и жеребёночка – младшая, вон, просит. – И вновь переключается на свою ненаглядную Дояру. Бумаги, мол, на покос надо оформить, а то этим летом сено ставил на ничейных лужках, маловато будет на зиму, покупать придётся.

Доят коровку Юрий с Ларисой на пару, в смысле, по очереди, у кого есть время. Утром она даёт четыре литра, вечером на пол-литра, литр больше.

– Одна знатная женщина (имеется в виду не происхождение, а степень осведомленности о коро-

вах – *прим. авт.*) посмотрела и сказала, что наша Дояра года через три станет ещё удойнее – у неё хвост почти до земли, а это считается признаком породы! – по-детски радуется Юрий Серверович и благодарит:

– Спасибо, конечно, нашему губернатору, что такую программу выдвинул: корова есть – в доме не переводятся молоко, сметана, творог; постряпушечки на столе всегда. Раньше было, как без ложки щи хлебать, а сейчас – полная чаша! Я прямо ему низкий поклон шлю. И вот что надумал: первого теленочка отдать, как и положено, другим малоимущим, но прикупить у кого-то взамен двух. Одного, чтоб год кормить, а другого – на закол. А там Дояра снова отелится. И получится: годовалых – на закол, а маленьких – на откорм. Так у меня и пойдёт круговорот! И будем жить в достатке: это когда ничего лишнего, ничего «богатого» нет, зато есть всё необходимое.

Вспоминает Юрий Серверович, как его родители бедствовали: отец всю жизнь конюхом, мать через два года рожала их, семерых, потом в колхозе работала. Трудолюбивая была. И он в мать пошел – в Чинчековых. Но всё ж бедненько жили:

– Перебивались, как все многодетные в деревнях. Сильно жили те, у кого детей было поменьше или кому наследство доставалось. Теперь вот и мы, можно сказать, такое «наследство» получили – да ещё от самого губернатора!

ЗДОРОВЫЙ ДУХ ЭЛЬБЕЗЫ

Эльбеза – шорская деревушка со звонким названием. Добраться сюда можно из Чилису-Анзаса, проехав верхом на лошадке 18 километров по таёжным тропам. Ну, и на вертолёте, если ясная погода.

«СВОИХ НЕ СПАИВАЕМ!»

Каждый прилёт «вертушки» для Эльбезы праздник, случающийся раз в неделю: в магазин завозят продукты; кто-то встречает родственников из города. Для эльбезинских стариков сегодня праздник вдвойне – будут выдавать пенсию. Паштык Никифор Кушаков вздыхает: молодёжь и люди среднего возраста спиртное здесь не употребляют, а вот старшее поколение по застарелой привычке этим делом грешит, и перевоспитать родителей нелегко. Пошли другим путём: в магазин совсем не завозят водку, разве что пива немножко. «А зачем мы будем своих же спаивать? Полдеревни друг другу родственники!»

Возле крохотного магазинчика «У Серёги» наблюдается весёлое оживление. Люди, побросав дела, с энтузиазмом перетаскивают коробки и мешки, в беспорядке, будто кто вспорол переполненное вертолётное брюхо, рассыпанные на траве. Был магазинчик пуст, зато теперь есть, что взять. Не купить, а именно взять, под запись; потом хозяйке торговой точки Галине Шипеевой придётся собирать по деревне долги, чтобы закупить новую партию товара. Продукты натурального хозяйства есть в каждом доме, а вот деньги водятся лишь у одиннадцати пенсионеров да ещё у двух жителей, взявших на себя труд два раза в месяц летать в центр занятости ради пособия по безработице. Остальным, чтобы разжиться наличными, надобно что-то продать.

ПО ТОННЕ НА СЕМЬЮ

До перестройки, пока коопромхоз не закрылся, мужчины в деревне профессионально занимались охотой. Сейчас охотничают для себя – бьют белку, соболя, иногда попадает и крупный зверь. В летнее время рыбачат, благо Мрассу протекает в полутора километрах, стоит перевалить горку. Этим летом мальчишки выловили тринадцатикилограммового тайменя – то-то было радости. В последнее время появилась ещё одна, пока незначительная статья доходов: прилетающих на вертолёте туристов со всем снаряжением перевозят на тракторной тележке к реке, а дальше они сплавляются вниз на «резинках».

Автомобильного сообщения с Эльбезой нет, раньше можно было добраться сюда лишь верхом да на тракторе. Не было до недавнего времени и беспроводной связи. Чтобы позвонить по сотовому, нужно было седлать лошадь и скакать чуть ли не до самого Чилису-Анзаса. Теперь в деревне есть таксофон, работающий через спутник, звони хоть в Америку. А года три назад районная власть решила пустить сюда рейсовый вертолёт, причём для местного населения предусмотрены льготные билеты. Милое дело: загрузил мешки с орехом или любым другим экологически чистым продуктом и перенёсся по воздуху за каких-нибудь двадцать минут до городских покупателей. А то и лететь никуда не надо – сами заготовители в деревню пожалуют. Говорят, каждая эльбезинская семья в урожайный год может заготовить до тонны ореха. Но последний раз урожай здесь был лет 10 назад. И теперь вот выдался, наконец, хороший год. Многие уже отправились в кедрачи шишкарить, дома остались те, кто картошку не выкопал или с сенокосами не успел управиться.

ПОД СТУК БЕРЕСТЯНОЙ ВЕЯЛКИ

Олег Шелтреков с утра успел пробежаться вокруг деревни, насобирать шишек под ближними кедрушками, а теперь сидит в теньке на своей усадьбе, и занимается располагающим к размышлению делом – отделяет орех от шелухи. Отрешенный,

словно Будда, поглядывает он с пригорка на копошащихся в огородах соседей, на связистов, прилетевших настроить спутниковую антенну таксофона, на оживленно переговаривающихся возле магазинчика сельчан. Всё пространство над деревней напоено осенним покоем и запахами близкой тайги, к которым приятно примешивается горчинка берёзового дыма, вьющегося над летней кухней усадьбы Никифора Кушакова; его жена Римма подчует сегодня дорогих гостей – сына со снохой и трёхлетнего внука.

Способ, которым Олег извлекает орех, ещё дедовский, но усовершенствованный. Рушит шишку не увесистой палкой-»тёркой», а механической давилкой в виде перевёрнутой пирамиды из стальных прутьев с барабаном внутри и ручкой, как у большой мясорубки. Подобные агрегаты, говорит, в советское время запросто изготавливались умельцами в механическом цехе таштагольского рудника. Получившуюся массу пропускает через сито, отделяя орех от крупного шишечного мусора. Потом его веет, для чего рядом на травянистом склоне расстелен многометровый кусок агрила. Зачерпывает сорный орех совочком и с размаху кидает. Более лёгкий сор падает, не долетев, на землю, а полный орех – дальше, на полотно. Олег демонстрирует и другой способ веяния – в берестяном коробе. Подбрасываешь в нём содержимое, а потом резким движением стряхиваешь скопившийся у края мусор. Орехи ритмично бьют по звонкой бересте, и можно представить, какой бы получился интересный национальный танец со стуком орешек в такт движениям. У испанских девушек – кастаньеты, у шорских – берестяные веялки, почему бы нет?

«БУДУ СТРОИТЬ – И ВСЁ!»

В прошлые приезды сюда Эльбеза запомнилась смеющимися лицами, крепким общинным духом и несокрушимым энтузиазмом её жителей: молодые семейные пары собирались строить на дедовской земле свою жизнь – трезвую, благополучную, радостную, что очень контрастировало с соседним вечно пьяным Чилису-Анзасом. Сегодня большинству из тех энтузиастов за сорок. Не всё, о чём мечталось, сбылось. Но жизнь в гармонии с собой и окружающей природой помогла сохранить «дух мирен» и чистоту помыслов, а потому и ощущают эльбезинцы себя вполне счастливыми людьми, по крайней мере, так кажется. Если б ещё детей не приходилось отрывать от семьи на большую часть года... Но о грустном позже.

Душа деревни – Никифор Кушаков. Без него вот этой, новой по сути своей Эльбезы, просто бы не было. Здесь он родился, в Спасской школе-интернате закончил десять классов, пять лет жил в Новокузнецке, работал монтёром путей. Потом, когда началась перестройка, и появились мысли о возрождении родной деревни, вернулся в отчий дом.

– Всё показалось таким маленьким, ветхим... Говорю отцу: «Мне надо дом строить». Уже женат был, жить своей семьёй хотелось. Отец удивлённые глаза сделал: «Да ты что? Материала нету, ничего нету». Я упёрся: «Буду строить, и всё!» Он вроде как рассердился на меня, но промолчал. А я утром топор беру, на гору иду – и давай рубить. Ему куда деваться? На второй день вместе пошли. Народ на нас смотрел, смотрел, потом один, трое, пятеро – вот так всем селом и пришли помогать! Подняли сруб, считай, за две недели, – вспоминает Никифор.

В то время эльбезинцы собирались создавать свой сельскохозяйственный кооператив, под это дело был выделен муниципальной властью трактор. Половину материала для нового дома на этом тракторе и привезли. Позже ещё один трактор появился по распоряжению губернатора Амана Тулеева. И работа закипела:

– Брательник с армии вернулся, тоже поначалу в Новокузнецке обосновался, но я его быстро сюда сманил. Так и повелось: кто с армии приходил, оставались здесь. И сразу сообща дома начинали ладить. Так с девяностых годов мы всё постепенно и перестроили. Когда я приехал, было девять домов, а теперь в два раза больше. И все новые.

Пытались эльбезинцы приобрести пилораму – как бы красиво тогда отстроились! Но мощности дизеля не хватает. Вернее, поначалу районная администрация выделяла дизель-генератор на тридцать киловатт. Конечно, мощный, но уж очень много потреблял солярки. Расточительно для таёжной деревни. Теперь обходятся движком на пять и шесть десятых киловатта. Увы, ни холодильников, ни электроплит в домах нет – не тянет движок. Зато телевизоры почти у всех.

КАК ДЕДУШКА ПЧЁЛ НА СОЛЬ ЛОВИЛ

Бортничество, которым занимались предки современных шорцев, ныне почти утрачено, тем более интересно было познакомиться с человеком, освоившим дедовский промысел.

– Километров пятнадцать отсюда пчёл нашел. Два года искал. Наконец, выследил, – рассказывает 68-летний старожил Александр Михайлович, и речь человека, привыкшего в обиходе общаться на родном языке, понимается с трудом. – Соль в мисочке весной ставил, они прилетали, я смотрел. (Именно на соль, не на сахар, я уточняла; соль пчёлам тоже нужна для чего-то – прим. авт.). Выследил, куда летали. Нынче весной нашел. Здоровый такой, метровый осина с дуплом. Там зимовали. Сделаешь бе-

рестину, туда их собираешь. Матка попался – положил в берестину. Как матка зашел, пчёлы сами лезут. Половину меда у них забрал, килограммов пять. Улей был давно запасен. Раньше пасека держал, тоже в тайге пчёл находил. Один раз все погибли. Перестал держать. Теперь опять хочу. Весной пойду искать. Щас, после операция хорошо вижу, всё могу найти. Обидин сделал, Сергей Семёнович.

-Обязательно привет передам ему от Вас! – обещаю.

– А вы чё, знаете его? – оживляется старик, и глаза его недоверчиво всматриваются в меня из мерцающей линзовой дали. – Алексей Михайлович скажите, он сразу вспомнит.

ТВОЁ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ

Андрей Шелтреков очень доволен уродившейся нынче картошкой – выставляет её в ведре на показ: крупная, с прозрачной белой кожицей, чуть припудренной рыхлой удобренной землицей. Два ведра «голландской» привёз, не поленился, в прошлом году из города на посадку, и очень доволен результатом. Лето выдалось дождливым, и те, кто сажал доморощенную картошку, собрали в основном одну мелочь, а вот Андрей и его брат Анатолий, решившись обновить семенной материал, не прогадали. Только у Анатолия сорт другой – «невская»: круглая, красная, с шершавиной.

Андрей вернулся в родную деревню одним из последних и ещё достраивает свой дом. Семья – жена, сын и дочка – летом с ним, а на зиму уезжают в Новокузнецк, детям надо учиться. Семь лет Андрей отработал на «Запсибе», но с городской жизнью так и не свыкся. Вот он сидит с видом «кум королю» на высоком крылечке, от которого до таёжного чистого ручья рукой подать, и рассуждает:

– Огород свой, потрудишься – с урожаем будешь, а в городе всё время надо в магазин бегать. Дети приехали – всё есть, им нравится. Воздух чистый, и вода не хлорированная. Все мы здесь родились и выросли, никому не охота отсюда уезжать. Сейчас время тяжелое, вот каждый и тянется нутром к месту своему на земле – родине.

ЦВЕТАМИ ОТДАЁТ!

Игорь и Галина Шипеевы живут крепко: личный магазинчик, хозяйство, а тут ещё и пасекой обзавелись. Первые два улья купили у Жанны Шелтрековой, местного почтальона, хотят весной ссуду брать, чтоб ещё с десяток пчелосемей приобрести.

– Помаленечку ульи собираю из кедра – пилю бензопилой, потом строгаю, – кивает Игорь на аккуратно сложенные под навесом заготовки. – Приходится своим умом до всего доходить да по книжкам. Хотя мой дед Константин Афанасьевич пчёлами занимался. Ветераном войны был. Умер в восемьдесят шестом году, а я родился в семьдесят первом. В интернате учился, далеко от дома. Надо бы деду передать знания отцу, но тот не перенял. Вот и пришлось самоучкой быть. А мёд у нас здесь хороший – цветами отдаёт!

ЧТО ОТРАВЛЯЕТ ЖИЗНЬ

Проживает в Эльбезе примерно сорок пять человек; если с детьми считать, их здесь школьного возраста душ пятнадцать будет, а то и больше. Сейчас все они уехали учиться, и лишь один ребёнок заливисто хохочет на всю деревню – Максим, внук Никифора.

Учатся юные эльбезинцы, кто в школе-интернате на всём готовом, кто в обычной школе – это если у родителей есть квартира в Таштаголе, либо они в состоянии её снимать. «Интернатских» обычно навещают лишь в выходные – поинтересоваться, как учатся, поговорить с педагогами. А если дети живут самостоятельно, то тут гораздо сложнее:

– Младшие в школе, старшие в техникуме, а мы к ним ездим постоянно. Неделю здесь, неделю у них, вот и получается, что на два дома живём. И почти все у нас так, – делятся со мной наболевшим Галина Шипеева и Лариса Шелтрекова. У Ларисы с мужем разделение: он постоянно в Эльбезе, а она мечется, разрываясь между детьми и домом. Дочь в техникуме, сын в пятом классе городской школы № 2. Живут в квартире на улице Коммунальной.

Пока лето, дети взрослым первые помощники, но всё остальное время года родители одни. К сожалению, вот такая жизнь врозь не делает их семьи крепче и счастливее...

Олег МАКСИМОВ

ТАЙНА МАРАЛЬЕГО КОРНЯ

НАРОДНАЯ ЗАСТУПНИЦА

«Красная Шория» была всегда. Во всяком случае, так мне всегда казалось. А пуще всего мне нравилось в газете то, что она всегда была заступницей неправедно обиженных земляков своих. Особенно доставалось обидчикам всех мастей и рангов от Ивана Шмеля. Жалящие его фельетоны таштагольцы читали запоем. О том, что героям фельетонов крупно достаётся на орехи, читатели узнавали из заметок под рубрикой «По следам опубликованного». Высшей же похвалой газете была крылатая фраза: «Ну, всё! Не хотите по-хорошему, я обращаюсь в «Красную Шорию».

Что самое сегодня удивительное, угроза эта была настолько действенной, что многие конфликты решались на первой стадии, и необходимость обратиться в газету отпадала сама собой.

На самом же деле легендарный Иван Шмель был всего лишь литературным псевдонимом. Так подписаться под своим фельетоном мог любой работник тогдашней газеты. Но таштагольцы свято верили в своего неукротимого заступника и адресовали жалобы реально действующему журналисту Ивану Шмелю, под личиной которого, бывало, выступал и автор этих строк.

ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ

Так уж объективно сложилось, что в конце пятидесятых, начале шестидесятых при «Красной Шории» сбилась плотная группа талантливых людей: Олег Мандрик, Витя Козько, Лёша Лернер, Нина и Анатолий Петуховы. Приехав по комсомольским путёвкам на строительство Казского рудника, все они оказались яркими молодёжными лидерами и вскоре были приглашены в Таштагол. Занимаясь каждый своим делом, они объединились любовью к литературе и жаждой культурной деятельности. Центром естественного тяготения стала для них «Красная Шория». Будучи журналистами по призванию, сначала здесь «прописались» Козько, Мандрик и Лернер. Затем, внешатными корреспондентами, «подтянулись» Петуховы. Выполнив редакционные задания и заслав очередной номер газеты в производство, часами напролёт читали запрещённых тогда Цветаеву, Ахматову, Пастернака, жёстко обсуждали собственное творчество. Собравшись с духом, я показал мэтрам свои стихи и был на удивление тепло принят. Скорее всего, им просто любопытен был рабочий паренёк, взахлёб читающий Есенина, Гумилёва, Хлебникова, Мережковского и прочих «запретных». А может быть, они и вправду углядели что-то в моих юношеских стихах?

Бесконечные наши бдения привлекли в редакцию всю здешнюю пишущую братию, и сообщество это стало официальным литературным объединением при газете «Красная Шория». Занимаясь впоследствии в Литературном институте имени Горького в Москве, я вдруг понял: всё происходящее на таштагольской ниве поэзии тех лет вполне тянуло на творческий семинар Литинститута.

Говоря о шестидесятых, следует помнить: то было время знаменитой хрущёвской «оттепели». Освобождённые от сталинского гнёта литература и искусство стремительно обретали новые формы.

Пусть не столь масштабно, но «оттепель» согревала и Таштагол. Нас уже не устраивали обычные вечера поэзии, хотя повсюду и всегда они проходили с неизменным успехом. Душа жаждала театрального действа, и мы инсценировали «Бабий яр» Евтушенко и «Реквием» Рождественского. Душой и режиссёром этого дела был неистовый Лёша Лернер, а успех постановок превзошёл все наши ожидания.

Оригинально решила проблему новизны в искусстве всеобщая любимица Нина Петухова.

– Почему «Красной Шо рии» можно, а мне нельзя? – сказала она однажды и создала в своей школе литературное объединение «Гренада» с выпуском одноимённой газеты на множестве ватманских листов. Объединение прожило долгую и счастливую жизнь, сплотило прекрасным целую плеяду талантливых старшеклассников. Думаю, ничего подобного в Кузбассе тогда не было.

Сегодня это выглядит наивно и даже смешно, но впервые прозвучавшая в «Горняке» мелодия вокально– инструментальной группы стала для таштагольцев чем-то инопланетным. Привыкшие к баяну и духовой музыке слушатели долго не могли осознать случившееся. Мы же были преисполнены невыразимой гордостью: виновниками торжества опять же были наши ребята – Феликс Крылов, Гена Пехотин и Боря Мягков. А с приходом в группу солистки Юлии Роот Таштагол вошёл в эпоху ВИА уже навсегда. Жаль только, что, возвращаясь в Москву, Крылов увёз с собой и Юлию, назвав её своей женой. Но дело, начатое первопроходцами, продолжили Володя Андреев, Серёжа Губин и другие талантливые руководители последующих ВИА.

...Приближался новый 1962 год. Чем удивить земляков?

Автором идеи стал Володя Аулов, приехавший в Таштагол по окончании Новосибирской консерватории и сразу влившийся в нашу весёлую бражку.

– А не жахнуть ли нам рок-н-ролл?

Вопрос был явно провокационным, ведь рок-н-ролл содержался в СССР под жёстким арестом.

– Бал будет костюмированным, не так ли? – беззаботно резвился Аулов. – Вот и обрядим рок-н-ролл в пародию!

Пародию власти разрешили: высмеивание «растленной» забугорной культуры было тогда в цене. Мы наскоро состряпали несколько наглых пародийных реприз, густо приперчили их «ненавистными» ритмами загнивающего Запада и всю ночь наяривали самый что ни на есть чистый рок-н-ролл, ведь действо автоматом переместилось со сцены в фойе «Горняка» и продолжалось до самого утра. А после праздников грозный партийный дядька битый час обвинял нас в пропаганде не нашей культуры, но поезд, как говорится, уже ушёл.

О, времена! О, нравы!

Если же смотреть в шестидесятые всерьёз, то я уверен: культурная жизнь Таштагола переживала тогда свой «Золотой век», несмотря на все идеологические запреты. Причём, многие культурные новации вызревали в стенах «Красной Шории» и клуба «Горняк».

ЛИЧНО ПРИЧАСТЕН

1967 год я встретил специальным корреспондентом газеты «Молодёжь Молдавии». А началось всё в 1962, как в сказке со счастливым концом.

...Восемнадцатилетний монтажник-высотник, вкалывающий на стройках Кишинёва, написал свой первый в жизни очерк. Очерк понравился газете «Молодёжь Молдавии» и был опубликован. Монтажник даже не подозревал, что в это самое время вовсю раскручивался республиканский конкурс, учреждённый Союзом журналистов и ЦК ВЛКСМ. Не знал, но конкурс выиграл и был зачислен в штат солидного молодёжного издания...

Счастливая сказка прервалась телеграфной строкой: «Срочно вылетай, родители тяжело больны».

Спустя сутки я уже был в Таштаголе и, как мог, содействовал в лечении отца с мамой. А когда всё немного утряслось, конечно же, наведался в «Красную Шорию». Из всех бывших работников, знакомых мне, здесь оставалась лишь Валентина Фролова, ответсекретарь газеты. Она и познакомила с Борисом Жарковым, новым редактором.

Вдосталь наговорившись о разных журналистских разностях, мы уже прощались, когда Жарков вдруг предложил командировку в Амзасский леспромхоз.

– Судя по коллективному письму, развал там полный. Гвоздевой материал может получиться. Поедешь?

Материал и вправду получился что надо. «Кубики да рублики». После его опубликования в леспромхозе работали партийная, профсоюзная и даже прокурорская комиссии. Последовали суровые наказания нескольких должностных лиц. Редакция была на высоте, а тонкий политик Жарков решил ковать железо, пока оно горячо.

– Слушай, оформляйся к нам! Хотя бы временно. А там видно будет. Что скажешь?

Я сказал «да», и «Красная Шория», бывшая когда– то средой обитания стала местом работы.

Какой она была, газета той поры?

Официально ведущим, как тогда и полагалось, был отдел партийной жизни и советского строительства. Возглавлял его Алексей Саламатников, прошедший все журналистские огни, воды и медные трубы. Корреспонденции своей темы он стряпал, как тёща блины, частенько приправляя их доброй рюмашкой.

– Заела партийная житуха! – говорил он, лучезарно смеясь. – Ежели не принять для просветления, крыша съедет!

На самом же деле бесспорным лидером газеты был отдел промышленности под руководством Алексея Калинина. В редакцию он пришёл с рудника, проблемы производственные знал профессионально. Отдел постоянно затевал всевозможные газетные компании, создавал на горячих промобъектах внештатные корреспондентские пункты, дающие практические результаты.

Отдел писем и быта во главе с Николаем Сибилевым считался как бы второстепенным. Но это – «как бы». На практике же он был самым, пожалуй, хлопотным. Не одно постановление принял в своё время ЦК КПСС по работе с письмами трудящихся. Исходя из них, Сибилев мог споткнуться, быть наказанным и даже уволенным на любом письме. Ведь смысл всех цековских постановлений сводился к одному: трудящийся, как и покупатель, всегда прав. Даже если он... не прав.

Но Сибилев был ещё тем завотделом! Вот уж кто, не лукавя, молвил: «Платон мне друг, но истина дороже».

Краткую, но яркую жизнь прожил в редакции Лёша Сенников. Школьный учитель, он страстно увлекался фотографией и, придя в штат редакции, стал классным фотокорреспондентом. Жаль только, что успел он так немного... Безвременный его уход из жизни каждый из нас переживал как потерю родного брата.

Как-то сразу, без видимых потуг, вписался в наш коллектив Анатолий Гуськов, только что окончивший десятилетку. Не имея никакой журналистской прак-

тики, он очень быстро вошёл в редакционную колею, писал так, будто лишь тем всегда и занимался. Как видно, это и было Призванием. Закончив университет и получив специальное образование, Анатолий пробился в большую журналистику, работает сейчас в Новосибирске.

Знаковой фигурой нашего коллектива блистала Валентина Фролова. Так ведь и была она не кем-нибудь, а ответственным секретарём редакции! Это значит, что всё написанное нами попадало в её руки, вычитывалось, художественно размещалось на газетных страницах и становилось той «Красной Шорией», которая поступала к непосредственному подписчику и читателю.

«Неохваченным» в моих заметках остаётся редактор Борис Жарков. Не сказать о нём, значит, выкинуть слово из песни. Однако говорить ещё сложней, ведь он был нашим главным начальником. Любое доброе слово может расцениваться, как грубая лесть. А потому скажем так: будучи редактором, Жарков сделал всё, что мог – он нам не мешал. Поддерживая любое толковое начинание, отстаивал позицию газеты на всех руководящих уровнях. А ведь это и есть самое главное качество настоящего редактора.

КУЗНИЦА КАДРОВ

Принято считать, что деловые качества журналиста определяются его профессиональным ростом. Что же, по большому счёту, делегировала отечественной журналистике наша «Красная Шория»?

А вот что.

Бывший заместитель редактора Василий Жутяйкин стал главным редактором отдела промышленности областного радио.

Фотокорреспондент Василий Кафо до конца своих дней трудился в «Кузбассе». На областной уровень вышел Владимир Шишватов. Об Анатолии Гуськове уже сказано.

Алексея Калинина со временем пригласили на должность заведующего сектором печати обкома КПСС, а затем назначили заместителем председателя областного комитета по телевидению и радиовещанию.

Олега Мандрика и Виктора Козько «забрала» редакция «Кузбасса».

Лёша Лернер вернулся в Москву, долго и плодотворно работал на знаменитой радиостанции «Юность», самой рейтинговой, как принято сейчас говорить.

Виктор Козько ещё раз напомнил о себе в конце восьмидесятых, когда постановлением республиканского Верховного Совета ему было присвоено почётное звание «Народный писатель Беларуссии».

Достиг чего-то на профессиональной ниве и автор этих строк.

ТАЙНА МАРАЛЬЕГО КОРНЯ

Так назвал когда-то один из своих очерков всё тот же Виктор Козько. Речь шла о сильном человеке, корнями вросшем в родную горношорскую почву и черпающем из неё силы, как черпает их могучий маралий корень. Тогда же было решено, что впредь под такой рубрикой будут печататься все очерки о верных сынах земли нашей.

Вот пришла и моя очередь воспользоваться этой рубрикой, ведь я рассказываю о газете, которая уже многие десятилетия питается жизненными соками горношорского края и передаёт этот живительный настой своим землякам-читателям.

Слава Богу и спасибо нынешнему коллективу редакции за то, что главными героями её страниц по-прежнему остаются люди труда. Представляю, как ухмыльнулись бы сейчас многие мои коллеги по центральной прессе: человек-труженик там практически забыт. В почёте «развесистая клюква»: чем больше пикантненького, пошленького, тем выше гонорар.

Ну да Бог им судья! Россия всегда была сильна провинцией. Тем радостней, что «Красная Шория» не изменила этой тенденции, была и остаётся для своих читателей тем самым маральим корнем, что обитает лишь в краях, подобных нашей Горной Шории.

Иван ЗАМЯТИН

* * *

Порою пишется, как дышится.
А в голове светлым-светло.
И голос Неба ясно слышится
Сквозь затворённое стекло.
И дум тревожных нет, и вечности
Полна поющая душа.
И Божий дух дарит беспечности,
Вина желаний из ковша!

* * *

Молчи, душа
Голодная, не плачь!
Не возбуждай,
как дом пустой, желудок.
Когда-нибудь получишь ты
Калач –
Веночек из могильных
Незабудок.
И, может быть,
далёко-далеко
Ты улетишь
В заоблачные дали.
Да, мне с тобой, родная,
Нелегко,
И я с тобой
Всегда готов скандалить.
Кричи, душа голодная,
Рычи!
Была б возможность –
Дал бы тебе в зубы.
За незабудки также
Не взыщи,
Что не живые –
Из бумаги грубой.

* * *

Всем сёстрам – по серьгам
Братьям – по четочку.
Всем здоровья дедам,
Бабкам – по платочку.
В будний день шёл домой
Да раздухарился:
Жив-здоров, Бог со мной, –
Я развеселился.
Нипочём снег и дождь,
Под ногами слякоть.
Сам себе воин-вождь,
Места нет поплакать.
Ветер сушит лицо
Крепкими губами.
Я взойду на крыльцо
Лёгкими шагами.

Елена МОЗЖУХИНА

* * *

Мне тебя любить –
Пить из родника,
По тайге ходить,
Славить облака.
Без тебя мне быть –
Горечь знать калин,
На пригорке стыть
Сединой былин.
О тебе мне петь –
Птицу-жар нести,
Пламенем гореть,
Но любовь спасти.
С горечью калин
Воды родника,
Птицей из былин
Стонут облака…

* * *

У неба – русское лицо!
Оно его не старит!
Вот, над отеческим крыльцом
Взмывает ввысь Гагарин!
Крестьянский сын Руси родной
Летит быстрее ветра.
Его таёжный позывной
Звучит знакомо – «Кедр».
Даль, не пробитая свинцом,
Прославит человека.
У неба – русское лицо,
Прекрасное – навеки!

* * *

Полюбила я позднюю осень
С чередой затяжных дождей,
Бездорожье таёжных просек
И прощальный полёт журавлей.
Первый снег на ладонях калины,
Хрупкий лёд у речных берегов.
Побелевшие крепкие спины
Возмужавших за ночь стогов.
Дров охапку, что бросишь у печки
Ты, с мороза румяный такой,
«Подморозило, – скажешь мне, – речку!»
Хорошо! Я люблю, дорогой!..

Сергей ПРЯХИН

БАННЫЙ ДЕНЬ

1

После каждой пятницы – суббота,
Самый чистый и желанный день.
В крепкий банный жар нырнуть охота,
В просмолённый раскалённый жжень.

2

Тень и та устаёт к субботе,
Обогрев ей и отдых нужен.
Потемнела она на работе,
На снегах, на ветрах, на стуже.
Конь Седой недоверчиво глянул:
Не хомут ли несу из амбара?

…Взяв берёзовых дров для жара
Я иду по тропе до бани.
На крутом берегу реки
Много лет она людям служит,
Молодые и старики
На скамье её греют души.
В снег укрылись и птица, и зверь.
На закате заря поблекла…

Лишь на кованых петлях дверь
Отделяет мороз от пекла…
Три мальчонки и я, отец,
Меж сугробов бежим, петляем
По скрипучей тропе. Наконец,
Мы в иную страну попадаем.
А там!

3

Сверкая искрами,
Гудит труба,
Огонь неистово
Палит дрова.
Красна желанная
Жаровня-печь,
А полка банная
Манит прилечь.
Но ребятишечки,
Не то чтоб лечь,
Зажали «шишечки»,
Боясь обжечь.
На нижней полочке
Втроём сидят,
Прижали попочки,
На дверь глядят:
Под дверью банною
Через порог
Струёй туманною
(знать сам продрог)
вползал, куражился
Мороз густой,
На бой отважился
С жарой крутой.
На камни живо я
Плеснул воды –
Не в пользу стылого
Исход борьбы:
Шмыгнул за двери и
Себя студит,
На пляску веника
В окно глядит.
А веник яростно
Листвой трясёт,
А телу радость и
Покой несёт.
В душе отменная
Искра зажглась!
Мочалка пенная
По всем прошлась.
И тело голое
Горит огнём,
Вода на голову
Бежит ручьём.
Воды холодной плеск,
Фонтаны брызг,
От тела чистый блеск,
Восторга визг…
Из бани дружная
Спешит гурьба,
Опять ненужная
Пошла борьба,
Но от горячих тел
Клубится пар;
Мороз не вытерпел –
Под ноги пал.
Скрипит он жалобно
От босых ног,
Миг – и вбежали мы
За свой родной порог.
А тут!

4

Мягким, уютным, надёжным теплом,
Запахом мёда и свежего хлеба
Встретил нас маленький старенький дом
И рушники цвета чистого неба.

Русская печь разыгралась в углу-
Ночью приятнее зрелища нет –
На потолке, на стенах, на полу
Колышется нежно-малиновый свет.

Детям – бидон молока, хлеба с мёдом.
Мне – медовухи пузатый бокал,
Чтобы дети крепчали, росли год от года,
Чтоб я этой ночью покрепче поспал!

РОМАН ЖУК

ПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ

Сижу, дышу, пишу
Вопреки стихии стихи я.
Старательно, сознательно,
бумагомарательно.
Точки, строчки, мои заморочки
Марают, ломают и тут же ласкают
Слух, душу, сознание. Не нужно признания.
Я поэт и эстет. Крестовый валет
На стол ляжет, скажет, покажет
Хлопоты пустые, густые, непростые.
Для чего, кого – меня одного
Я дышу, пишу, небеса прошу,
Но уйдут, не дадут, не поймут.
И приходится жить, дышать и писать
Тебе одной, такой святой,
Такой пустой, как мои хлопоты.

СВОБОДА

Моя свобода давно уже ограничена.
Нет, не воображением,
Не заборами с проволокой да вышками
с часовыми сонными.
Твоим бесшабашным в личную жизнь
вторжением,
Да иллюзиями чёрно-белыми, несколько
обречёнными.
От мира окружающего она чётко отграничена
Решётками штор, стёкол оконных преградой.
Личность моя без свободы уже обезличена.
Да и жизнь без свободы не назовёшь наградой.
Вот и скитаюсь промеж строк, как буква
заблудившаяся.
Пытаюсь рифмы ломать, словно руки битой.
Свободу свою, как и чувства ещё не родившиеся,
Пытаюсь сравнивать с рюмкою недопитой.
Ведь кроме неё заманчиво-неправдоподобной,
Что остаётся в сердце, кроме тоски
всепоглощающей?
Нет, не нужно мне, не тебя, не тебе
подобной,
В жизни моей свободной, сквозь ладонь
протекающей.

КИРИЛЛ САЗАНОВ

ПТИЦА

Отчего же так бывает пусто,
Если всюду люди и событья?
Почему же так порою грустно –
Даже не заплакать, а завыть бы?

И в который раз тебе не спится.
Где-то там кружится мир огромный.
Без тебя идут на нём паромы,
И парит в выси
Большая птица.

Вот она распластана по небу,
Как распята на ветру за веру.
А под нею мы – бредём за хлебом,
Беспричинно глядя в атмосферу.

Знать, не одному тебе не спится.
И не одному бывает пусто.
Но она всё дальше – наша птица.
Вот уже – совсем не дотянуться.

* * *

Вот уже и холода. Поутру
Синью стылою умыт косогор.
Дивно зрению, да зябко нутру.
Неуютен этот зимний простор.
Поседели все берёзы кругом,
Курит печка, нервно кашляет пёс.
А по небу снежный катится ком
И подкатывает к горлу – до слёз,
Потому что незаметно ушла
Эта осень, и кончается год,
Половина твоей жизни стекла
И застыла, как ноябрьский лёд.
А спросить, какого чуда ты ждал?
А с какого перепуга вообще –
Ведь гарантии никто не давал,
И печаль твоя в порядке вещей.
Просто катится по небу огонь,
Ничего не согревая совсем.
А когда-то был сверкающий конь.
И зачем об этом думать. Зачем?

ЧАСЫ

В этот вечер неподвижны часы,
В этот вечер я не свой и не ваш:
Где то в небе мчатся Гончие Псы,
Игнорируя земной каботаж

Вертит космос наши бренные дни,
Заблужденья наших стареньких схем:
Засыпая ж, мы всё время одни,
Умирая – одиноки совсем.

Перед этим я дрожу, как листва
На ветру всепожирающих дней.
Бесполезны и бессильны слова
Даже высказать тоску ноябрей.

…Так и встали отчего-то часы,
И у них, видать, бывает инфаркт.
И завыли вдруг на улице псы…
Неприметный, но свершившийся факт.

НА ОДНОЙ ПЛОЩАДКЕ

«В Кузне есть интересные поэты: Раевский, Бокин, Тудегешева, Николаева, покойная Никонова…

Сципион 02.01.2013 форум «Кузпресс»

Еду на Кузнецы, говаривали наши предки прежде чем попасть в Кузнецк!

Позволю сравнение кто в Кузнецах куёт слово?

Под сенью Достоевского, под не закрывающимся оком памятника Маяковскому…

Несколько раз я брался за эти заметки. То по нисходящей, то по восходящей линии известности, беря личный тон или отстраняясь на дистанцию беспристрастной оценки. Но находясь как бы внутри ситуации, я не смогу быть объективным. Литература – вещь субъективное, дело вкуса. Обычно потребляется продукт оценённый по принципу, если это принято официально и подкреплено премиально. Тогда и я начну с Раевского, публикуемого в толстых журналах, отмеченного премией журнала «Наш современник». На презентацию последнего сборника стихов «Стеклянная лестница в небо» в апреле 2011 года набрался полный зал читателей в библиотеке имени Гоголя, что для нашего города явление редкое.

Ангел летел над морем,
над скалами, тёмным лесом,
Смертное видел горе
За дымовой завесой.

Спешка везде, засовы,
Злые повсюду лица.
Некому молвить слово.
Некуда приземлиться.

Стихи Раевского сюжетны, маленькие повести, которые разрослись до сказок. Например, «Сказка про белого бычка и невезучего мужичка», «Сказка про Степана-молчальника и большого начальника». Сатира, народность и вообще его творчество отмечено бытийной актуальностью и болью за судьбу простого человека! Пусть иногда он по житейски груб, но его стихам безоговорочно веришь.

Любовь Никонова, даже уйдя из жизни, мне кажется, надолго останется царицей новокузнецкой поэзии. Была редактором моего сборника стихов «Самоколесо». Лучшим редактором. Провела по полям волнистую черту и сказала: «Сейчас сам автор отвечает за свои слова!» В её стихах меня смущало обилие латинизмов: «Специальная кадка, Творец сокровищ неэлитных…» Но читая иное стихотворение, вдруг в душе возникал эмоциональный отклик помимо сознания, то что невозможно проанализировать. Когда за словами появляется нечто.

Мне нравились свиданья в дождь,
в весенний тёплый дождь.
Мне нравились свиданья в дождь,
в осенний зябкий дождь.

Но прекратился всякий дождь.
Идёт всё время снег.
А снег – ведь это тоже дождь.
Но только это снег.

Рифмы никакой: один дождь, в конце немного снега. Лишние слова: только, ведь, тоже, всякий. Но даже при шестикратном повторении слова дождь и наивном утверждении, что снег – тоже дождь, понимаешь – слова здесь не главное! Я считаю признак высшего мастерства – это когда слова-слова, но слова совсем не про это. А про то, что нельзя выразить словами. Стихотворение « Свидания в дождь» не про дождь не про снег!?

Для меня поэзия то, что невозможно перевести на прозу. Ну, нравится лирической героине свидания в дождь и снег, но здесь больше живописи-графики с преобладанием белого цвета! То есть минимум штрихов и максимум чистого фона!

Виктора Бокина считаю своим учителем. Придя на занятия литобъединения «Гренада», из молодых он выделил меня и пригласил с рукописью домой. Подробно, построчно, без обиняков разобрал стихи.

У него в квартире я познакомился с Колей Николаевским, с фотографом Николаем Бахаревым, с художником Сергеем Шутовым. Поколение шестидесятников-семидесятников на десять лет меня старше.

Недавно Виктор подарил мне свою вторую книгу стихов «Замерзающий звук», подписав: «Мученику от литературы Сергею Озерову с сочувствием». Я отшутился: Мученик – это понятно кто. А литература – это ты?»

В сборнике собраны стихотворения, наверное, за всю жизнь, начиная с 66 года, года основания литературного объединения «Гренада», которому он предложил такое романтичное имя. Начинал чтение с юношеских стихов, но меня постигло разочарование, поскольку зная автора, ожидал от него матроской бесцеремонности и придельной сермяжной правды. И наконец в зрелых стихах у него было то настоящее, чему нельзя не поверить: горькие родные переживания.

Наконец-то захлопнула дверца.
Обманули? – на то и поэт!
Это праздник разбитого сердца.
Это дальний – но всё-таки свет.

Лейтмотив позднего периода творчества поэта – боль:

Болтает поезд. Не укачивает.
И боль царит!.. не отпускает.
И жизнь меня в себе – утрачивает.
Бессильно руки разжимает.

И как итог немногословия и сдержанности, может быть, упрёк плодовитым многокнижковым авторам, подтверждение своего присутствия и выполненного дела:

Куда спешить. Незрелое – не плод.
И даже слово, не созрев, – не слово.
Но мы пришли. – Ведь был же наш приход!-
И пот пролился, и земля готова…

Николай Николаевский, журналист запсибовской газеты, погибший в мае 98-го, он вечнопресутствующий в поле новокузнецкой поэзии.

УТРЕННИЕ ПТИЦЫ

Лишь только дождь прошёл,
лес начал говорить.
Я слышу «щёлк» да «щёлк»,
Я слышу «фьють» да «фьють».
О чём они поют,
скрываясь где-то в листьях?
Как воздух пьют
и звук частят и чистят,
приветствуя восход, шалея в волнах света.
В них солнышко поёт –
я ощущаю это.
Секунда – вспышка дня!
И – зелени облавы.
И всё, что ждёт меня, –
светло и небывало.

Ещё памяну Сергея Шутова. Режиссёр театра поэтов «Пилигрим», активный участник поэтического клуба «Дилижанс»! «Недопоэт, недохудожник, – как о нем высказался ведущий журналист «Кузнецкого рабочего» Валерий Немиров, – но он почва, на которой возрастает культура.

Сколько зим и сколько лет
ты меня ждала в глуши.
Я теплом твоим согрет…
Ты дыши. Дыши. Дыши…

В восьмидесятых «Гренадой» руководила Татьяна Карманова, сейчас Николаева. Не руководила, а была ведущей. Гренады была не студией, а литературным объединением.

В молодости иногда баловавшись гитарой, я выбирал к какому сообществу прибиться. У бардов был эстрадный крен, а придя к литераторам, увидел что это собрание индивидуальностей, каждый вселенная и не похож ни на кого! Татьяна и сейчас продолжает свою ведущую миссию в литстудии «Мастер-круг».

У меня есть две книги подписанных автором: «На память о нашей неформальной молодости!» Когда автор ярче своего лирического героя, трудно судить о стихах. Татьяну я знаю как художницу, как «новую Цветаеву» с восьмидесятого «гренадовского» года. Даже предлагал товарищам по перу обращать внимание на её речь, пересыщенную метафорами.

Проскочу Москву. Как всегда,
прокурю в кулак, промолчу.
Пусть гудят вокруг провода –
всё равно её проскочу…

…Промолчать бы эту строку
да другую песню начать.
Пусть Иван висит на суку…
Только как о том промолчать?!

И ору в пространство: жива!
О колёса стыки стучат,
и стыкую в строки слова-слова
для внучат моих, для внучат.

Во второй половине восьмидесятых в «Гренаде» я выделял четверых: Угрюмов, Кащенко, конечно, себя и Фофанова. Сергей Фофанов игнорировал «Гренаду», говорил, что у вас там скучно и пропадал в мастерской Виталия Карманова. У Андрея Кащенко был опыт работы над текстами для рок-ансамбля. Угрюмов появился на занятиях как эпигон Есенина, внешне и стихами подражая знаменитому поэту. В последние годы советской власти у меня была притча или сентенция: какие пути у молодого творческого человека в Советском Союзе. Или спиться, или удавиться, или в психушку попасть. То есть, один лишь из четырёх сможет приспособиться. Фофанов самоубился, Кащенко перестал писать, отдав свои стихи и архив Гренады восьмидесятых мне, у меня была целая коробка от телевизора стихов. Угрюмов в 92 году в отделе культуры при городской администрации просил должность поэта-декламатора, но думаю, что это был акт игры или отчаяния. В 93 последовав его примеру я пошёл просить деньги на сборники стихов молодых поэтов и к своему счастью не попал к начальнику (тогда) отдела культуры, а меня завернули в только что образовавшийся отдел по работе с молодёжью. Где начальнице была Ирина Оболенцева, которая пригласила меня в кафе на встречу с творческой молодёжью города. На этой встрече после прочтения стихов я вручил свой самиздатовский сборник. И этот отдел выделил деньга на издание сборников.

Так появились у нас с Угрюмовым первые книжки. Через три года эти книжки помогли пройти творческий конкурс в литинститут! О чём за десять дней до отъезда в Москву сообщил мне собрат по перу. Но тогда я был преподавателем человековедения в сельской школе, да материальное обеспечение на

предстоящую зиму состояло из тридцати вёдер картошки и тыкв без счёта на семью из трёх человек. Подумав, что институт меня писать не научит, я просто не поехал. Угрюмов окончил институт, получил диплом, даже во время учёбы с единственной книжечкой стихов «Ино» стал членом Союза писателей России.

Надо процитировать, но у меня его стихи только из этой книжки.

В день сотворения моря
реки теряли волны,
месяц терял небо,
я находил берег.
Много пройдёт историй,
будет луна полной.
Волны хранят небыль,
в камень остыл берег.

В 2007 году я собирал материалы для вечера памяти Александра Головкова и Сергея Фофанова, но поддержки не получил. Потом материалы передал в музей Достоевского.

Вот стихотворение Сергея Фофанова:

ИСТОРИЯ

Их было двое на земле –
вон той – в венце из звёзд,
лежащей в прахе и золе,
отбросив в вечность хвост.

Любовь их грела и сожгла,
спасаясь лишь сама:
она в послушницы ушла,
а он сошёл с ума.

(1990)

Немножко официальной литературы или кому угодно – офисной. Председатель Южного отделения Кузбасса Союза писателей России, руководитель студии «Гренада» Анна Назаренко:

Я знаю, поезд мой ушёл.
А я на станции осталась.
Всё понимаю хорошо,
но вот со сказкой не расталась.
О небеса, душа моя
в смятеньи слёзы льёт по другу.
Но верю – круглая земля,
и поезда идут по кругу.

Я считаю, что пик расцвета поэзии – это персидско-таджикская литература. Почему в средние века произошло это? Да потому что при каждом правители была должность поэта. Тогда власть ценила значение поэта, конечно, неугодных тут же изгоняла. Но благодаря придворному «штатному расписанию» в мировой истории есть великие азиатские авторы!

Сергей Стрельников – бард, участник дуэта «Согра». Певец туристской романтики.

Я не люблю из дома уезжать,
но так люблю обратно возвращаться,
через неделю снова чтоб собраться-
трястись в машине, пыль дорог глотать.

Из ныне здравствующих Стрельников, наверное, самый многокнижный автор. Меня поражает, то, что он публикует, смотря по книгам, всё подряд, даже фиксируя даты написания стихотворений.

Немного водки на столе,
приглушен свет. Смирились звуки,
спрессованы десятки лет
всепоглощающей разлуки.

Закрыты плотно створки душ,
в ночной тиши им нет приюта.
Печальных глаз холодный душ,
из крана капают минуты…

Первое средство оживления слова – это сравнение. И если сравнивать стихи Стрельникова с изобразительным искусством, то это этюды, походные зарисовки. При всей работоспособности автора и многочисленности его трудов, но для настоящего художника – это подготовительный этап, который у автора явно затянулся, хотелось бы увидеть крупные вещи!

Шорская линия: Любовь Арбачакова:

У наших вершин в горах
одна сторона в снегах,
а на другой цветы.
Такая и в жизни ты.
На одной ладони – луга,
рдеющие цветами.
А на другой – снега,
тающие снегами.

Конечно восточно-азиатский лаконизм и визуальность близки. В шорцах сохранился природный дух, который позволяет понимать природу невербально, почти без логики!

На осеннем холодном закате
Сквозь туман на речной перекате
Мчится конь белогривый опять.
Он куда-то всё скачет и скачет,
Но не может никак доскакать…

Любовь – художница, наверное, её живописные работы выполнены в стиле наивного искусства.

О город
Многотысячного люда!
Вот только душу свою
Поведать и излечить –
Не с кем.

Нелегко человеку с природным потенциалом в городе и кроме творчества часто ищет таковой себе утешение в религиозных поисках:

Я готова поверить в Бога
И – зачитываться Библией:
Бальзамом
На душу мою легла
Весть
О вечной жизни…

Таяна Тудегешева уже срослась со строкой из своего стихотворения, как дочь Абинского народа.

Я – дочь, я – ветвь Абинского народа,
Наш род Аба, и нет древнее рода.

Аба – отец. В степи клубится пыль.
Склонил седую голову ковыль…

…Наш род угас, о, нет печальней рода,
Я, песня – плач Абинского народа.

При подготовке этого обзора я перечитал море книг местных авторов.

При чтении произведений Таяны я невольно ловил себя на ритмике Лермонтова. Если бы её национальное содержание да в азиатские классические формы стиха. Например, когда рифма в начале строки или когда окончание каждой второй строки повторяется, то это звучало бы органичней. Хотя, может быть, Таяна продолжатель байроно-лермонтовской традиции!? Впрочем, это – только мой взгляд…

Геннадий Кузнецов, патриарх, в 2013-м ему исполнилось 85 лет.

Рядился в розовые я одежды
и щедро сеял светлые надежды.
Иду я стар, тащу и хворь, и плешь.
А позади лишь вырубки надежд.

Его присутствие в новокузнецкой литературе хочется отметить за долголетие, за его критическую оценку творчества местных авторов.

Как-то на его авторском вечере я задал ему вопрос, как он работал цензором в советском печатном органе. Но он ушёл от ответа, только поворчал по-стариковски. Лично я в цензуре вижу положительный аспект, это отчасти было – сито качества и препон вульгарщине, пусть даже за счёт ущемления диапазона отражения действительности. Зато барьеры и плотины в советское время позволяли копить творческую энергию и рождать крупные вещи!

Вся в напряженьи тишина
в квартире слышится одна.
И мы друг другу не слышны
из-за кричащей тишины.

Прокопьевский след. Анастасию Русских (Куприк) впервые я увидел в Гоголевке как руководителя прокопьевской литературной студии. Поразила своей экзальтацией: преувеличенно оптимистическим настроением на фоне индустриально-кризисной сумеречности. Другие участницы группы в исполнении стихов подражали руководителю. Парни оставались со своими голосоми, каждый читал по своему.

По Новокузнецку ходит легенда, что в Прокопьевске существует школа чтецов, театральность – почти как у актёров МХАТа.

Анастасия в Новокузнецке стала явлением. Несколько лет назад переехала в наш город, работает в библиотеке, судя по стихам – живёт в общежитии.

Плитка, кровать и стены.
Дерюжины вместо шторок.
Взыграли мамины гены –
Вдруг, ни с чего, под сорок.

Взыграли – куда их денешь…
Проклятье, должно быть, рода.
Всё. Ни любви, ни денег
Не надо. Надо – Свободы…

Борьба за место под солнце, за творчество, но иногда надо отдышаться:

Погодите, лучшие времена,
Не сдавайтесь пока, соперницы.
Ну, останусь в мире совсем одна –
А перед кем выпендриваться?..

А вот лирическая героиня подводит предварительные итоги: *«Я нашла всё то, что искала./Я ушла из племени женщин…»*

Описывая жизнь (порой в неприглядном бытовом виде), писательница невольно оговаривается для неё о самом важном, что себя освобождала для языка, недаром мистически приобрела себе новую фамилию, даже по паспорту принадлежа к роду языка русских!

В дверь стучать при появленьи не приученным
(Чтоб себя потом не чувствовать задетыми):
У меня роман с Великим и Могучим, – и
Оч. прошу не застигать меня с советами.

Руслан Сидоров, для себя я его определил в первую тройку местных поэтов.

Стих должен быть конкретным и простым.
А впрочем, стих не должен никому…

Как-то в 98 году я читал свои стихи в библиотеке имени Гоголя, после выступления ко мне подошёл молодой человек, подарив самиздатовский сборник стихов «Не именуя». Сборник поразил меня диапазоном начитанности и филологической одарённостью и огорчил неотредактированностью. Я даже предложил его стихи в газету, но для моей газеты необходимо было событие как факт жизни города. В ноябре того же года меня попросили повторить свой творческий вечер для студентов пединститута днём. После которого я предложил сотрудникам библиотеки проводить такие же авторские вечера местных авторов и предложил молодых поэтов Евгения Богданова (потом ставшего лауреатом Юргинского фестиваля самодеятельной песни) и Руслана Сидорова.

Уговаривал Сидорова сделать одному авторский вечер, но он уверял меня, что в одиночку ещё не потянет. Поскромничав, он разделил своё выступление в начале 99-го года с библиотечным работником.

А потом лет десять спустя на крыльце библиотеки он благодарил меня, что создал ему нишу для публичных выступлений. Втайне я мечтал о своём поле деятельности, обдумывая концепцию поэтического клуба, как место публичных выступлений, тогда в девяностых это были собрание писателей для писателей, то есть почитушки для себя.

Вот строчки из первого его сборника:

«…Он собирает свой призыв
В опавших памяти листах.
Не удержав хмельной слезы,
Он составляет строфы так:

«Из нас собрали батальон,
Мне дали старый «ундервуд»,
Шинель без розовых погон –
Таких давно уже не шьют…»

Ольгу Комарова первый раз увидел студенткой. В 1997 году в молодёжном центре «Социум» на Пионерском-25, я пытался организовать литературную студию и клуб импровизации. Если клуб получился, то студия ограничилась одним занятием и на него пришли две Оли. Уже несколькими годами позже в кружке при пединституте знакомство продолжилось. Тогда своим творчеством выделялась Лена Рагузина. При обсуждении её стихов на семинаре молодых авторов в Доме творческих Союзов поэт Александр Раевский был готов сию минуту издавать книжку, но увы как говориться: писатель словно сапожник без сапог. На том семинаре обсуждались и творчество Ольги Комаровой. Было отмечено влияние «серебряного века», чего не скрывал и сам автор. Тогда я ей пожелал перемен в судьбе, если жизнь гладкая и спокойная, то можно так и остаться в книжности!

Крики, пар, дым и гарь…
Суета на перроне…
Я ж – сигнальный фонарь
на последнем вагоне…

Или:

И словно крадучись – тишайший снегопад;
пространство белой лапой стёрто…
Рука – крыло над грифом распростёрта;
перебирает струны невпопад…

Я вся – из быстротекущих минут, дней, лет…
Эхо набата сердечного гулко виски крошит,-
век мой – короткий – в сотне стихов прожит,-
и для меня уж ни места, ни времени нет…

Ольга с Михаилом Реутовым несколько лет уже ходят кандидатами в члены Союза писателей, но пока у них по одной книжке стихов, а надо как минимум две!?

А кто же из молодёжи наступает на пятки именитым? Молодые между собой в шутку называют Союз писателей союзом пенсионеров! Но так и нынешнее их поколение называло прежних…

Из учениц Любови Никоновой хочу выделить Викторию Можную и Елену Острых. С Викой у меня даже был совместный поэтический вечер «Поговорим о странностях любви». Я ей советовал переходить на прозу, потом она уехала на «Высшие литературные курсы» и осталась в столичных весях. У Лены Острых в стихах своя непохожесть:

Молью Луна изъедена,
Звёзды ухмыляются
Белыми кляксами.
Стихи – вакса.
Жизнь картонка,
перегибаешь – гнётся…

Из студии «Мастер-круг» я выделяю Викторию Трегубову, продолжательницу традиции Хармса. Любую её строчку можно безошибочно угадать по абсурдно-ироничной стилистике. Жаль, что она недавно уехала в Петербург. Столицы вытягивают из Кузбасса самых перспективных авторов.

Комедия окончена. И титры
Спускаются снежинками на город.
Полуслова кружатся в танце быстром
И тают, пав на голову, за ворот.
И в небе чёрном белыми стихами
Бесчисленные имена кружатся
Тех ангелов, что поиграли с нами
И плачут, и не могут напрощаться.

Из оставшихся ещё выделю Вадима Майданова. Апологет сложности. Его стихи порой похожи на ребусы, на которые нет ответов, но которые всё таки возможно решить!

Аисты-атеисты летят на юга,
психи-стихи солят снег, запасаясь на лето –
полные холодильники и берега,
мать-память не знает, что с этим богатством
ей делать.

Не забыл я и о фестивальном движении. Как-то услышал от организаторов для самодеятельных поэтов. Поэтические фестивали не прижились в Новокузнецке, а вот в Междуреченске и Прокопьевске проходят постоянно. Активные участники этих мероприятий: Елена Евсюкова, лауреат фестиваля в прокопьевском районе с женскими ироничными стихами о трудностях жизни:

Как тяжело молчать, когда нельзя признаться,
Как тяжело сказать, когда нельзя молчать!
Какой кошмар – терпеть, глупцом казаться,
Когда б хотелось – далеко послать.
Немыслимо – не отходить от нормы,
Страшней всего – всё начинать с нуля,
Шутом придворным – умничать притворно,
Быть проще, чем советских три рубля.

И Николай Скударнов, чуть-чуть не ставший призёром этого же фестиваля:

…Хороший надломлен довесок. **(угля С. О.)**
Курну, утаясь, невзатяг!
А утром медаль мне повесят,
Иль хуже: прочтут в новостях!.. **(о трагедии на шахте С. О.)**

Для моего уха самодеятельный поэт звучит непривычно. Принято среди литераторов различать: или поэт или графоман, то есть промежуточной стадии нет. Разве только молодой, подающий надежды или быстро прогрессирующий!

Я графомана определил как автора, который ритмикой выносится на поток слов с перечислением банальностей, иногда бреда, а поэзию, как искусство, в котором слово есть художественное средство! Недаром оно зовётся изящной словесностью!

А вдруг на Земле от человечества остались бы только выше приведённые тексты. И чтобы узнали о человечестве инопланетяне? Ангелы, дожди, обманутые поэты, птицы, море, поезда, вырубки надежд, общежития, край, где солят снег! Картина не всеобъемлющая, но узнаваема!

В Новокузнецке уже несколько лет в литературной среде непонятный для меня раздрай. Пару лет назад я предлагал созвать съезд новокузнецких писателей, чтобы перевести противостояние амбиций в соревнование текстов.

«Лучшее слово в идеальном порядке» –
Местный поэт подсказал.
Вроде живём на одной площадке,
Только отводим глаза.» **– цитирую строки из своего стихотворения.**

Повторяя слова Любови Никоновой: «…в мире жёстком и суровом мы связаны с тобою словом…», хотелось бы, чтобы литературная атмосфера прояснилась и поэты в нашей поэтической Кузне взялись за общее дело: кто железо разогревает, кто меха раздувает, а кто молотом бьёт! Если нас один город соединил, то надо быть заодно!

Сергей Озеров

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

14 октября в библиотеке «Диалог» прошла встреча поэта Дмитрия Мурзина с юными читателями. Поэт познакомил публику со своими стихами, рассказал о журнале «Огни Кузбасса». Получился живой диалог о пользе чтения, о классике и фэнтези. В аудитории оказались пишущие читатели, которые тоже прочли свои стихи.

14 октября члены редколлегии и авторы журнала «Огни Кузбасса» представляли 3 и 4 номера студентам 1 курса филологического факультета КемГУ. Библиотека университета организовала выставку посвященную журналу, а библиотекарь Г.В.Никитина познакомила студентов с историей журнала: от альманаха «Сталинский Кузбасс» до наших дней. В представлении приняли участие С. Донбай, В. Соколов, Д. Мурзин, А. Ярощук.

15–17 октября в городе Томске прошёл Международный фестиваль-конкурс детского и молодежного литературного творчества «Устами детей говорит мир». Участие в нём приняли дети и юношество в возрасте от 7 до 24 лет. Фестиваль собрал 311 участников из городов: Новосибирска, Барнаула, Северска, Колпашево, Кемерово, Стрежевого, Новокузнецка, Томска. А также представителей Украины, Казахстана, Вьетнама, Нигерии, Китая, Великобритании и Киргизии. От Кузбасса членами жюри были С. Донбай, Д. Мурзин (г. Кемерово) и А. Назаренко (г. Новокузнецк). Дипломами фестиваля были отмечены В. Иващенко (г. Новокузнецк), Ю. Климанов, А. Зайцева (г. Кемерово).

25 октября в Доме актёра прошёл юбилейный вечер писателя А. Ярощука.

29 октября в Доме литераторов Кузбасса прошло представление 4 книжки журнала «Огни Кузбасса». Владимир Соколов рассказал о прозе номера, свои стихи прочли поэты А. Соколов и А. Ибрагимов. О своих публицистических материалах поведали Шураев и А. Ярощук. Художник Сергей Тарханов представил вклейку журнала. Вечер вели главный редактор С. Донбай и ответственный секретарь Д. Мурзин.

1–2 ноября журнал «Огни Кузбасса» стал участником Красноярской книжной ярмарки. С ним можно было познакомиться наряду с журналом «День и ночь» и альманахом «Енисей» на стенде «Писатели Красноярья». Журнал представлял Д. Мурзин.

4 ноября в Новосибирске Дмитрий Мурзин читал свои стихи на площадке поэтического фестиваля «EXPERIENCES-2013. Герои».

14 конференция Ассоциации писателей Урала, Поволжья и Западной Сибири

5–6 ноября в городе Кирове прошла очередная 14 конференция Ассоциации писателей Урала, Поволжья и Западной Сибири. Помимо того, что на конференции обсуждаются насущные вопросы современного литературного процесса, традиционно в заключительный день работы конференции, а это всегда 6 ноября, вручаются премия имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, родившегося в этот день. Поэтому встречи писателей «кочуют» по разным сибирским и уральским городам, но время встречи остается неизменным. Такой порядок был заведен со времени появления Ассоциации ее создателем и многолетним бессменным руководителем писателем и поэтом Александром Керданом.

На этот раз темой конференции стало «Состояние современной литературы для детей и юношества в контексте современного литературного процесса в России». Мне посчастливилось побывать на конференции от Кузбасского отделения Союза писателей России. На встречу съехались представители писательских организаций со всех уголков России от Надыма до Москвы. Правда, не все они являлись детскими писателями, но многие рассказали о том, как складывается судьба детской литературы на местах. Отрадно, что на конференции присутствовал и выступал патриарх детской литературы Альберт Лиханов.

Особый интерес вызвали специально подготовленные к совещанию доклады Нины Ягодинцевой (Челябинск) «Взрослые мифы о детской литературе» и Лолы Звонаревой (Москва) «Вчера и сегодня в новейшей детской литературе России». Нина Ягодинцева предостерегла от соблазна увлечения развлекательностью в литературе для детей, подчеркнула значение нравственного начала в ней. Огромный поток детской литературы, который выбрасывается сейчас на прилавки книжных магазинов, по ее мнению, плохо выверен с точки зрения заявленных критериев и элементарного художественного качества. Если Нина Ягодинцева сделала так сказать культурологический срез детской литературы, то Лола Звонарева насытила свой доклад конкретикой: она выявила основные направления, представила наиболее яркие с ее точки зрения имена и произведения в современной детской литературе. Вот на последнем хочется остановиться подробнее. В прениях по докладам возник вопрос о том, чтобы по их материалам составить список наиболее рекомендуемых и достойных произведений для детей – как итог совещания. Этот список можно было бы вывесить на сайте «Российский писатель», представить в библиотеках. Ничего не навязывая, просто как один из «литературных топов», которые сейчас во множестве кочуют в СМИ. Но не безликих и анонимных, а подготовленных экспертным сообществом. Поскольку этот вопрос так и повис в воздухе, я все-таки решусь на основе доклада Лолы Звонаревой назвать несколько с ее точки зрения наиболее значимых имен в современной детской литературе. В направлении литературы для семейного чтения она выделяет произведения Марины Москвиной, С. Седова, Альберта Лиханова, в последних книгах которого ставятся острые и жесткие проблемы современности

(«Никто», «Мальчик, которому не больно», «Девочка, которой все равно»). Особо отмечены были произведения А. Жвалевского и Е. Пастернак «Я хочу в школу», «Время всегда хорошее», «Типа смотри короче».

Взошли новые имена и в области духовно-просветительской литературы для детей: Г. Юдин, Н. Алеева, А. Ефремов, С. Махотин. Особенно много в этой области сделал московский писатель Г. Юдин. Среди его произведений: «Птица Сирин и всадник на белом коне», «Муромское чудо», «Нечаянная радость» и другие.

Завершилась конференция торжественной церемонией вручения Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Вера Лаврина

8 октября в Кемеровской библиотеке им. В. Фёдорова прошло представление антологии «Молитвы русских поэтов. XX-XXI», вышедшей в Москве в издательстве «Вече» по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Поэты Борис Бурмистров и Сергей Донбай читали свои стихотворения, которые вошли в эту антологию, отвечали на вопросы слушателей и журналистов радио и телевидения. На встрече также выступила заведующая кафедрой литературы и фольклора КемГУ Эльмира Афанасьева.

9 октября поэты выступили на радио в авторской программе Э. Афанасьевой «Невыразимое». Теперь уже радиослушатели узнали об этом уникальном издании, авторский проект, составление и биографические статьи которого, принадлежат В. И. Калугину.

А 14 октября губернатор Кемеровской области Аман Гумирович Тулеев в своём кабинете в присутствии заместителей поздравил поэтов и вручил Б. Бурмистрову и С. Донбаю Благодарственные письма и премии за участие в антологии «Молитвы русских поэтов. XX–XXI».

10 ноября в пригороде Новокузнецка, в живописнейшем уголке нетронутой природы, где расположился Областной Детский оздоровительно-образовательный Центр «Сибирская сказка», прошла областная туристско-краеведческая конференция школьников старших классов «Живи, Кузнецкая земля!». Более ста учащихся области представили на конференцию свои доклады, заслушанные на двенадцати секциях. Руководили секциями известные учёные-краеведы области, среди которых два доктора наук и с полдюжины кандидатов. Секцию «Литературное краеведение» возглавлял кемеровский писатель-прозаик Виктор Арнаутов. Лучшие доклады были отмечены Грамотами и рекомендованы на общероссийскую конференцию по краеведению.

14 ноября на расширенном заседании студии «Притомье» член Союза писателей России кемеровский прозаик Александр Ярощук представил свою очередную новую книгу рассказов и повестей «Джокер вступает в игру и…»

В Большом зале Дома литераторов Кузбасса состоялась персональная выставка работ кемеровского графика Н. Кочкина, среди которых большое место занимают иллюстрации к книгам Толкиена «Властелин колец» и роману кузбасского писателя Владимира Переводчикова «Азея».

ВЕСТИ ИЗ НОВОКУЗНЕЦКА

Литераторами Новокузнецка в Новоильинском районе города заложена Аллея поэтов. Посажено 50 рябин. Шорских писателей представляла член СП России Т. В. Тудегешева. Одно дерево посажено в память замечательной кузбасской поэтессы Л. А. Никоновой, которая многие годы работала в Новоильинской гимназии № 32 и оставила добрую память о себе.

* * *

С октября 2013 года в Новокузнецком художественном музее каждую третью пятницу месяца проходят «Литературные беседы». Руководитель – член СП России Николай Ничик. На первых двух беседах слушатели знакомились с литературными событиями области, обсуждали недавно вышедшие новые книги известных кузбасских писателей Владимира Мазаева и Владимира Неунывахина. Литературные беседы вызывают интерес у новокузнечан: зал переполнен, много дискуссионных выступлений. Давайте порадуемся: наша литература востребована!

* * *

Член СП России поэт Александр Раевский принял участие в 11-м Покровском фестивале, посвященном народному артисту России В.С. Золотухину. Он состоялся на родине Валерия Сергеевича в селе Быстрый исток. За активное участие в мероприятиях А. Д. Раевский награжден Дипломом администрации Быстроистокского района.

Николай Ничик

ПУБЛИКАЦИИ:

В сборник «Дети Седина» (Москва, «ЭКСМО», 2013) вошли новокузнецкие прозаики

Н. Колесова (рассказ «Дом») и Н. Карпова (рассказ «Сия Света»).

Альманах «Охотничьи просторы» № 3 за 2013 год напечатал рассказ В. Неунывахина «Кожозеро».

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Наталья Колесова. Грани Обсидиана. Роман. Москва. Издательство «ЭКСМО», 2013. 352 с.

Библиография фантастики Кузбасса. Составитель **Н. Н. Калашников.** Новокузнецк, 2013. 112 с.

Алесандр Ярощук. Джокер вступает в игру и… Рассказы, шутки, эссе/ А. М. Ярощук. – Кемерово. ООО ПК «Офсет», 2013 – 284 с.

Люба Скорик. Для родных и близких. / Составитель Т. Чурсина – Кемерово. Издательство Инт. 2013 – 440 с.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Всерусский Соборъ» и **«Родная Ладога»** (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» и **«Новый енисейский литератор»** (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь», «Зеленая лампа» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Артём).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флэшки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru**

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Металлургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор ***А. О. Колесников***
Корректоры: ***Т. А. Левина***
Компьютерная верстка ***М. Л. Костомаровой***

Подписано к печати 26.11.2013. Формат 60×84 ⅛. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 9.
Цена свободная

Адрес изд-ва и типографии: ООО «Печатный двор Кузбасса». 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 67, тел. (3842)76-58-88.
E-mail: 89235111122@mail.ru